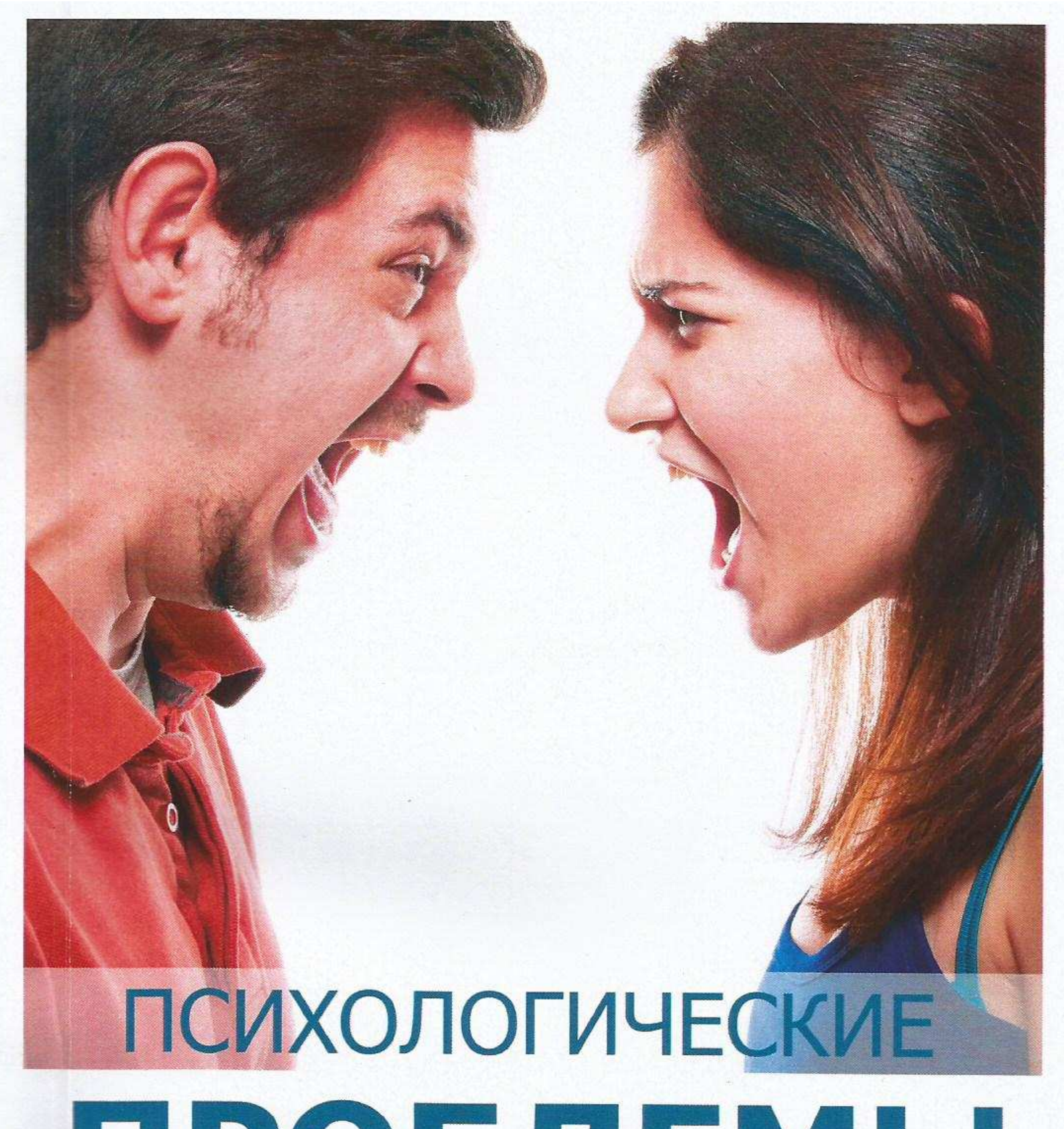

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

УДК 159.9.019.43+316.62
ББК 88.544.4я43
П 86

Рекомендовано редакционно-издательским советом Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Авторы:

И.А. Фурманов, Е.И. Медведская, В.Б. Пархомович, И.В. Аксючиц, А.А. Аладьин, А.В. Даниленко, Д.Я. Дмитриева, Н.В. Кухтова, Г.В. Лагонда, И.А. Погодин, Л.А. Цыбаева, С.Л. Ящук, В.В. Воловикова, И.В. Гулис, Е.А. Комарова, Ю.Л. Кузмицкая, Т.О. Кулинкович, Я.Е. Лебедева, А.В. Ракитская, В.Н. Семенов, А.Г. Басова, А.Е. Довнар, Е.В. Стахейко, И.М. Шакунова, М.В. Апанович, Ван Чжэньлань

Рецензенты:

кафедра психологии и педагогического мастерства
ГУО «Республиканский институт высшей школы»

заведующий кафедрой психологии и педагогики
УО «Академия МВД Республики Беларусь»,
доктор психологических наук, профессор
А.Н. Пастушеня

П 86 **Психологические** проблемы агрессии в социальных отношениях : монография / И.А. Фурманов [и др.] ; под науч. ред. И.А. Фурманова ; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, Белорус. гос. ун-т. – Брест : БрГУ, 2014. – 261 с.
ISBN 978-985-555-201-8.

В монографии представлены результаты исследований белорусских психологов, посвящённые проблемам проявления агрессии в различных видах социальных отношений: служебных, семейных, романтических и др.

Издание предназначено для специалистов-психологов, студентов и преподавателей вузов, а также для всех, кто интересуется вопросами предупреждения агрессии и насилия.

УДК 159.9.019.43+316.62
ББК 88.544.4я43

ISBN 978-985-555-201-8

© УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективной монографии «Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях» представлены результаты многолетней научно-исследовательской деятельности коллектива специалистов, в разные годы работавших под научным руководством доктора психологических наук профессора И.А. Фурманова – известного специалиста по проблеме агрессивного поведения.

В содержании монографии отражен широкий спектр вопросов, охватывающий наиболее существенные аспекты вынесенной на обсуждение проблемы, не только не теряющей своей актуальности, но и приобретающей все новые и новые нюансы, обусловленные научно-техническим прогрессом, социальными катаклизмами, появлением новых форм межличностных взаимоотношений и противоречий в них и многого другого, требующего изучения и осмысления.

Следует отметить удачное сочетание материала теоретического и практического характера, позволяющих, во-первых, создать представление о теоретических основаниях для понимания сути и глубины проблемы, а во-вторых, ознакомиться с результатами эмпирических исследований и практи-ческой работы в области агрессивного поведения и его проявлений в со-циальных взаимоотношениях. Начинаясь с анализа проблем детерминации агрессивного поведения, представляющих различные теоретические модели (аффективно-динамическую, когнитивную), продолжаясь в рассмотрении взаимосвязи эмоций, когниций и поведенческих реакций в ситуации провокации агрессии и особенностях мотивационных и когнитивных факторов у индивидов с различным уровнем проявления агрессивных реакций на фрустрацию, первая глава логично завершается представлением роли агрессии в структуре адаптивного процесса. Следует отметить современность и глубину представления вынесенных на обсуждение аспектов агрессивного поведения, позволяющих читателю разобраться в тонкостях и нюансах порождения и проявления этого многоаспектного психологического феномена.

На описанном теоретическом фундаменте выстраивается представление многогранных проявлений агрессии и нарушений поведения в социальных отношениях, обеспечивая связь теории с практикой. Здесь и приобретшая особую социальную значимость в последнее время проблема мотивации употребления наркотиков у наркоманов, агрессии в служебных отношениях, превенции социальных патологий, аттитюдов к проявлению насилия в социальных отношениях и других аспектов, помогающих расширить представления читателя и познакомить его с прикладными решениями.

Особый аспект проблемы представляет агрессия и насилие в семейных отношениях. Заинтересованный читатель получит уникальную возможность познакомиться со спецификой их проявления во внутрисемейных отношениях, динамическими характеристиками личности женщин с насильственными и ненасильственными супружескими отношениями, структурой насильственных установок в юношеских романтических отношениях, с последствиями семейного насилия, наконец, межкультурными различиями в тактиках родительско-детского

конфликта. Следует отметить и авторскую попытку предложения альтернативы конфронтационным взаимоотношениям в диалогическом взаимодействии, возможности и потенциал продуктивности которого только-только начали осознаваться.

Завершается монография представлением проблематики школьного насилия, долгое время находившейся вне фокуса внимания исследователей. Она затрагивает феномен дисциплинирования и социализации агрессивного поведения школьников, возрастные и половые различия, а также влияния сюжетов мультфильмов насильственного содержания на агрессивность. Игнорирование данной проблематики было обусловлено порочной практикой сокрытия негатива от общественного мнения из-за боязни того, что оно может повлиять на идеализированно позитивную картинку отечественной школы. На самом деле такого рода замалчивание имеет не позитивный, а негативный эффект, т.к. отсутствие необходимых научно обоснованных знаний приводит к усугублению проблемы агрессии в школе, в том числе и по причине отсутствия необходимых информационных ресурсов, позволяющих осуществлять продуманную профилактическую и коррекционную работу и педагогу-психологу, и учителю, и руководителю. Последнее является дополнительным основанием социальной и научной значимости предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии. Она поможет расширить горизонты видения и понимания агрессивного поведения и тем самым повысить вооруженность в противодействии ему со знанием и умением, являющимися гарантом успеха и «не наступания на очередные грабли».

В заключение хочется пожелать авторскому коллективу продолжения освещения этой злободневной темы, предъявляющей социуму все новые и новые аспекты агрессии во всем многообразии представленных сегодня ее форм и разновидностей, социально и эмоционально депривированного поведения, социализации в условиях неблагополучной и дистантной семьи и многого другого, последствия чего могут быть крайне деструктивными для социальных отношений.

Доктор психологических наук
профессор В.А. Янчук

ДЕТЕРМИНАЦИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

АФФЕКТИВНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Результаты анализа различных психологических теорий агрессивного поведения, эмпирические данные собственных исследований и их феноменологическое осмысление [1] позволили исследовать и интерпретировать этиологию агрессии и нарушений поведения с новых теоретических позиций: аффективно-динамического подхода. Ключевой категорией разработанной на основе этого подхода модели агрессии является понятие ***«поведение»***, которое мы определили как систему любых (идеальных или реальных) психомоторных актов (действий, поступков); как активность, возникающую при взаимодействии человека и среды и обеспечивающую прямое или непрямое удовлетворение потребности в процессе адаптации [2]. В этом случае к ***«нарушениям поведения»*** можно отнести действия человека, приводящие к затруднению биологической, психологической и социальной адаптации и сопровождающиеся намеренным причинением страдания или вреда самому себе, окружающим или обществу в целом.

Нашими исследованиями доказывается, что основу нарушений поведения составляет агрессия. ***Агрессия*** трактуется как модель поведения, обеспечивающая адаптацию человека, один из способов удовлетворения актуальных потребностей в кризисной ситуации развития и жизнедеятельности (депривации, фрустрации). Ее следует отличать от ***агрессивности*** как личностной черты, которую следует рассматривать как готовность, предрасположенность человека к реализации агрессивной модели поведения. Принципиальным различием между этими феноменами является то, что первый проявляется как релевантная реакция только на ситуацию провокации агрессии и исчезает после окончания действия стимула, а второй – как нерелевантная реакция агрессии вне зависимости от ситуации и может наблюдаться достаточно длительное время и обнаруживаться во враждебном, мстительном, завистливом, ревнивом отношении к объекту (стимулу).

Таким образом, отличительной особенностью разработанной модели стало рассмотрение агрессии и нарушений поведения как реакции на кризисную ситуацию, возникающую вследствие депривации или фрустрации актуальных потребностей (рисунок 1).

Точка зрения, что в основе человеческого поведения лежат потребности, не требует подтверждения. Наша позиция в данном случае совпадает с мнением К. Левина [3; 4] о том, что потребность отражает динамическое состояние (активность), которое возникает у человека при осуществлении какого-нибудь намерения, действия.

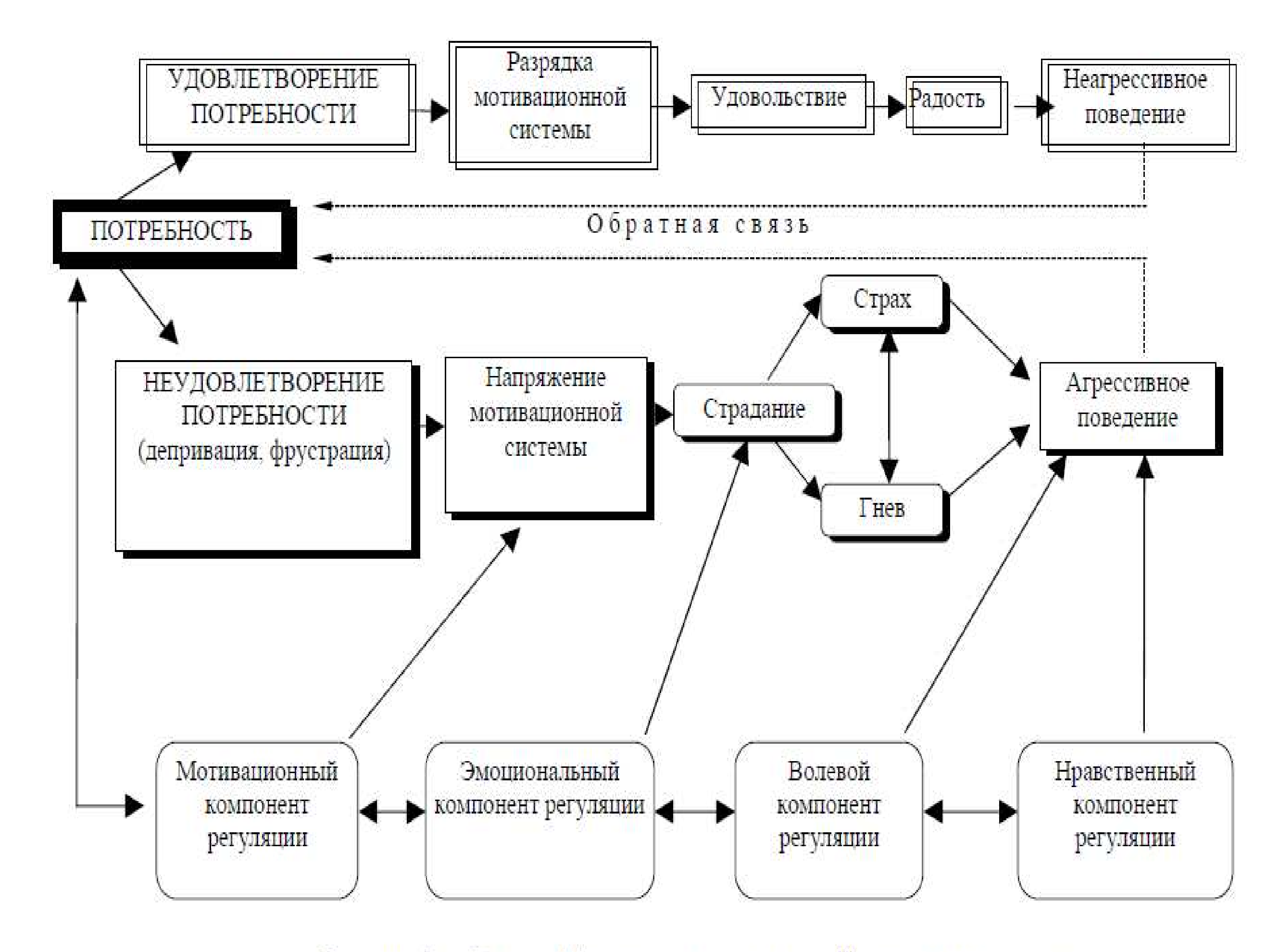

Рисунок 1 – Схема аффективно-динамической регуляции поведения

Потребность стремится к удовлетворению, состоящему в разрядке ее динамического напряжения, и последующему уравновешиванию. Таким образом, согласно К. Левину напряженная система будет разряжаться через действие, активность, продолжающуюся до тех пор, пока не будет достигнута цель действия (удовлетворение потребности). В противном случае, если напряженная система не может разрядиться, то уравновешивание достигается за счет выполнения замещающих действий.

Вместе с тем, несмотря на значительный вклад в разработку проблемы детерминации поведения, теория К. Левина имеет один существенный недостаток: в ней слабо отражена взаимосвязь между поведением и сознанием, динамичностью и аффективностью. Более того, он не придавал значения содержанию потребности, считая определяющим лишь ее динамический аспект: ее сильную или слабую напряженность, коммуникацию с другими потребностями. Поэтому К. Левин считал, что именно динамическое состояние, напряжение является одним из решающим детерминирующих факторов психической деятельности человека.

Попытку преодолеть недостатки теории К. Левина, а также изложить собственную точку зрения на проблему детерминации поведения в свое время предприняла Л.И. Божович [5]. Она также считала, что в основе человеческого поведения лежат потребности, которые непосредственно побуждают индивида к активности. Однако потребность никак нельзя отождествлять с наличием объективно существующей нужды. Нужда, не отраженная в соответствующем переживании, не становится побудителем поведения. Поэтому нами, также как и Л.И. Божович, под потребностью понимается отражаемая в форме переживания (а не обязательно осознания) нужда индивида в том, что необходимо для поддержания организма и развития его личности.

Итак, ***активность в основном направлена на поиск объектов удовлетворения потребностей.*** Направленность же поведения определяется системой доминирующих мотивов. Совокупность потребностей и мотивов образуют мотивационную систему, в которой следует различать два компонента: содержательный и динамический. Содержательный компонент мотивации указывает на состав актуальных потребностей, их структурную композицию. Он опосредованно определяет предполагаемую направленность поведения через поставленную цель или принятое решение. Динамический компонент выполняет собственно побудительную функцию.

В случаях, когда потребность удовлетворяется, меняется направленность поведения – поведение направляется на удовлетворение другой актуальной потребности [6]. В тех случаях, ***когда потребность не удовлетворяется, направленность мотивации сохраняется, но начинает расти ее напряженность.*** Существует оптимум мотивации, за пределами которого возникает эмоциональное поведение. Понятие оптимума мотивации связано

с адекватностью или неадекватностью реакций на ситуацию. Эта связь соответствует отношению между интенсивностью (напряженностью) мотивации и реальными возможностями субъекта в конкретной ситуации [7].

В наших исследованиях была обнаружена корреляция между высокими показателями напряженности мотивации, характеризующими «разрыв» между уровнем собственно побуждений и степенью удовлетворенности мотивов и различными проявлениями агрессии [1]. Особенно рельефно эта взаимосвязь проявляется у индивидов, находящихся в ситуации депривации и фрустрации, например пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС. Так, было установлено, что события, происшедшие после аварии на Чернобыльской АЭС, в первую очередь сказались на особенностях развития и социальной адаптации детей и явились катализатором многих негативных процессов в психической жизни ребенка. Сложившуюся ситуацию с полным основанием можно квалифицировать как кризисную. Переживание воздействия таких неблагоприятных факторов, как необходимость вынужденного проживания на загрязненной территории и состояния социально-психологической дезадаптации, связанного с ожиданием переселения в другие районы, привело к тому, что дети, находящиеся в ситуации пролонгированного стресса, вызванного депривацией психологически важных для нормального развития ребенка потребностей и фрустрацией привычных способов их удовлетворения, становились более агрессивными [8; 9].

Согласно П.В. Симонову [10] в результате отражения человеком какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения на основе врожденного и онтогенетического опыта появляются определенные эмоции. Следуя этой логике, первым условием появления устойчивой эмоции является удовлетворение или неудовлетворение потребности, которые и порождают эмоциональное состояние удовольствия или неудовольствия. С.Л. Рубинштейн [11] отмечал, что то или иное эмоциональное отношение к определенному предмету или лицу, представленное в сознании в виде непосредственного переживания, формируется на основе потребности по мере того, как осознается зависимость их удовлетворения от этого предмета или лица (в форме эмоциональных состояний удовольствия или неудовольствия, которые они доставляют индивиду). Кроме того, в силу многообразия потребностей один и тот же предмет или лицо могут приобретать для человека различное и даже противоположное – как положительное, так и отрицательное – эмоциональное значение.

Другим важным условием появления эмоциональной реакции, опосредованной ростом напряженности мотивационной системы, является оценка вероятности удовлетворения потребности. Если величина потребно-

сти нарастает, а оценка вероятности ее удовлетворения падает, то такое состояние переживается как негативное, сопровождающееся отрицательным эмоциональным фоном, и наоборот [12; 13]. В частности, исследования показывают, что предвидение возможного удовлетворения потребности может являться основным мотивационным условием поведения: человек ставит себе цели, которые, как он ожидает, приведут к вознаграждению, удовлетворению потребности [14]. Важные цели с высокой возможностью достижения (большая надежда) вызывают положительный аффект (радость, удовольствие); важные цели с низкой вероятностью достижения (слабая надежда) вызывают тревожность или депрессивность [15]. Таким образом, ***сила напряженности мотивации определяет валентность (знак) и модальность эмоционального фона поведения***.

Ситуацию, когда субъект сталкивается с «невозможностью реализации внутренних необходимостей своей жизни» [16], с проблемой потенциальной или актуальной угрозы удовлетворению основных потребностей, из которой он не может уйти или разрешить в короткое время и привычным способом, можно охарактеризовать как кризисную [17].

В свою очередь, Дж. Каплан [18] выделяет четыре последовательных стадии кризиса: 1) первичный рост напряжения, стимулирующий привычные способы решения проблемы; 2) дальнейший рост напряжения в условиях, когда эти способы оказываются безрезультатными; 3) еще большее увеличение напряжения, требующее мобилизации внешних и внутренних ресурсов; 4) если все попытки оказываются тщетными, то повышается тревожность и депрессивность, появляются чувства беспомощности и безнадежности, дезорганизация личности и поведения (агрессивность).

Здесь необходимо отметить: кризис может закончиться на любой из стадий, если угроза исчезает или обнаруживается какой-либо способ удовлетворения потребности. Возможны два варианта разрешения кризисной ситуации:

1) главным способом избавиться от травмирующего действия нарастающего напряжения является переориентация на другие объекты или способы удовлетворения потребностей (т.е. поиск замещающего объекта);

2) использование психологических защит: подавления, а также изоляции аффекта, вытеснения (особенно агрессивного компонента), замещения, отрицания [19].

В частности, нашими исследованиями установлено, что доминирующими психологическими защитами преступников-мужчин, находящихся в заключении, являются проекция, отрицание, интеллектуализация, замещение, вытеснение, регрессия.

Полученные данные согласуются с результатами исследований Н.В. Фурмановой [20], в которых отмечается, что в структуре психологи-

ческих защит дезадаптированной личности главенствующее положение занимают проекция, регрессия и замещение, а высокий уровень адаптации личности обеспечивается надежной умеренной положительной взаимосвязью с механизмом отрицания и достоверной отрицательной корреляционной связью с механизмами регрессии, замещения, проекции, интеллектуализации, реактивного образования, компенсации и подавления.

При этом следует сделать акцент на том, что в действии механизмов психологических защит главное место принадлежит ***переживанию***, которое представляет собой внутреннюю (психическую) работу и определяет характер и направленность действий, с помощью которых человеку удается перенести те или иные жизненные события, восстановить утраченное душевное равновесие, справиться с кризисной ситуацией [16]. Возникающая при кризисной ситуации напряженность, а также связанные с ней переживания могут оказывать влияние на появление (усиление) определенных личностных особенностей и моделей поведения.

В результате продолжительного воздействия чрезмерного уровня стимуляции (в нашем случае напряжения, связанного с переживанием необходимости удовлетворить потребность) возникает ***чувство страдания***. Страдание сообщает человеку о том, что ему плохо, и побуждает его предпринимать определенные действия с тем, чтобы устранить причину страдания или изменить свое отношение к объекту, служащему причиной этому [21] .

Э. Фромм отмечал, что факт страдания, независимо от того, осознан он или нет, вызывает динамическое стремление преодолеть страдание, т.е. стремление к переменам [22]. Таким образом, страдание как аффективный процесс может служить причиной или источником поведения, то есть «фактором, который поддерживает или прекращает возникающие формы поведения» [23]. Это происходит согласно гедонистическому принципу максимизации позитивной аффективности (удовольствия, радости) и минимизации негативной аффективности (страдания). В частности, в исследованиях В.Б. Пархомовича [24] показано, что состояние агрессивных подростков вне зависимости от пола характеризуется выраженными переживаниями эмоционального дискомфорта.

Можно указать на две основные причины возникновения страдания. Первая – это депривация, т.е. состояние, которое возникает при отсутствии предмета или возможности, необходимых для удовлетворения потребности. Другая – фрустрация – состояние, которое больше относится к последствиям, связанным с процессом удовлетворения потребности: когда на пути к объекту удовлетворения возникают различного рода преграды или препятствия. Здесь, вероятно, следует указать на ***дополнение мотивационного напряжения эмоциональным***.

Эмоциональное напряжение – это состояние, характеризующееся повышенным уровнем активации и соответствующим ему эмоциональным возбуждением, которые блокируются в экспрессивно-исполнительской фазе. Другими словами, эмоциональное напряжение возникает, как правило, в ситуациях, которые вызывают страх, но исключают бегство; вызывают гнев, но делают невозможным его выражение. Поэтому состояния депривации и фрустрации могут появиться лишь при условии достижения определенного уровня эмоционального возбуждения: интенсивности страдания. При этом в соответствии с «принципом удовольствия» страдание ведет как к возрастанию активности, увеличению интенсивности внешних реакций с целью удовлетворения потребности, так и к усилению внутренней активности, а именно к введению механизмов психологической защиты для уменьшения напряжения [12; 25]. И то, и другое может стимулироваться определенными эмоциями, сопровождающими либо реализацию потребности, либо ее сдерживание. В связи с этим различают стенические эмоции (приводящие к увеличению активности, к действию) и астенические (не побуждающие к действию). Анализ следствий испытываемого страдания показывает, что к первым можно причислить негодование, гнев, ярость. Ко вторым относятся уныние, упадок духа, одиночество, отверженность, обида, настороженность, тревожность и др.

В наших исследованиях было установлено, что при более высокой напряженности мотивации и сильном чувстве неудовлетворенности дети подросткового и юношеского возраста с высоким уровнем агрессивности имели более неблагоприятное фоновое эмоциональное состояние. Так, например, в сравнении с неагрессивными, состояние агрессивных детей отличалось преобладанием эмоциональных переживаний астенического типа, которое, во-первых, отражает склонность данной категории детей к гомеостатическому комфорту и эмоциональным предпочтениям гедонистического характера, а во-вторых, сопровождается повышенной раздражительностью и подозрительностью. Кроме того, агрессивных детей отличает более высокая внутренняя конфликтность, предрасположенность к аффективному поведению, депрессивность. Вместе с тем в состоянии фрустрации у детей с высокими показателями агрессивности преобладали эмоциональные переживания стенического типа. Этот тип эмоций, как правило, приводит к повышению общей активности, часто импульсивной и беспорядочной, направленной на преодоление препятствия. Этим подтверждается мнение о том, что агрессия является одним из наиболее часто встречаемых стенических проявлений фрустрации [1].

Проведенное корреляционное исследование позволило выявить вне зависимости от пола положительные взаимосвязи самозащитных экстрапунитивных реакций на фрустрацию с реактивной и проактивной

агрессией, в частности с властным компонентом проактивной агрессии. Самозащитные импунитивные и препятственно-доминантные импунитивные реакции имеют отрицательную взаимосвязь с реактивной агрессией. Вместе с тем были обнаружены и некоторые половые различия: препятственно-доминантные интропунитивные реакции на ситуацию фрустрации у мужчин положительно связаны с аффилиативным компонентом проактивной агрессии, а у женщин – отрицательно [26]. Установлено, что возникновение реактивной и проактивной агрессии определяется двумя основными факторами, а именно тем или иным социальным событием, провоцирующим поведение, и эмоциями, возникающими у агрессора [27].

Реактивная агрессия стимулируется некоторым кратковременным или относительно кратковременным фрустрирующим или аверсивным событием, возникающим перед агрессивным действием. Очевидно, что само по себе фрустрирующее событие может сопровождаться или не сопровождаться агрессивным поведением. Фрустрирующее событие приводит к реактивной агрессии только в случае, когда вызывает отрицательную эмоцию – гнев. Гнев является необходимым компонентом реактивной агрессии, хотя вызванный фрустрацией гнев не всегда приводит к нападению на кого-то или что-то. Таким образом, реактивная агрессия протекает по схеме: фрустрация, гнев и нападение.

Проактивную агрессию часто называют инструментальной агрессией, поскольку это поведение нацелено на достижение определенного результата, к которому стремится агрессивный человек. Агрессор, возможно, и не хочет намеренно травмировать свою жертву, но эти действия могут быть просто необходимы, чтобы чего-либо добиться от нее. Понятно, что вид травмированной жертвы не может вызывать никаких положительных эмоций. Тем не менее проактивная агрессия сопровождается получением положительных эмоций от причинения вреда жертве. Удовольствие или возбуждение, а не гнев становятся доминирующими эмоциональными состояниями в проактивной агрессии.

В случае проактивной агрессии субъект может получать удовольствие по двум причинам. Во-первых, реализация власти, возможность доминирования, оскорбления жертвы и вид покорной жертвы могут выступать как стимул для возникновения положительных эмоций у агрессора. Во-вторых, положительные эмоции могут возникать и тогда, когда агрессор оскорбляет или нападает на жертву не в одиночку, а с кем-то совместно. В этом случае важным становится ощущение единства с другими агрессорами в отношении впечатления о тех или иных отрицательных чертах жертвы. Такое согласие также увеличивает аффилиацию между членами группы. Поэтому положительные эмоции агрессора являются необходимым компонентом проактивного агрессивного поведения [28].

В исследованиях Д.Я. Дмитриевой [29; 30] было определено, что в повседневной обстановке эмоциональное состояние жен, подвергающихся психологическому насилию в супружеских отношениях, существенно более неблагополучное, чем женщин, не испытывающих психологической агрессии со стороны мужей. В частности, они значительно меньше испытывают радость и более интенсивно переживают горе и презрение, а также гнев, отвращение и страх. Все это в комплексе делает их более тревожными, депрессивными, враждебными и менее счастливыми.

Еще более негативным становится эмоциональное состояние женщин, подвергающихся психологическому насилию, когда они находятся рядом с мужем (агрессором). На фоне значительного снижения переживания радости и удивления они более интенсивно испытывают эмоции волнения, горя, гнева, отвращения, презрения, страха и вины. Значительно сильнее эти женщины подвержены тревожности, депрессивности и враждебности. Это позволяет выдвинуть предположение, что, выражая явное неудовольствие сложившейся ситуацией, женщины оценивают супружеские отношения как достаточно опасные, что мотивирует их к действиям явно агрессивного характера, а именно к стремлению избавиться от объекта, вызывающего негативные эмоции.

Исходя из вышеизложенного, в качестве одной из базовых эмоциональных реакций на страдание можно рассматривать ***эмоцию гнева***. С точки зрения филогенеза гнев имел важное значение для выживания человека, поскольку способствовал мобилизации энергии индивида и делал его готовым к активной самозащите [15]. Согласно теории С. Томкинса [21] страдание является врожденным возбудителем гнева. С его точки зрения, это происходит благодаря тому, что внешнее воздействие или травматические переживания, вызывающие непрерывное страдание, могут понизить порог гнева. Идея такова: поскольку страдание вызывается умеренно высокой и постоянной нейронной активацией, длительное страдание может привести к переходу плотности нейронных зарядов через порог гнева. При этом чем сильнее гнев, тем более сильным и энергичным чувствует себя индивид и тем больше его готовность к физическим действиям. А. Бандура [31] трактует гнев как один из основных компонентов общего возбуждения, которое способствует возникновению агрессии.

Другой базовой эмоциональной реакцией на страдание является ***страх***. В данном случае страх может возникать как реакция опасения, что потребность не будет удовлетворена из-за отсутствия объекта удовлетворения или невозможности устранения препятствия к достижению цели и страдание будет продолжаться. Как отмечает К. Изард [15], при страхе сочетаются высокое напряжение, импульсивность и активность. На поведенческом уровне чрезмерная напряженность может приводить к затор-

моженности действий, вплоть до «застывания тела», т.е. двигательного ступора (астенический страх). Высокое возбуждение (импульсивность и активность), напротив, могут вести к неадекватному поведению в форме панических или разрушительных неэффективных реакций (стенический страх). Однако общим для людей, переживающих страх, является ощущение сильного желания убежать или спрятаться. Поэтому страх главным образом способствует одному типу поведения – поведению избегания, «бегства» из ситуации [15]. В этом случае использование психологических защит как раз и является «уходом» от травмирующих переживаний страдания. Вместе с тем возможен и другой исход, когда реакция ухода из ситуации сопровождается агрессивностью [7] или реакциями удаления объекта, вызывающего страх, путем его разрушения [32].

Взаимовлияние страха и гнева может непосредственно сказываться на характере поведения. В частности, согласно данным Р. Плучика, Х. Келлермана, Х. Конте [33], указанным эмоциям соответствуют разные прототипические адаптивные комплексы: страху – защита, протекция (избегание угрозы или вреда за счет увеличения расстояния между организмом и источником опасности, бегство), гневу – разрушение (устранение препятствия на пути удовлетворения потребности).

В связи с этим мы полагаем, что *при значительном доминировании страха* преобладает механизм подавления, направленный на исключение из сознания мыслей или переживаний, вызванных негативными эмоциями. Это приводит к формированию ***подавлено-агрессивного типа поведения***. В этом случае чаще всего наблюдаются реакции пассивного негативизма, проявляющиеся, например, в сопротивлении типа саботажа или аффективной, неконтролируемой агрессии.

В случае *относительного паритета страха и гнева* может действовать механизм смещения (замещения) – разрядки накопившихся эмоций на предметы, животных или людей, воспринимаемых как менее опасных для индивида, вместо выражения эмоций на истинные объекты, вызывающие негативные эмоции. В результате формируется ***пассивно-агрессивный тип поведения***. В этом случае чаще всего наблюдаются реакции активного негативизма (открытое неповиновение, игнорирование), косвенной агрессии (например, делание мелких гадостей, порча имущества, вандализм и пр.), скрытой вербальной агрессии (распространение сплетен, слухов, оговоры, написание доносов и кляуз).

Когда *гнев является доминирующей эмоцией,* может действовать механизм проекции и регрессии. Могут наблюдаться открытые агрессивные реакции, что соответствует ***активно-агрессивному типу поведения***. В этом случае чаще всего наблюдаются реакции открытой вербальной агрессии (брань, ругань, угрозы, проклятия) и физической агрессии. На-

пример, в результате проведенного корреляционного исследования было установлено, что существуют умеренные, значимые взаимосвязи высоких показателей агрессивности с такими психологическими механизмами защиты, как замещение, проекция, регрессия, вытеснение. При этом наиболее сильными положительными корреляциями физическая агрессия связана с замещением, подавлением и регрессией, вербальная агрессия – с замещением, регрессией и интеллектуализацией, косвенная агрессия – с замещением, регрессией, компенсацией и отрицательно – с механизмом отрицания.

В других исследованиях было установлено влияние эмоций гнева и страха на стратегии поведения в ситуации провокации агрессии [34]. Так, переживание эмоции гнева в ситуации провокации влияет на проявление таких стратегий поведения, как активная агрессивность, ассертивность и подавленная агрессивность, что подтверждается умеренными положительными корреляциями гнева с первыми двумя стратегиями и отрицательной связью – с третьей стратегией. Переживание эмоции страха влияет на проявление таких стратегий поведения, как пассивная агрессивность, бегство/уход и подавленная агрессивность, что и подтверждается положительными корреляционными связями. Одновременное переживание эмоций гнева и страха влияет на проявление пассивной агрессивности.

Вместе с тем следует отметить, что вид и форма выражения агрессии во многом будет зависеть от предвосхищения последствий агрессивных действий. Агрессия будет тормозиться или трансформироваться, если появляется страх, стимулированный предвидением наказания или возмездия [35]. В частности, в исследованиях было установлено, что положительные и отрицательные ожидания последствий проявления агрессии являются фактором, сдерживающим агрессивное поведение или способствующим его реализации [36].

Взаимодействие в триаде ***«страдание – страх – гнев»*** может быть как адаптивным, так и дезадаптивным. Его позитивными последствиями могут стать действия, направленные на преодоление препятствий к удовлетворению потребностей, направленные на то, чтобы не допустить кризисной ситуации в будущем. Дезадаптивность имеет место тогда, когда гнев, возникающий при переживании сильного страдания при повторяющихся попытках обрести утраченный объект удовлетворения потребностей или устранить преграду на пути к нему, ведет к разрушительной агрессии. Вместе с тем следует отметить, что взаимодействие эмоций – сложное явление. Оно может дезорганизовывать те действия, которые привели к возникновению кризисной ситуации или негативного эмоционального состояния, но зато организовывать действия, направленные на уменьшение или устранение неприемлемых воздействий. Таким образом, взаимодействие эмоций содержит в себе элементы как дезорганизации, так и организации поведения.

Например, в наших исследованиях [1; 2] было выявлено, что такому паттерну реагирования, как подавлено-агрессивный тип поведения, соответствует социальная адаптация по типу *пассивного приспособления*, проявляющаяся в зависимо-послушном (сверхкомформность, потребность в помощи и доверии со стороны окружающих, неуверенность в себе, неустойчивая самооценка, подавленная эгоистичность и агрессивность) или покорно-застенчивом (отличающемся скромностью, повышенным чувством вины, склонностью к самоуничижению) стилях межличностных отношений.

Пассивно-агрессивному типу поведения соответствует стратегия *адаптивного самоограничения*, которая в зависимости от валентности объекта взаимодействия реализуется в сотрудничающе-конвенциональном (компромиссное поведение, стремление к сотрудничеству, поиск признания у авторитетных людей, компенсация вытесненных эгоцентричности и агрессивности за счет повышенного дружелюбия), недоверчиво-скептическом (обидчивость, склонность к критицизму, недовольству окружающими, подозрительность, скрытая враждебность) или ответственно-великодушном (выраженная готовность помогать и сочувствовать окружающим, гибкая ролевая «палитра», коммуникабельность, возможно, опосредованными влияниями подавленной или вытесненной враждебности) стилях межличностных отношений.

При активно-агрессивном типе поведения преимущественно преобладают процессы *активного приспособления* и используются прямолинейно-агрессивный (спонтанность, упорство в достижении цели, практицизм, чувство враждебности при противодействии к критике в свой адрес, недружелюбие, несдержанность, вспыльчивость), властно-лидирующий (тенденция к доминированию, повышенный уровень притязаний, нетерпение к критике, ориентация в основном на собственное мнение, переоценка собственных возможностей) или независимо-доминирующий (самодовольство, нарциссизм, выраженное чувство собственного превосходства, неадекватно завышенный уровень притязаний, выраженное чувство соперничества) стили взаимоотношений с окружающими.

Схожие данные были получены в исследованиях И.А. Погодина, изучившего проявления агрессии в процессе адаптации к условиям относительной социальной изоляции [37]. В частности, было определено, что начальный период адаптации характеризуется понижением показателей физической и вербальной агрессии, а также повышением косвенной агрессии, негативизма, обиды, подозрительности и чувства вины. Для периода дальнейшей адаптации характерны повышение показателей физической и вербальной агрессии в поведении успешно адаптирующихся индивидов и увеличение интенсивности раздражения, чувства вины, негативизма и обиды в поведении дезадаптированных индивидов.

Таким образом, данные, полученные в других исследованиях, позволили разработать в окончательном виде схему влияния переживаемых в кризисной ситуации эмоций страха и гнева на агрессивные паттерны поведения (рисунок 2).

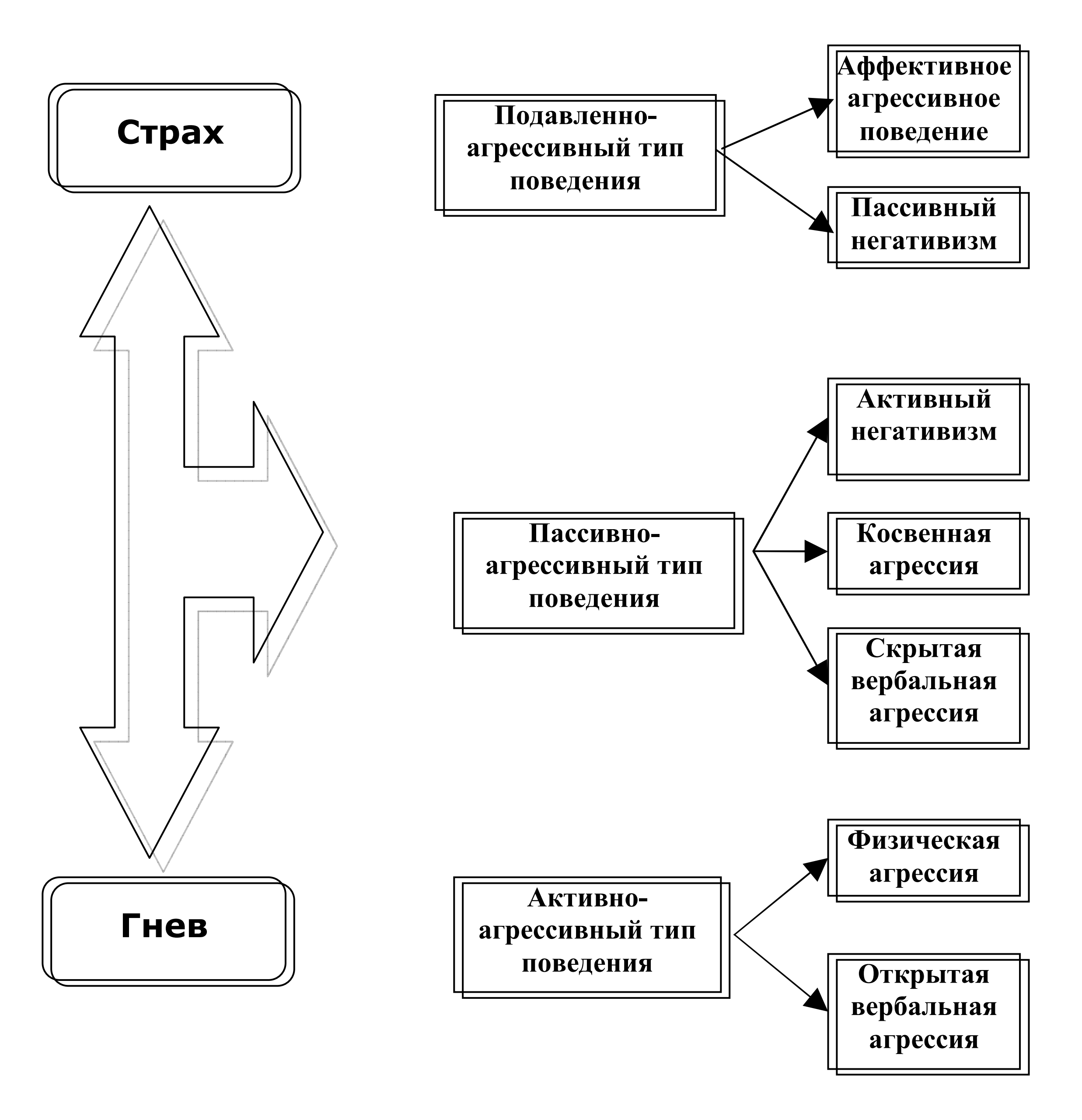

Рисунок 2 – Схема влияния эмоций страха и гнева на агрессивные паттерны поведения

В заключение следует отметить, что основные идеи разработанной аффективно-динамической модели успешно реализуются в многочисленных исследованиях агрессии и нарушений поведения в социальных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурманов, И.А. Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста / И.А. Фурманов. – Минск : НИО, 1997. – 198 с.

2. Фурманов, И.А. Психология детей с нарушениями поведения / И.А. Фурманов : пособие для психологов и педагогов.– М. : ВЛАДОС, 2004. – 351 с.

3. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб. : Речь, 2000. – 368 с.

4. Левин, К. Намерение, воля, потребность / К. Левин // Динамическая психология: Избр. тр.– М. : Смысл, 2001.– С. 122–164.

5. Божович, Л.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка / Л.И. Божович // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонадежиной. – М. : Педагогика, 1972. – С. 41.

6. Неймарк, М.С. Направленность личности и аффект неадекватности у подростков / М.С. Неймарк // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонадежиной. – М. : Педагогика, 1972. – С. 118.

7. Фресс, П. Экспериментальная психология / П. Фресс, Ж. Пиаже. – Вып. 5. – М. : Прогресс, 1975. – С. 140.

8. Фурманов, И.А. Психодиагностика и коррекция поведенческих нарушений учащихся из различных регионов проживания / И.А. Фурманов // Чернобыльская катастрофа. Прогноз, профилактика, лечение и медико-психологическая реабилитация пострадавших : сб. материалов IV Междунар. конф. – Минск, 1995. – С. 378–380.

9. Фурманов, И.А. Психологический анализ нарушений поведения учащихся из различных регионов проживания / И.А. Фурманов // Социально-психологическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС : сб. науч. тр. – Вып. 2. – Минск, 1995. – С. 29–37.

10. Симонов, П.В. Потребностно-информационная теория эмоций / П.В. Симонов // Вопр. психологии. – 1982. – № 6. – С. 44–56.

11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М. : Учпедгиз. – 1940. – С. 385–396.

12. Райкрофт, Ч. Критический словарь психоанализа / Ч. Райкрофт. – СПб. : Восточ.-Европ. Ин-т Психоанализа, 1995. – С. 56.

13. Haber, R.N. Discrepancy from adaptation level as source of affect / R.N. Haber // J. of Experimental Psychology. – 1958. – Vol. 56. – P. 17–19.

14. Deci, E. Intrinsic motivation / E. Deci. – N.Y. : Plenum Press, 1975. – P. 123.

15. Изард, К. Эмоции человека / К. Изард. – М. : МГУ, 1980. – С. 252–334.

16. Василюк, Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф.Е. Василюк. – М. : МГУ, 1984. – С. 31.

17. Personality. Dynamic, development, and assessment / I.L. Janes [et al.] – N.Y. : Harcourt, Brace & World, 1969. – 895 p.

18. Caplan, G. Emotional crises / G. Caplan // The encyclopedia of mental health. – N.Y. – 1963. – Vol. 2. – P. 521–532.

19. Peretz, D. Reaction to loss // Loss and grief: Psychological management in medical practice / D. Peretz // B. Schoenberg [et al.] (Eds.). – N.Y. : Columbia University Press, 1970. – P. 54–78.

20. Фурманова, Н.В. Психологические характеристики адаптивной личности в период перехода к ранней взрослости : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01 / Н.В. Фурманова ; Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2008. – 18 с.

21. Tomkins, S.S. Affect, imagery, consciousness / S.S. Tomkins // The negative affects. – N.Y. : Springer, 1963. – Vol. 2. – P. 15–41.

22. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. – М. : Республика, 1992. – С. 13–108.

23. Young, P.T. The role of hedonic processes in motivation / P.T. Young // Jones M. (ed.). Nebr. Symp. On Motivation. – Lincoln : Univ. Of Nebraska Press, 1955. – P. 194.

24. Пархомович, В.Б. Психосоциальная адаптация подростков с различной степенью агрессивности : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.05 / В.Б. Пархомович ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 23 с.

25. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. – М. : Прогресс, 1979. – С. 42.

26. Красовская, Я.Е. Зависимость реакций на ситуацию фрустрации от мотивации достижения/избегания и целевой направленности агрессии / Я.Е. Красовская // Диплом. работа : науч. рук. И.А. Фурманов. – Минск : БГУ, 2008. – 43 с. (Не опубликована).

27. Roland, E. Aggression and Bullying / E. Roland, T. Idsoe // Aggressive Behavior. – 2001. – № 27. – P. 446–462.

28. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

29. Фурманов, И.А. Гендерные различия в эмоциональных переживаниях супружеских отношений в семьях с различной степенью психологического насилия / И.А. Фурманов, Д.Я. Дмитриева // Философия и социальные науки. – 2007. – № 3. – С. 69–74.

30. Дмитриева, Д.Я. Динамические характеристики личности белорусских и латвийских женщин, подвергающихся психологическому насилию в супружеских отношениях : автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / Д.Я. Дмитриева ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 24 с.

31. Bandura, A. Aggression: A social learning analysis / A. Bandura. – Englewood Cliffs, N.J. : Prentice–Hall. – 1973. – 390 p.

32. Janet, P. Fear of action as an essential element in the sentiment of melancholia / P. Janet // Feelings and emotions. M.L. Reymert (Ed.). – Worcester, 1928. – P. 297–309.

33. Plutchik, R. A structural theory of ego defenses and emotions / R. Plutchik, H. Kellerman, H. Conte // Emotions in personality and psychopathology / E. Izard (Ed.). – N.Y. : Plenum Press, 1979. – P. 229–257.

34. Воловикова, В.В. Способы разрешения ситуации фрустрации в зависимости от вида репрезентации агрессии / В.В. Воловикова // Дипломная работа : науч. рук. И.А.Фурманов. – Минск : БГУ, 2008. – 58 с. (Не опубликована).

35. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен.– М. : Педагогика, 1986. – Т. 1. – С. 365–405.

36. Гулис, И.В. Ожидание последствий проявления агрессии в служебных отношениях / И.В. Гулис // Психол. журн. – 2010. – № 1(25). – С. 69–74.

37. Погодин, И.А. Динамика психологических характеристик личности в процессе адаптации в условиях относительной социальной изоляции : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01 / И.А. Погодин ; НИО. – Минск, 2002. – 21 с.

Affective-dynamic model of aggressive behavior

Fundamenal points and conceptual bases of the affective-dynamic approach of human aggression and behavior disorder are stated. Short description of model of aggressive behavior as reaction to the crisis situation arising owing to deprivation or frustration of actual needs is given.
Keywords: behavior, aggression, behavior disorder, motivational and emotional pressure, anger, fear, type of aggressive behavior, adjustment.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИЙ, КОГНИЦИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ В СИТУАЦИИ ПРОВОКАЦИИ АГРЕССИИ

Агрессия в социальных отношениях является одной из форм социального поведения и представляет собой сложный феномен, объяснить который весьма затруднительно с позиции классического бихевиористского подхода. Поведение человека в социальных отношениях всегда обусловлено взаимодействием и взаимовлиянием множества факторов. Изучение феномена агрессивного поведения является одной из наиболее сложных областей социальной психологии. Сложность заключается как в многоаспектности феномена, так и в весьма ограниченных возможностях изучения агрессии в естественных условиях. Несмотря на то, что агрессия подвергается неодобрению, осуждению, имеет негативные последствия для всех участников взаимодействия, включая и самого агрессора, вплоть до исключения из социальных групп и отношений, проявлений различных форм агрессивного поведения меньше не становится.

Ограниченные возможности непосредственного изучения агрессивного поведения в социальных отношениях привели к тому, что для определения особенностей реагирования используются различные косвенные способы, которые условно можно разделить на две группы: лабораторные исследования и самоотчеты и опросы, направленные на анализ собственного поведения в ситуации провокации агрессии.

Начало лабораторных исследований агрессии положили работы А. Басса и Л. Берковица, которые независимо друг от друга в 1960-х годах провели серию лабораторных исследований. Во многом такой активности поспособствовали исследования Д. Долларда и соавторов [15], которые длительное время были одними из главных по теме агрессии. На врожденный характер и эволюционную значимость агрессивного поведения обратили внимания этологи (К. Лоренц, Н. Тинберген) [8; 9]. Внимание к самоотчетам, субъективному переживанию опыта явилось результатом развития психодинамической методологии, описавшей свое видение природы человеческой агрессивности и мотивации к агрессии.

В эпоху популярности концепции «фрустрации-агрессии» Д. Долларда и соавторов агрессивное поведение рассматривалось в тесной связи с

ситуацией фрустрации, т.к. считалось, что фрустрация обязательно влечет за собой агрессию, а агрессия является следствием фрустрации. Однако, с уточнением данной теории и доказательством того, что фрустрация не обязательно приводит к агрессии, а агрессия не обязательно является следствием фрустрации [1], возник вопрос о том, в чем заключаются различия ситуации, способствующей агрессивной реакции, от ситуации фрустрации, какие особенности ситуации будут не просто фрустрировать человека, но и провоцировать агрессию.

Агрессивным поведением традиционно принято называть «любую форму поведения, нацеленную на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [2]. Согласно аффективно-динамическому подходу, которого мы придерживаемся, агрессия является не только формой деструктивного поведения, но и моделью поведения, которое обеспечивает адаптацию человека к меняющимся условиям жизни и служит способом удовлетворения актуальной потребности в кризисной ситуации [13]. Таким образом, агрессия возникает как реакция на ситуацию, воспринимаемую как угроза удовлетворению актуальной потребности. В этом случае остается открытым вопрос, почему человек выбирает именно агрессию как способ реагирования, какими характеристиками обладает социальная ситуация, провоцирующая агрессивное поведение, чем она отличается от других ситуаций, вызывающих иные адаптивные реакции. Далее ситуации, требующие от человека необходимости адаптации к ним, осуществления морального выбора, выбора способа реагирования, мы будем называть *ситуациями провокации.* В повседневной жизни, семье, производственных отношениях, межличностном общении, на дорогах люди сталкиваются с ситуациями провокации агрессии и по-разному на них реагируют.

Само по себе понятие ситуации провокации является новым и встречается в редких работах западных исследований, зачастую без описания феноменологии понятия [16]. Чаще в литературе можно встретить следующие понятия, которые нередко используются как синонимы: стрессовая ситуация, ситуация фрустрации, эмоциогенная ситуация, ситуация-триггер, кризисная ситуация.

На наш взгляд, наиболее общим является понятие стрессовой ситуации, под которой понимается некоторое связанное с напряжением событие, которое также называют стрессором [6]. Различают микрострессоры (повседневные перегрузки), макрострессоры (травматические события, критические жизненные события) и хронические стрессоры (хронические перегрузки). К ситуации фрустрации ближе понятие повседневных стрессоров, которые некоторые авторы и рассматривают как фрустрирующие или депривирующие, оскорбительные или угрожающие события повседневной жизни [6; 9].

А. Налчаджян выделил два уровня фрустраторов: непосредственные фрустраторы и фоновые фрустраторы, или факторы риска, – это социально-экономические, политические условия жизни общества, на фоне которых происходят события жизни конкретного человека. Неблагоприятные условия жизни, кризис могут негативно влиять на человека, создавая общий неблагоприятный эмоциональный фон, снижая порог чувствительности к неприятным событиям и повышая вероятность агрессивного ответа на конкретные ситуации провокации.

Кризисной называют ситуацию, возникающую вследствие депривации или фрустрации актуальных потребностей [13]. Согласно Дж. Каплану, кризис развивается поэтапно, хотя и может прекратиться на любой стадии при изменении ситуации и появлении возможности удовлетворения потребности.

Ситуация провокации агрессии зачастую рассматривается как одно из проявлений ситуации фрустрации, т.к. в обоих случаях речь идет о ситуации, препятствующей осуществлению целенаправленной деятельности или удовлетворению потребностей личности. А. Берковиц, наоборот, рассматривал фрустрацию как одну из причин, которая может выступить в роли провокации агрессии, подчеркивая, что ключевым фактором является именно неудовольствие, вызванное фрустрацией, а не фрустрация сама по себе. Автор ввел понятие «*негативный аффект*» как звено между фрустрацией и агрессией. Л. Берковиц утверждает, что агрессию продуцирует не стресс, не фрустрация сама по себе, но негативный аффект, т.е. переживаемое неудовольствие, интенсивность и характер которого и определяют, каким будет поведение [1].

Под *ситуацией провокации агрессии* понимается ситуация, которая интерпретируется как атака, угроза личной безопасности, материальным и нематериальным ценностям, несправедливость. В качестве провокации могут выступать оскорбления, вторжение в личное пространство, чье-то желание вмешаться в происходящее, подстрекательство, неприятные комментарии, пренебрежение и иные проявления вербальной и физической агрессии [9; 12; 14; 16].

Некоторые современные исследователи утверждают, что при определенных обстоятельствах провокационной может считаться относительно нейтральная ситуация при наличии возможностей для двусмысленного истолкования происходящего. Такая ситуация получила название *ситуации-триггера*. Авторы подчеркивают значимость анализа контекста, в котором происходит то или иное событие, выделяя, помимо ситуации-провокации, ситуацию-триггер. Под триггером понимается событие, оцениваемое как неприятное, фрустрирующее, следующее за ситуацией провокации, вызывающее нарастание агрессии и непосредственно агрессивное поведение (от вербальной агрессии до насилия), но обладающее меньшей значимостью и

силой, чем ситуация провокации. Важной характеристикой ситуации-триггера является двусмысленность, создающая возможность для искажения атрибуций и оценки происходящего как умышленного, спровоцированного. Примечательно то, что ситуация-триггер оценивается субъектом как провокация по аналогии с первой ситуацией-провокацией [14; 18].

Главной особенностью восприятия ситуации-триггера является то, что агрессивная реакция на триггер по своей силе значительно превосходит реакцию на такое же событие при отсутствии ситуации провокации в недавнем прошлом. Иными словами, реакция на ситуацию-триггер оказывается необычно сильной и может восприниматься со стороны как неоправданно суровая, неадекватная. Таким образом, результат взаимодействия реакций на ситуацию провокации и на ситуацию-триггер выражается в более агрессивном поведении, по сравнению с реакциями на две аналогичные, но не связанные друг с другом ситуации. В данном случае под независимостью понимается отсутствие связи между событиями и значительная временная удаленность этих событий друг от друга [14; 16; 18]. Иными словами, в ответ на ситуацию-триггер возникает сверхсильная, т.е. необоснованно сильная агрессивная реакция.

Таким образом, общим для всех приведенных выше понятий является то, что они описывают ситуацию, для которой характерны два основных аспекта: наличие актуальной потребности, на удовлетворение которой направлено поведение, и наличие барьера (фрустратора), который ставит под угрозу вероятность удовлетворения потребности [9; 11; 12; 13; 17].

Итак, можно констатировать, что ситуация провокации может вызывать побуждение к агрессивным действиям, которые, однако, не всегда реализуются в конкретных действиях. При всем многообразии ситуаций фрустрации и провокации остается открытым вопрос, почему люди по-разному реагируют на ситуацию провокации агрессии и что может повысить вероятность агрессивного поведения. Исходя из того, что поведение человека подчинено определенной цели, направленной на удовлетворение актуальных потребностей, а в ситуации провокации возникает барьер, препятствующий реализации задуманного, мы полагаем, что на характер реагирования в ситуации провокации агрессии могут оказывать влияние особенности цели и характеристики фрустраторов.

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что на характер реагирования могут влиять следующие особенности цели: ее ценность и значимость для индивида, субъективная оценка вероятности ее достижения, предвосхищение близости достижения цели и привлекательность цели для человека. Если цель является для человека значимой, с ней он связывает дальнейшие планы и предвосхищает то удовольствие, которое получит, когда цель будет достигнута, более того, цель кажется вполне реальной и

достижимой, то, вероятно, появление препятствий на пути к ее достижению может вызывать большее недовольство, напряжение и агрессию по сравнению с ситуациями, когда цель не является значимой, реальной, сулящей получение удовольствия [7; 9; 11; 12].

Помимо особенностей цели, способствующих усилению агрессивных реакций, можно выделить также универсальные характеристики ситуации провокации, повышающие вероятность агрессивной реакции. К таким характеристикам можно отнести следующие:

– *Интенсивность фрустрации*: фрустрация должна восприниматься индивидом как значительная. Слабое воздействие едва ли способно вызвать явные изменения в поведении и спровоцировать агрессию.

– *Субъективная оценка происходящего как преднамеренного, несправедливого и бессмысленного*. Если же фрустрация кажется оправданной и обоснованной, например, оценивается как справедливое наказание, вероятность агрессивного ответа значительно снижается. Ожидаемые фрустрации также вызывают более слабую агрессию, чем неожиданные.

– *Предвосхищение поощрения за агрессивные действия* в ответ на провокацию. В качестве поощрения могут выступать как положительная обратная связь от референтной группы, так и убежденность в том, что агрессия, в той или иной форме ее проявления, поспособствует устранению препятствия и достижению цели.

Названные особенности целей и ситуации провокации агрессии указывают на роль когнитивных процессов в восприятии и оценке ситуации провокации.

Помимо характеристик цели и фрустраторов, можно выделить ряд *ситуационных факторов*, характерных для ситуации провокации агрессии и повышающих вероятность агрессивного поведения. Л. Берковиц подчеркивал, что экспрессивная агрессия зачастую является реакцией на черты или особенности ситуации, в которую включен человек. Такие черты ситуации он назвал ключевыми сигналами (aggressive cues) и отмечал, что особенности ситуации заключаются в следующем: они либо ассоциируются с агрессией, либо напоминают об очень неприятных вещах. Иными словами, речь идет о наличии устойчивых условных стимул-реактивных связей, что во многом объясняет индивидуальные различия в реакциях на одни и те же особенности ситуации [1].

К агрессивным ключевым стимулам автор отнес «эффект оружия», смысл которого заключается в том, что простое наличие в ситуации оружия (от огнестрельного до холодного) может быть достаточным для повышения агрессивности участников ситуации. При этом оружие может никем не использоваться. Непосредственное наблюдение агрессивного поведения других людей также может провоцировать агрессивные реакции на-

блюдателей. Помимо заражения агрессией окружающих, индивид также может научаться агрессивным моделям поведения, в особенности если наблюдаемое поведение приводит к достижению цели, что служит положительным подкреплением агрессивных действий.

Демонстрация сцен насилия средствами массовой информации оказывает определенное влияние на становление агрессивной модели поведения, а также на проявление гнева и агрессии. Однако степень этого влияния оценивается исследователями по-разному. Л. Берковиц утверждал, что насилие, демонстрируемое масс-медиа, будет стимулировать гнев и агрессию в следующих случаях: 1) если сцена насилия воспринимается как агрессивная, 2) если зритель отождествляет себя с агрессором, 3) если потенциальный объект ассоциируется с жертвой агрессии в фильме, 4) если наблюдаемые события кажутся реальными и захватывающими. Правда, идея и намерения, активизированные сценой или фразой, не настолько сильны, чтобы побудить к открытой атаке [1; 13].

Присутствие в ситуации человека, который напоминает о неприятных событиях в прошлом, ассоциируется с ними или сам причинял ущерб ранее, само по себе может провоцировать агрессию, даже если общий контекст нейтрален и оценивается как неагрессивный большинством окружающих. Присутствие в ситуации наблюдателя также может способствовать росту агрессивных побуждений, при этом наблюдатель не обязательно занимается подстрекательством, сам факт присутствия, согласно исследованиям, может влиять на характер взаимодействия. Вероятность агрессивного ответа на провокацию повышается в случае, если наблюдатель является значимым лицом для жертвы провокации и дает открытые рекомендации, предлагая действовать агрессивно, или же молча наблюдает за происходящим, но жертве провокации кажется, что этот человек одобрил бы агрессивный ответ. Соответственно, осуждение агрессивных действий и мысли о возможном неодобрении агрессивных реакций могут подавлять агрессивные тенденции.

А. Басс, Р. Бэрон, О. Лир [2; 9] и другие отмечают, что физическая провокация чаще всего вызывает такую же ответную реакцию. При этом может быть достаточно предположений о том, что кто-то собирается повести себя агрессивно и провокационно. Согласно Р. Бэрону, пол и раса объекта агрессии также могут оказываться детерминантами агрессивного поведения.

Выше мы говорили о некоторых характерных особенностях ситуации провокации агрессии и возможных реакциях на них, но, помимо вполне конкретных признаков фрустрации и провокации, есть ряд неспецифичных элементов ситуации, которые в той или иной степени могут препятствовать достижению цели, но при этом являются фоновыми. Такие элементы ситуации Л. Берковиц назвал аверсивными событиями, подчеркнув их

многообразие и назвав в качестве основных чрезмерно высокую температуру, шум и тесноту, а также раздражающих дым сигарет, неприятные запахи, отталкивающие сцены. Безусловно, одна и та же интенсивность аверсивных стимулов может по-разному воздействовать на человека, это может зависеть от его эмоционального состояния, физического самочувствия и некоторых других факторов.

Факторами, понижающими порог гнева и стимулирующими агрессию, являются также различные формы социального стресса: экономическая и политическая нестабильность (высокий уровень безработицы, инфляция, политические волнения и т. п.), угроза террористических актов и др. [1; 2; 9]. Трудности концентрации на мыслях и действиях, в выражении словами собственных мыслей, собственная забывчивость, заторможенность и др. также понижают порог гнева.

По нашему мнению, поведение в ситуациях провокации агрессии в значительной степени определяется переживаемыми в ситуации эмоциями и когнициями. Собственно, этой теме и было посвящено проведенное нами исследование, направленное на изучение эмоциональных и когнитивных детерминант реакций на ситуацию провокации агрессии. Внимание уделялось комплексно эмоциям, когнициям и поведенческим реакциям человека.

Для выявления эмоциональных детерминант и поведенческих реакций на ситуацию провокации агрессии использовался опросник провокации агрессии [5], для определения когнитивных детерминант – опросник по смещенной агрессии [3], для выявления роли моральных эмоций в регуляции поведения – опросник склонности к вине и стыду [4].

В данной статье представлен фрагмент исследования возрастной группы 28–32 лет, относящейся к периоду перехода к ранней взрослости, согласно периодизации, предложенной Д. Левинсоном [10].

Результаты исследования показали, что переживание гнева и раздражения, а также размышления о мести и гневе приводят к использованию активной агрессии как реакции на ситуацию провокации у мужчин (соответственно, $r = 0,88$, $p \leq 0,01$; $r = 0,58$, $p \leq 0,01$; $r = 0,46$, $p \leq 0,01$; $r = 0,48$, $p \leq 0,01$). Гнев, раздражение и мысли о мести приводят к активной агрессии у женщин (соответственно, $r = 0,79$, $p \leq 0,01$; $r = 0,63$, $p \leq 0,01$; $r = 0,32$, $p \leq 0,05$). Бессилие отрицательно коррелирует с активной агрессией у мужчин ($r = –0,41$, $p \leq 0,01$). Ассертивное поведение является результатом переживания раздражения и мыслей о вызвавшей гнев ситуации у мужчин ($r = 0,77$, $p \leq 0,01$; $r = 0,75$, $p \leq 0,01$), только раздражения у женщин ($r = 0,70$, $p \leq 0,01$). У мужчин также обнаружена отрицательная корреляция между страхом и ассертивностью ($r = –0,42$, $p \leq 0,01$). Получается, что гнев, раздражение в сочетании с гневными мыслями о случившемся и тенденция постоянно прокручивать в голове подробности произошедшего, вынашивать планы мести повы-

шают вероятность активных агрессивных действий, а страх и бессилие, наоборот, подавляют агрессивные тенденции, стимулируя поиск других стратегий адаптации к провокационной ситуации.

Между активной агрессией и ассертивностью у мужчин обнаружена положительная взаимосвязь ($r = 0{,}59$, $p \leq 0{,}01$), в то время как у женщин статистически значимой корреляции не выявлено. Вероятно, для мужчин активная агрессия является более привычным способом разрешения конфликтной ситуации, чем для женщин, и может быть продолжением ассертивного поведения в случае, если уровень переживаемого гнева нарастает. Для женщин же указанного возраста ассертивность, по сути, является единственной приемлемой и применяемой активной стратегией, в то время как активная агрессия воспринимается как крайняя форма проявления агрессии и потеря контроля над ситуацией.

Переживание бессилия и раздражения, а также гневных мыслей выливается в пассивную агрессию у мужчин ($r = 0{,}63$, $p \leq 0{,}01$; $r = 0{,}58$, $p \leq 0{,}01$; $r = 0{,}84$, $p \leq 0{,}01$), у женщин пассивная агрессия возникает в результате переживания раздражения ($r = 0{,}38$, $p \leq 0{,}01$), бессилия ($r = 0{,}42$, $p \leq 0{,}01$), страха ($r = 0{,}41$, $p \leq 0{,}01$) и мыслей о гневе ($r = 0{,}40$, $p \leq 0{,}01$). У мужчин также пассивная агрессия положительно коррелирует со стыдом ($r = 0{,}37$, $p \leq 0{,}01$) и виной ($r = 0{,}50$, $p \leq 0{,}01$), у женщин – отрицательно с виной ($r = –0{,}43$, $p \leq 0{,}01$). Учитывая, что стыд и вина являются моральными эмоциями, способность переживать которые формируется в процессе социализации путем интериоризации социальных норм и ценностей, а также посредством получения личного опыта рассогласования своих поступков с собственными представлениями о должном поведении, можно предположить, что стыд актуализирует воспоминания о неподобающем поведении, которое осуждалось другими, и таким образом препятствует повторению подобных действий. Так, мужчина, восприимчивый к оценкам других и склонный к переживанию стыда и вины, может стыдиться своих агрессивных поступков, что будет препятствовать проявлению агрессивных импульсов в ситуации провокации агрессии и приводить к поведению, когда собственное недовольство происходящим осознается, но никак не отражается в поведении, сдерживается. Что же касается женщин, то получается, что чем выше у женщин склонность испытывать чувство вины, тем ниже вероятность пассивной агрессии, т.е. бездействия в ситуации провокации, но с осознаванием гневных чувств. Возможно, женщины склонны испытывать вину и стыд за собственные агрессивные чувства и предпочитают подавлять агрессию, о чем свидетельствуют положительные корреляции между виной и подавленной агрессией ($r = 0{,}61$, $p \leq 0{,}01$).

У мужчин подавленную агрессию вызывает переживание бессилия, страха и в меньшей степени раздражения ($r = 0{,}58$, $p \leq 0{,}01$; $r = 0{,}52$,

$p \leq 0,01$; $r = 0,43$, $p \leq 0,01$). У женщин страх и бессилие, а также вина приводят к подавлению агрессии ($r = 0,60$, $p \leq 0,01$; $r = 0,41$, $p \leq 0,01$). Возможно, значимых корреляций подавленной агрессии и гнева или раздражения не обнаружено потому, что негативные реакции вытесняются и не осознаются женщинами в ситуации провокации агрессии. Тем более женщины, склонные к переживанию вины, чаще считают себя причиной неприятностей, и вина в данном случае способствует аутоагрессии. Статистически значимых корреляций подавленной агрессии с когнитивными переменными также не обнаружено, что подтверждает низкую осознаваемость конфликтных чувств при их подавлении.

Бессилие, вина и гневные мысли вызывают бегство, уход из ситуации провокации агрессии у мужчин ($r = 0,34$, $p \leq 0,05$; $r = 0,42$, $p \leq 0,01$; $r = 0,37$, $p \leq 0,05$). Только страх способствует выбору бегства из ситуации как реакции на провокацию агрессии у женщин ($r = 0,68$, $p \leq 0,01$), в то время как между бессилием, гневом, мыслями о гневе и месте и бегством обнаружены отрицательные корреляции ($r = –0,55$, $p \leq 0,01$; $r = –0,57$, $p \leq 0,01$; $r = –0,46$, $p \leq 0,01$; $r = –0,64$, $p \leq 0,01$). Эмпирические данные свидетельствуют, что мужчины, ощущая, что изменить что-либо в сложившейся ситуации они не в состоянии, застревают на сложившейся ситуации, чувствуют вину, вероятно, переживая чувство собственной несостоятельности и слабости, и выбирают стратегию бегства как наиболее приемлемый способ адаптации к ситуации провокации агрессии. Женщин же к бегству побуждает страх, в то время как бессилие способствует подавлению агрессии.

Таким образом, поведенческие реакции на ситуацию провокацию агрессии нельзя объяснить в рамках стимульно-реактивной схемы, многообразие поведенческих реакций на похожие ситуации определяется характером переживаемых в ситуации эмоций и когниций личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – 441 с.

2. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб. : Питер, 2001. – 352 с.

3. Воловикова, В.В. Когнитивные детерминанты агрессии: адаптация методики «Опросник смещенной агрессии» / В.В. Воловикова // Философия и социальные науки. – 2012. – № 3–4. – С. 58–64.

4. Воловикова, В.В. Моральные эмоции в регуляции агрессивного поведения: адаптация методики «Опросник вины и стыда» / В.В. Воловикова // Психол. журн. – 2011. – № 3–4 (29–30). – С. 95–100.

5. Воловикова, В.В. Психометрическое обоснование опросника провокации агрессии / В.В. Воловикова // Сб. науч. тр. – Минск : РИВШ, 2010. – Вып. 9 (14): Историч. и психол.-пед. науки. Ч. 2. – С. 67–73.

6. Клиническая психология / под ред. М. Перре, У. Бауманна. – СПб. : Питер, 2002. – С. 358–387.

7. Левитов, Н.Д. Фрустрация как один из видов психических состояний / Н.Д. Левитов // Вопр. психологии. – 1967. – № 6. – С.118–127.

8. Лоренц, К. Агрессия. Так называемое зло / К. Лоренц. – М. : Прогресс, 1994. – 271 с.

9. Налчаджян, А. Агрессивность человека / А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2007. – 736 с.

10. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А.А. Реана. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. – С. 305–312, 383–392.

11. Римская, Р. Практическая психология в тестах, или Как научиться понимать себя и других / Р. Римская, С. Римский. – М. : АСТ-ПРЕСС, 1999. – С. 243–281.

12. Фресс, П. Экспериментальная психология / П. Фресс, Ж. Пиаже. – М. : Прогресс, 1975. – 356 с.

13. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – С. 367–369.

14. Denson, T.F. The displaced aggression questionnaire / T.F. Denson, W.C. Pedersen, N. Miller // J. of Personality and Soc. Psychology. – 2006. – Vol. 90, № 6. – P. 1032–1051.

15. Frustration and Aggression / J. Dollard [et al.]. – New Haven : Yale University-Press, 1939. – P. 8–9, 19, 58, 101–102.

16. Lamoreaux, J.J. Frustration within the triggered displaced aggression paradigm: a thesis for the degree Master of arts (psychology) / J.J. Lamoreaux. – California, 2006. – 81 p.

17. O'Conor, D. Measuring aggression: self-reports, patner reports, and responses to provoking scenarios / D. O'Conor, J. Archer, W. Wu //Aggr. behaviour. – 2001. – Vol. 27. – P. 79–101.

18. Pedersen, V.C. The impact of attributional processes on triggered displaced aggression / V.C. Pedersen // Motivation and emotion. – 2006. – Vol. 30, № 1. – P. 75–87.

Correlations between emotions, cognitions and behavioral reactions to the aggression provocative situations

Theoretical analysis of the problem of aggression provocative situations is presented. The results of research correlations between emotional, cognitive and behavioral reactions to the aggression provocative situations are analyzed.

Keywords: aggression, aggression provocative situation, anger, feebleness, irritation, fear, revenge rumination, anger rumination, assertiveness, active aggression, passive aggression, suppressed aggression, escape behavior.

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННЫХ И КОГНИТИВНЫХ ФАКТОРОВ У ИНДИВИДОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИВНЫХ РЕАКЦИЙ НА ФРУСТРАЦИЮ

На протяжении всей своей жизни человек неоднократно попадает в затруднительные ситуации, сталкивается с трудностями, которые не позволяют достичь желаемого результата, то есть он оказывается фрустрированным. В трудных ситуациях каждый человек реагирует по-разному. Од-

ни реакции помогают ему преодолеть препятствие, другие же не приносят ощутимых результатов или, наоборот, мешают нахождению оптимального решения. Однако наиболее распространенным типом реакции на фрустрацию является агрессия. Не до конца изученным остается вопрос, какие факторы стимулируют появление агрессивных тенденций и их проявление в поведении. Не каждая фрустрация ведет к открытому нападению, не все агрессивные тенденции проявляются в агрессивном поведении. Целый ряд условий может влиять на вероятность того, что люди будут вести себя агрессивно, когда им препятствуют в достижении их целей. Для проявления агрессивного поведения необходим высокий уровень интенсивности фрустрации, который зависит от степени ожидаемого субъектом удовлетворения в результате достижения цели (мотивационного напряжения), от силы препятствия и от количества последовательных фрустраций. Актуальные и сопутствующие конкретной деятельности мотивы могут оказывать сильное влияние на проявление агрессии в ситуации фрустрации, тормозить ее либо усиливать. Агрессивные тенденции могут подавляться в случае ожидания наказания и порицания со стороны другого человека. Важным аспектом является наличие у человека иных способов реагирования на фрустрацию, помимо агрессии. Форма поведения также зависит от восприятия индивидом ситуации, от интерпретации им множества факторов. Иными словами, на появление агрессивного поведения в ситуации фрустрации влияют мотивационные факторы, которые могут усиливать либо тормозить проявление агрессивных тенденций в поведении [1]. Большое значение имеют также когнитивные факторы, которые основываются на том, как человек интерпретирует поступающие сигналы, они же определяют какие эмоции будут доминировать.

Предшественником любого поведения является интерпретация индивидом возникшей ситуации, которая основывается на предшествующем опыте самого человека, на косвенном опыте, на моральных принципах, установках, атрибуциях и т.п. Атрибуции людей, то, как они рассматривают препятствия на пути к цели, определяют их реакции на фрустрацию. Б. Вайнер отмечал [2], что фрустрированный индивид, вероятно, будет испытывать сильный гнев и разозлен на того, кто препятствует достижению его цели, только в том случае, если он припишет действиям этого человека определенные характеристики, а именно:

– действия должны рассматриваться как внутренне детерминированные (обусловленные, например, мотивацией или особенностями личности фрустратора),

– контролируемые (фрустратор намеренно совершает действия или, по крайней мере, мог не совершать их, если бы захотел),

– неправильные (нарушающие общепринятые правила поведения).

Л. Берковиц [3] также отмечал, что люди испытывают более сильные фрустрации, если они рассматривают действия других людей, создающих препятствия на пути их цели, как несправедливые, произвольные (то есть в действиях фрустратора усматривался злой умысел, а его действия направлены против индивида лично), а также как незаконные. Исследования С. Уорчела [4] подтверждают выводы Берковица: фрустрация приводит к усилению агрессии лишь в том случае, если воспринимается как произвольная и бессмысленная. В то же время, когда фрустрированным человеком она считается оправданной и обоснованной, у него не возникает почти никакой ответной агрессии. По мнению И. Джениса [5], это означает, что и при наказании человек ждет справедливости.

Агрессивные атрибуции используются для снижения когнитивного диссонанса, который возникает вследствие столкновения двух намерений – проявить агрессию и сохранить позитивный образ своей личности [6; 7]. Безусловно, такой диссонанс сопровождается неприятными эмоциями и мотивирует появление защитно-адаптивных процессов. В зависимости от того, какую адаптивную стратегию выбирает человек в ситуации, проявляются различные реакции на фрустрацию.

Появление агрессивных тенденций у человека влечет за собой поиск оправдания своей агрессивности, и тогда он начинает приписывать жертве негативные черты, злые намерения. Эти атрибуции имеют разрешающую силу для агрессора, предоставляют основания для еще большего усиления агрессии. Могут иметь место атрибуции черт, установок, намерений, причин поведения и т.д. Некоторые из этих атрибуций свойственны и самому агрессору и являются проективными [6].

К. Джонс и Н. Крик [7] описывают пятиступенчатый процесс возникновения агрессивного поведения. Первая стадия – это восприятие агрессивных сигналов. Человек будет с большей вероятностью замечать эти посылы при наличии психологической готовности, возникающей в результате предыдущих фрустраций и научения. В данном случае важен порог фрустрации у конкретного индивида. Следующая стадия – это интерпретация этих сигналов, атрибуция причин. После того как человек приходит к определенному выводу об агрессивных намерениях другого, оправдывает свои мысли и агрессивные тенденции, наступает этап выбора подходящих агрессивных реакций. У агрессивных людей преобладают насильственные способы разрешения таких конфликтов; неагрессивным присущ более широкий набор возможных действий. Затем наступает этап оценки этих возможных действий, например, по ожидаемым последствиям: способен ли индивид применить эти действия (самокомпетентность) и к чему они приведут. Человек обдумывает, возможно ли наказание, как отреагируют значимые люди. В

дальнейшем наступает этап реализации тех действий, которые индивид считает подходящими в данной ситуации.

По мнению Н. Миллер и А. Бандура [8], агрессивный мотив может оказаться не доминирующим в схеме поведения, поэтому важным является то, насколько у индивида проявляются другие мотивы, которые могут усиливать агрессивный драйв или тормозить его.

Д. Макклелланд [9] выделял в качестве основных социальных мотивов мотивацию достижения, мотивацию избегания, мотивацию власти и мотивацию аффилиации. Агрессивные интенции предполагают желание нанести ущерб жертве, иными словами быть сильным и проявить свою власть. Поэтому целесообразно было бы предположить, что наличие определенного уровня мотивации власти может влиять на вероятность проявления агрессивного поведения в ситуации фрустрации.

Помимо этого, агрессивное поведение характеризуется целеустремленностью, решительностью, желанием проявить себя как можно более эффективно. Иными словами, потребность достижения может задавать направление агрессивным интенциям, либо же, наоборот, тормозить их в случае, когда человек уверен в своих силах и не чувствует угрозы.

Согласно утверждениям Н. Миллера [8], страх наказания и страх порицания могут тормозить агрессивные тенденции. Мотивация избегания как раз и детерминирована этими эмоциями. Боязнь неудач в литературе часто рассматривается как проявление генерализованной тревоги. Вместе с тем отмечается, что тревога может и усиливать агрессивные тенденции, выступая как форма защиты и удаления беспокоящих факторов.

Аналогичное воздействие на проявление агрессии может оказывать и мотив аффилиации. Этот мотив рассматривается как желание человека быть среди людей, завязывать дружеские отношения, получать социальную поддержку. Мотив аффилиации представляет собой сочетание двух тенденций – стремление к принятию и страх отвержения. В данном случае агрессивные интенции, вероятно, будут вытесняться или сдерживаться, чтобы не потерять связь со значимыми людьми и избежать их порицания.

Таким образом, для эмпирического изучения влияния мотивационных факторов на проявление агрессивного поведения в ситуации фрустрации были выбраны мотивы достижения/избегания, мотив власти и мотив аффилиации. Объект исследования представляли агрессивные реакции на ситуацию фрустрации, предмет – мотивационные и когнитивные факторы агрессивного реагирования на ситуацию фрустрации.

В исследования выдвигались следующие гипотезы:

– высокий уровень агрессивных реакций на фрустрацию проявляется у людей с низким уровнем мотивации достижения, высоким уровнем мотивации власти, также при высоком страхе отвержения;

– высокий уровень агрессивных реакций на фрустрацию проявляется у людей с пессимистическим стилем атрибуции.

При исследовании видов реакций на фрустрацию использовался фрустрационный тест С. Розенцвейга. В нашем исследовании особый интерес представляли агрессивные реакции: самозащитные экстрапунитивные (прямая агрессия), самозащитные интропунитивные (аутоагрессия), препятственно-доминантно экстрапунитивные (агрессия на препятствии) и необходимо-упорствующие экстрапунитивные (смещенная агрессия).

Для исследования мотивации достижения/избегания, мотивации власти и мотивации аффилиации использовалась методика А. Мехрабяна. Для диагностики когнитивных факторов был применен адаптированный опросник атрибутивных стилей (ОАС) К. Петерсона и М. Селигмана, который состоит из 8 шкал: по три шкалы для негативных и позитивных событий (негативный интернальный стиль, негативный стабильный стиль, негативный глобальный стиль; позитивный интернальный стиль, позитивный стабильный стиль, позитивный глобальный стиль), а также две шкалы, отражающие общий позитивный и общий негативный атрибутивный стиль.

Сравнительный анализ, результаты которого представлены в таблице 1, позволил выявить различия в мотивационных факторах индивидов с различным уровнем проявления агрессивных реакций на фрустрацию (в данной и последующих таблицах используются следующие обозначения для уровней значимости выявленных различий: ** $p \leq 0{,}01$; * $p \leq 0{,}05$).

Таблица 1 – Мотивационные факторы у индивидов с различным уровнем проявления агрессивных реакций на фрустрацию

Мотивы	Прямая агрессия		Аутоагрессия		Агрессия на препятствии		Смещенная агрессия		Достоверность различий			
	ВУ	НУ	ВУ	НУ	ВУ	НУ	ВУ	НУ				
	1	2	3	4	5	6	7	8	1–2	3–4	5–6	7–8
Мотив достижения	130,6	135,6	122,0	129,3	126,8	123,8	128,7	127,5	–	–	–	–
Стремление к принятию	129,0	129,1	126,7	127,9	129,4	133,2	130,2	125,2	–	–	–	–
Страх отвержения	121,3	136,3	137,5	118,8	124,0	126,8	114,5	129,1	**	–	–	**
Мотив Власти	14,6	14,1	14,2	14,7	14,4	14,0	15,2	14,3	**	–	–	-

Так, показатели страха отвержения выше при высоком уровне проявления прямой агрессии ($p \leq 0{,}01$), а также при низком уровне проявления

смещенной агрессии. Можно предположить, что эмоциональное напряжение при страхе отвержения достигает определенного уровня, при котором отдается предпочтение не поиску эрзац-объекта, а разрядке в виде прямой агрессии. Также было выявлено, что высокий уровень прямой агрессии соответствует высокому уровню мотива власти ($p \leq 0{,}01$). Вероятно, прямая агрессия дает возможность быстро и однозначно проявить свою доминантность и достичь нужных целей.

Сравнительный анализ когнитивных факторов у индивидов с различным уровнем проявления агрессивных реакций на ситуацию фрустрации также выявил определенные различия, представленные в таблице 2.

Таблица 2 – Когнитивные факторы у индивидов с различным уровнем проявления агрессивных реакций на фрустрацию

Стиль атрибуции	Прямая агрессия		Аутоагрессия		Агрессия на препятствии		Смещенная агрессия		Достоверность различий			
	ВУ	НУ	ВУ	НУ	ВУ	НУ	ВУ	НУ				
	1	2	3	4	5	6	7	8	1–2	3–4	5–6	7–8
Положительный внутренне-внешний	4,8	5,3	5,2	5,1	5,4	4,8	4,9	4,9	–	*	–	–
Положительный стабильно-нестабильный	4,8	5,3	5,5	4,9	5,3	4,9	5,0	4,9	–	–	–	–
Положительный глобально-специфический	4,4	5,3	5,4	5,0	5,0	5,1	5,0	5,0	–	–	–	–
Оптимистический	14,1	16,0	16,2	15,2	15,8	15,0	15,0	14,9	–	–	–	**
Негативный внутренне-внешний	4,4	4,1	4,3	4,3	4,2	4,3	4,0	4,5	**	–	–	–
Негативный стабильно-нестабильный	4,2	3,6	4,3	4,1	3,9	3,9	3,9	4,0	–	–	–	–
Негативный глобально-специфический	3,9	3,7	4,1	3,7	3,7	3,8	3,5	3,8	–	–	–	–
Пессимистический	12,5	11,5	12,8	12,2	11,8	12,1	11,5	12,4	*	–	–	–

Как свидетельствуют данные таблицы 2, показатели положительного внутреннего стиля атрибуции выше при более высоком уровне проявления самозащитной аутоагрессии ($p \leq 0{,}05$). Данные результаты свидетельствуют о том, что чем больше человек приписывает причины появления ситуации себе, тем больше он склонен реализовывать самозащитную стратегию во фрустрации и направлять агрессию на себя. В то же время при высоком уровне оптимистического стиля атрибуции проявляется высокий уровень смещенной агрессии ($p \leq 0{,}01$), когда предполагается, что другой должен

решить фрустрирующую ситуацию. Вероятно, надежда на лучший исход ситуации позволяет открыто задействовать других для решения своих стрессовых ситуаций. Анализ данных таблицы 2 показывает, что при высоком уровне пессимистического стиля атрибуции проявляется высокий уровень прямой агрессии ($p \leq 0,05$). Ожидание худшего разрешения ситуации провоцирует проявление открытой агрессии. В частности, у индивидов с высокими показателями негативного внутреннего стиля атрибуции проявляется высокий уровень прямой агрессии.

Иными словами, человек приписывает появлению негативной ситуации причинам, зависящим от него лично, что сильно повышает эмоциональное напряжение и приводит к открытой агрессии, поскольку превышается порог фрустрации. Достоверных различий по другим показателям выявлено не было.

Сравнительный анализ мотивационных и когнитивных факторов у индивидов с разными уровнями проявления агрессивных реакций позволил выявить и половые различия. По результатам сравнения показателей прямой открытой агрессии были получены результаты, отраженные в таблице 3.

Таблица 3 – Проявление мотивационных и когнитивных факторов у мужчин и женщин с разным уровнем прямой агрессии

Мотивационные и когнитивные факторы	Мужчины		Женщины		Достоверность различий	
	ВУ	НУ	ВУ	НУ		
	1	2	3	4	1–2	3–4
Мотив достижения	138,09	133,11	113,71	137,76	–	–
Стремление к принятию	129,97	146,56	126,79	114,19	*	–
Страх отвержения	116,31	147,56	133,00	126,67	**	–
Мотив власти	15,16	14,00	13,43	14,19	**	–
Положительный внутренне-внешний стиль атрибуции	4,81	5,31	4,86	5,42	–	*
Положительный стабильно-нестабильный	4,87	5,23	4,81	5,49	–	*
Положительный глобально-специфический	4,32	5,20	4,87	5,39	–	
Оптимистический стиль Атрибуции	14,00	15,78	14,55	16,30	–	**
Негативный внутренне-внешний	4,65	3,52	4,06	4,71	**	–
Негативный стабильно-нестабильный	4,29	3,27	4,04	3,98	–	–
Негативный глобально-специфически	3,75	2,87	4,24	4,45	–	–
Пессимистический стиль	12,69	9,66	12,33	13,15	–	–

Данные таблицы 3 показывают, что у мужчин с высоким уровнем стремления к принятию ($p \leq 0,05$) и высоким уровнем страха отвержения

(p ≤ 0,01) проявляется низкий уровень реакций прямой агрессии. В то же время высокий уровень мотивации власти у мужчин сопровождается проявлением и высокого уровня прямой открытой агрессии (p ≤ 0,01). Также у мужчин с высокими показателями негативного внутреннего стиля атрибуции проявляется высокий уровень открытой агрессии.

Как следует из данных таблицы 3, у женщин обнаружены низкие показатели открытой агрессии в сочетании с высоким оптимистическим стилем атрибуции (p ≤ 0,01), в частности с высоким положительным внутренним (p ≤ 0,05) и положительным стабильным (p ≤ 0,05) стилями атрибуции. Иными словами, женщины, сформировавшие надежду на позитивный исход фрустрирующей ситуации и рассматривающие себя способными изменить ситуацию, редко используют открытую агрессию в ситуации фрустрации. У женщин реакция прямой агрессии на ситуацию фрустрации связана с когнитивными факторами.

По результатам сравнения показателей самозащитной аутоагрессии были обнаружены следующие результаты (таблица 4).

Таблица 4 – Проявление мотивационных и когнитивных факторов у мужчин и женщин с разным уровнем самозащитной аутоагрессии

Мотивационные и когнитивные факторы	Мужчины		Женщины		Достоверность различий	
	ВУ	НУ	ВУ	НУ		
	1	2	3	4	1–2	3–4
Мотив достижения	129,53	133,75	119,11	123,54	–	–
Стремление к принятию	145,60	123,41	119,37	134,04	**	–
Страх отвержения	152,00	112,81	131,84	126,92	**	–
Мотив власти	14,60	15,38	14,13	14,00	–	–
Положительный внутренне-внешний	5,76	5,30	4,98	4,91	–	*
Положительный стабильно-нестабильный	5,89	4,97	5,41	5,03	–	–
Положительный глобально-специфический	5,64	5,11	5,40	5,05	–	–
Оптимистический	17,29	15,38	15,79	14,99	–	–
Негативный внутренне-внешний	4,15	4,71	4,42	3,89	**	–
Негативный стабильно-нестабильный	3,99	4,31	4,46	4,00	–	–
Негативный глобально-специфический	3,73	3,52	4,37	4,07	–	–
Пессимистический	11,87	12,53	13,25	11,96	–	–

Данные таблицы 4 демонстрируют существенные различия между мужчинами и женщинами в проявлении мотивационных и когнитивных факторов. У мужчин с высоким уровнем страха отвержения (p ≤ 0,01) и

высоким уровнем стремления к принятию ($p \leq 0{,}01$) проявляется высокий уровень самозащитной аутоагрессии. В когнитивных факторах у мужчин с высоким уровнем негативного внутреннего стиля атрибуции проявляется низкий уровень аутоагрессии ($p \leq 0{,}01$). Мужчины, рассматривающие причины негативных событий как зависящие лично от них, редко проявляют аутоагрессию. У женщин вновь обнаружены достоверные различия лишь в когнитивных факторах – высокие показатели аутоагрессии проявляются у индивидов с высоким положительным внутренним стилем атрибуции ($p \leq 0{,}05$).

По итогам сравнения показателей агрессии на препятствии были выявлены следующие результаты (таблица 5).

Таблица 5 – Проявление мотивационных и когнитивных факторов у мужчин и женщин с разным уровнем агрессии на препятствии

Мотивационные и когнитивные факторы	Мужчины		Женщины		Достоверность различий	
	ВУ	НУ	ВУ	НУ		
	1	2	3	4	1–2	3–4
Мотив достижения	130,60	132,75	123,78	114,57	*	*
Стремление к принятию	130,96	139,00	128,20	127,17	–	–
Страх отвержения	117,91	115,58	129,04	138,70	*	*
Мотив власти	14,51	14,42	14,45	13,70	–	–
Положительный внутренне-внешний	5,53	4,74	5,33	5,04	–	**
Положительный стабильно-нестабильный	5,30	4,68	5,44	5,27	5,03	–
Положительный глобально-специфический	4,84	5,01	5,25	5,34	–	–
Оптимистический	15,67	14,43	16,00	15,65	–	–
Негативный внутренне-внешний	4,14	4,31	4,24	4,43	**	–
Негативный стабильно-нестабильный	3,90	4,07	3,98	3,82	–	*
Негативный глобально-специфический	3,42	3,38	3,95	4,35	–	–
Пессимистический	11,47	11,76	12,17	12,55	–	–

У мужчин при высоком уровне мотивации достижения обнаруживается низкий уровень агрессии на препятствии ($p \leq 0{,}05$). Мотивация достижения позволяет им не концентрироваться на фрустраторе, а преодолевать сложности. У женщин же, наоборот, высокий показатель мотивации достижения соотносится с высоким показателем агрессии на препятствии ($p \leq 0{,}05$).

По результатам сравнения показателей смещенной агрессии были обнаружены следующие результаты (таблица 6). У мужчин с высоким уровнем стремления к принятию проявляется низкий уровень смещенной агрессии ($p \leq 0{,}01$). Также у мужчин высокий уровень негативного внутреннего стиля атрибуции соотносится с низким уровнем смещенной агрессии ($p \leq 0{,}05$). У женщин с высоким уровнем позитивного внутреннего стиля атрибуции проявляется низкий уровень смещенной агрессии ($p \leq 0{,}01$).

Таблица 6 – Проявление мотивационных и когнитивных факторов у мужчин и женщин с разным уровнем смещенной агрессии

Мотивационные и когнитивные факторы	Мужчины		Женщины		Достоверность различий	
	ВУ	НУ	ВУ	НУ		
	1	2	3	4	1–2	3–4
Мотив достижения	127,50	136,22	130,80	120,96	–	–
Стремление к принятию	123,85	131,22	141,47	120,83	**	–
Страх отвержения	113,85	123,22	115,67	133,54	–	–
Мотив власти	15,19	14,67	15,27	14,08	–	–
Положительный внутренне-внешний	4,83	4,63	5,09	5,25	–	**
Положительный стабильно-нестабильный	4,96	4,24	5,21	5,46	–	–
Положительный глобально-специфический	4,96	4,68	5,30	5,29	–	–
Оптимистический	14,78	13,56	15,60	16,00	–	–
Негативный внутренне-внешний	4,07	4,54	3,93	4,55	*	–
Негативный стабильно-нестабильный	4,00	4,14	3,73	4,03	–	–
Негативный глобально-специфический	3,48	3,37	3,77	4,16	–	–
Пессимистический	11,55	12,06	11,44	12,69	–	–

Таким образом, показатели страха отвержения выше при высоком уровне проявления прямой агрессии, а также при низком уровне проявления смещенной агрессии. Высокий уровень прямой агрессии соответствует высокому уровню мотива власти. Показатели положительного внутреннего стиля атрибуции выше при более высоком уровне проявления самозащитной аутоагрессии. При высоком уровне оптимистического стиля атрибуции проявляется высокий уровень смещенной агрессии. В то же время при высоком уровне пессимистического стиля атрибуции проявляется высокий уровень прямой агрессии. По результатам сравнительного анализа наши гипотезы подтвердились лишь частично, а именно в особенностях проявления прямой открытой агрессии, другие виды агрессивного реагирования в ситуации фрустрации имеют иные закономерности. Требуется дальнейшее исследование

мотивационных и когнитивных факторов агрессивных реакций в ситуации фрустрации, проведение корреляционного и факторного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – С. 27–34.
2. Weiner, B. Misattribution for failure and enhancement of achievement strivings / B. Weiner, J. Sierd // J. of Personality and Social Psychology. – 1975. – № 31. – P. 415–421.
3. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – С. 53–73.
4. Worchel, S. The effects of three types of arbitrary thwarting on the instigation to aggression / S. Worchel // J. of Personality. – 1974. – 42. – P. 301–318.
5. Janis, I.L. Personality. Dynamics, development, and assessment / I.L. Janis. – New York, 1969. – P. 156–162.
6. Налчаджян, А.А. Агрессивность человека / А.А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2007. – 736 с.
7. James, R.L. A conditional reasoning measure for aggression / R.L. James, D.M. McIntyre, C.A. Glisson // Organizational Research Method. – 2005. – Vol. 8. – P. 69–99.
8. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 2001. – 352 с.
9. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.

Peculiarities of motivational and cognitive factors of people with different level of aggressive reactions to frustration

Motivational and cognitive factors of aggressive behavior in a situation of frustration are considered. Results of comparison analysis of motivational and cognitive factors of people with different level of aggressive reactions to frustration are described.

Keywords: frustration, aggressive reactions, motivational and cognitive factors, attribution style.

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ДЕТСКОЙ АГРЕССИИ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ ПЕДАГОГОВ

Зажав кузнечика в руке,
Сидит ребенок на горшке.
– Нельзя живое истязать! –
Я пальцы стал ему ломать.
– Нельзя кузнечиков душить! –
Я руки стал ему крутить.
На волю выскочил кузнечик.
Заплакал горько человечек.

О. Григорьев

В этом маленьком стихотворении в метафорическом виде содержится психологическая закономерность, описывающая природу агрессивного поведения ребенка: чем чаще он подвергается насилию, тем вероятнее и

сам будет его использовать в будущем для решения возникающих проблем. Современное отношение к детям как к полноценным и полноправным человеческим существам – это очень молодое культурное приобретение. Даже в XIX веке насилие над детьми обществом не порицалось: последний случай замуровывания ребенка при строительстве в Германии был отмечен в 1843 году, а в Лондоне даже в 90-е годы XIX века мертвые дети на улицах были обычным зрелищем [1; 2]. Воспроизведение насилия из поколения в поколения обеспечивает специальный защитный механизм «идентификации с агрессором», который начинает срабатывать при столкновении ребенка с любой опасностью – вербальной или физической агрессией, особенно со стороны значимых людей. И прервать эту «эстафету насилия» могут только взрослые, сознательно изменив свою практику взаимодействия с ребенком. Таким образом, ненасильственное обращение с детьми можно рассматривать как показатель высокого уровня культуры взрослых. Уровня, который пока в непосредственной жизни выступает скорее как идеальный образец.

Сегодня большинство специалистов склоняется к тому, что природный потенциал агрессивности есть у каждого, поскольку агрессия напрямую связана с инстинктом самосохранения. Однако эта биологическая составляющая постепенно окультуривается. Об этом свидетельствует и динамика агрессивного поведения в онтогенезе [3; 4 и др.]. Задача контроля природной агрессивности чрезвычайно важна не только в масштабах индивидуальной жизни, но и в масштабах человечества в целом. От успешности ее решения напрямую зависит выживание планеты, ведь чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства ограничения агрессии необходимы, чтобы человечество не довело себя до самоуничтожения. Для оценки того, насколько эффективно социум учится управлять своей агрессивностью, специалистами введен специальный коэффициент кровопролитности, получаемый в расчете соотношения насильственных и естественных смертей. Значения этого коэффициента для XX века, несмотря на все его ужасы геноцидов и мировых войн, значительно ниже, чем для предыдущих столетий. Это говорит о том, что механизмы сдерживания агрессии постоянно совершенствуются, в чем и заключается одна из линий развития культуры.

Однако, несмотря на явный прогресс, сегодня дети реально подвергаются насилию (или намеренному причинению страдания, вреда, ущерба) часто и с разных сторон. Ведущими факторами, провоцирующими агрессивное поведение, являются: нарушение семейных взаимоотношений, насилие в СМИ и школьное насилие. Последнее может принимать формы как физического насилия (избиение, шлепки, подзатыльники, порча вещей и др.), так и психологического (насмешки, присвоение кличек, высмеивание,

отказ от общения или изоляция, унижение в присутствии других и т.д.). Жертвами школьного насилия могут стать любые дети, но чаще всего для этого выбираются те, кто чем-то отличается от основной массы: дети с особенностями внешности или с физическим недостатками, дети с низким интеллектом и трудностями в обучении, дети с недостаточно развитыми коммуникативными навыками (или домашние) и др. Исследования показывают [3; 4 и др.], что агрессорами выступают не только одноклассники, но и педагоги, использующие в основном вербальные способы выражения агрессии: повышение голоса, крик, оскорбления и др.

Таким образом, и специальные исследования и непосредственная жизненная практика свидетельствуют, что школа как основной институт социализации недостаточно эффективно решает задачу окультуривания агрессии. Более того, педагог нередко и сам выступает ее инициатором. Поэтому предметом настоящего исследования выступили имплицитные знания учителей о проявлениях детской агрессии, опосредующие непосредственную педагогическую практику взаимодействия со школьниками.

Организация исследования

В качестве инструмента актуализации имплицитных знаний был использован метод свободного описания. Первичная обработка данных осуществлялась методом частотного анализа, вторичная – посредством факторного анализа (матрицы: дескрипторы на респонденты) методом varimax-вращения. Для дальнейшего обсуждения представлены только наиболее валентные для респондентов факторы-категории и те дескрипторы, которые имеют максимальную статистически значимую нагрузку как образующие фактора ($p \leq 0{,}01$). В исследовании принимало участие 100 педагогов начальной и средней школы, имеющих различный стаж профессиональной деятельности и работающих в городских и сельских учреждениях образования разного типа.

Результаты и их обсуждение

Когнитивная модель детской агрессии

Наиболее часто называемыми учителями проявлениями, по которым они идентифицируют поведение ученика как агрессивное, выступают следующие: крик (62%), драки и грубость, включая нецензурные выражения (по 48%), непослушание (35%) и порча имущества (21%). Таким образом, педагоги преимущественно концентрируют свое внимание на проявлениях непроизвольной агрессии, которая отражает недостаточный уровень развития саморегуляции школьников.

В результате факторного анализа были выявлены следующие категории, образующие когнитивную модель феноменологии детской агрессии.

Первый фактор, описывающий 25% дисперсии, представлен шкалами:

сжатые губы	0,844
руки в кулаках	0,801

красное лицо	0,794

Содержание данного фактора отражает наиболее выраженные физиологические проявления эмоций злости и гнева, ведущих к агрессивному поведению, что позволяет обозначить его как «Напряжение».

Второй фактор, объясняющий 15% общей дисперсии, образуют следующие характеристики:

дерется	0,824
царапается	0,822
кусается	0,783
плюется	0,621
рвет на себе волосы	0,522

Обозначенное содержание можно обозначить как «Физическая агрессия», причем, по мнению учителей, ее объектом может выступать как другой человек, так и сам ребенок.

Третий фактор (12% дисперсии) включает в себя такие поведенческие проявления, как:

непослушание	0,765
огрызание	0,744
истерика	0,628
слезы	0,596
побеги из класса	0,594

Послушание школьника или его прилежание – один из обязательных, еженедельных параметров оценки учителем поведения ребенка. Конечно, агрессивный ребенок является для взрослых большим испытанием на прочность. Практика консультирования свидетельствует, что подобное поведение пугает взрослых и, как следствие, вызывает у них ответную агрессивную реакцию. Пугает потому, что детская агрессивность неверно трактуется как «испорченность» ребенка, наличие в нем зла, которое требует искоренения. Обнаружение в процессе консультации нового смысла агрессивной реакции как реакция борьбы за свои интересы, понимание ее как более здоровой формы, чем безоговорочное подчинение или нытье, хныкание, позволяет педагогу иначе выстраивать свое взаимодействие. По ведущему дескриптору данного фактора его можно назвать «Непослушание».

Четвертый фактор (8% общей дисперсии) образован следующими признаками:

грубит	0,906
обзывает	0,825
дразнит	0,684

Содержание данного фактора довольно однородно. Его возможно интерпретировать как «Вербальная агрессия».

И пятый фактор, находящийся на пороге случайности по значимости для респондентов, включает в себя несколько шкал:

разбрасывает вещи	0,736
портит имущества	0,527

рвет тетради, книги	0,525

Очевидно, что представленные в данном конструкте шкалы объединяет направленность разрушительных действий ребенка на неодушевленные предметы, что позволяет зафиксировать его как «Косвенная агрессия».

Таким образом, феноменология агрессивного поведения школьников представлена в профессиональном педагогическом сознании пятью категориями: «Напряжение», «Невербальная агрессия», «Непослушание», «Вербальная агрессия» и «Косвенная агрессия». Структура и содержание категорий, образующих когнитивную модель детской агрессии, демонстрируют, что для учителей она в основном выступает как непроизвольная и деструктивная агрессия (физическая, вербальная, смещенная), происходящая на фоне взрыва негативных эмоций, переходящих в неконтролируемые школьником действия.

Когнитивная модель детерминант детской агрессии

В итоге частотного анализа было выявлено, что наиболее типичными причинами агрессивного поведения ребенка с точки зрения педагогов выступают: семейное воспитание / неблагополучная семья (74%), конфликты с одноклассниками (54%), компьютерные игры и содержание телевизионных передач (43%). Аналогичные детерминанты называются в числе ведущих отечественными и зарубежными специалистами [3; 4].

В итоге факторизации исходных матриц было получено пять независимых факторов.

Первый фактор, описывающий 31% общей дисперсии, представлен шкалами:

воспитание в семье	0,924
семейные проблемы	0,824
стресс	0,722
развод родителей	0,695
жестокое обращение с детьми	0,668
недостаток внимания к ребенку	0,594

В данном факторе оказались соединены как устойчивые, так и ситуативные аспекты семейных взаимоотношений. В целом этот ведущий конструкт можно зафиксировать как «Семейное неблагополучие».

Второй фактор (18% дисперсии) образован дескрипторами:

«авторитет» класса	0,902
конфликты с одноклассниками	0,876
непонимание других людей	0,806
привлечение внимания	0,728
переходный возраст	0,636

Дескрипторы, образующие этот конструкт, объединяет указание на детерминанты агрессивного поведения, связанные с нарушением межличностных отношений, прежде всего среди одноклассников. Ведущая шкала фактора – «авторитет класса» – представляет собой выраженную на обы-

денном языке обобщенную характеристику личности агрессора, которой присущи позитивное отношение к насилию, потребность доминировать над другими, стремление запугивать сверстников [3; 4]. Обобщение содержания этого фактора позволяет обозначить его как «Нарушение межличностных отношений».

Третий фактор (16% дисперсии) включает в себя такие шкалы, как:

компьютерные игры	0,867
агрессивные фильмы	0,864
сегодняшнее время	0,724
интернет	0,699

В этом факторе зафиксированы изменения социокультурной ситуации развития ребенка, в первую очередь обусловленные повсеместным распространением различного рода мультимедиаустройств и транслируемых их посредством содержания. Составляющие конструкта позволяют обобщенно обозначить его как «Медиавоздействие».

Четвертый фактор (13% дисперсии) представлен следующими причинами детской агрессии:

низкая отметка	0,824
несогласие с учителем	0,803
нелюбимое дело	0,764
проблемы в учебе	0,624
не нравится учитель	0,586

В педагогической конфликтологии несогласие с выставляемыми отметками рассматривается как одна из самых распространенных причин непонимания между учителем и учеником (А.Я. Анцупов, В.И. Журавлев и др.). В целом выявленный фактор-категорию можно обозначить как «Проблемы в учебной деятельности».

Пятый, самый слабый фактор (6% дисперсии) образован шкалами:

неуверенность в себе	0,788
завышенная/заниженная самооценка	0,745
безответная любовь	0,696
не боится наказания	0,672

Данный конструкт, по мнению педагогов, объединяет в себе особенности самоотношения ребенка (неуверенность, неадекватность самооценки), стиля семейного воспитания (отсутствие страха наказания), жизненной ситуации школьника (влюбленность). В обобщенном виде его можно зафиксировать как «Индивидуальные особенности».

Итак, когнитивная модель детерминант агрессивного поведения школьников представлена в профессиональном педагогическом сознании следующими пятью категориями (по убыванию их субъективной значимости для респондентов): «Семейное неблагополучие», «Нарушение межлич-

ностных взаимоотношений», «Медиавоздействие», «Проблемы в учебной деятельности» и «Индивидуальные особенности».

Необходимо отметить, что по своему содержанию выявленную модель можно считать социально-психологической. Однако отдельно следует остановиться на той детерминанте агрессивного поведения школьников, которая совершенно выпадает из поля сознания учителя, а именно – на агрессии со стороны педагога как провокаторе ответной агрессии ребенка.

В масштабном исследовании, проведенном 10 лет назад сотрудниками социологической лаборатории НИО Министерства образования Республики Беларусь, было выявлено, что в глазах белорусских учащихся учитель сегодня выступает как один из основных стигматизаторов, т.е. «наклеиватель ярлыков» на своих воспитанников, а потому он имеет непосредственное отношение к отклоняющемуся поведению школьников, т.е. сам провоцирует подобное поведение [5]. Эти данные свидетельствуют о том, что ученики довольно хорошо осознают мало рефлексируемую самими педагогами негативную установку на их восприятие и понимание.

В любой социономической профессии присутствует определенный потенциал деструктивности, чаще всего – это возможность злоупотребления властью. Об этом говорят представители различных психологических школ. Если рассматривать отношения «Учитель – Ученик» с позиций теории потребностей А. Маслоу, то необходимо признать, что педагог, как и любой человек, имеет свои потребности. Если они являются дефицитарными (в любви, уважении, признании и др.), то всегда существует риск их удовлетворения за счет учеников. Поскольку, согласно данным А. Маслоу, уровня самоактуализации, которому и соответствуют идеальное отношение педагога к ребенку – бескорыстное, заинтересованное, принимающее и т.п., – достигают единицы, то вполне объяснимо, что существует большой риск самоутверждения учителя за счет детей. Сторонники глубинной психологии объясняют деструктивность «помогающих» специалистов, опираясь на идею о полярности архетипов К.Г. Юнга. Архетипы, которые являются привлекательными в педагогической профессии, конкретизируются как опытная зрелость – детская наивность. Поскольку оба полюса архетипа удерживать в себе очень сложно, то часто взрослые вытесняют свое детское начало. Портрет такого учителя с расщепленным архетипом А. Гуггенбюль-Крейг описывает следующим образом: «Такие учителя противостоят детям и жалуются на то, что они не хотят учиться, поскольку дети действуют им на нервы. Учитель такого рода и внешне и внутренне полностью дистанцирован от детского начала. Дети для него – существа, не имеющие с ним ничего общего. Сам он ни за что не захотел бы быть ребенком. Такие учителя часто терроризируют своих учеников, выстраивая свое отношение к детям исключительно на принципах дисциплины, поряд-

ка и послушания. Подчас им даже доставляет удовольствие демонстрировать ученикам свою власть и мучить их нарочно заниженными оценками, основанными лишь на произволе учителя» [6, с. 77]. Таким образом, угроза злоупотребления властью уже заложена в самой психологии людей, а наблюдаемый сегодня прессинг педагогов со стороны других субъектов образования (администрации, родителей, а нередко и самих школьников) только провоцирует ее материализацию в отношениях с учениками.

Думается, что именно незнание или игнорирование ведущей закономерности «насилие порождает насилие» вынуждает педагога к использованию деструктивных средств взаимодействия с детьми. В ряде исследований, в том числе и в известной работе Р. Бернса [7], доказано, что позитивное отношение педагога к самому себе является необходимым условием для организации продуктивных, личностно-развивающих отношений со школьниками. Учитель же с низкой самооценкой, «склонный испытывать чувство незащищенности, нередко идентифицируется с авторитарными ролями, что влечет за собой как чрезмерную жестокость и властность в поведении, так и желание любой ценой утвердиться в глазах своих подчиненных, т.е. учащихся» [7, с. 328].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие основные заключения.

Феноменология детской агрессии в существующей у педагогов когнитивной модели данного типа поведения ограничена негативными эмоциями и деструктивными, насильственными действиями, т.е. реактивной агрессией. У учителей фактически отсутствуют знания о более «тонких» видах агрессии: произвольной, косвенной, конструктивной, проактивной.

Имея достаточно полные представления о социально-психологических детерминантах детской агрессии (семейное неблагополучие, насилие в СМИ, нарушение межличностных отношений в группе сверстников и др.), педагоги совершенно игнорируют такой ее фактор-провокатор, как насилие со стороны самого учителя.

Понимание учителем авторитаризма как одного из ведущих проявлений деструктивности в профессионально-педагогической деятельности и освоение основных методов его предупреждения должно выступать необходимой составляющей психологической компетенции современного педагога. В противном случае школа будет продолжать оставаться социальным институтом, порождающим агрессивное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес ; пер. с фр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 416 с.

2. Демоз, Л. Психоистория / Л. Демоз ; пер. с англ. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 242 с.

3. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

4. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 2001. – 352 с.

5. Липай, Т.П. О проявлении стигматизации в процессе образования / Т.П. Липай // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 140–141.

6. Гуггенбюль-Крейг, А. Власть архетипа в психотерапии и медицине / А. Гуггенбюль-Крейг ; пер. с нем. – СПб. : Б.С.К., 1997. – 117 с.

7. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1986. – 420 с.

Cognitive models of child's aggression and its reasons in professional consciousness of teachers

The results of teachers' research of implicit knowledge about the phenomenology of child's aggressive behavior and its reasons are presented. It is educed that teachers in the direct practice of co-operating with schoolchildren mainly operate knowledge about reactive aggression. The cognitive pedagogical model of reasons of aggressive behavior of a child can be described as socially-psychological and corresponding to modern scientific knowledge about this group of factors. However beyond the field of consciousness of teachers there is understanding of violence from the teachers' side as one of sources of aggressive behavior of a student.

Keywords: cognitive model, factor analysis, category, aggressive behavior, violence, destruction.

АГРЕССИЯ В СТРУКТУРЕ АДАПТАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Несомненная актуальность исследований социально-психологической адаптации в современной психологии детерминирована развитием самой науки, которая, накопив огромный потенциал в виде результатов многочисленных исследований, переходит к изучению динамики различных психологических феноменов на более глубоком уровне. Одно из наиболее актуальных направлений современной психологии связано с исследованием проблемы формирования личности индивида, развития его индивидуально-психологических качеств и других личностных компонентов через призму особенностей адаптационного процесса, в который включен индивид. Изучение феноменологических и динамических аспектов этой проблемы могло бы способствовать прогнозированию и, следовательно, управлению психосоциальным развитием индивида.

Кроме того, одной из причин обращения к психологической проблематике адаптации индивида является также актуализация в современной социокультурной и экономической ситуации психических и психосоциальных факторов в этиологии и генезе психопатологических расстройств и

суицидального поведения [4; 7]. Процесс адаптации индивидов, подвергшихся психотравмирующим воздействиям различных стрессогенных факторов окружающей среды, оказывается иногда чрезвычайно осложненным, что может способствовать возникновению некоторых деструктивных интрапсихических феноменов и неблагоприятной трансформации личности [5; 6]. Детальное исследование проблем, связанных с процессом адаптации индивида в ситуациях взаимодействия его с деструктивными факторами социальной среды, является, таким образом, источником укрепления и сохранения психического здоровья человека. Практическая значимость изучения этой проблемы обусловлена необходимостью совершенствования и оптимизации адаптационного процесса, особенно в условиях неблагоприятных, а иногда и психотравмирующих, влияний со стороны окружающей среды, являющихся причиной повышенного психического напряжения.

Особое место в исследованиях адаптации занимает изучение ее различных аспектов применительно к современным Вооруженным Силам, от боевой готовности которых зависит безопасность всего общества. Относительная социальная изоляция воинских подразделений в целом и каждого солдата в частности, которая непременно сопровождает службу в армии, является для многих юношей, проходящих действительную военную службу, дополнительным стрессогенным фактором, детерминирующим нарушения их адаптации. Такая социально-психологическая ситуация в армии чревата, в свою очередь. различными деструктивными процессами в воинских подразделениях, негативно сказывающимися на выполнении ими как плановых, так и внезапных боевых задач, а также ростом количества психогенных нарушений и распространением суицидального поведения у военнослужащих. Психологическое же сопровождение лиц, проходящих службу в Вооруженных Силах, не может осуществляться полноценно и эффективно без знания психологических особенностей адаптации индивидов в этих условиях.

Несмотря на всю актуальность психологической проблематики адаптации индивида в особых условиях, анализ существующей литературы показывает, что относительно мало изученными остаются психологические особенности адаптации индивида в условиях относительной социальной изоляции, а имеющиеся в этой сфере исследования часто страдают неопределенностью и противоречивостью данных относительно таких важнейших предикторов адаптации, как личностные свойства, а также особенностей их влияния на общие и специфические закономерности процесса.

Таким образом, настоящая психологическая тематика нуждается в дополнительной разработке, а описанные феномены – в тщательном исследовании. Кроме того, изучение динамики индивидуально-личностных характеристик людей в условиях относительной социальной изоляции необходимо для оказания им психологической помощи и оптимизации про-

цесса адаптации, а знание психологических предикторов успешности адаптации, а также механизмов и стратегий адаптационного процесса могло бы способствовать более адекватной боевой подготовке в современных Вооруженных Силах. В связи с вышеизложенным исследования процесса адаптации военнослужащих, находящихся в условиях относительной социальной изоляции, приобретают сегодня особую значимость.

Настоящее исследование направлено на изучение агрессивных проявлений личности в процессе адаптации в условиях относительной социальной изоляции. Эта достаточно общая цель была разделена нами на три основных задачи: 1) выявить динамику особенностей агрессивных проявлений личности успешно адаптированных и дезадаптированных индивидов в процессе их адаптации в условиях относительной социальной изоляции; 2) провести сравнительный анализ агрессивных проявлений успешно адаптированных и дезадаптированных индивидов; 3) выявить взаимосвязи агрессивных проявлений личности с успешностью адаптации в условиях относительной социальной изоляции.

Методологической основой исследования явились психологические концепции закрытых групп (K. Lewin, K.K. Smith, D.N. Berg, H. Blumberg, R.C. Ziller, D. Katz, R. Kahn, A. Benyamin) [9; 10; 11; 13; 15; 16; 17], а также системный подход в психологических исследованиях, в частности основные теоретические положения теории поля К. Левина [8; 12; 14], согласно которой поведение индивида есть функция динамического системного взаимодействия факторов внутренней (состояние субъекта) и внешней (окружение) ситуации, а адаптация является процессом гомеостатической регуляции в системе моделей личности и окружения; системный анализ механизмов психической адаптации и состояний дезадаптации, предлагаемый Ю.А. Александровским [1].

Гипотеза исследования – адаптация личности в условиях относительной социальной изоляции и ее успешность обеспечиваются различиями и динамикой индивидуально-личностных характеристик адаптанта, в частности уровня, направленности и формы выражения агрессии: в начальном периоде адаптации посредством понижения раздражения, физической и вербальной агрессии и повышения косвенной агрессии, негативизма, обиды, подозрительности и чувства вины, в дальнейшем – посредством увеличения доли физической и вербальной агрессии.

Экспериментальное исследование проводилось нами в течение четырех лет (включая период пилотажного исследования) на базе мобильной бригады Вооруженных Сил Республики Беларусь, дислоцирующейся в г. Витебске, и нескольких факультетах Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. В качестве испытуемых экспериментальной группы выступили военнослужащие, проходящие срочную военную службу (всего 478 человек), контрольную группу составили 279 сту-

дентов 1–2 курсов ВГУ. Испытуемые обеих групп – юноши в возрасте от 18 до 22 лет.

Описание экспериментального плана. Независимой переменной в исследовании выступили условия относительной социальной изоляции; зависимыми переменными – агрессивные проявления личности в процессе адаптации. Для проверки гипотезы исследования была использована организационная схема на основе экспериментального плана с множественными сериями измерений (Д. Кэмпбелл) [2]. Она предполагала исследование, в котором экспериментальная и контрольная группы подвергались предварительному тестированию и дважды – тестированию в ходе экспериментального воздействия (для диагностики агрессивных проявлений использовался опросник Баса-Дарки). Использование повторного тестирования позволило выделить особенности адаптации испытуемых экспериментальной и контрольной групп на этапах начальной (первые 6 месяцев) и дальнейшей (от 6 до 18 месяцев) адаптации. Эквивалентность экспериментальной и контрольной групп подтверждалась результатами предварительного тестирования. Такая схема позволила контролировать переменные, представляющие угрозу внутренней валидности: фон, естественное развитие, эффект тестирования, инструментальную погрешность, регрессию, состав групп, выбывание, взаимодействие состава групп с естественным развитием и другими факторами. Переменная «взаимодействие состава групп с естественным развитием» не представляла угрозу внутренней валидности ввиду того, что начало существования обеих групп совпадало по времени с предварительным тестированием. Переменные, обусловленные взаимодействием тестирования и экспериментального воздействия, а также реакцией испытуемых на эксперимент, представляющие угрозу внешней валидности, частично контролировались экспериментальными условиями. Переменная взаимодействия состава групп и экспериментального воздействия частично контролировалась предварительным тестированием.

Использование лонгитюдной схемы также позволило значительно точнее определить временную динамику интрапсихических изменений испытуемых ввиду устранения фактора межгрупповой вариативности, поскольку на всем протяжении эксперимента исследовалась одни и те же экспериментальная и контрольная группы.

Статистическая проверка гипотезы. Для выявления интраиндивидуальных изменений зависимых переменных в процессе адаптации испытуемых, а также определения межиндивидуальных различий юношей с различной степенью эффективности адаптационного процесса испытуемых как внутри одной группы, так и между испытуемыми экспериментальной и контрольной групп использовался t-критерий Стьюдента. Для установления

взаимозависимости особенностей агрессивных проявлений и эффективности процесса адаптации использовался корреляционный анализ.

Для решения задач исследования, связанных с дифференцированием характера динамики агрессивных проявлений и установлением различий агрессивных проявлений у испытуемых с разной степенью успешности адаптации, экспериментальная и контрольная группы нами были разделены на две категории испытуемых: успешно адаптирующиеся и дезадаптирующиеся. Основанием для такого разделения послужила степень выраженности успешности адаптационного процесса, исходя из интегрального показателя «адаптация» методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. Успешно адаптированные испытуемые, кроме того, характеризовались выраженным эмоциональным комфортом, свободой переживаний и их презентаций в контакте с окружающими, удовлетворенностью условиями жизни и деятельности, принятием себя и других, адекватными и гибкими стратегиями и механизмами разрешения конфликтных и проблемных ситуаций, отсутствием глубоких хронифицированных негативных переживаний (тоски, печали, вины, стыда и т.д.), депрессивных проявлений, соответствующим ситуации поведением, удовлетворительным физическим самочувствием и т.д. Для дезадаптированных испытуемых было характерно: выраженный эмоциональный дискомфорт, хронифицированные паттерны поведения вне зависимости от социального контекста, трудности в разрешении текущих жизненных проблем, выраженные хронифицированные негативные переживания и сложность в их выражении и презентации в контакте, депрессивные проявления, неадекватные представления о себе и других, определяющие поведение в различных ситуациях, выраженная неудовлетворенность сложившимися условиями существования и т.д.

Результаты диагностики агрессивных проявлений

Феноменология и динамика агрессивных проявлений юношей, адаптирующихся к условиям относительной социальной изоляции (экспериментальная группа – начальный период адаптации). В ходе исследования проявлений агрессии в конце начального периода адаптации юношей (экспериментальная группа) в условиях относительной социальной изоляции нами было обнаружено, что у успешно адаптировавшихся юношей все без исключения формы агрессивных проявлений выражены в меньшей степени по сравнению с дезадаптированными юношами. Так, показатели физической агрессии достоверно ниже у адаптированной части выборки ($t = 3,76$, $p < 0,05$). Аналогично обстоит дело с другими проявлениями агрессии: косвенной ($t = 5,17$, $p < 0,05$), раздражением ($t = 6,93$, $p < 0,05$), негативизмом ($t = 4,25$, $p < 0,05$), обидой ($t = 11,45$, $p < 0,05$),

подозрительностью ($t = 6{,}09$, $p < 0{,}05$), вербальной агрессией ($t = 4{,}15$, $p < 0{,}05$) и чувством вины ($t = 6{,}91$, $p < 0{,}05$).

Результаты проведенного корреляционного анализа на этом этапе адаптации обнаруживают сходную психологическую картину. Так, нам удалось выявить достоверно значимую отрицательную связь между показателем успешности адаптации и выраженностью следующих шкал: физической агрессии ($r = 0{,}253$, $p < 0{,}01$), косвенной агрессии ($r = 0{,}228$, $p < 0{,}01$), раздражения ($r = 0{,}394$, $p < 0{,}01$), негативизма ($r = 0{,}341$, $p < 0{,}01$), обиды ($r = 0{,}485$, $p < 0{,}01$), подозрительности ($r = 0{,}230$, $p < 0{,}01$), вербальной агрессии ($r = 0{,}253$, $p < 0{,}01$) и чувства вины ($r = 0{,}365$, $p < 0{,}01$).

Кроме того, нам представляется целесообразным отметить следующий интересный факт. Для всей выборки за прошедшие 6 месяцев службы была отмечена тенденция к снижению показателей физической агрессии ($t = 4{,}50$, $p < 0{,}05$), раздражения ($t = 3{,}04$, $p < 0{,}05$), вербальной агрессии ($t = 4{,}49$, $p < 0{,}05$) и, наоборот, к повышению показателей косвенной агрессии ($t = 4{,}18$, $p < 0{,}05$), негативизма ($t = 3{,}17$, $p < 0{,}05$), обиды ($t = 4{,}23$, $p < 0{,}05$), подозрительности ($t = 3{,}81$, $p < 0{,}05$) и чувства вины ($t = 4{,}23$, $p < 0{,}05$). Таким образом, из описанной психологической картины с очевидностью вытекает наличие в процессе адаптации общей тенденции к снижению показателей явных и открытых форм агрессивных проявлений и к повышению показателей скрытых внутренних форм.

Несмотря на наличие такой общей тенденции, внутри экспериментальной группы наблюдались некоторые отличия. Так, для успешно адаптированных юношей нами было обнаружено достоверно значимое ($p < 0{,}05$) снижение показателей физической агрессии ($t = 4{,}07$), раздражения ($t = 2{,}04$), обиды ($t = 2{,}46$), подозрительности ($t = 2{,}18$), вербальной агрессии ($t = 3{,}34$) и чувства вины ($t = 3{,}56$). Что же касается дезадаптированных испытуемых, то для них было характерно, наоборот, достоверно значимое ($p < 0{,}05$) повышение показателей косвенной агрессии ($t = 5{,}16$), негативизма ($t = 3{,}28$), обиды ($t = 5{,}36$), подозрительности ($t = 5{,}24$) и чувства вины ($t = 6{,}02$).

Важным нам представляется также и то, что динамика некоторых агрессивных форм проявлений (косвенной агрессии, подозрительности, чувства вины) в структуре адаптационных механизмов относится именно к адаптационному периоду первых 6 месяцев службы, к окончанию которого достигается некоторая стабильность в этой сфере. Так, за период от 6 месяцев до 18 месяцев каких-либо значимых изменений в особенностях этих форм агрессивных проявлений юношей не произошло. Однако, с другой стороны, в этот же период нами наблюдалась тенденция к повышению показателей физической агрессии ($t = 3{,}74$, $p < 0{,}05$), раздражения ($t = 3{,}20$,

$p < 0,05$), негативизма ($t = 2,93$, $p < 0,05$), вербальной агрессии ($t = 2,27$, $p < 0,05$) и обиды ($t = 3,24$, $p < 0,05$).

Причем и сейчас внутри экспериментальной группы нами наблюдались некоторые отличия. Так, успешно адаптированные испытуемые обнаруживали достаточно ярко выраженную тенденцию к повышению показателей физической агрессии ($t = 3,54$, $p < 0,05$), вербальной агрессии ($t = 4,17$, $p < 0,05$), косвенной агрессии ($t = 1,78$, $p < 0,05$), раздражения ($t = 1,97$, $p < 0,05$), обиды ($t = 2,34$, $p < 0,05$), в то время, как дезадаптированных юношей характеризовало лишь снижение показателей физической агрессии ($t = 2,35$, $p < 0,05$).

Феноменология и динамика агрессивных проявлений юношей, адаптирующихся к условиям относительной социальной изоляции (экспериментальная группа – период дальнейшей адаптации). Спустя 18 месяцев службы соотношение различных форм агрессивных проявлений юношей экспериментальной группы с разной степенью адаптированности выглядело следующим образом. По показателям косвенной агрессии и подозрительности каких-либо различий между успешно адаптированными и дезадаптированными юношами нам обнаружить не удалось. Между тем, успешно адаптированные юноши отличались достоверно более низкими показателями раздражения ($t = 2,86$, $p < 0,05$), негативизма ($t = 1,71$, $p < 0,05$), обиды ($t = 2,87$, $p < 0,05$) и чувства вины ($t = 1,95$, $p < 0,05$). А вот вербальная ($t = 2,38$, $p < 0,05$) и физическая ($t = 2,46$, $p < 0,05$) агрессия у них была значительно выше, чем у дезадаптированных юношей.

Результаты корреляционного анализа. Описываемая психологическая картина находит свое подтверждение и в результате изучения данных корреляционного анализа. Так, нами была обнаружена достоверно значимая положительная связь между показателем успешности социально-психологической адаптации и такими формами проявления агрессивности, как физическая агрессия ($r = 0,275$, $p < 0,01$) и вербальная агрессия ($r = 0,254$, $p < 0,01$), а также достоверно значимая отрицательная связь между успешностью адаптации и проявлениями раздражения ($r = –0,264$, $p < 0,01$), негативизма ($r = –0,283$, $p < 0,01$), обиды ($r = –0,33$, $p < 0,01$) и чувства вины ($r = –0,28$, $p < 0,01$).

Таким образом, соотношение форм агрессивных проявлений в динамике адаптационного процесса проходит два основных этапа. Первый этап (начальной адаптации), который продолжается около 6 месяцев, характеризуется понижением раздражения, физической и вербальной агрессии и повышением косвенной агрессии, негативизма, обиды, подозрительности и чувства вины. Несмотря на наличие такой общей тенденции, успешно адаптированные юноши отличаются снижением физической агрессии, раздражения, обиды, подозрительности, вербальной агрессии и чувст-

ва вины и обнаруживают к окончанию начального периода адаптации более низкие показатели по всем шкалам. Дезадаптированные же юноши, наоборот, обнаруживают достоверно значимое повышение показателей косвенной агрессии, негативизма, обиды, подозрительности и чувства вины, а к окончанию этого этапа – более высокие показатели по всем шкалам по сравнению с успешно адаптированными.

Второй период (дальнейшей адаптации) – от 6 месяцев до 18 месяцев – характеризуется увеличением доли физической и вербальной агрессии в поведении успешно адаптирующихся юношей экспериментальной группы по сравнению с дезадаптированными и увеличением доли раздражения, чувства вины, негативизма и обиды в поведении дезадаптированных юношей.

Феноменология и динамика агрессивных проявлений испытуемых контрольной группы. Начальный период адаптации (первые 6 месяцев). Несколько иная психологическая картина наблюдалась нами в контрольной группе. К окончанию периода начальной адаптации у успешно адаптированных студентов отмечались более низкие показатели раздражения ($t = 2{,}20$, $p < 0{,}05$), обиды ($t = 3{,}02$, $p < 0{,}05$), подозрительности ($t = 1{,}73$, $p < 0{,}05$) и чувства вины ($t = 2{,}24$, $p < 0{,}05$). Каких-либо достоверных отличий по шкалам физической агрессии, косвенной агрессии, негативизма и вербальной агрессии обнаружено не было.

Результаты корреляционного анализа показали наличие значимой ($p < 0{,}01$) отрицательной связи между успешностью адаптации студентов выраженностью показателей по шкалам раздражения ($r = –0{,}31$), обиды ($r = –0{,}37$), подозрительности ($r = –0{,}36$) и чувства вины ($r = –0{,}37$).

В начальный период адаптации юношей контрольной группы была выявлена тенденция к снижению показателей по следующим шкалам: раздражения ($t = 1{,}67$, $p < 0{,}05$), обиды ($t = 2{,}12$, $p < 0{,}05$), подозрительности ($t = 3{,}04$, $p < 0{,}05$) и чувства вины ($t = 2{,}46$, $p < 0{,}05$). Между тем, каких-либо значимых изменений по шкалам вербальной, физической, косвенной агрессии и негативизма отмечено не было. Причем описанная тенденция была характерна и для адаптированной, и для дезадаптированной частей контрольной группы.

Феноменология и динамика агрессивных проявлений испытуемых контрольной группы. Дальнейшая адаптация (от 6 месяцев до 18 месяцев).

Изучение особенностей агрессивных проявлений испытуемых контрольной группы позволило установить, что к окончанию этого периода успешно адаптированные юноши отличались более низкими показателями косвенной агрессии, раздражения ($t = 3{,}78$, $p < 0{,}05$), обиды ($t = 2{,}78$, $p < 0{,}05$), подозрительности ($t = 2{,}18$, $p < 0{,}05$) и чувства вины ($t = 3{,}69$, $p < 0{,}05$). Каких-либо достоверных отличий по шкалам физической агрес-

сии, косвенной агрессии, негативизма и вербальной агрессии обнаружено нами не было.

Во время этого периода адаптации успешно адаптированные юноши отличались достоверно значимым снижением показателей раздражения ($t = 2,36$, $p < 0,05$) и чувства вины ($t = 2,47$, $p < 0,05$). Дезадаптированные же испытуемые характеризовались стабильностью проявлений всех форм агрессии.

Сравнение особенностей проявления агрессии испытуемых экспериментальной и контрольной групп. Сравнение экспериментальной и контрольной выборок по критерию соотношения форм агрессивных проявлений показало следующее.

В начале адаптационного периода юноши экспериментальной группы отличались более высокими показателями физической агрессии ($t = 2,75$, $p < 0,05$), раздражения ($t = 1,80$, $p < 0,05$), вербальной агрессии ($t = 1,89$, $p < 0,05$) и более низкими показателями косвенной агрессии ($t = 1,93$, $p < 0,05$), негативизма ($t = 2,43$, $p < 0,05$), обиды ($t = 2,76$, $p < 0,05$), подозрительности ($t = 2,65$, $p < 0,05$) и чувства вины ($t = 2,31$, $p<0,05$).

В конце адаптационного периода адаптированные юноши экспериментальной группы отличались более высокими показателями по шкалам физической агрессии ($t = 4,07$, $p < 0,05$), раздражения ($t = 3,26$, $p < 0,05$), обиды ($t = 2,25$, $p < 0,05$), подозрительности ($t = 2,33$, $p < 0,05$), вербальной агрессии ($t = 4,12$, $p < 0,05$). Показатели косвенной агрессии, негативизма и чувства вины у юношей экспериментальной и контрольной групп достоверно не отличались.

Обсуждение результатов

Полученные результаты дали возможность установить особенности динамики агрессивных проявлений личности успешно адаптирующихся и дезадаптирующихся индивидов, а также отличия агрессивных проявлений юношей с различной степенью успешности адаптационного процесса в условиях относительной социальной изоляции. На основании проведенного корреляционного анализа была выявлена взаимосвязь успешности адаптации индивида в условиях относительной социальной изоляции с его агрессивными проявлениями. Выделение в экспериментальной и контрольной группах двух категорий юношей в зависимости от успешности их адаптации в условиях относительной социальной изоляции позволило дифференцировать особенности динамики агрессивных проявлений успешно адаптированных и дезадаптированных индивидов, а также выявить отличия агрессивных проявлений юношей с различной степенью успешности адаптации.

Динамика агрессивных проявлений. Анализ полученных результатов позволил определить, что соотношение форм агрессивных проявле-

ний в динамике адаптационного процесса в условиях относительной социальной изоляции проходит два основных этапа.

Первый этап (начальной адаптации), который продолжается около 6 месяцев, характеризуется для всей выборки понижением раздражения, физической и вербальной агрессии и повышением косвенной агрессии, негативизма, обиды, подозрительности и чувства вины. Так, у всех испытуемых на этом этапе снижается выраженность проявлений вспыльчивости, резкости, грубости, а также использования физической силы против окружающих и выражения негативных чувств посредством ссор, криков, угроз, ругательств и т.д. Однако в это же время для всех испытуемых, адаптирующихся в условиях относительной социальной изоляции, становится более характерной тенденция к выражению агрессии окольным путем – через злобные шутки, сплетни или агрессии, которая ни на кого не направлена – через топанье ногами, крики и взрывы ярости и т.д. Также на этом этапе становятся более распространенными следующие формы агрессивного поведения: оппозиционная форма поведения, направленная обычно против авторитета и командования, причем это поведение чаще всего имело характер пассивного сопротивления; зависть к окружающим, обусловленная чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или мнимые страдания; недоверие и осторожность по отношению к людям, основанные на убеждении, что окружающие намерены причинить вред; чувство вины, часто выражающееся в аутоагрессивных действиях. Несмотря на наличие такой общей для всей исследуемой группы тенденции, успешно адаптированные юноши обнаруживают более явное снижение выраженности всех форм агрессивного поведения.

Второй период (дальнейшей адаптации) – от 6 месяцев до 18 месяцев – характеризуется увеличением доли физической и вербальной агрессии в поведении успешно адаптирующихся юношей и увеличением доли раздражения, чувства вины, негативизма и обиды в поведении дезадаптированных индивидов. Так, динамика агрессивных проявлений успешно адаптирующихся юношей была связана с тем, что все чаще ими применялась физическая сила против сослуживцев и прямые выражения агрессивных чувств посредством угроз, проклятий, криков, оскорблений. Динамика же агрессивных проявлений дезадаптирующихся индивидов по-прежнему в основном отличалась увеличением в общем соотношении агрессивных форм непрямых агрессивных проявлений: вспыльчивости, резкости, грубости, чувства вины и аутоагрессивных действий, пассивной оппозиционной формы поведения, а также зависти, горечи и обиды.

Агрессивные проявления юношей с различной степенью успешности адаптации. *Сравнительный анализ* предпочитаемых форм агрессии юношей с различной степенью успешности адаптационного процесса показал,

что успешно адаптированные и дезадаптированные индивиды отличаются преимущественно используемыми формами агрессивных проявлений. Причем эти различия на разных этапах адаптационного процесса имеют свои особенности.

В начальный период адаптации успешно адаптированные юноши характеризовались меньшей агрессивностью и враждебностью по сравнению с дезадаптированными. Так, они гораздо реже использовали физическую силу против сослуживцев, крики, угрозы и проклятия, для них были менее характерны проявления зависти, недовольства, склонность к раздражению, недоверию и осторожному отношению к людям, оппозиционная форма поведения, а также более редкое использование окольным путем направленных против сослуживцев сплетен, шуток и проявление ненаправленных, неупорядоченных взрывов ярости, обиды и вины.

На этапе дальнейшей адаптации сравнение выраженности различных форм агрессивных проявлений юношей с разной степенью адаптированности показало следующее. Успешно адаптированные юноши отличались менее выраженной склонностью к раздражению, вспыльчивости, резкости, грубости, оппозиционной формой поведения, направленной против авторитетов. Также для них были менее характерны проявления зависти, обиды и ненависти к окружающим, аутоагрессия и чувство вины. Вместе с тем успешно адаптированные юноши более дезадаптированных были склонны использовать физическую силу, а также угрозы, ругань, крики и проклятия против своих сослуживцев. Проявления косвенной агрессии и подозрительности успешно адаптированных и дезадаптированных юношей на этом этапе адаптации не отличались.

Взаимосвязь успешности адаптации с особенностями агрессивных проявлений юношей. *Корреляционный анализ* успешности адаптации в условиях относительной социальной изоляции и степени выраженности используемых адаптантами форм агрессивных проявлений показал, что для каждого из этапов адаптационного процесса характерны специфические для него факторы успешности адаптации индивида. Так, использование в начальном периоде адаптации физической силы против сослуживцев, крики, угрозы и проклятия, проявления зависти, недовольства, склонность к раздражению, недоверию и осторожному отношению к людям, оппозиционная форма поведения, использование окольным путем направленных против сослуживцев сплетен, шуток и проявление ненаправленных, неупорядоченных взрывов ярости, а также обиды и вины являются факторами, релевантными дезадаптации в исследуемых условиях. Однако уже в период дальнейшей адаптации в условиях относительной социальной изоляции явно проявляемые физическая и вербальная агрессия выступают в качестве факторов успешности адаптации. Таким образом, существенную роль в

процессе адаптации юношей к условиям относительной социальной изоляции играет увеличение роли физической и вербальной агрессии в соотношении форм агрессивных проявлений.

Заключение

Соотношение форм агрессивных проявлений в динамике адаптационного процесса в условиях относительной социальной изоляции проходит два основных этапа. Первый этап, который продолжается около 6 месяцев, характеризуется понижением раздражения, физической и вербальной агрессии и повышением косвенной агрессии, негативизма, обиды, подозрительности и чувства вины. Несмотря на наличие такой общей тенденции, успешно адаптированные юноши обнаруживают более низкие показатели по всем шкалам. На наш взгляд, выявленная динамика определяется влиянием возникновения совершенно новой социальной ситуации, в которой оказывается молодой военнослужащий. Для этого периода адаптации ведущим прогностическим фактором ее успешности, по всей видимости, выступает ассимиляция или интроекция существующих в окружении ценностей и традиций, проявляющихся в виде устойчивых паттернов поведения. При этом явная и прямая агрессивность не в состоянии выполнить эту задачу, в то время как сложности в принятии новых норм поведения и ценностей могут проявляться лишь в форме косвенных агрессивных проявлений. Кроме того, не секрет, что прямая агрессия молодого солдата может оказаться просто опасной и уж никак не способствующей его адаптации к новым условиям.

Второй период – от 6 месяцев до 18 месяцев – характеризуется увеличением доли физической и вербальной агрессии в поведении успешно адаптирующихся юношей и увеличением доли раздражения, чувства вины, негативизма и обиды в поведении дезадаптированных юношей. Эта динамика может быть объяснена возникновением новой социальной ситуации, совершенно отличной от предыдущей. Так, в этот период ведущая задача адаптации, релевантная ассимиляции или интроекции ценностей и норм поведения, сменяется задачей, связанной с ясным обозначением своих границ и освоением социальной среды для достижения наибольшего комфорта, что предполагает выраженность прямых форм агрессии. Косвенная или внутренняя агрессия при этом начинает выступать в качестве прогностического фактора дезадаптации. Кроме того, по всей видимости, смена модальности агрессии является результатом идентификации с агрессором (старшими военнослужащими), происходившей в течение первого полугодия службы.

Описанная динамика агрессивных проявлений в процессе адаптации, вероятно, лежит в основе системы неуставных отношений, или так называемой «дедовщины», характерной для условий относительной соци-

альной изоляции, в частности во время прохождения действительной военной службы. Однако для более достоверного описания роли и места динамики агрессивных проявлений в генезе неуставных отношений, на наш взгляд, необходимы дополнительные исследования других релевантных «дедовщине» факторов: системы ценностей и традиций соответствующей армейской среды, стиля руководства, системы отношений в исследуемой социальной системе, условий службы, психологического климата социальной среды и т.д. Исходя из полученных результатов, мы можем лишь констатировать, что существенную роль в процессе адаптации юношей к условиям относительной социальной изоляции играет увеличение роли физической и вербальной агрессии в соотношении форм агрессивных проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский, Ю.А. Пограничные психические расстройства / Ю.А. Александровский. – М. : Медицина, 1993. – 400 с.

2. Кэмпбелл, Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбелл. – СПб. : Соц.-психол. центр, 1996. – 391 с.

3. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М. : Просвещение, 1969. – 659 с.

4. Погодин, И.А. Место и роль социально-психологической дезадаптации в генезе суицидального поведения / И.А. Погодин // Актуальные проблемы кризисной психологии : сб. науч. тр. / отв. ред. Л.А. Пергаменщик. – Минск : НИО, 1999. – С. 61–72.

5. Погодин, И.А. Психологические аспекты адаптации личности в динамике суицидального поведения : учеб. пособие / И.А. Погодин. – Витебск : ВГУ, 1999. – 91 с.

6. Погодин, И.А. Социально-психологическая дезадаптация личности и суицид: феноменология, динамика, модели психологической помощи : метод. рек. / И.А. Погодин. – Минск : НИО, 2000. – 67 с.

7. Погодин, И.А. Феноменология, динамика и психологические механизмы адаптации индивида в условиях психологического кризиса / И.А. Погодин // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 1. – С. 76–89.

8. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность : в 2 т. / Х. Хекхаузен. – М. : Педагогика, 1986. – Т. 1. – 407 с.

9. Benyamin, A. Behavior in small groups / A. Benyamin. – Boston : Houghton Mifflin, 1978. – 437 p.

10. Blumberg, H. Small groups and social interaction / H. Blumberg, A.V. Hare, Kent, M. Davies (Eds.). – New York : Wiley, 1983. – V. 2. – 593 p.

11. Katz, D. The Social Psychology of organization / D. Katz, R. Kahn. – New York : Wiley, 1967. – 498 p.

12. Lewin, K. Dynamic theory of psychology: select paper / K. Lewin. – N.Y. – L. : McGraw-Hill, 1935. – P. 106.

13. Lewin, K. Field theory in social science / K. Lewin // Selected papers / Ed. by D. Cartwrigt. – New York : Harper & Row. – 1964. – 346 p.

14. Lewin, K. Field theory of learning / K. Lewin // Yearbook of National Social Studies of Education, 1942. – Vol. 41. – P. 35–37.

15. Lewin, K. Resolving social conflicts / K. Lewin // Selected papers on group dynamics / Ed. by C. Lewin, H. Souvenires. – 1973. – 230 p.
16. Smith, K.K. Paradoxes of group life / K.K. Smith, D.N. Berg. – San Francisco : L. Jossey-Bass. – 1987. – 281 p.
17. Ziller, R.C. Toward theory of open and closed groups / R.C. Ziller // Psychologycal Bulletin. – 1965. – V. 64, № 3. – P. 164–182.

Aggression in structure of adaptive process

Results concerning the research of personal aggressive manifests in adapting to the conditions of relative social isolation are presented. Individual psychological determinants of the adaptive process were established. Both aggressive manifests correlation with individual success in adaptive process in the conditions of relative social isolation, and a dynamic of aggressive manifests of successfully adapted and maladjusted individuals were revealed. A comparative analysis of well adapted and maladapted individuals aggressive manifests was conducted.

Keywords: conditions of relative social isolation, socio-psychological adaptation (maladjustment), aggressive manifests.

АГРЕССИЯ И НАРУШЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

МОТИВАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ У НАРКОМАНОВ

Проблема наркотизации молодежи на современном этапе требует углубленного теоретического изучения и практического исследования. Область изучения наркозависимости как аддикции в отечественной психологии возникла в девяностых годах двадцатого века, когда остро заявила о себе проблема наркотизации молодежи в странах постсоветского пространства. В настоящее время исследования наркозависимости представлены достаточно многочисленными разработками таких российских психологов, как С.В. Березин и К.С. Лисецкий [1], В.С. Битенский и Б.Т. Херсонский [2], А.Е. Личко [3], И.Н. Пятницкая [4] и др. Так, психологические изыскания сконцентрированы на изучении патопсихологии наркотической зависимости, созависимости, структуры аддиктивного поведения, психологических проблемах наркозависимости, роли психолога в работе с зависимостями. Многие психологические исследования посвящены наркомании как заболеванию: причинам формирования наркомании, особенностям преморбида больных наркоманией, психопатиям и акцентуациям характера наркоманов. Психологами разработаны психосемантические методы исследования больных героиновой наркоманией, изучены клинико-социальные последствия наркоманий, а также восстановление утраченной идентичности личности в случаях наркозависимости, реабилитация наркоманов. Однако мотивационную сферу аддиктивной личности, конкретно наркомана, они рассматривают косвенно. В указанных источниках термины «потребности», «мотивы» наркотизации смешиваются и чаще всего заменяются понятием «причины употребления наркотиков».

Вместе с тем изучение мотивации наркоманов к употреблению наркотиков позволяет определить, с одной стороны, механизмы формирования аддиктивной личности, с другой, возможности и перспективы нормального, продуктивного развития индивида.

В отечественной психологии классические основы научного понимания и изучения *мотивации* были заложены концептуальными трудами отечественных психологов в рамках проблем мотивов и потребностей как мотивационно-потребностной сферы. Так, психологами изучена феноменология мотивации деятельности, механизмы мотивации, определены подходы к проблеме мотивации поведения человека. Специалистами исследована мотивационная регуляция деятельности, полимотивированность поведения,

взаимосвязь мотивации поведения и формирования личности, мотивация деятельности в чрезвычайных условиях. Обзорными работами по психологии мотивации, потребностей и мотивов стали труды В.Г. Леонтьева, П.М. Якобсона, где представлены отечественные и зарубежные подходы по данной проблематике.

На данном основании с целью изучения мотивации наркоманов к употреблению наркотиков мы обратились к понятию *«мотивационно-потребностная сфера» личности*, которое детально разработано в отечественной психологии. Проведенный теоретический анализ проблемы мотивационно-потребностной сферы показывает, что в подходах к ее разрешению присутствует неоднозначность. Одни психологи утверждают, что мотивационная сфера является системой ценностей человека, стержневой структурой личности; другие определяют ее местоположение в таких личностных образованиях, как направленность и мотивация. Но наряду с различием представленных определений обнаруживается определенное единство: *под мотивационной сферой личности,* как правило, понимается *соотношение потребностей и мотивов*.

Однако, рассматривая мотивацию как психологический феномен, нам пришлось столкнуться с трудностями. Еще А.Н. Леонтьев отмечал, что возникает терминологическая неясность: как синонимы употребляются термины «мотивация» и «мотив». Также «мотивацию» связывают с потребностями, мировоззрениями, личностными особенностями, функциональными состояниями, с ожидаемыми последствиями и оценками других людей. А.Н. Леонтьев пишет, что работы по проблеме мотивации не поддаются систематизации – до такой степени различны понятия, по поводу которых употребляется термин «мотив», и что само понятие «мотивация» превратилось в большой мешок, в котором сложены самые различные вещи [5].

Подход А.Н. Леонтьева к проблеме мотивационной сферы личности в отличие от других теоретических подходов наделяет мотивационную сферу основополагающим значением в жизнедеятельности человека. Так, А.Н. Леонтьев считает, что в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития, за которыми открывается соотношение мотивов. Строение мотивационно-потребностной сферы личности, по мнению А.Н. Леонтьева, представляет собой устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий или систем жизненных отношений. Мотивационная сфера личности, пишет он, всегда является многовершинной, и даже в наивысшем развитии никогда не напоминает застывшую пирамиду, ибо в ней присутствует конфликтность мотивационных линий, которая определяет эволюцию или регресс личности. И эти внутренние соотношения главных мотивационных линий в «целокупности деятельностей» человека

образуют как бы общий «психологический профиль личности», ее мотивационно-потребностную сферу [5].

Созданная А.Н. Леонтьевым *модель строения мотивационной сферы личности* представляет собой устойчивую конфигурацию иерархизированных систем жизненных отношений, или мотивационных линий, которые конфликтуют между собой, что обусловливает развитие личности. В силу названных преимуществ подход А.Н. Леонтьева взят за методологическую основу исследования мотивации употребления наркотиков у наркоманов.

Исследование *мотивов употребления наркотиков наркоманами* проведено в рамках Брестской областной комплексной «Программы противодействия злоупотреблению наркотиками на 2004–2005». Выборочная совокупность наркоманов в возрасте 17–22 лет представлена пятьюдесятью юношами, употребляющими наркотики постоянно и состоящими на учете в наркодиспансере г. Бреста более трех лет.

Методология и методика проведенного исследования. Теоретические положения Б.В. Зейгарник [5], Б.С. Братуся [6], Т.И. Букановской [7] являются базовыми при определении модели мотивационной сферы наркомана. Так, согласно теории аномального развития личности Б.В. Зейгарник, норма и патология не могут рассматриваться совершенно изолированно. Ибо познается один объект – закономерности психической жизни индивида, понять который можно, лишь изучая все проявления этой жизни, в том числе и испытания экстремальными условиями аномального развития [5].

Основоположник теории аномалий личности Б.С. Братусь при исследовании механизмов формирования алкоголизма применяет понятие «трехмерное пространство». Положение личности в пространстве определяется тремя координатами: системой сменяющих друг друга деятельностей; культурой как системой значений; системой смыслов, стержнем которой является нравственное сознание. При формировании алкогольной зависимости у индивида изменяется система деятельностей, в первую очередь возникают признаки иллюзорно-компенсаторной деятельности, в ходе которой происходит иллюзорное удовлетворение потребностей. Со временем иллюзорно-компенсаторный характер алкогольной деятельности распространяется на другие, «неалкогольные» деятельности, которые также направляются на имитацию достижения цели с подключением эмоциональных компонентов, при этом нарушается нравственно-ценностная сфера личности. В итоге такого переформирования «возникает» фактически новая личность с качественно новыми мотивами и потребностями, с новой их внутренней организацией [6].

Т.И. Букановская руководствуется позицией Б.С. Братуся относительно личности, которая не может полностью быть устремленной к прие-

му алкоголя или наркотиков. На основе теории субличностей Т.И. Букановская рассматривает структуру личности опийных наркоманов, анализирует процесс формирования наркоманической субличности. «Она изначально либо депримированная, либо искаженная, вносящая диссонанс в процессы целостной интеграции. В условиях продолжающегося приема наркотиков наркоманическая субличность становится доминирующей, что приводит к подавлению других структур личности», – пишет Т.И. Букановская [7, с. 48]. Наркоманическая субличность обладает собственной характеристикой, старается удовлетворить свои потребности и желания, стремится к независимому существованию, имеет прозрачные границы, поэтому и «заражает» все остальные субличности. Но, считает автор, даже в самых тяжелых случаях зависимости от наркотиков в личности всегда остаются оппозиционные структуры или субличности, непримиримые к приему наркотиков, равно как «сочувствующие» и индифферентные субличности, которые следующими вовлекаются в процесс наркотизации [7].

Опираясь на теоретические положения Б.В. Зейгарник, Б.С. Братуся и Т.И. Букановской, можно предположить, что мотивационная сфера наркомана включает «здоровые» мотивы и *мотивы злоупотребления* наркотиками. При этом, мотивы в мотивационной сфере наркомана, во-первых, постоянно между собой «конфликтуют», во-вторых, структурируются в иерархию, где главенствующие позиции «захватывают» мотивы злоупотребления нарковеществами.

Кроме того, уточним значения используемых в статье понятий «*злоупотребление»* и «*употребление*» наркотиков. В наркологии первое применяется исключительно к наркоманам, а второе – к лицам, употребляющим наркотики, но не имеющим заболевания наркоманией [8].

Для определения у наркоманов мотивации к злоупотреблению нарковеществами использован авторский опросник «Мотивы употребления наркотиков» (МУН), который по девяти шкалам выявляет мотивы наркотизации: *традиционные, субмиссивные, псевдокультурные, гедонистические, гиперактивации, атарактические, аддиктивные, абстинентные*, *самоповреждения* [9].

Интерпретация результатов исследования. На основе анализа данных у наркоманов определена *иерархия мотивов наркотизации*, представленная таблицей 7 в сравнении с показателями студенческой выборки.

Доминирующее положение в иерархии занимают личностно-патологические мотивы: *гиперактивации* (желание возбуждения, стимулирования поведения)*, гедонистические* (стремление к получению удовольствия от наркотика)*, абстинентные* (желание психического комфорта при отсутствии абстинентных явлений)*, атарактические* (от греч. ataraxia – невозмутимость, душевное спокойствие; стремление нейтрализовать негативные эмоции)*, аддиктивные* (влечение к измененному состоянию созна-

ния). Подчиненными являются социально обусловленные мотивы: *псевдокультурные* (стремление приспособиться к наркоманическим ценностям молодежной субкультуры), *традиционные* (желание поддерживать сложившиеся индивидуальные или групповые традиции употребления наркотиков), *субмиссивные* (от англ. submission – подчинение; стремление подчиняться прессингу группы). Слабо выражены, латентны мотивы самоповреждения (аутоагрессия, стремление употреблять наркотики в качестве протеста, из-за потери смысла жизни).

Таблица 7 – Мотивы злоупотребления наркотиками у наркоманов

Наименование мотивов	Сила мотивов		Достоверность различий
	Студенты (n = 1000)	Наркоманы (n = 50)	
Традиционные	10,60 ± 3,87	13,64 ± 5,84	+
Субмиссивные	12,53 ± 4,26	11,06 ± 5,50	+
Псевдокультурные	12,67 ± 3,73	16,55 ± 4,12	+
Гедонистические	17,11 ± 3,59	21,06 ± 3,42	+
Атарактические	15,12 ± 4,22	18,70 ± 4,75	+
Гиперактивации	14,01 ± 4,46	21,79 ± 4,06	+
Абстинентные	15,76 ± 3,75	19,06 ± 5,56	+
Аддиктивные	14,31 ± 3,81	18,00 ± 5,87	+
Самоповреждения	12,22 ± 4,25	10,60 ± 4,44	+

Полученные результаты подтверждаются исследованиями российских психологов, изучавших личностные особенности наркоманов. Они показывают, что наркомания формируется в подростковом и юношеском возрасте у лиц, которые отличаются демонстративным проявлением чувств, пониженной способностью к длительной, целенаправленной деятельности, раздражительностью, склонностью к избыточному фантазированию. Среди наркоманов чаще всего обнаруживают лиц с гипертимным, неустойчивым, конформным, циклоидным типом акцентуаций характера. У наркоманов выявлены нарушения эмоционального функционирования, неадекватная самооценка, отсутствуют способность совладения со стрессом и саморегуляция, обнаружены низкие показатели интеллекта, общеобразовательного и культурного уровней, неудовлетворенность собственной жизнью [2; 3; 10–12].

Так, С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Е.А. Назаров на основе теории персонализации В.А. Петровского представляют наркотическую личность тремя ее пространствами: интраиндивидным, интериндивидным, метаиндивидным. В *интраиндивидном пространстве* наркотическая личность

выражается теми личностными особенностями индивида, появление которых связано со злоупотреблением наркотиков. В *пространстве межиндивидных связей* наркотическая личность проявляется общением с членами семьи и наркоманами. Авторы отмечают, что родители, близкие наркомана, взаимодействуя с его наркотической частью, отвергают ранее любимого и дорогого им человека, тем самым усугубляют зависимость наркомана от наркосреды. *Метаиндивидное пространство* включает действия и переживания наркотической личности, которые отражаются в жизни других людей, приобретая в них свою *продолженность.* Действия и переживания наркотической личности отражаются и в самом индивиде, расширяя сферу своего присутствия, тем самым сокращается пространство здоровой части личности наркомана [1; 13].

Мотивы *гиперактивации* и *гедонистические* злоупотребления наркотиками, выявленные в мотивационной сфере наркоманов, указывают на высокий уровень напряжения потребностей при отсутствии возможностей их удовлетворения. Как отмечалось, наркомания формируется у лиц с выраженными тенденциями к самоутверждению, которые стремятся к немедленному выполнению своих желаний, однако не располагают для этого необходимыми психологическими ресурсами. Тогда побуждением к потреблению наркотиков становятся ожидания наркомана в гиперактивации возможностей на фоне наркотического опьянения. Речь идет об отношении к наркотику как средству, увеличивающему возможности индивида во взаимодействии с миром. Вследствие этого у наркомана доминируют потребность в гиперактивации поведения и желание получать «счастье как товар» постоянно, не прилагая к этому реальной деятельности [14].

Аддиктивные мотивы злоупотребления наркотиками свидетельствуют, на наш взгляд, о наличии в мотивационной сфере наркоманов патологической потребности в изменении психического состояния сознания. Наркотик для наркомана является важнейшим условием контакта с жизнью, с собой, с другими людьми. Переживаемая эйфория является состоянием, когда достигается нормальное для наркомана психическое и физиологическое функционирование организма. Действие наркотиков прерывает единство временной системы, подавляя будущее, прошедшее, одновременно изменяет систему актуального настоящего, заменяя ее потоком неуправляемых образов. Эйфорические образы влияют на поведение, сферу удовольствий, желаний и полностью преобладают над реальной жизнью наркомана. Все эти эффекты достигаются в состоянии наркотического опьянения, в итоге у индивида формируется потребность в постоянном подавлении здоровых частей личности путем изменения состояния сознания [15].

Абстинентные мотивы наркотизации потенциально вскрывают потребность наркоманов в психическом комфорте при отсутствии абстинентных явлений. Наркоманы ощущают свое тело как болезненное и страдающее, но проявляют к нему пассивную позицию, и главное, постепенно утрачивают половую идентификацию. Рисунки наркоманов, где отсутствует тело или оно схематически представлено без признаков пола, подтверждают, что злоупотребление наркотиками – это бегство от телесных ощущений, обусловленное страхом перед физиологическими реакциями организма при абстинентном синдроме [16].

Атарактические мотивы злоупотребления наркотиками, представленные в мотивационной сфере наркоманов, обнаруживают потребность в душевном спокойствии и нейтрализации негативных эмоций. Потребность, возможно, обусловлена беспомощностью наркомана перед отрицательными эмоциональными состояниями. Известно, у наркомана присутствует постоянная установка на неудачу в решении своих проблем, он слабо переносит боль и эмоциональный стресс [4; 8].

Псевдокультурные, традиционные, субмиссивные мотивы злоупотребления наркотиками, выявленные в строении мотивационной сферы изучаемых наркоманов, имеют социальную детерминацию.

Полную изоляцию молодых людей от референтной группы показывают рисунки наркоманов. Изолированность выражена на рисунке отделением от сверстников жирной чертой, кирпичными стенами, зачеркнутой стрелкой, направленной к другим людям, что является выражением переживания «Я не как все» или неудовлетворенной потребности в аффилиации [16]. Личностная неэффективность наркоманов в общении связана с затрудненной социализацией, неумением превратить проблему в задачу, со слабостью «Я», неспособного управлять собственной психической деятельностью. Причем высокий риск наркотизации наблюдается при наличии выраженной зависимости от отношения окружающих. Здесь имеется в виду неосознанное стремление наркомана к одобрению и поддержке со стороны конкретного человека [11; 17]. Значительную роль в формировании зависимого поведения играет семья и семейные отношения, особенно отношения юноши-наркомана с матерью в неполных семьях [18; 19]. Принадлежность к группе наркоманов, с одной стороны, нарастающая конфликтность в семье, отверженность в других группах, с другой стороны, и, наконец, постоянная необходимость поиска наркотика приводят наркомана к формированию у него «наркоманского» типа поведения. Наркомания становится специфическим способом жизни. Особый «наркоманский» стиль жизни носит для наркомана очевидный приспособительный характер, позволяющий ему адаптироваться с помощью наркотиков [1].

Мотивы самоповреждения, вскрывающие потребность в аутоагрессии, в иерархическом строении мотивационной сферы наркоманов занимают последнее место. Исследуемые наркоманы заявляют, что наркотики необходимы в первую очередь для снятия абстинентного синдрома, получения удовольствия, «кайфа». Между тем, факторный анализ выделяет мотивы самоповреждения как значимые в формировании наркозависимости, вследствие этого полагаем, что они функционируют на латентном уровне.

Для специалистов [1; 4; 12] аутоагрессия наркозависимого является очевидной, исследования показывают, что наркотик доставляет наркоману нечто большее, чем эйфорию. Он дает ему возможность пребывания в *ничто,* где нет внутриличностной и межличностной напряженности, где нет страхов, вины, лжи, угрызений совести. У всех наркоманов обнаруживается болезненная деформация влечений, которая выражается в обострении личностных характеристик. Так, наблюдается высокая тревожность, болезненно выраженная инертность, которая превращается в алчность. Агрессивность проявляется вспышками разрушительной враждебности, интроверсия трансформируется в аутичность, пассивность – в мазохизм, пессимистичность преобразуется в депрессию, мнительность и сензитивность – в ипохондрию, эмотивность – в импульсивное поведение. Это свидетельствует о том, что наркоманы находятся в состоянии дезадаптации. Типичной для наркоманов является сниженная способность к рефлексии, самоанализу.

Сочетание противоречивой структуры потребностей, мотивационной неустойчивости с бессознательными механизмами защиты (агрессия, вытеснение, уход) свидетельствует о невротическом характере и психологическом инфантилизме наркоманов. Отношения обследуемых с другими мужчинами, женщинами имеют конфликтный характер, а их потребности в достижении, автономии и любви фрустрированы. Наркоманы не верят в собственные силы и не удовлетворены собой. Обнаружена высокая тревожность наркозависимых в отношении настоящего, будущего, жизненной перспективы в целом. Они не могут реализовывать в жизни свои желания. «Уход» наркомана от настоящего и будущего с помощью наркотиков имеет защитный адаптивный характер. Общее психологическое состояние наркомана определяется как *экзистенциональный кризис*, который, предполагаем, и обнаруживают мотивы самоповреждения, выражающиеся в стремлении употреблять наркотики из-за потери смысла жизни.

Таким образом, у наркоманов юношеского возраста исследованы девять мотивов злоупотребления наркотиками. Установлены сформировавшиеся между мотивами корреляции, поясняющие свойственные наркоманам признаки зависимости от наркотиков. Они представлены в таблице 8, в которой шрифтом выделены статистически достоверные корреляции.

Таблица 8 – Корреляция мотивов наркотизации у наркоманов

Мотивы наркотизации	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Традиционные	1,000	**,675**	**,618**	,359	–,005	,122	,227	,302	,141
2. Субмиссивные	**,675**	1,000	**,537**	,319	,146	,111	,231	,185	,243
3. Псевдокультурные	**,618**	**,537**	1,000	,344	,226	,175	–,017	–,025	–,109
4. Гедонистические	,359	,319	,344	1,000	**,405**	**,526**	,168	,113	–,093
5. Атарактические	–,005	,146	,226	**,405**	1,000	**,709**	**,501**	,290	,096
6. Гиперактивации	,122	,111	,175	**,526**	**,709**	1,000	**,492**	,337	–,052
7. Абстинентные	,227	,231	–,017	,168	**,501**	**,492**	1,000	**,850**	,250
8. Аддиктивные	,302	,185	–,025	,113	,290	,337	**,850**	1,000	,233
9. Самоповреждения	,141	,243	–,109	–,093	,096	–,052	,250	,233	1,000

Выявлены корреляции умеренной силы между социальными мотивами: традиционными и субмиссивными (r = 0,68; p = 0,05), традиционными и псевдокультурными (r = 0,62; p = 0,05), субмиссивными и псевдокультурными (r = 0,54; p = 0,05). Данные связи обнаруживают «наркоманский» образ жизни испытуемых, обусловленный постоянным употреблением наркотиков более трех лет. Сильная корреляция существует между мотивами гиперактивации и атарактическими (r = 0,71; p = 0,05), средними показателями выражена корреляция между мотивами гиперактивации и гедонистическими (r = 0,53; p = 0,05), гиперактивации и абстинентными (r = 0,49; p = 0,05), атарактическими и гедонистическими (r = 0,41; p = 0,05). Обнаруженные корреляции между личностными мотивами подтверждают наличие у наркомана потребности в адаптации к жизни с помощью наркотиков. Наиболее сильная корреляционная связь открыта между патологическими мотивами: аддиктивными и абстинентными (r = 0,85; p = 0,05). Это свидетельствует о сформированности у наркоманов наркотической зависимости не только на психическом, но и на физиологическом уровне, доказывает наличие заболевания наркоманией.

Факторный анализ мотивов злоупотребления наркотиками у наркоманов устанавливает три фактора, совокупно обусловливающие 74% от общей дисперсии. В первый фактор входят с положительными значимыми весами социальные мотивы, выявляющие зависимость наркомана от «наркоманической субкультуры»: традиционные (0,883), субмиссивные (0,839), псевдокультурные (0,811), что позволяет его называть «*социальным фактором*». Во второй фактор входят с положительными значимыми весами мотивы, удовлетворяющие личностные потребности в активности, душевном комфорте, удовольствиях: гиперактивации (0,898), атарактические (0,828), гедонистические (0,660). И он, соответственно, получает название «*личностного фактора*». Третий фактор включает патологические мотивы с положительными значимыми весами, которые обнаруживают наркоманию, болезненное влечение к наркотикам: аддиктивные (0,834), абстинентные (0,812) и мотивы самоповреждения (0,646), поэтому его можно называть «*патологическим фактором*». Наибольший вклад в суммарную общность дисперсии дает «социальный фактор» (26 %), далее – «личностный фактор» (25%) и «патологический» (22 %), тем самым выстраивается иерархия *причин* злоупотребления психоактивными веществами у исследуемых наркоманов.

Заключение. Мотивы наркотизации, эмпирически выявленные у наркоманов, обусловливают наркозависимость как парадоксальное поведение относительно адаптации наркомана к условиям окружающей жизни. С одной стороны, это явно неадаптивное поведение, так как потребление наркотиков связано с активным преодолением не только социально детерминированных правил и норм, но и инстинкта самосохранения. С другой стороны, потребление наркотиков для наркомана является способом адаптации к жизни и в этом смысле может быть рассмотрено как поведение адаптивное. Парадоксальность наркомании заключается в способе адаптации путем саморазрушения, при этом негативные эффекты и последствия наркомании выступают как важнейшие условия адаптации наркомана к реалиям жизни [1; 11; 13].

Проведенное исследование показывает, что для предотвращения наркотизации молодежи необходима ранняя наркопрофилактика, формирование у детей и подростков поведенческих паттернов негативного отношения к психоактивным веществам. Наркопрофилактическая работа в молодежной среде должна быть направлена на утверждение здорового образа жизни и развитие адаптивности к изменяющимся условиям действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психология наркотической зависимости и созависимости / С.В. Березин [и др.]. – М. : Междунар. пед. акад., 2001. – 240 с.

2. Наркомании у подростков / В.С. Битенский [и др.]. – Киев : Здоровье, 1989. – 216 с.

3. Личко, А.Е. Подростковая наркология : рук. для врачей / А.Е. Личко, В.С. Битенский. – Л. : Медицина : Ленингр. отд-ние, 1991. – 301 с.

4. Пятницкая, И.Н. Наркомании : рук. для врачей / И.Н. Пятницкая. – Минск : Медицина, 1994. – 544 с.

5. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.

6. Зейгарник, Б.В. Личность и патология деятельности / Б.В. Зейгарник. – М. : МГУ, 1971. – 84 с.

7. Братусь, Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М. : Мысль, 1988. – 300 с.

8. Букановская, Т.И. Анализ структуры личности и новые подходы к психотерапевтической работе с больными опийной наркоманией / Т.И. Букановская // Вопр. наркологии. – 1999. – № 4. – С. 46–49.

9. Наркология / Л.С. Фридман [и др.]. – М. : БИНОМ ; СПб. : Нев. диалект, 2000. – 319 с.

10. Аксючиц, И.В. Методика изучения мотивов употребления наркотиков / И.В. Аксючиц // Психол. журн. – 2007. – № 1. – С. 52–59.

11. Кольцова, О.В. Психология работы с наркозависимыми / О.В. Кольцова. – СПб. : Речь, 2007. – 160 с.

12. Хмелевская, О.Е. Психологические предикторы и детерминанты формирования наркотической аддикции личности с нарушением адаптации : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01 / О.Е. Хмелевская ; Сибир. гос. технол. ун-т. – Красноярск, 2005. – 22 с.

13. Котлярова, С.В. Динамика показателей ценностно-смысловой сферы и самоотношения в процессе комплексной психологической реабилитации лиц, страдающих зависимостью от психоактивных веществ : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.01 / С.В. Котлярова ; Ростов. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 2005. – 22 с.

14. Петровский, В.А. Психология неадаптивной активности / В.А. Петровский. – М. : Горбунок, 1992. – 224 с.

15. Бузина, Т.С. Мотивация к поиску острых ощущений как предпосылка к рискованному поведению в отношении наркотизации и ВИЧ-инфекции / Т.С. Бузина, Н.А. Должанская // Вопр. наркологии. – 1997. – № 3. – С. 51–53.

16. Козлов, В.В. Психотехнологии измененных состояний сознания / В.В. Козлов. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. – 544 с.

17. Курек, Н.С. Нарушения психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте / Н.С. Курек. – СПб. : Алтея, 2001. – 225 с.

18. Шнейдер, Л.Б. Восстановление утраченной идентичности в случаях наркозависимости / Л.Б. Шнейдер // Наркоугроза и противодействие : сб. ст. – М. : МЦПН, 2000. – С. 240–260.

19. Шорохова, О.А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости / О.А. Шорохова. – СПб. : Речь, 2002. – 136 с.

20. Калмыкова, Е.С. Роль типа привязанности в генезе и динамике аддиктивного поведения / Е.С. Калмыкова, М.А. Гагарина, М.А. Падун // Психол. журн. – 2007. – Т. 28. – № 1. – С. 107–114.

Psychoactive substances abuse motives among youthful age drug addicts

The results of psychological investigation among fifty adolescent age drug addicts who are registered in narcological dispensary are presented. There is an attempt to analyze the psychoactive substances abuse motives, revealed during this investigation: traditional, submissive, pseudo-cultural, hyperactive, addictive, etc. Various mechanisms of forming the drugs addicts motivation among young drug abusers are examined. Drugs dependence is defined as paradoxical behavior, which includes the methods of adapting the drug abuser through his self-destruction, when all negative consequences come out as his basic conditions of adapting to the real life. It is supposed that drug abuser motives sphere along with the "healthy" motives also includes drug addicts motives. And our diagnostic investigation helps to identify: firstly – the reasons of addiction formation, secondly – the possibilities for normal, productive individual development. It is proposed to use the actual methods of preventive treatment activity among our youth with the purpose to develop their adaptation to the changing living conditions and forming the healthy mode of life.

Keywords: psychoactive substances abuse motives.

АГРЕССИЯ В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Социально-экономическая нестабильность в обществе побуждает трудовые организации предъявлять высокие требования к профессиональным и личностным характеристикам сотрудников. Организационно-экономические изменения в профессиональной деятельности, трудовые неудачи, производственные конфликты, связанные с эмоциональными переживаниями работников, обусловливают рост личностных расстройств и нарушений поведения [1]. Среди нарушений поведения особую тревогу вызывает растущее число проявлений агрессии на работе, которую можно наблюдать повсеместно. Агрессия в служебных отношениях является элементом сложной системной проблемы адаптации работников к происходящим изменениям в сфере труда. Перед наукой стоит задача разработать и внедрить технологии, обеспечивающие эффективность, комфорт и безопасность труда работников [2]. Следует отметить, что тема агрессии в служебных отношениях в отечественной психологии является недостаточно представленной, во многих организациях она является условно закрытой, поэтому проведение эмпирических исследований часто встречает запрет. Это подтверждается малым количеством публикаций по теме, которые часто представляют обзор работ зарубежных ученых. В противовес отечественным исследованиям, во многих зарубежных странах проблема агрессии в служебных отношениях является не только теоретической, но и прикладной.

Изучение агрессивного поведения сотрудников было начато зарубежными психологами в 90-х годах XX века и активно продолжается в на-

ши дни. Р.А. Бэрон, Л. Гринберг, С.Л. Робинсон были первыми, кто обратил внимание на то, что проявляемая в организационном поведении сотрудников агрессия может причинить вред как самим сотрудникам, так и деятельности организации в целом [3]. Д. Бил, Н. Давенпорт, С. Энарайзен, Т. Филд разделяют точку зрения о вредоносном влиянии агрессии и стремятся выявить ее специфические особенности. Данные исследований К. Колодей [4], Дж. Барлинг [5], Б. Даниель, Е.М. Филд подтверждают это. Однако данная точка зрения не является единственной. Н.Н. Осипова [6], М. Агервольд [7] выдвигают идею о существовании положительных последствий проявления агрессии. Изучению этого аспекта уделяется недостаточно внимания.

В результате теоретического анализа проблемы можно сделать ряд обобщений и дополнений относительно феномена агрессии в служебных отношениях. Рассмотрение агрессии в поведении сотрудников ведется в рамках психологии личности, психологии управления, психологии труда, индустриальной (организационной) психологии с точки зрения различных теоретико-методологических подходов. Понятие «агрессия в служебных отношениях» является переводом англоязычного понятия «workplace aggression». Для описания различных её проявлений используют термины: буллинг, моббинг, отклоняющееся поведение, эмоциональное злоупотребление, насилие, грубое обращение и другие. Понятие «агрессия в служебных отношениях» является широким, обобщающим все возможные разновидности агрессии на работе. Согласно аффективно-динамическому подходу И.А. Фурманова агрессия возникает как реакция на ситуацию и является динамической характеристикой адаптивности человека и поэтому может быть конструктивной, способствующей адаптации и деструктивной, несущей вред, разрушение, проявление враждебности и жестокостих [8]. Полимодальность феномена позволяет определить агрессию в служебных отношениях как *поведение сотрудника (сотрудников) организации, обусловленное, эмоциональной и когнитивной реакциями, мотивирующими действиями, направленными на причинение ущерба и вреда (деструктивное поведение), на защиту себя и других (оборонительное поведение), на достижение значимых целей или на редукцию напряжения, возникающего в процессе выполнения работы (конструктивное поведение).*

Ролевая структура агрессии в служебных отношениях включает *непосредственных участников*, которые представлены сотрудниками организации, выступающими в ролях активного и условно-пассивного (манипулирующего) агрессора, активной и пассивной жертвы, нейтрального и включенного (со-агрессор, со-жертва) наблюдателя, а также *косвенных участников,* которые не являются сотрудниками, но могут поддерживать агрессора (со-агрессор) или жертву (со-жертва) (рисунок 3).

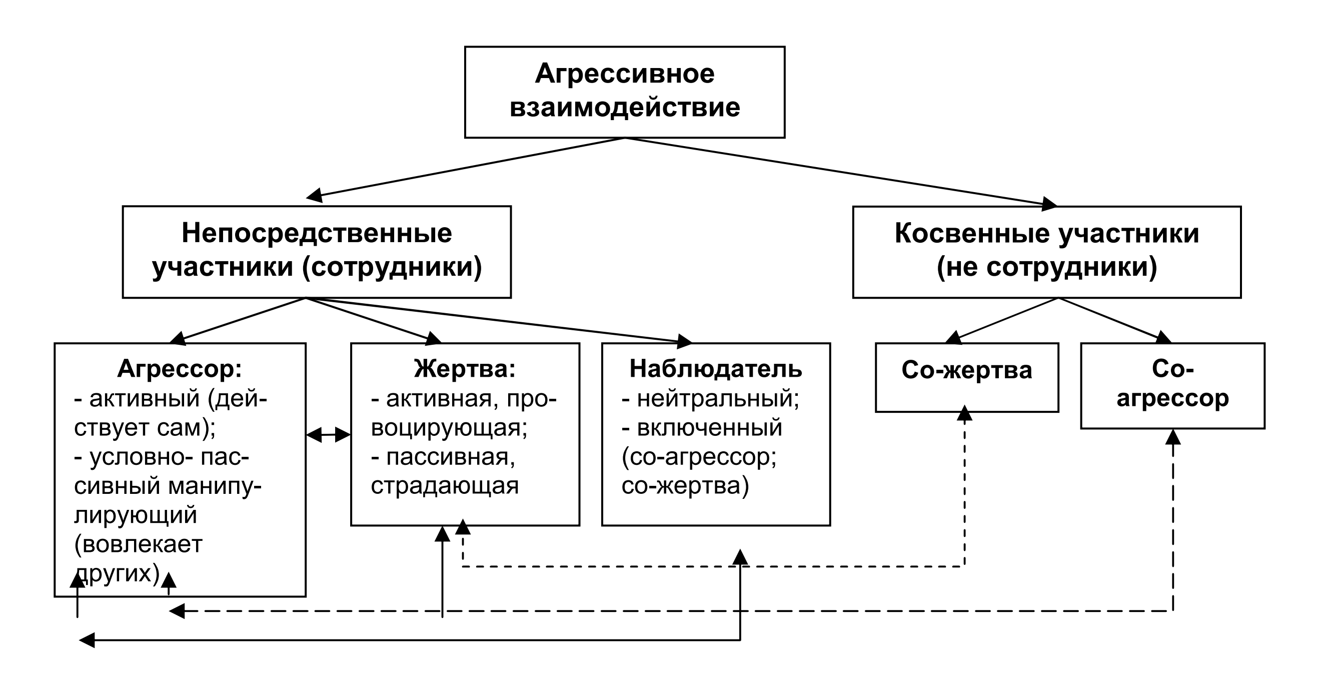

Рисунок 3 – Ролевая структура агрессии в служебных отношениях

Агрессивное поведение жертв, агрессоров и наблюдателей согласуется с подавленно-агрессивным, пассивно-агрессивным, активно-агрессивным типами поведения и соответствующими им стилями межличностных отношений, описанными И.А. Фурмановым [8].

Обобщив существующие классификации агрессии и дополнив их специфическими особенностями, классификацию агрессии в служебных отношениях можно провести по различным основаниям.

По направленности на объект: *внешняя* (гетеро), *внутренняя* (ауто) агрессия. Гетероагрессия направлена на окружающих, её объектами (субъектами) являются сотрудники, клиенты организации и другие лица, вступающие во взаимодействие с сотрудниками. Объектами (субъектами) аутоагрессии являются сотрудник, группа сотрудников, производящий агрессию. Внешняя агрессия может быть: *прямой* – направленной на объект, вызвавший агрессию; *смещенной* – направленной на объект, не связанный с причинами агрессии; *замещенной* – предполагающей неагрессивные действия, направленные на снижение агрессивного напряжения. Аутоагрессия направлена на источник агрессии, объектом выступает сам агрессор. В случае смещенной аутоагрессии жертва или наблюдатель могут проявить агрессию по отношению к себе, при этом они не являются источниками внешней агрессии.

По локализации субъектов агрессии. *Интернальная агрессия* – агрессор и жертва являются сотрудниками одной организации. *Экстернальная агрессия* – либо агрессор либо жертва не являются сотрудниками организации. Интернальная агрессия в служебных отношениях может быть: *интерперсональной*, предполагающей агрессивное взаимодействие на

уровне Личность – Личность (буллинг); и *социальной,* предполагающей взаимоотношения на уровнях Личность – Группа, Группа – Группа (моббинг). Интерперсональная и социальная агрессия может быть *вертикальной,* направленной по отношению к руководителю и/или подчиненным (боссинг, стаффинг); *горизонтальной,* направленной по отношению к сотрудникам одного статусного уровня.

По конечной цели. *Враждебная агрессия* – связана с причинением вреда сотрудникам и/или организации в целом. *Инструментальная агрессия* – связана с достижением значимых для сотрудников и организации целей. *Экспрессивная агрессия* – связана с эмоциональным отреагированием, снижением напряжения (катарсис), возникающего в сложных производственных ситуациях и в процессе служебного взаимодействия.

По форме выражения. *Враждебность* – вербальные и символические вредоносные действия по отношению к сотрудникам и/или организации в целом (ругательства, злословие, брань, использование нецензурной лексики, саботаж, демонстративное нарушение дисциплины, своевольный уход с работы и т.д.). *Обструкционизм* – скрытые действия, предполагающие причинение вреда сотрудникам и/или организации в целом (косвенная, относительная) (сокрытие и умышленное искажение деловой информации, подстрекательства к саботажу и дисциплинарным нарушениям, порча имущества и т.д.). *Открытая агрессия* – действия, связанные с применением физической силы, манифестацией своего негативного отношения к другим сотрудникам (драки, пинки, подзатыльники и т. п.).

По частоте проявления: *эпизодическая агрессия* – агрессивные действия носят случайный характер, обусловлены ситуацией и проявляются единожды; *периодическая агрессия* – агрессивные действия проявляются всякий раз в определенной, схожей производственной ситуации; *систематическая агрессия* – проявление агрессии наблюдается на работе каждый день и является «нормой» в отношениях сотрудников.

По степени осознанности: *осознанная агрессия* – сотрудник отдает отчет в своих действиях и имеет агрессивные намерения; *неосознанная агрессия* – сотрудник не понимает, что он делает и не осознает последствия своих действий.

По локализации источника агрессии: *личностная агрессия*, обусловленная уровнем агрессивности и другими личностными особенностями (агрессивность рассматривается как личностная черта), и *ситуативная агрессия*, обусловленная особенностями сложившейся ситуации. Выделяется также агрессия, обусловленная неблагоприятными *условиями труда*.

По способу регуляции. *Произвольная агрессия* возникает из желания и намерения воспрепятствовать, навредить кому-либо, добиться от кого-либо желаемого поведения, посредством криков, оскорблений, унижений.

Непроизвольная агрессия – нецеленаправленный и быстро прекращающийся взрыв гнева или ярости, действие не контролируется субъектом и протекает по типу аффекта.

По скорости агрессивной реакции: *своевременная агрессия* – возникает непосредственно после событий обусловивших её возникновение; *отсроченная агрессия* – возникает через промежуток времени после событий её вызвавших, имеет свойство накапливаться и усиливаться в случае отсутствия своевременной реакции.

Специфика агрессии в служебных отношениях определяется системой факторов, которая представлена группами индивидуально-личностных (социально-демографические, личностные, психофизиологии-ческие) и ситуативных (организационные, средовые, социально-психологические) факторов (рисунок 4).

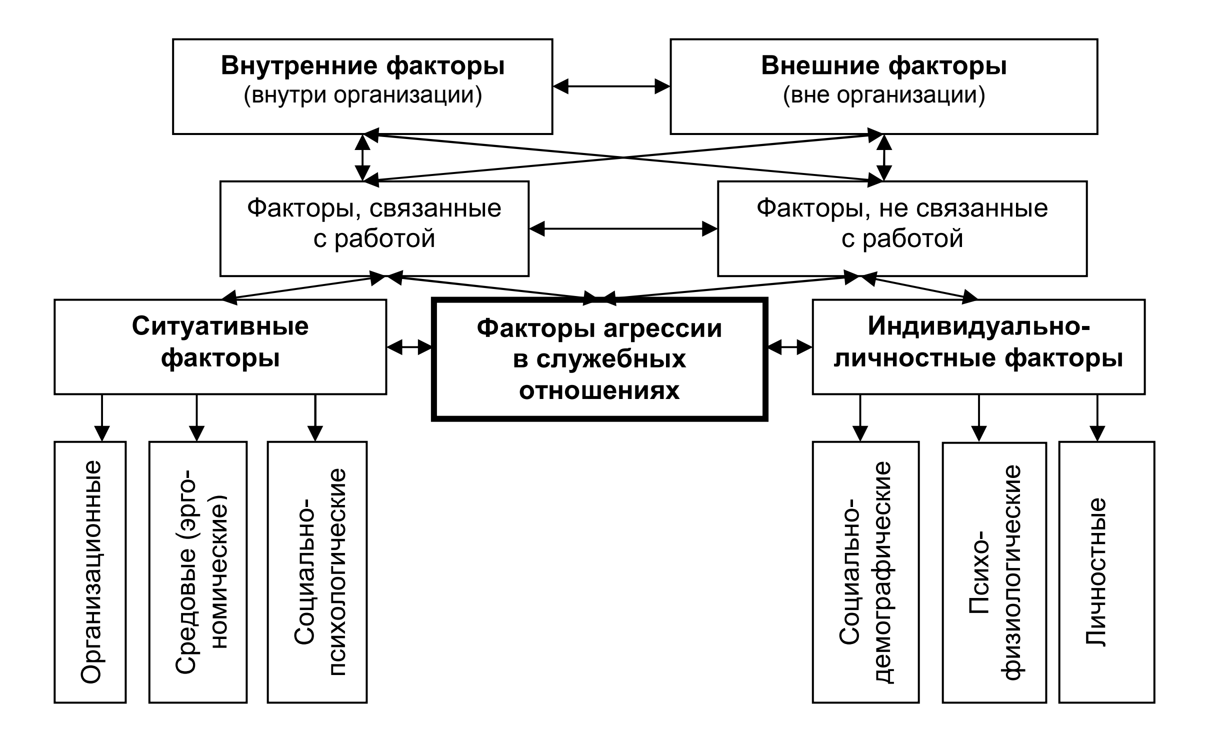

Рисунок 4 – Система факторов агрессии в служебных отношениях

Факторы могут составлять основу, предпосылки, способствующие возникновению агрессии, могут быть мотиваторами, усиливающими вероятность, либо триггерами, запускающими агрессивное поведение. Изучение факторов позволит прогнозировать возникновение агрессии и минимизировать вредоносное влияние агрессии на сотрудников и организацию в целом.

Эмпирическое исследование факторов агрессии в служебных отношениях. В 2005–2012 годах среди сотрудников трудовых организаций г. Минска с разной формой собственности было проведено изучение личностных и ситуативных факторов агрессии в служебных отношениях. Изу-

чение факторов позволит прогнозировать возникновение агрессии, а составление прогноза даст возможность руководителям контролировать динамические процессы в организации и уменьшить вредоносное влияние агрессии на жизнедеятельность сотрудников и организации в целом.

Агрессия в служебных отношениях чаще проявляется в форме враждебности и обструкционизма, реже в форме открытой агрессии и имеет высокий и средний уровень. Проявление агрессии в служебных отношениях взаимосвязано с социально-демографическими факторами: пол, возраст сотрудников, ролевая позиция в агрессивном взаимодействии (агрессор, жертва, наблюдатель), статус сотрудника в организации. Чем старше сотрудники, тем реже проявляют они агрессию в служебных отношениях. Агрессию проявляют сотрудники, имеющие опыт поведения в роли агрессора, жертвы и наблюдателя. Чаще проявляют агрессию руководители. Различий в уровне проявления агрессии между мужчинами и женщинами нет, но есть различия в выборе форм агрессии. Женщины в отличие от мужчин склонны проявлять агрессию на работе в форме враждебности, мужчины – выбирают открытые формы проявления агрессии.

Эмоциональное ролевое состояние предшествует и сопровождает агрессию в служебных отношениях, определяется ролями агрессора, жертвы, наблюдателя и относится к личностным факторам обусловливающим формы проявления агрессии в служебных отношениях.

Для диагностики эмоционального состояния в зависимости от роли в агрессивном взаимодействии была использована методика «Шкалы дифференциальных эмоций» К. Изарда, адаптированная И.А. Фурмановым [9; 10], которая позволяет оценить десять фундаментальных эмоций и четыре комплекса аффектов. Респондентам предлагались 4 формы анкеты, в которых представлены 30 различных эмоциональных реакций. Форма «А» предназначена для оценки «стандартного» эмоционального состояния, то есть обследуемому предлагается оценить: «Что вы обычно чувствуете на работе». Для дифференциации ответов используется пятибалльная шкала, включающая ответы: «никогда», «редко», «иногда», «часто», «очень часто». Форма «Б» предназначена для оценки эмоционального состояния, которое испытывает сотрудник, когда по отношению к нему проявлена агрессия, то есть обследуемому предлагается оценить: «Что вы чувствовали, когда были жертвой агрессии на работе». Форма «В» предназначена для оценки эмоционального состояния сотрудника, который стал очевидцем агрессивного взаимодействия сотрудников на работе. Инструкция предлагала оценить: «Что вы чувствуете, когда наблюдаете агрессию между сотрудниками вашей организации». Форма «Г» предназначена для оценки эмоционального состояния сотрудников в роли агрессора. Респонденты должны были оценить: «Что они чувствуют, когда сами ведут себя агрес-

сивно в отношении какого-либо сотрудника организации». Субъективность в самооценке агрессивного поведения, предыдущий опыт позволили респондентам соотнести себя с каждой из трех ролей.

Статистическая обработка данных, полученных в результате психологической диагностики изменения эмоционального состояния сотрудников в зависимости от роли, позволила установить, что обычно, находясь на работе, сотрудники чувствуют себя достаточно комфортно. В профиле фундаментальных эмоций сотрудников доминируют эмоции волнения, радости и удивления, а также комплексное аффективное состояние любви (удовольствия). Это свидетельствует о наличии чувства уверенности и собственной значимости у сотрудников, о благоприятном эмоциональном фоне взаимоотношений в коллективе, об ожиданиях новых и интересных событий; указывает на увлеченность работой, любознательность, на стремление к обучению, развитию навыков и умений, к реализации поставленных задач, на активность познавательных процессов. Данное состояние является оптимальным для качественного выполнения работы и связано с размеренным ритмом функционирования организации и делового взаимодействия сотрудников. Отвращение, презрение, страх являются менее выраженными. Проявление этих эмоций обычно связано с изменением стабильности в работе и в служебных отношениях. Изменение стабильности может быть обусловлено внешними причинами, например экономическим кризисом, или внутренними – кризисом развития организации, межличностными и межгрупповыми конфликтами.

При агрессивном взаимодействии в зависимости от роли эмоциональный профиль меняется. Так, *жертва* агрессии переживает сильное волнение, гнев, горе и отвращение, менее выраженными являются радость и стыд, страх, вина. В комплексном аффективном состоянии превалирует враждебность, тревожность и депрессия. Подвергаясь нападению со стороны коллег по работе или вышестоящего руководства, жертва чувствует себя неуверенно. Возникающее волнение тормозит ее рабочую активность, она может быть готова к ответным действиям, которые позволят ей защитить себя, она не испытывает перед агрессором чувства вины или страха. Подобное поведение может проявить жертва, переживающая сильное аффективное состояние враждебности. Однако возможно, что ситуация агрессивного взаимодействия непонятна жертве, неясны её последствия, которые связываются с опасностью. В таком случае жертва может не проявить открыто агрессию, а будет переживать тревожность, апатию, депрессивное состояние. Эти последствия в будущем могут отрицательно отразиться на здоровье и на качестве работы жертвы.

В профиле фундаментальных эмоций сотрудников в роли *агрессора* доминируют эмоции гнева, отвращения, вины, волнения, презрения. В ком-

плексном аффективном состоянии представлена тревожность и депрессия, но более выраженными являются враждебность и любовь (удовольствие). Агрессор, проявляя враждебность, обструкционизм или открытую агрессию, чувствует перед жертвой и/или коллегами вину за свои действия, за свою несдержанность, он волнуется о последствиях своего поведения, но переживания эмоции гнева столь сильны, что он не способен сдерживать агрессивный импульс. Подобным образом могут вести себя руководители, если сотрудники саботируют их распоряжения, нарушают дисциплину, проявляют неуважение, а иногда и проявляют агрессию по отношению к руководителю. Однако руководитель может обвинять в сложившейся ситуации и своих подчиненных, что «облегчит» проявление агрессии, которая будет интерпретироваться как строгость и справедливость.

Эмоционально-аффективный профиль сотрудников, *наблюдавших* агрессию среди своих коллег по работе, отличает ярко выраженный «пик» эмоции волнения и выраженная эмоция горя, остальные эмоции – отвращение, презрение, гнев, удивление, составляющие эмоциональное состояние, – являются менее выраженными. Наблюдатель может находиться в одном из комплексных аффективных состояний: тревожности, депрессии, любви (удовольствия) и враждебности, которые могут иметь четкие границы, а могут быть взаимно дополняемыми, что и будет определять особенности поведения наблюдателя (рисунок 5).

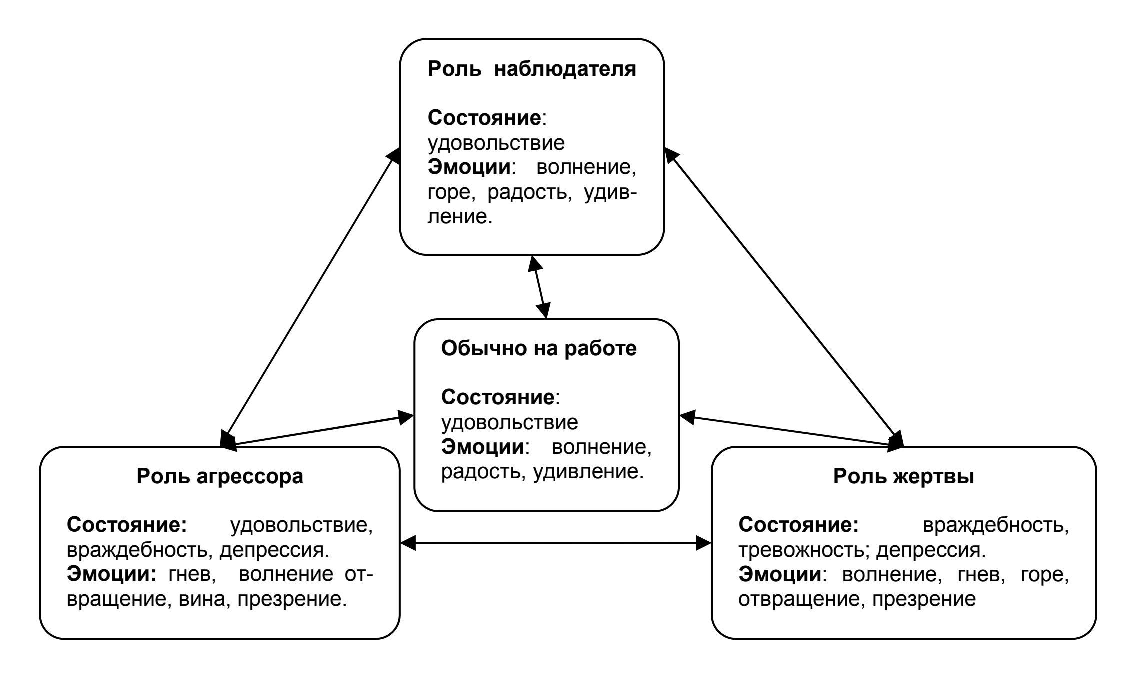

Рисунок 5 – Эмоциональное состояние сотрудников в зависимости от роли

Агрессия, проявляемая на работе, обращает на себя внимание работников, отвлекает от выполнения основных трудовых обязанностей. Сотрудники, наблюдая агрессию, не остаются равнодушными, они могут сопереживать либо жертве, либо агрессору в зависимости от особенностей ситуации и от приписываемых этой ситуации оценок. Так, если действия агрессора будут расценены как справедливые или целесообразные, то наблюдатель будет на его стороне. Если в роли агрессора выступает начальник по отношению к «нерадивому» работнику, то вероятность поддержки со стороны коллег повышается. Если действиям агрессора атрибутируется несправедливость, то наблюдатель скорее присоединится к жертве и будет сопереживать ей.

Сотрудники, наблюдающие агрессию в ходе служебного взаимодействия, могут быть обеспокоены тем, чтобы агрессивные действия не коснулись их лично и не помешали им выполнять работу. Комплексное аффективное состояние в одинаковой степени может быть представлено тревожностью, депрессией, любовью (удовольствием), враждебностью, что характеризует тенденцию наблюдателя принимать роль со-агрессора, со-жертвы или оставаться нейтральным.

В качестве общих тенденций эмоционального состояния в зависимости от роли в агрессивном взаимодействии можно отметить:

– более высокую интенсивность переживания эмоций волнения, горя, отвращения и враждебности жертвой по сравнению с агрессором и наблюдателем;

– более высокую интенсивность переживания эмоций вины агрессором по сравнению с жертвой и наблюдателем;

– более низкую интенсивность переживаний эмоций презрения, стыда и вины, а также аффективных комплексов тревожности и враждебности наблюдателем по сравнению с жертвой и агрессором;

– профили эмоций жертвы и агрессора схожи, их объединяют интенсивные переживания эмоций волнения, гнева, отвращения и комплексное аффективное состояние враждебности;

– агрессора отличает комбинация аффектов любви (удовольствия) и враждебности;

– жертву отличает комбинация аффектов тревожности враждебности и депрессии;

– доминирующим аффектом наблюдателя является депрессия.

В результате корреляционного анализа форм агрессии в служебных отношениях, эмоций, комплексов аффектов в зависимости от роли были обнаружены статистически значимые взаимосвязи. *Обычное психоэмоциональное* состояние сотрудников коррелирует с индексом агрессии (ИАРМ) и характеризуется переживанием эмоций удивления ($r = 0,16$; $p \leq 0,01$), горя ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$), гнева ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$), отвращения ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$),

презрения ($r = 0{,}30$; $p \leq 0{,}05$), комплексами тревоги ($r = 0{,}18$; $p \leq 0{,}05$) и депрессии ($r = 0{,}22$; $p \leq 0{,}05$). Чтобы была проявлена агрессия, сотрудники должны переживать на работе депрессивное состояние либо тревогу, которые могут быть взаимно дополняемы. Переживание депрессии может быть обусловлено длительным течением служебной ситуации, в которой сотрудник теряет возможность контролировать и прогнозировать поведение других, развитие ситуации, последствия этой ситуации, что приводит к дезадаптивным реакциям, деструктивным мыслям, мучительным предчувствиям, неопределенности. Выражение *враждебности* в служебных отношениях положительно коррелирует с переживанием сотрудниками эмоций удивления ($r = 0{,}18$; $p \leq 0{,}05$), горя ($r = 0{,}31$; $p \leq 0{,}05$), отвращения ($r = 0{,}27$; $p \leq 0{,}05$), презрения ($r = 0{,}28$; $p \leq 0{,}05$) и эмоциональных комплексов тревоги ($r = 0{,}25$; $p \leq 0{,}05$) и депрессии ($r = 0{,}28$; $p \leq 0{,}05$). Чем выше уровень отвращения, презрения, чем сильнее переживается горе и чем выше уровень дезадаптации, вызванный состоянием депрессии и/или тревоги, тем более вероятно, что работник может проявить агрессию в форме враждебности. Обструкционизм взаимосвязан с переживанием эмоций гнева ($r = 0{,}22$; $p \leq 0{,}05$), отвращения ($r = 0{,}23$; $p \leq 0{,}05$), презрения ($r = 0{,}29$; $p \leq 0{,}05$) и комплексов аффектов тревоги ($r = 0{,}16$; $p \leq 0{,}01$) и депрессии ($r = 0{,}20$; $p \leq 0{,}05$). Проявление открытой агрессии может быть обусловлено переживанием сильной эмоции презрения. Чем сильнее переживаются вышеперечисленные эмоции, тем больше вероятность проявления агрессии в служебных отношениях.

В обычном психоэмоциональном состоянии сотрудники, которые ситуативно переживают эмоции удивления, горя, гнева, отвращения, презрения и аффективные комплексы тревоги и депрессии, имеют предрасположенность, готовность к проявлению агрессии. При этом агрессия может быть проявлена в форме ***враждебности***, и ее проявление взаимосвязано с переживанием эмоций удивления, горя, презрения, гнева и аффективных комплексов тревоги и депрессии. Чем выше ИАРМ, тем более вероятно проявление враждебной агрессии. Проявление ***обструкционизма*** взаимосвязано с переживанием эмоций гнева, отвращения, презрения и комплексным аффективным состоянием тревоги и депрессии. Эмоция гнева является триггером, запускающим обструктивные действия. Проявление *открытой агрессии* положительно коррелирует с переживанием эмоции презрения. Чем сильнее переживается презрение, тем более вероятно открытое проявление агрессии.

Оказавшись *в роли жертвы*, сотрудник переживает эмоции гнева ($r = 0{,}18$; $p \leq 0{,}05$), отвращения ($r = 0{,}25$; $p \leq 0{,}05$), презрения ($r = 0{,}29$; $p \leq 0{,}05$), аффективные комплексы тревоги ($r = 0{,}16$; $p \leq 0{,}01$), депрессии ($r = 0{,}20$; $p \leq 0{,}05$) и враждебности ($r = 0{,}27$; $p \leq 0{,}05$), которые положительно

коррелируют с ИАРМ. Если жертва переживает эмоции горя ($r = 0,13$; $p \leq 0,01$), гнева ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$), отвращения ($r = 0,27$; $p \leq 0,05$), презрения ($r = 0,28$; $p \leq 0,05$) и аффективные комплексы тревоги ($r = 0,18$; $p \leq 0,05$), депрессии ($r = 0,22$; $p \leq 0,05$) и враждебности ($r = 0,30$; $p \leq 0,05$), то она может проявить ответную агрессию в форме враждебности. Переживание эмоций отвращения ($r = 0,20$; $p \leq 0,05$), презрения ($r = 0,25$; $p \leq 0,05$) и аффективных комплексов тревоги ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$), депрессии ($r = 0,17$; $p \leq 0,05$) и враждебности ($r = 0,21$; $p \leq 0,05$) взаимосвязано с проявлением жертвой ответной агрессии в форме обструкционизма. Так, эмоции отвращения ($r = 0,13$; $p \leq 0,01$), презрения ($r = 0,17$; $p \leq 0,05$) и комплекс враждебности ($r = 0,15$; $p \leq 0,01$) взаимосвязаны с проявлением открытой агрессии.

Жертва может проявлять агрессию в различных формах. Так, ***ИАРМ*** жертвы положительно взаимосвязан с переживанием эмоций гнева, отвращения, презрения и аффективных комплексов тревоги, депрессии и враждебности. Выражение ***враждебности*** жертвой связано с переживанием эмоции горя, гнева, отвращения, презрения и аффективных комплексов тревоги, депрессии и враждебности. Проявление жертвой ***обструкционизма*** взаимосвязано с переживанием эмоции отвращения, презрения и аффективных комплексов тревоги, депрессии и враждебности. Жертва будет проявлять ***открыто агрессию,*** если в ее эмоциональном профиле наиболее ярко выражены эмоции отвращения, презрения и аффективное состояние враждебности. Переживание враждебности, отвращения и презрения является характерным для эмоционального поведения жертвы. Жертва может проявлять защитную, ответную агрессию либо аутоагрессию.

Переживание агрессором эмоций радости ($r = 0,13$; $p \leq 0,01$), гнева ($r = 0,20$; $p \leq 0,05$), отвращения ($r = 0,16$; $p \leq 0,01$), презрения ($r = 0,27$; $p \leq 0,05$) и аффективных комплексов депрессии ($r = 0,15$; $p \leq 0,01$), любви (удовольствия) ($r = 0,17$; $p \leq 0,01$) и враждебности ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$) обнаруживает положительную связь с индексом агрессии на рабочем месте. Переживание эмоций гнева ($r = 0,20$; $p \leq 0,05$), отвращения ($r = 0,18$; $p \leq 0,05$), презрения ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$) и аффективных комплексов депрессии ($r = 0,16$; $p \leq 0,01$), любви (удовольствия) ($r = 0,13$; $p \leq 0,01$) и враждебности ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$) положительно коррелирует с проявлением агрессии в форме враждебности. Переживание эмоций гнева ($r = 0,13$; $p \leq 0,01$), презрения ($r = 0,19$; $p \leq 0,05$) и аффективных комплексов любви (удовольствия) ($r = 0,13$; $p \leq 0,01$) и враждебности ($r = 0,17$; $p \leq 0,01$) обнаруживает взаимосвязь с проявлением агрессии в форме обструкционизма. При этом переживание агрессором эмоций гнева ($r = 0,15$; $p \leq 0,01$), презрения ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$), аффективных комплексов любви ($r = 0,14$; $p \leq 0,01$) и враждебности ($r=0,18$; $p \leq 0,05$) положительно коррелирует с открытым проявлением агрессии.

ИАРМ агрессора взаимосвязан с переживанием фундаментальных эмоций радости, гнева, отвращения, презрения и аффективных комплексов депрессии, любви и враждебности: чем сильнее переживание перечисленных эмоций, тем выше значение ИАРМ. Проявление агрессии в форме ***враждебности*** связано с переживанием эмоций гнева, отвращения, презрения и аффективных комплексов депрессии, любви и враждебности. Проявление агрессором агрессии в форме ***обструкционизма*** связано с переживанием эмоций гнева, презрения и аффективных комплексов любви и враждебности. Положительная корреляция выявлена между ***открытой агрессией*** и переживанием эмоций гнева, презрения и аффективных комплексов любви и враждебности, отвращения: чем сильнее агрессор переживает перечисленные эмоции, тем более открыто он проявляет агрессию в служебных отношениях. В эмоциональном поведении агрессора при всех формах проявления агрессии в служебных отношениях можно отметить обязательное наличие эмоций гнева, презрения и аффективных комплексных состояний враждебности и любви (удовольствия). Переживание гнева и аффективного состояния любви (удовольствия) в процессе агрессивного взаимодействия отличает эмоциональное состояние агрессора от состояния жертвы.

Наблюдая агрессию в отношениях коллег по работе, наблюдатель также переживает широкий спектр эмоций, которые могут спровоцировать либо сопровождать проявление агрессии. Так, переживание эмоций радости ($r = 0{,}25$; $p \leq 0{,}05$), отвращения ($r = 0{,}15$; $p \leq 0{,}01$), презрения ($r = 0{,}29$; $p \leq 0{,}05$) и аффективного комплекса враждебности ($r = 0{,}19$; $p \leq 0{,}05$) обнаруживает положительную взаимосвязь с ИАРМ. Переживаемые эмоции радости ($r = 0{,}21$; $p \leq 0{,}01$), отвращения ($r = 0{,}15$; $p \leq 0{,}01$), презрения ($r = 0{,}25$; $p \leq 0{,}05$), аффективных комплексов депрессии ($r = 0{,}19$; $p \leq 0{,}05$) и враждебности ($r = 0{,}16$; $p \leq 0{,}01$) наблюдателем агрессии взаимосвязаны с проявлением агрессии в форме враждебности. Переживание эмоций радости ($r = 0{,}27$; $p \leq 0{,}05$), отвращения ($r = 0{,}14$; $p \leq 0{,}01$), презрения ($r = 0{,}28$; $p \leq 0{,}05$) и аффективных комплексов любви (удовольствия) ($r=0{,}16$; $p\leq0{,}01$) и враждебности ($r = 0{,}17$; $p \leq 0{,}01$) положительно коррелирует с проявлением агрессии в форме обструкционизма. Переживание наблюдателем радости ($r = 0{,}14$; $p \leq 0{,}01$) и презрения ($r = 0{,}18$; $p \leq 0{,}05$). взаимосвязано с проявлением агрессии в открытой форме.

Наблюдая агрессию между сотрудниками, наблюдатель может присоединиться к агрессору или жертве и проявить агрессию в служебных отношениях, если его ИАРМ положительно взаимосвязан с эмоциями радости, отвращения, презрения и аффективным комплексом враждебности. Наблюдатель может проявить агрессию в форме ***враждебности,*** и при этом он будет переживать эмоции радости, отвращения, презрения и аффективные

комплексы депрессии и враждебности. Наблюдатель в служебных отношениях может проявить действия ***обструктивного*** характера, если он переживает эмоции радости, отвращения, презрения и аффективные состояния любви и враждебности. Чем более наблюдатель переживает эмоции радости и презрения, тем более ***открыто*** он может проявить агрессию. Проявление агрессии наблюдателем может быть связано с сочувствием жертве, и тогда наблюдатель проявляет агрессию как способ защитить жертву от нападений агрессора (со-жертва). Переживание эмоции радости со-жертвой можно объяснить тем, что проявление защитной агрессии в обществе социально одобряется. Эмоция радости у наблюдателя возникает в том случае, когда проявление им агрессии считается справедливым и влечет за собой позитивные последствия (со-агрессор). Важно отметить тот факт, что наблюдатель, проявляя агрессию в любой форме, переживает эмоцию радости, которая отличает его эмоциональное состояние от состояний жертвы и агрессора.

Обобщая сказанное, можно заключить, что сотрудники организаций, вступая в агрессивное взаимодействие, вне зависимости от роли (жертва, наблюдатель, агрессор) переживают эмоции презрения, отвращения и комплексное аффективное состояние враждебности. В обычном эмоциональном состоянии возникновение агрессии в служебных отношениях отличает от агрессии в ролевой позиции переживание эмоции удивления и аффективных комплексов тревоги и депрессии. Все формы проявления агрессии жертвами взаимосвязаны с переживанием эмоции отвращения и аффективного комплекса враждебности. Эмоциональное состояние наблюдателя от всех других отличает переживание эмоции радости. Все формы агрессии агрессора в служебных отношениях в отличие от агрессии в других ролях отличает переживание эмоции гнева и аффективного комплекса любви (удовольствия).

Для создания вероятностного прогноза агрессивного ролевого поведения в зависимости от эмоционального состояния был проведен регрессионный анализ. В результате регрессионного анализа для каждой роли было составлено уравнение регрессии.

Регрессионная модель агрессивного поведения жертвы может объяснить только 9% ($R^2 = 0{,}09$). Уравнение регрессии имеет следующий вид:

$$\text{ИАРМ жертвы} = 1{,}335 + 0{,}110\ \text{Враждебность} + 0{,}095\ \text{Презрение} - 0{,}042\ \text{Гнев} - 0{,}023\ \text{Волнение} + 0{,}019\ \text{Вина}$$

Высокий уровень агрессии в служебных отношениях свойственен жертве, которая переживает комплексное аффективное состояние враждебности и эмоции презрения, гнева, волнения, вины.

Регрессионная модель агрессивного поведения агрессора может объяснить только 10% ($R^2 = 0,095$). Уравнение регрессии:

ИАРМ агрессора = 1,273 + 0,223 Презрение –
– 0,212 Враждебность + 0,101 Гнев + 0,064 Тревога – 0,064 Страх +
+ 0,040 Волнение + 0,037 Удивление + 0,031 Вина

Высокий уровень агрессии в служебных отношениях проявляют агрессоры, которые переживают презрение, враждебность, гнев, тревогу, страх. волнение, удивление, вину.

Регрессионная модель агрессивного поведения наблюдателя может объяснить 13% ($R^2 = 0,13$). Уравнение регрессии таково:

ИАРМ набл = 1,364 + 0,137 Радость + 0,135 Презрение +
+ 0,122 Враждебность – 0,126 Гнев + 0,057 Удивление + 0,028 Вина

Высокий уровень агрессии в служебных отношениях проявляют наблюдатели, которые переживают радость, презрение, враждебность, гнев, удивление и чувство вины.

В итоге анализа регрессионных моделей для прогноза ролевого агрессивного поведения можно сделать вывод, что предсказать агрессию в служебных отношениях, опираясь только на эмоциональный профиль и комплексное аффективное состояние можно только лишь в 10% случаев, что является недостаточным, чтобы принимать во внимание данный результат. Однако можно заметить, что в основе прогноза проявления агрессии агрессором, жертвой, наблюдателем, доминирующее положение занимают различные эмоции. Так, для проявления агрессии жертвой значимыми являются комплексное аффективное состояние враждебности и презрение, агрессора – эмоция презрения и враждебность, а больший вклад в агрессивное поведение наблюдателя имеет эмоция радости и враждебность. При этом комплексное аффективное состояние враждебности является значимым для проявления агрессии каждым участником агрессивного взаимодействия. Для более достоверного прогноза агрессии в служебных отношениях в регрессионную модель целесообразно включить социально-демографические данные, показатели личностной и ситуативной агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев, А.Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений : дис. … докт. психол. наук / А.Л. Журавлев. – М., 1999. – 132 л.

2. Иванова, Е.М. Психотехнология изучения человека в трудовой деятельности : учеб.-метод. пособие / Е.М. Иванова. – М. : МГУ, 1992. – 94 с.

3. Baron, R.A. Workplace aggression – the iceberg beneath the tip of workplace violence: Evidence of its forms, frequency, and its targets / R.A. Baron, J.H. Neuman // Public Administration Quarterly. – 1998. – Vol. 21. – P. 446–464.

4. Колодей, К. Моббинг: Психотеррор на рабочем месте и методы его преодоления / К. Колодей. – Харьков, 2007. – С. 5–50.

5. Barling, J. The prediction, experience, and consequences of workplace violence // Violence on the job. Identifying risks and developing solutions / J Barling, G.R. Van den Bos, E.Q. Bulatao. – Washington DC, USA : American Psychological Association. – 1998. – P. 29–49.

6. Осипова, Н.Н. Конструктивная агрессия как фактор социальнй адаптации в современном обществе / Н.Н. Осипова // Современное состояние и перспективы развития психологии общения : материалы междунар. науч.-практ. конф., ГрГУ им. Я. Купалы, Гродно, 8–9 окт. 2010 г. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол: Л.М. Даукша [и др.]. – Гродно, 2010. – С. 229.

7. Agervold, M. Relationships between bullying, psychosocial work environment and individual stress reactions / M. Agervold, E.G. Mikkelsen // Work and Stress. – 2004. – № 18. – P. 336–351.

8. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А.Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 371 с.

9. Фурманов, И.А. Оценка эмоционального состояния детей-сирот при различных условиях оздоровления / И.А. Фурманов // Пазашк. выхаванне. – 1998. – № 3. – С. 13–16.

10. Фурманов, И.А. Методика оценки эмоционального состояния / И.А. Фурманов // Здоровье студенческой молодежи: достижения науки и практики на современном этапе : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2000. – С. 38–39.

Workplace aggression

The results of theoretical and empirical researches workplace aggression are presented. The definition of phenomenon workplace aggression is given, role structure, classification of workplace aggression, scheme systems of factors are presented, correlations forms of workplace aggression and emotional role state are discussed.

Keywords: workplace aggression, victim, aggressor, observer, hostility, obstructionism, open aggression, emotional role state.

ПРЕВЕНЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПАТОЛОГИЙ В ПОЛЬШЕ СРЕДСТВАМИ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Социальные патологии на протяжении всей истории человечества сопровождали жизнь индивидов и социума. Их активный рост в современном мире связан с научно-техническим прогрессом. Еще в прошлые века было отмечено, что каждое технологическое изменение влечет за собой изменения социальные. Наиболее очевидным влияние технологических факторов, т. е. научно-технического прогресса, на социальную жизнь общества стало со времен промышленной революции XVII–XVIII вв. и достигло своего апогея в наше время. Сейчас научно-технический прогресс

принимает такие масштабы, что существует угроза его выхода из под контроля и превращения в разрушительную силу цивилизации, способную нанести непоправимый вред природе и самому человеку. В связи с этим необходимы новые оценки, подходы, новое осмысление социальных перспектив и угроз для человека и человечества.

Сегодня агрессия и насилие охватывают все сферы жизни человека. Под прессом социальных явлений и проблем, техногенных и природных угроз, возрастающего и обрушивающегося со всех сторон потока информации, которую сознание человека не в силах усвоить и переработать, технизации и технологизации СМИ, дегуманизации способов подачи этой информации, человек ощущает себя потерянным, одиноким, изолированным, беспомощным, оставленным наедине со своими проблемами. Невозможность повлиять на многие вещи, изменить ход судьбы, крах устоявшейся системы ценностей, брутализация всех сфер жизни и человеческих отношений, усиливающийся в связи с этим экзистенциальный кризис приводят к тому, что во всем мире люди теряют ощущение собственной безопасности перед многочисленными угрозами. Естественно, это приводит к росту социального и психического напряжения, усиливает явления агрессии и насилия и распространяет их на все сферы человеческой жизни.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает следующую типологию насилия, в зависимости от характера совершаемых действий.

1. Насилие, направленное против самого себя – т.е. суицидальное и аутоагрессивное поведение.

2. Насилие, направленное против других. Оно делится на две группы:

– насилие в семье и в других союзах (чаще всего имеет место дома и выступает в качестве сексуального использования детей, сексуального насилия по отношению к партнеру и насилия по отношению к людям старшего возраста;

– насилие между людьми, не связанными формальными и эмоциональными связями – эта группа охватывает насилие по отношению к случайным людям, независимо от возраста и пола (акты сексуальной агрессии, изнасилования, физическая агрессия и насилие в школе, на работе, в домах опеки, больницах, учреждениях закрытого типа и т.д.).

3. Групповое насилие – это организованные преступления на социальной, политической или экономической почве (теракты, войны, вооруженные конфликты и т.п.).

В последние годы в Республике Польша также отмечалось активное усиление различных социальных патологий: рост преступности среди несовершеннолетних, снижение возраста совершающих преступление, рост числа краж и грабежей, изнасилований, драк, разбоев и даже убийств. В современной Польше практически исчезла многопоколенная модель семьи, в ко-

торой свято чтился авторитет старших, ослабело духовное влияние религии, лишилась воспитательной функции школа. Современным детям и подросткам сложно найти авторитет в ближайшем окружении. Кризис ценностей и авторитетов, в том числе в семье и школе, в условиях усиливающихся внешних угроз вынуждает детей и подростков искать способы защиты и выходы, в том числе в агрессии и самоагрессии, зачастую перенимая такую модель поведения у взрослых и копируя примеры из СМИ. Агрессия имеет место даже в организациях, призванных противодействовать социальным патологиям: в следственных изоляторах, тюрьмах, учреждениях закрытого типа, воспитательных учреждениях, центрах социализации и ресоциализации, больницах, интернатах, домах опеки, спортивных лагерях.

Одним из необходимых условий понимания этиологии и симптоматики агрессивного поведения, природы агрессии и насилия, в целях разработки научных основ превенции и борьбы с этими явлениями выступает организация возможности проведения научных исследований, обмена научным и практическим опытом в этой области. Такая возможность позволит создать фундаментальную научную базу для разработки эффективных мер борьбы с преступностью, агрессией и насилием в обществе. Существует множество мировых научных центров и общественных организаций, которые считают проблему роста агрессии и насилия важнейшим вызовом XXI века.

Много лет подряд в Польше организуются конференции, посвященные профилактике социальных патологий, многочисленным аспектам агрессии и насилия в обществе. Конференции объединяют ученых и практиков (психологов, педагогов, медиков, юристов), представителей различных служб, организаций, силовых структур: правоохранительных органов, пограничной и пенитенциарной службы и др. Деятельность конференций освещается в прессе и на телевидении, имеет широкий общественный резонанс. По итогам проведенных конференций выпускаются сборники тезисов и коллективные монографии.

По сложившейся традиции и опыту нашего непосредственного участия территориально наиболее сильными в превентивной и пропагандистской деятельности можно назвать Мазовецкое (с центром в г. Варшава); Великопольское (с центром в г. Познань); Дольношленское (или Нижнесилезское, с центром в г. Вроцлав); Свентокшиское (или Святого креста, с центром в г. Кельце) воеводства Польши. Этими центрами проводятся ежегодные международные и всепольские научные конференции, пропагандистские и превентивные мероприятия.

Так, кафедрой социальной профилактики и ресоциализации Института педагогики и психологии Университета Я. Кохановского в г. Кельце, с которой нас связывает многолетнее сотрудничество и дружба, в рамках

ежегодного празднования «Свентокшиских Дней профилактики», при поддержке Центра профилактики и образования, а также Департамента здоровья и социальной политики, проводятся тематические научные конференции. Тематика конференций концентрируется на проблемах профилактики зависимостей, помощи семье, противостояния агрессии и насилия в школе и семье. В рамках празднования Дней профилактики в городе и по регионам проводятся также просмотры кинофильмов; тематические лекции; презентации, мастер-классы; семейные фестивали; дежурства телефона доверия; консультации юристов, медиков, семейных терапевтов, психологов; организуются бесплатные медицинские исследования (для выявления различных патологий, онкозаболеваний, зависимостей и т.д.).

Той же кафедрой в 2000–2001 годах под руководством ксендза профессора Я. Следзяновского проведены массовые обследования учащихся средних школ и гимназий воеводства (5899 человек) по международной программе ESPAD, направленной на выявление зависимостей. Результаты его научной деятельности опубликованы в авторских монографиях «Зависимости среди детей и школьной молодежи», «Воспитание против насилия» и др. По результатам научных исследований и деятельности кафедры выпускается большая коллективная монография «Семья и школа против насилия» и несколько других книг.

Большая часть конференций, проводимых в Нижнесилезском и Великопольском воеводствах, а также соседних с ними, организованы Польским обществом психогигиены и Польским суицидологическим обществом, региональными отделами Польского общества психогигиены, при поддержке Министерства здоровья, различных государственных и негосударственных организаций.

Интересна история создания первого в мире общества психогигиены. Его основателем является американец К.У. Бирс (Clifford W. Beers, 1876–1943), который был одним из пяти детей в семье, страдавших психическими расстройствами. В связи с тем, что у Бирса развилось маниакально-депрессивное расстройство, он три года с 1900 г. в качестве пациента проводит в различных больницах, где становится свидетелем жестокого обращения персонала с ним самим и другими пациентами. После опубликования автобиографического повествования «A Mind That Found Itself» (1908) о госпитализации и его страданиях от злоупотреблений персонала он получил поддержку медицинских работников и других лиц в организации реформирования лечения больных с заболеваниями психики. В 1909 году с целью продолжения реформаторской деятельности Бирс основывает «Национальный комитет психической гигиены» («National Committee for Mental Hygiene»), именуемый ныне как «Психическое здоровье Америки» («Mental Health America»). В 1913 г. К. Бирс основывает первую амбулаторную психиатриче-

скую клинику в США и лидирует в этой области вплоть до своей отставки в 1939 г. А в 1968 г. посмертно становится почетным президентом Всемирной федерации психического здоровья.

Польское общество психогигиены осуществляет свою деятельность с 1935 г. Непосредственным предшественником Польского общества психогигиены была Лига психической гигиены – общественная организация, действующая в Варшаве в период 1935–1939 гг. Проводимое ею социальное движение продолжало действовать конспиративно в 1939–1945 гг., а по окончании войны стало развиваться Польским обществом психогигиены, основанным в 1948 г. как научно-общественная организация при Государственном институте психической гигиены в Варшаве. Инициаторами польского движения психогигиены были: К. Домбровски, который посвятил этому всю свою жизнь, М. Гжывак-Качыньска, Х. Зайончковски и Я. Хурынович. С 2004 г. по сей день Президент Главного управления Польского общества психогигиены (PTHP) является известный в стране общественный деятель и ученый, профессор А. Баландынович. Польское общество психогигиены имеет свои территориальные представительства в разных городах Польши (Варшава, Познань, Вроцлав, Краков и др.).

Польское общество психогигиены имеет три тематические секции: охраны психического здоровья, гуманизации условий образования и культуры, охраны детей и молодежи. Оно придерживается принципов гармоничного психофизического, морального, духовного развития, борется с девиациями и социальными патологиями, опирается на терапию через развитие и вводит понятие интердисциплинарности и многоуровневости развития, опираясь на теорию позитивной дезинтеграции, разработанную профессором К. Домбровским.

На протяжении 78 лет Польским обществом психогигиены организуются научные сессии, семинары, конференции и симпозиумы, целью которых является анализ причин патологического поведения, в том числе и агрессивного, углубление и расширение знаний, передача опыта, просвещение, пропаганда и организация профилактики и помощи. Все конференции, организованные обществом психогигиены, объединяет холистический подход к человеку и его проблемам психического происхождения.

В течение последних 20 лет было проведено более 40 крупных научных конференций, посвящённых проблематике психического здоровья, дезинтеграции, кризисных ситуаций, зависимостей, агрессии и насилия, суицидологии, психических состояний, угроз и насилия в семье и школе, патологий взаимоотношений в замкнутых структурах, роли отца, роли групп сверстников в процессе развития, ценности жизни и многому другому.

Польское суицидологическое общество (PTS) было образовано в 2002 г. в Институте психиатрии и неврологии (IPIN) в Варшаве. С тех пор IPIN стал резиденцией Главного управления общества, преследующего цели:

– систематический анализ распространенности и социодемографическая характеристика суицидального поведения в Польше и в мире;

– исполнение гуманитарной обязанности спасать других;

– создание научной основы превентивных программ, направленных на снижение числа случаев суицидального поведения;

– действия, направленные на утверждение жизни и улучшение ее качества;

– противодействие дегуманизации жизни и деградации человеческих ценностей путем восстановления и укрепления социальных, моральных и этических гуманистических ценностей общества, в контексте поведения отдельных лиц, семей, сообществ и общества;

– влияние на повышение осознанности гражданами и властями индивидуальных и социальных угроз, в том числе суицидальных, которые несет развитие современной технологично-информативной цивилизации;

– принятие определенной позиции в вопросах, важных для общественности, особенно касающихся одиночества и экзистенциальной потерянности индивидов, а также проблем общественной жизни, имеющих связь с суицидальным поведением;

– поддержка и оценка действий и программ: превентивных, образовательных, терапевтических, пропаганды психического здоровья, с целью снижения риска суицидального поведения;

– инициирование и проведение научных исследований в области суицидологи, организация научных симпозиумов и конференций.

Эти цели достигаются путем объединения теоретических достижений науки и практической деятельности посредством:

– разработки, продвижения и реализации программ и стратегий профилактики в сотрудничестве с научными учреждениями, органами местного самоуправления, государственными учреждениями, в том числе министерствами и парламентом;

– разработки, продвижения и реализации научно-исследовательских проектов в сотрудничестве с научными организациями;

– сотрудничества со средствами массовой информации – телевидением, радио и прессой;

– сотрудничества с другими неправительственными организациями, занимающимися проблемами психического здоровья в Польше, Европе и мире;

– поощрения и формирования общественного мнения о целях и задачах PTS;

– обучения и образовательной деятельности;

– редакционно-издательской деятельности;

– финансирования проектов, соответствующих целям и задачам PTS.

Достижению целей способствует решение следующих задач:

– организация съездов, симпозиумов, семинаров, лекций, научных конференций и встреч;

– создание и поддержка центров: учебных, исследовательских, кризисного вмешательства, а также телефонов доверия и веб-сайтов;

– назначение постоянных и временных тематических объединений, целевых групп в сотрудничестве со специалистами различных дисциплин, занимающихся суицидологической проблематикой;

– назначение постоянных и временных комиссий и комитетов для реализации определенных действий организационных, образовательно-обучающих, популяризационно-пропагандистских и научных;

– издательская и популяризационно-пропагандистская деятельность с использованием аудиовизуальных техник, включая Интернет, мультимедийные презентации, видео, DVD, плакаты, папки, бирки и ярлыки;

– организация с периодичностью раз в три года республиканских научных симпозиумов для суицидологов.

Несомненно, проблематикой агрессии, насилия и других социальных патологий занимаются не только упомянутые в данной статье научные и научно-общественные центры. Так, например, Высшая школа бизнеса имени бискупа Я. Храпка в Радоме проводит начиная с 2001 г. ежегодные Международные научные конференции под лозунгом «Стоп насилию», организованные этой школой и Католическим фондом помощи зависимым лицам и детям «KARAN» при поддержке Фонда «Стоп насилию». Программа «Стоп насилию» реализуется в партнерстве с центральными органами власти – Министерством образования, Министерством внутренних дел и администрации, а также мэриями городов: Варшава, Вроцлав, Жешов, Радомь и Эльблонг, Мазовецким Департаментом образования.

Конференции проводятся также и психолого-педагогическими консультативными центрами, обществами учителей, психологов, педагогов в различных городах Польши. Начиная с 2005 г. несколько научных конференций цикла «Против агрессии и насилия» было организовано в г. Замость при поддержке мэра города и городской Комиссии по решению алкогольных проблем и отдела образования и спорта. Конференция «Предотвращение агрессии и насилия в школе» проводилась в городе Суха-Бескидска. Конференция «Предотвратить патологию (агрессию, насилие, зависимость) – любить, поддерживать, требовать» проводилась в г. Ивановице. Конференция «Насилие и агрессия среди детей и молодежи» проводилась в г. Прушкове Комитетом ресоциализирующего воспитания и Обществом друзей детей. Конференция «Агрессия и насилие в школе»

проводилась в г. Познань для учителей школ. Конференция «Школа, свободная от насилия. Как бороться с буллингом» организована в г. Варшаве. Как правило, это методические конференции для узкого круга специалистов, преследующих информационные и пропагандистские цели.

В Польше действует также организация «Польско-немецкое общество психического здоровья», созданное в целях расширения сотрудничества между польскими и немецкими психиатрами в 1989 г. в немецком городе Мюнстер. Это одно из самых больших обществ в Европе, которое осуществляет двухстороннее партнерство между психиатрами, клиниками и организациями, привлекает к своей деятельности специалистов других отраслей, однако организуемые этим обществом мероприятия – симпозиумы, конференции, семинары имеют более общую медико-психиатрическую направленность.

Таким образом, в Республике Польша ведется активная работа по превенции агрессии, насилия и других социальных патологий, научными и общественными организациями широко пропагандируются и рекламируются образцы здорового поведения и ценность человеческой жизни.

The prevention of social pathology in Poland by means of scientific and social movement

It is analyzed the system of prevention measures of social pathologies, in the first place aggression and violence, in Poland by means of scientific and social movement. The activities of the Polish Society of Mental Hygiene and the Polish Society of Suicidology, and other Polish organizations in the field of prevention of aggression and violence, and promotion of mental health are reviewed.

Keywords: social pathology, prevention, aggression, violence, mental hygiene, suicidology, mental health.

ИДЕАЛЬНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ С РАЗНЫМ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОПЫТОМ

Исследованию обобщенных образов идеального руководителя посвящено немало психологических работ, их результаты предлагают списочный набор личностных и поведенческих характеристик, презентующих идеального управленца. Среди недостатков таких списков можно назвать их «отчужденность» – характеристики выстраиваются как независимые качества идеального человека, существующего и действующего в закрытой системе, вне реальных взаимоотношений с коллегами и подчиненными. Образ, создаваемый характеристиками-пожеланиями, скорее напоминает психологический монумент «человека будущего», лишенного человеческих слабостей и ошибок. При этом теряется широчайший пласт психологических полутонов, имеющих место во властных взаимоотношениях:

стремления сотрудников к созависимости, компенсации или, напротив, стремления к власти и манипуляции своим руководством.

Отношение работников к руководителям в контексте «эталонов личности» исследованы в работах Т.Ю. Базарова, С.П. Безносова [1], Р.Б. Гительмахера [2], ожидания исполнителей в отношении менеджеров, а также соответствие менеджеров этим ожиданиями изучалось в работе О.В. Горлова [3], отношение к руководителю в рамках совместной трудовой деятельности рассматривал А.Л. Журавлев [4], отношения работников к руководителям в рамках творческой активности инженеров изучались Э.С. Чугуновой [5] и др.

Несмотря на существование большого количества разноплановых исследований восприятия лидера и представлений об идеальном руководителе, остается открытым вопрос о возрастной и статусной динамике этих представлений. В своем исследовании мы попытались преодолеть обозначенные выше барьеры. С этой целью для исследования образа идеального руководителя была выбрана методика, позволяющая изучить образ идеального руководителя в разрезе межличностных отношений. Оценить половозрастную и статусную динамику образа идеального руководителя позволил метод поперечных срезов: сравнение результатов исследования у групп испытуемых разного пола, возраста и профессионального опыта.

Выборка исследования

Выборку составили 1 070 человек со средним и высшим образованием, разным опытом профессиональной и руководящей деятельности, проживающих в Республике Беларусь. В исследовании приняли участие представители следующих социальных групп: 1) студенты, 2) рабочие и служащие (дифференциация внутри группы не проводилась), 3) военные, 4) руководители учреждений и производственных коллективов, 5) безработные, 6) пенсионеры. Распределение выборки по полу: женщины – 708 (66,2%), мужчины – 362 (33,8%).

Для выделения возрастных групп была использована периодизация Д.Б. Бромлей, так как, в отличие от периодизаций Э. Эриксона, Г. Крайга, Дж. Биррена и др. [6], она позволяет провести более тонкую дифференциацию периода взрослости и рассмотреть динамику представлений личности об идеальном руководителе на различных этапах профессионального становления. Ввиду небольшого количества в выборке испытуемых предпенсионного возраста (n = 17) и пенсионного возраста (n=3), эти две группы было решено объединить. В дальнейшем вся выборка была разделена на группы в зависимости от опыта профессиональной и руководящей деятельности. Отдельно была выделена группа респондентов с разным опытом работы, на момент проведения исследования являвшихся безработными.

Методы исследования

Представления об идеальном руководителе измерялись при помощи методики диагностики межличностных отношений Т. Лири [7]. Методика позволяет оценить представление о заданном объекте («Я реальное», «Я идеальное», «Идеальный руководитель», «Идеальный подчиненный») по 8 личностным параметрам (I – тенденция к лидерству, авторитарность; II – уверенность в себе, эгоистичность; III – требовательность к другим, агрессивность; IV – негативизм, подозрительность; V – подчиняемость, уступчивость; VI – зависимость от окружающих, потребность в поддержке; VII – доступность влиянию окружающих, дружелюбность; VIII – отзывчивость, альтруизм). При использовании методики Т. Лири в психологических исследованиях традиционно применяется укрупнение результатов и представление их в предложенных авторами двух вторичных параметрах, описывающих стиль межличностного поведения: «Доминирование – Подчинение» и «Сотрудничество – Агрессия» [8]. Численный показатель по параметрам вычисляется по тестовым формулам.

Наряду с использованием вторичных параметров опросника, первичные показатели по 8 характеристикам «Идеального руководителя» были дополнительно подвергнуты факторному анализу методом главных компонент с последующим Varimax-вращением (с исключением абсолютных значений ниже 0,4). Полученные факторные решения по образу «Идеального руководителя» приписывались каждому испытуемому с соответствующими факторными весами, что определяло показатель индивидуальных предпочтений. Уникальность полученной факторной структуры восприятия идеального руководителя проверялась проведением в той же выборке аналогичного анализа для образов «Я реальное», «Я идеальное» и «Идеальный подчиненный».

На следующем этапе исследования с целью изучения психологического содержания полученных факторов и их согласованности с традиционно выделяемыми в методике Т. Лири параметрами проводился анализ взаимосвязи изучаемых переменных методом корреляционного анализа Спирмена и дальнейшая интерпретация их содержания. При сравнении показателей по отдельным параметрам образа идеального руководителя в одной выборке испытуемых применялся тест Уилкоксона. Для анализа половозрастных и статусных различий по рассматриваемым характеристикам применялись непараметрические критерии: U-тест по методу Манна-Уитни и H-тест по методу Крускала-Уоллиса. Проверка на нормальность распределения осуществлялась тестом Колмогорова-Смирнова, который показал, что нормальному распределению не подчиняются измерения «Доминирование – Подчинение» и индивидуальные значения по первому фактору.

Результаты исследования

Проблема ожиданий специалистов в отношении пола руководителя давно является предметом изучения социальных психологов. Тема развития женского лидерства настолько укрепилась в нашем сознании, что любые откровенные вопросы исследователей в этой области могут вызвать у респондентов опасения насчет «правильности» и современности собственной позиции. В связи с этим в нашем исследовании было решено задать вопрос о природе образа идеального руководителя уже после произведенной оценки обобщенного образа.

Оказалось, что, несмотря на инструкцию представить обобщенный образ идеального руководителя, большое количество испытуемых сообщали, что выбирали для оценки идеального руководителя образ реального руководителя (98 (21,5%) женщин и 28 (10%) мужчин), образ бывшего руководителя (17 (3,7%) женщин и 12 (4,3%) мужчин), образ знакомого человека, чаще коллеги (13 (2,9%) женщин и 6 (2,1%) мужчин) и другого, во всех случаях себя (10 (2,2%) женщин и 9 (3,2%) мужчин). Значительная часть выборки все же выбрала для оценки обобщенный образ руководителя: 318 (69,7%) женщин и 226 (80,4%) мужчин. Что касается половой принадлежности идеального руководителя, то только 135 (30,2%) женщин и 59 (21%) мужчин не определяли пол при оценке образа. Мужчиной идеального руководителя представляли 219 (49%) женщин и 213 (75,8%) мужчин; женщиной – 93 (20,8%) женщины и всего 9 (3,2%) мужчин.

Таким образом, оценивая идеального руководителя, большинство мужчин и женщин представляют себе руководителя мужского пола. Во многом это можно отнести на счет специфики русского языка (в инструкции сложно было бы избежать употребления слова мужского рода «руководитель»). В свою очередь, как показал дополнительный опрос, многие испытуемые представляли идеального руководителя женщиной исключительно из-за того, что в тот момент их руководителем была женщина, и они по инерции переносили оценку ее образа на образ идеального руководителя. Этот факт объясняет, почему среди испытуемых, представлявших женщину, больше женщин – эти женщины в большинстве своем работали исключительно в женских коллективах.

Структура представлений об идеальном руководителе

Результаты факторного анализа показали, что при оценке образа «Идеального руководителя» 8 первичных личностных характеристик теста Т. Лири как у мужчин, так и у женщин объединяются в две равные непротиворечивые группы: оценка образа идеального руководителя состоит из двух факторов. Выделенные факторы объясняют 67% дисперсии, на I фактор приходится 35% дисперсии, на II фактор – 32% дисперсии.

В первый фактор вошли следующие характеристики: подчиняемый (0,766), зависимый (0,779), дружелюбный (0,870), альтруистичный (0,855).

Второй фактор объединяет остальные четыре характеристики: авторитарный (0,675), эгоистичный (0,873), агрессивный (0,838) и подозрительный (0,780).

Таким образом, первый фактор можно интерпретировать как «Отзывчивость». Он объединяет следующие характеристики: 1) уступчивый, не имеет собственного мнения; 2) послушный, доверчивый; 3) стремится быть в согласии с мнением окружающих, «быть хорошим» для всех, сознательно конформный; 4) стремится помочь и сострадать всем, приносит в жертву свои интересы. Интерпретация фактора в применении к описанию образа идеального руководителя позволяет поставить акцент на таких характеристиках, как *забота, включенность, небезразличие, опека, ответственность.* Крайние показатели по такому фактору можно интерпретировать как «зависимость покровителя от опекаемых».

Второй фактор можно интерпретировать как «Напористость (жесткость)», так как в характеристиках к первичным параметрам, составляющим этот фактор, значатся такие описания, как 1) доминантный, энергичный; 2) склонный к соперничеству; 3) упорный, настойчивый и энергичный; 4) критичный, скептичный, проявляет негативизм в вербальной агрессии. В отношении образа руководителя такие характеристики можно интерпретировать как *уверенную настойчивость, деловую хватку, ассертивность и «активность завоевателя».*

По аналогии с измерениями Т. Лири, в названия факторов для удобства были добавлены парные антонимы: «Отзывчивый – Отстраненный» и «Напористый – Пассивный». Анализ корреляций между измерениями «Доминирование – Подчинение», «Сотрудничество – Агрессия» и индивидуальными значениями по обоим факторам показал полное отсутствие значимых связей внутри диад, что позволяет сделать вывод о том, что полученные факторы, так же как и вторичные параметры методики Т. Лири, являются не противоположными полюсами одного измерения, но представляют собой независимые конструкты.

С целью выяснить, не дублируют ли полученные факторы вторичные измерения методики, был проведен корреляционный анализ. Анализ корреляций между измерениями показал неоднозначные связи между переменными: наличие высокой корреляционной связи между параметром «Сотрудничество – Агрессия» и значениями по первому фактору; наличие слабой связи между значениями по второму фактору и параметром «Доминирование – Подчинение» и умеренной обратной связи второго фактора с параметром «Сотрудничество – Агрессия» (таблица 9).

Таблица 9 – Корреляционные связи между измерениями образа идеального руководителя

Измерения Т. Лири / Факторы	Доминирование – Подчинение	Сотрудничество – Агрессия
Фактор I	–	0,816
Фактор II	0, 389	–0, 533
Для всех показателей p < 0,001		

Полученные данные позволяют судить об отличии полученной факторной структуры представлений об идеальном руководителе от традиционной структуры, предлагаемой в методике Т. Лири. С целью содержательного анализа и оценки психологического значения параметров, предложенных Т. Лири, и полученных факторов следует рассмотреть группы характеристик, составляющих данные измерения (таблица 10).

Таблица 10 – Характеристики методики Т. Лири, составляющие вторичные измерения

Первичные характеристики	Вторичные параметры Т. Лири		Факторы	
	Доминирование – Подчинение	Дружелюбие – Агрессия	Напористость – Пассивность	Отзывчивость – Отстраненность
1. Авторитарный	+		+	
2. Эгоистичный	+	–	+	
3. Агрессивный		–	+	
4. Подозрительный	–	–	+	
5. Подчиняемый	–			+
6. Зависимый	–	+		+
7. Дружелюбный		+		+
8. Альтруистичный	+	+		+
Знаками показаны значения, с которыми характеристики входят во вторичные измерения. Фоном выделены характеристики, имеющие наибольший вес в каждом измерении.				

В дальнейшем исследовании для выявления половозрастных и статусных различий в представлениях об идеальном руководителе использовались как традиционные измерения Т. Лири, так и полученные в исследовании факторы.

Портрет идеального руководителя

Анализ образа идеального руководителя по выбранным координатам показал наличие в образе идеального руководителя как в мужской, так и в женской выборке более высоких показателей по измерению «Доминирование – Подчинение» по сравнению с характеристиками «Дружелюбие – Агрессия» (p < 0,001). То есть при оценке образа идеального руководителя мужчины и женщины в первую очередь высоко оценивают характеристики из поля «Доминирование», а не из поля «Дружелюбие».

По показателям факторов «Напористый» и «Отзывчивый» значимые различия обнаружились только при отдельном сравнении показателей в мужской и женской выборках: с более высокой средней оценкой фактора «Напористый» по сравнению с фактором «Отзывчивый» в женской выбор-

ке (p = 0,009) и более высокой средней оценкой фактора «Отзывчивый» по сравнению с фактором «Напористый» в мужской выборке (p = 0,005). Однако следует отметить, что сравнение показателей по данным факторам в возрастной динамике дает более ясную картину различий.

Таким образом, женщины в целом в образе идеального руководителя отдают предпочтение качествам уверенности и напористости, а мужчины – качествам отзывчивости и подчиняемости. В то же время сравнение оценок мужчин и женщин по обоим факторам показывает, что *мужчины оценивают оба фактора значительно выше, чем женщины. Иными словами, мужчины в целом предпочитают более напористого и отзывчивого руководителя, а женщины – более отстраненного и пассивного.*

Половозрастные различия в представлениях об идеальном руководителе

При сравнении восприятия идеального руководителя мужчинами и женщинами (таблица 11) значимые различия обнаружились только по измерению «Дружелюбие – Агрессия» с более высокой оценкой у идеального руководителя качества дружелюбия в женской выборке (p = 0,002) и измерению фактора «Напористый» с явным преобладанием высоких оценок набора «жестких» качеств идеального руководителя в мужской выборке (p < 0,001). Сравнение показателей отдельно на каждом возрастном этапе показало статистически значимые отличия в предпочтении женщинами качеств сотрудничества у руководителей только на этапе средней взрослости (p = 0,017). В свою очередь, по фактору «Напористость – Пассивность» значимые различия между мужчинами и женщинами наблюдаются на всех возрастных этапах, кроме предпенсионного и пенсионного возраста (что может быть обусловлено недостаточным количеством испытуемых этого возраста в выборке). Таким образом, *мужчины разных возрастов в целом предпочитают более уверенных и напористых руководителей, а женщины – более дружелюбных.*

С целью дифференцированного изучения возрастной динамики представлений об идеальном руководителе дальнейшее сравнение по возрастным группам проводилось отдельно в мужской и женской выборке. Анализ межгрупповых различий показал статистически значимые различия между женщинами разных возрастов в восприятии руководителя в координатах «Доминирование – Подчинение» (p < 0,001) и «Напористость – Пассивность» (p < 0,001). По обеим характеристикам у женщин с возрастом наблюдается уменьшение показателей. Те же процессы на уровне тенденций можно наблюдать в мужской выборке (рисунки 6, 7).

Таблица 3 – Половозрастные различия в представлениях об идеальном руководителе

	Вторичные параметры Т. Лири						**Факторы**					
	Доминирование–Подчинение			Дружелюбие–Агрессия			Отзывчивый – Отстраненный			Напористый – Пассивный		
	жен	муж	Гендерные различия (p)	жен	муж	Гендерные различия (p)	жен	муж	Гендерные различия (p)	жен	муж	Гендерные различия (p)
Поздняя юность	**14,83**	13.7	0.113	4.25	2.58	0.143	0.09	0.08	0.889	**0,17**	**0,45**	**0,023**
Ранняя взрослость	**14,04**	13.73	0.688	3.9	3.35	0.463	-0.02	0.11	0.593	**0,03**	**0,27**	**0,018**
Средняя взрослость	**13,55**	12.99	0.088	**4,32**	**2,4**	**0,017**	-0.11	-0.08	0.994	**-0,24**	**0,17**	**0,000**
Поздняя взрослость	**12,65**	11.63	0.640	5.55	3.92	0.546	-0.01	0.09	0.685	**-0,48**	**0,07**	**0,005**
Предпенс.-пенс. Возраст	13.89	13.88	0.941	3.55	6.32	0.095	0.08	0.3	0.456	0.09	-0.19	0.503
Возрастные различия (p)	**0,000**	0.174		0.133	0.18 6		0.504	0.359		**0,000**	0.164	
Вся выборка	13.71	13.37	0.260	**4,48**	**2,91**	**0,002**	-0.24	0.46	0.515	**-0,14**	**0,28**	**0,000**

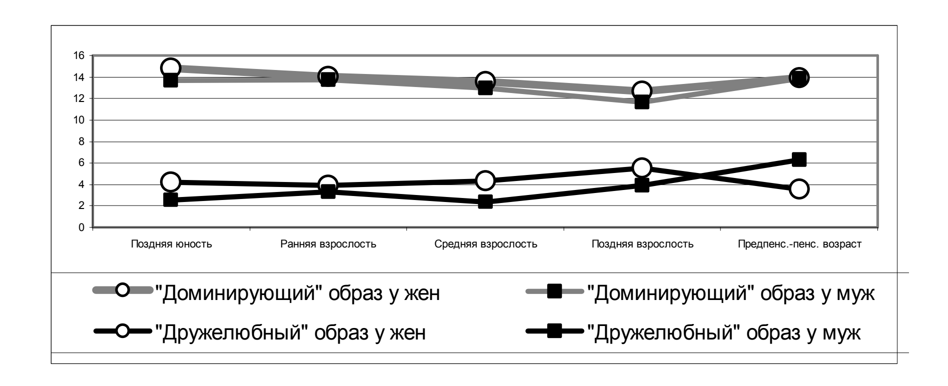

Рисунок 6– Возрастная динамика представлений об идеальном руководителе по параметрам «Доминирование – Подчинение» и «Дружелюбие – Агрессия»

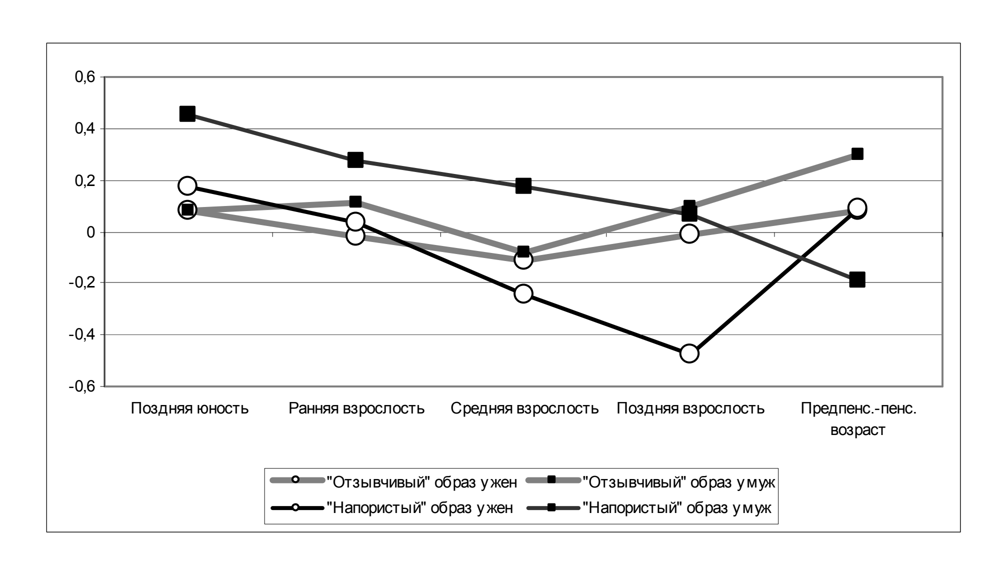

Рисунок 7 – Динамика представлений об идеальном руководителе по параметрам «Напористость – Пассивность» и «Отзывчивость – Отстраненность»

Что касается измерений «Дружелюбие – Агрессивность» и «Отзывчивость – Отстраненность», на уровне наблюдаемых тенденций можно отметить постепенный рост показателей по данным характеристикам, за исключением незначительного уменьшения показателя «Напористость – Пассивность» у мужчин и женщин в период средней взрослости.

Таким образом, с возрастом женщины и мужчины (на уровне тенденций) предпочитают все более подчиняемых, пассивных, дружелюбных и отзывчивых руководителей.

Статусные различия в представлениях об идеальном руководителе

Динамика представлений работников об идеальном руководителе в зависимости от пола, профессионального опыта и опыта руководства представлена в таблице 12 (4).

Как можно заметить из таблицы 12, по измерениям Т. Лири («Доминирование – Подчинение» и «Дружелюбие – Агрессия») у испытуемых на всех этапах профессионального становления образ идеального руководителя представляется Дружелюбно-Доминирующим с акцентом на доминировании и близкими к нейтральности оценками по дружелюбию. С приобретением специалистами профессионального опыта оценки остаются в этом секторе, не пересекая рубеж противоположных характеристик, однако постепенно оценка смещается к менее доминирующему образу. По выделенным факторам («Отзывчивый – Отстраненный» и «Напористый – Пассивный») образ идеального руководителя в женской выборке по мере приобретения профессионального опыта превращается из Отзывчиво-Напористого в Отстраненно-Пассивного. У мужчин можно наблюдать подобные тенденции.

Рассмотрим еще некоторые наиболее интересные результаты сравнения представлений об идеальном руководителе у индивидов с разным профессиональным опытом и разным опытом руководящей деятельности (таблица 12).

В женской выборке отмечается:

– значимое уменьшение в образе идеального руководителя показателей по характеристикам «Доминирование – Подчинение» по мере приобретения профессионального опыта и опыта руководства ($p < 0,001$), увеличения стажа руководящей работы ($p < 0,001$) и увеличения количества человек в подчинении ($p < 0,001$);

– значимое уменьшение в образе идеального руководителя показателей по фактору «Дружелюбие – Агрессивность» по мере увеличения количества человек в подчинении ($p = 0,04$), за исключением группы руководителей с количеством человек в подчинении от 10 до 50, где, напротив, наблюдается рост показателей;

– значимое уменьшение, до отрицательных показателей, в образе идеального руководителя по фактору «Отзывчивость – Отстраненность» по мере увеличения стажа руководящей работы ($p < 0,007$) и увеличения количества человек в подчинении ($p < 0,001$), а также уменьшение показателей на уровне тенденций по мере приобретения профессионального опыта и опыта руководства ($p = 0,07$).

Таблица 4 – Статусные различия в представлениях об идеальном руководителе

	Вторичные параметры Т. Лири						**Факторы**					
	Доминирование–Подчинение			Дружелюбие–Агрессия			Отзывчивый – Отстраненный			Напористый – Пассивный		
	жен	муж	Гендерные различия (p)	жен	муж	Гендерные различия (p)	жен	муж	Гендерные различия (p)	Жен	муж	Гендерные различия (p)
Профессиональный опыт												
Без опыта работы	**14,45**	13,25	0,080	3,88	2,70	0,532	0,02	**0,08**	0,679	**0,12**	0,37	0,201
Безработные	**14,85**	**11,09**	**0,008**	4,84	5,09	0,842	0,17	**0,57**	0,095	**0,14**	0,29	0,197
С опытом работы	**14,10**	13,75	0,466	**4,75**	**2,56**	**0,002**	0,06	**0,02**	0,543	**-0,08**	**0,39**	**0,000**
С опытом руководства	**12,70**	13,55	0,194	4,35	2,92	0,076	-0,19	**-0,08**	0,593	**-0,40**	**0,09**	**0,000**
Межгрупповые различия (p)	**0,000**	0,244		0,621	0,480		0,073	**0,045**		**0,000**	0,80	
Стаж руководящей деятельности												
До 1 года	**14,20**	**13,44**	**0,029**	**4,59**	**2,72**	**0,001**	**0,06**	0,03	0,634	**-0,03**	**0,33**	**0,000**
От 1 до 5 лет	**13,41**	13,90	0,358	4,35	3,54	0,524	**-0,04**	0,14	0,371	**-0,18**	**0,29**	**0,006**
От 5 до 10 лет	**13,50**	13,15	0,742	**5,19**	**1,25**	**0,036**	**-0,06**	-0,27	0,398	**-0,34**	**0,17**	**0,044**
От 10 до 20 лет	**11,04**	12,97	0,353	3,00	4,85	0,360	**-0,50**	0,10	0,100	**-0,60**	-0,27	0,507
Более 20 лет	**11,09**	8,65	0,786	4,40	2,87	0,814	**-0,48**	0,27	0,194	**-0,95**	0,14	0,80
Межгрупповые различия (p)	**0,000**	0,320		0,413	0,541		**0,007**	0,577		**0,000**	0,82	
Количество человек в подчинении												
Не руководил(а)	**14,33**	**13,53**	**0,027**	**4,61**	**2,71**	**0,002**	**0,07**	0,06	0,921	**-0,02**	**0,37**	**0,000**
От 1 до 10	**13,26**	12,42	0,270	**4,11**	2,33	0,163	**-0,04**	0,01	0,933	**-0,11**	**0,31**	**0,008**
От 10 до 50	**12,88**	14,28	0,141	**5,27**	3,87	0,151	**-0,02**	0,01	0,952	**-0,39**	**0,01**	**0,021**
От 50 до 100	**10,68**	11,15	0,944	**3,54**	4,78	0,796	**-0,48**	0,17	0,207	**-0,76**	**-0,17**	0,494
Свыше 100	**8,54**	**13,48**	**0,044**	**0,54**	5,30	0,069	**-1,28**	**0,10**	**0,008**	**-1,20**	**-0,35**	0,105
Межгрупповые различия (p)	**0,000**	0,178		**0,043**	0,635		**0,000**	0,979		**0,000**	**0,056**	

Данные таблицы 12 демонстрируют у женщин также значимое уменьшение, до отрицательных показателей, в образе идеального руководителя по фактору «Напористость – Пассивность» по мере приобретения профессионального опыта и опыта руководства ($p < 0,001$), увеличения стажа руководящей работы ($p < 0,001$) и увеличения количества человек в подчинении ($p < 0,001$).

В свою очередь, в мужской выборке значимые отличия между статусными группами наметились только по показателям фактора «Отзывчивость – Отстраненность» с уменьшением значений по мере приобретения профессионального опыта и опыта руководства ($p = 0,045$) и по показателям фактора «Напористость – Пассивность» с уменьшением значений по мере увеличения количества человек в подчинении ($p = 0,056$).

Таким образом, по мере увеличения профессионального опыта и опыта руководящей работы, женщины ожидают от идеального руководителя меньшего доминирования, меньшего дружелюбия, меньшей отзывчивости (вплоть до отстраненности) и меньшей напористости (вплоть до пассивности). У мужчин наблюдаются схожие тенденции: предпочтение более опытными сотрудниками более отстраненного и более «пассивного» руководителя.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование выявило довольно интересные закономерности. Вряд ли восприятие участниками исследования идеального руководителя мужчиной, а также акцентирование у него характеристик доминирования является неожиданным результатом исследования отношений к руководству в нашей культуре. Однако гендерные различия в восприятии идеального руководителя и особенно изменение представлений работников по мере приобретения жизненного и профессионального опыта, действительно, представляют пищу для размышлений.

С чем может быть связано изменение представлений об идеальном руководителе? Почему более взрослые и опытные сотрудники предпочитают все более пассивных, отстраненных, подчиняемых и менее дружелюбных руководителей? Результаты исследования рисуют картину предпочтения опытными сотрудниками «незаметного» руководителя, который не вмешивается в работу, не устанавливает эмоциональные связи с подчиненными и не мешает работать.

Объяснение полученных данных может быть как минимум двояким.

С одной стороны, можно воспринять оценку сотрудниками идеального руководителя как непосредственную, лишенную проекций и идентификации с руководителем. В этом случае предпочтение более молодыми сотрудниками более доминирующего и более заботливого руководителя (благосклонно-авторитарного стиля руководства в классификации Лайкерта) объясняется отсутствием опыта работы, переносом семейных и учеб-

ных стереотипов подчинения более властному и авторитетному наставнику. По мере приобретения опыта сотрудники перестают нуждаться в авторитетной контролирующей власти, способны сами контролировать выполнение работы, обладают должным опытом и компетенциями, чтобы брать ответственность на себя. На этом этапе руководитель становится своего рода советником, отстраненным формальным контролером, от которого уже не требуется проявлений власти и опеки. В науках о власти давно известна закономерность о важности авторитарного стиля управления на этапах становления системы и демократического и даже либерального стиля – на этапах ее расцвета и эффективного функционирования.

С другой стороны, результаты исследования можно интерпретировать с учетом существования идентификации сотрудников с ролью руководителя, их проекций образа «себя как руководителя» на образ идеального руководителя. В этом случае более молодые работники, не имеющие опыта руководства, представляют руководителя и себя в роли руководителя как властного и эмоционально включенного человека. Желая получить контролирующую власть над работой и поведением других работников, молодые люди более склонны оправдывать «жесткие» формы управления: напористость, агрессивность, доминирование в сочетании с большой эмоциональной включенностью и даже зависимостью от своих подчиненных. В то же время «смягчение» характеристик идеального руководителя, наблюдаемое с возрастом, особенно в выборке людей с собственным опытом руководства, можно объяснить оправданием ими собственного стиля управления коллективом: попустительского, отстраненного и пассивного. Такой стиль поведения может быть вызван приобретением профессионального опыта, собственным разочарованием в «силовых» методах управления, а также профессиональным выгоранием руководящих специалистов.

Таким образом, каким бы ни было объяснение полученных в исследовании данных, его результаты представляют собой отчетливо наблюдаемые тенденции изменения предпочитаемых характеристик поведения руководителя с работниками на разных этапах их жизненного и профессионального пути. Эти данные могут быть использованы не только в построении индивидуального взаимодействия руководителя с подчиненными, но и при планировании стратегий развития имиджа руководителя и разработки мотивационных и контролирующих систем для разных групп сотрудников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безносов, С.П. Об исследовании эталонов личности инженерно-технических и руководящих работников / С.П. Безносов // Экспериментальная и прикладная психология (Психология личности и малых групп). – Вып. 8. – 1977. – С. 114–118.

2. Гительмахер, Р.Б. Психологические отношения подчиненных к руководителю / Р.Б. Гительмахер, А.Б. Зайцев. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 1996. – 168 с.

3. Горлов, О.В. Соответствие психолого-профессиональных качеств менеджера ожиданиям трудового коллектива : дис. … канд. психол. наук / О.В. Горлов. – Тверь, 1993. – 198 с.

4. Журавлев, А.Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений : дис. ... д-ра психол. наук / А.Л. Журавлев. – М., 1999. – 132 с.

5. Чугунова, Э.С. Социально-психологические особенности творческой активности инженеров / Э.С. Чугунова. – Л. : ЛГУ, 1986. – 161 с.

6. Психология человека от рождения до смерти / под общ. редакцией А.А. Реана. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 656 с.

7. Собчик, Л.Н. Методы психологической диагностики. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири : метод. руководство / Л.Н. Собчик. – М. : Смысл, 1990. – 48 с.

8. Шеин, С.А. Диалог как основа педагогического общения / С.А. Шеин // Вопр. психологии. – 1991. – № 1. – С. 44–53.

Ideal leader in expectations of professionals with different professional experience

The expectations of 1 070 employees of different sex, age, and vocational experience of the qualities of the ideal leader are studied. Data on age and gender dynamics of the perfect leader, as well as differences in representations of performers with different professional experiences were obtained. It is shown that with the acquisition of the status and professional experience workers prefer a more detached and passive managers.

Keywords: employee, working group, expectations, domination, submission, aggression, friendliness.

АГРЕССИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БОЛЬНЫХ С КОЖНЫМИ И ВЕНЕРОЛОГИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В настоящее время продолжает оставаться высоким уровень заболеваемости инфекциями, передаваемыми половым путем, и кожными заболеваниями, что представляет важную проблему современного здравоохранения (А.А. Кубанова с соавт., 1997; Ю.К. Скринкин, 2000; В.И. Кисина, 2003; М.М. Васильев с соавт., 2000; D.M. Fleming et al., 2000; E.H. Koumans et al., 2001). Уровень заболеваемости половыми инфекциями среди различных контингентов населения различен и отличается в отдельных группах в значительных пределах (М.В. Яцуха, 2000, 2002) [15].

Состояние и динамика венерических заболеваний в РБ является в определенной мере индикатором социального здоровья. Третья послевоенная волна подъема заболеваемости началась в 1989 г., продолжилась до 1991 г. и повторяла волну подъема заболеваемости с 1966 по 1969 г. Однако с 1991 г. заболеваемость стала расти геометрическими темпами. Пик заболеваемости имел место в 1996 г., когда в республике было вновь поставлено на учет 21 616 больных (209,7 случаев на 100 тысяч жителей), а

с учетом ведомственных медицинских служб (Белорусской железной дороги, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности и др.) число зарегистрированных больных превысило 24 000 случаев. Число больных, зарегистрированных в учреждениях МЗ РБ в 1996 г., было в 152 раза выше, чем в 1988 г. С 1997 г. идет постепенное снижение заболеваемости, и в 2000 г. было зарегистрировано в 2 раза меньше больных, чем в 1996 г., в 2005 г. в учреждениях МЗ РБ было зарегистрировано 3200 новых случаев заражения венерическими заболеваниями (32,7 случаев на 100 тысяч жителей) и далее также наблюдается снижение заболеваемости. Это означает, что в Республике Беларусь ситуация остается относительно напряженной [1; 9; 10; 11; 14].

По данным УЗ «Витебский областной клинический кожно-венерологический диспансер» венерологических заболеваний зафиксировано в 2007 г. около 1 400 случаев (538 женщин и 862 мужчин), в 2008 г. – 1 213 (410 женщин и 803 мужчины), в 2009 г. – 1 052 (383 женщин и 670 мужчин), в 2010 г. – 769 (224 женщин и 545 мужчин), в 2011 году – 642 (162 женщин и 480 мужчин), в 2012 г. – 685 (211 женщин и 474 мужчин). В свою очередь кожными заболеваниями за этот же период переболело в 2007 г. – 1 857 человек (959 женщин и 898 мужчин), в 2008 г. – 1 664 (833 женщин и 831 мужчин), в 2009 г. – 1 459 (776 женщин и 681 мужчин), в 2010 г. – 1 263 (635 женщин и 628 мужчин), 2011 г. – 1 185 (596 женщин и 589 мужчин), 2012 г. – 1 109 (546 женщин и 563 мужчин).

Необходимо отметить, что если в отечественной литературе психоличностные характеристики больных с различными типами отношения к болезни описаны достаточно полно, то взаимосвязь агрессии с типами отношения к заболеванию исследована недостаточно. Существуют единичные работы по сравнению больных кожными заболеваниями с венерологическими [14]. Таким образом, за последнее время значительно возрос интерес к изучению психологических проблем, сопутствующих кожно-венерологическим заболеваниям и анализу отношения больных к своему «недугу». Так, психические состояния, в общем, могут проявляться в высоком уровне депрессии, повышенной тревоги, фрустрированности, ригидности и, в частности, агрессии.

К настоящему времени различными авторами предложено множество определений агрессии, ни одно из которых не может быть признано исчерпывающим и общеупотребительным. Представляется возможным выделить следующие трактовки этого понятия:

– сильная активность, стремление к самоутверждению (Л. Бендер) [18];

– тенденции приближения к объекту или удаления от него (Ф. Аллан) [18];

– внутренняя сила (без объяснения ее происхождения), дающая человеку возможность противостоять внешним силам;

– акты враждебности, атаки, разрушения, то есть действия, которые вредят другому лицу или объекту;

– поведенческая реакция, характеризующаяся проявлением силы в попытке нанести вред или ущерб личности или обществу (Х. Дельгадо);

– любое поведение, содержащее угрозу или наносящее ущерб другим (А. Басс) [3];

– намерение нанести обиду или оскорбление (Р. Бэрон, Л. Берковитц) [2; 3];

– специфическая форма действий человека, характерная демонстрацией превосходства в силе или применением силы по отношению к другому лицу или группе лиц, коим субъект стремится причинить ущерб [13].

Давая определение агрессии, ряд исследователей делает это на основе изучения поддающихся объективному наблюдению и измерению явлений, чаще всего актов поведения. В то же время не менее существенным представляется рассматривать агрессию «не только как поведение, но и как психическое состояние, выделяя познавательный, эмоциональный и волевой компоненты» [13, с. 12].

Познавательный компонент заключается в осознании и понимании ситуации как угрожающей. Агрессивное поведение окрашено такими эмоциями, как гнев, ярость, раздражение (эмоциональный компонент). Волевой компонент заключается в том, что агрессивное поведение имеет все формальные качества воли: настойчивость, целеустремленность. Агрессивное поведение предполагает борьбу, противостояние, что требует волевых качеств.

Для решения конкретных эмпирических задач были использованы следующие методики: разработанная анкета, которая позволила получить анамнестические данные о больных; методика диагностики психических состояний (Г. Айзенк), Личностный Опросник Бехтеревского института (ЛОБИ), Шкала астенического состояния (Л.Д. Малковой и адаптирована Т.Г. Чертовой) [5; 6; 7; 8; 12]. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием прикладной программы SPSS 10: ранговая корреляция Спирмена и непараметрический тест Крускалла-Уоллиса [4].

Выборка привлеченных к исследованию лиц составила 60 человек (из них 30 человек с кожными заболеваниями и 30 – с венерологическими), находившиеся на лечении, в возрасте от 16 до 56 лет. Исследование проводилось на базе УЗ «Витебский областной клинический кожно-венерологический диспансер». Представителей мужского пола было 50%, женского – 50%. Семейное положение у больных венерологическими заболеваниями, вне зависимости от пола составило женатых (замужних) – 43,3%, холостых

(незамужних) – 50% и разведенных 6,7%. С учетом половых различий и заболевания статистика выглядит следующим образом (рисунок 8).

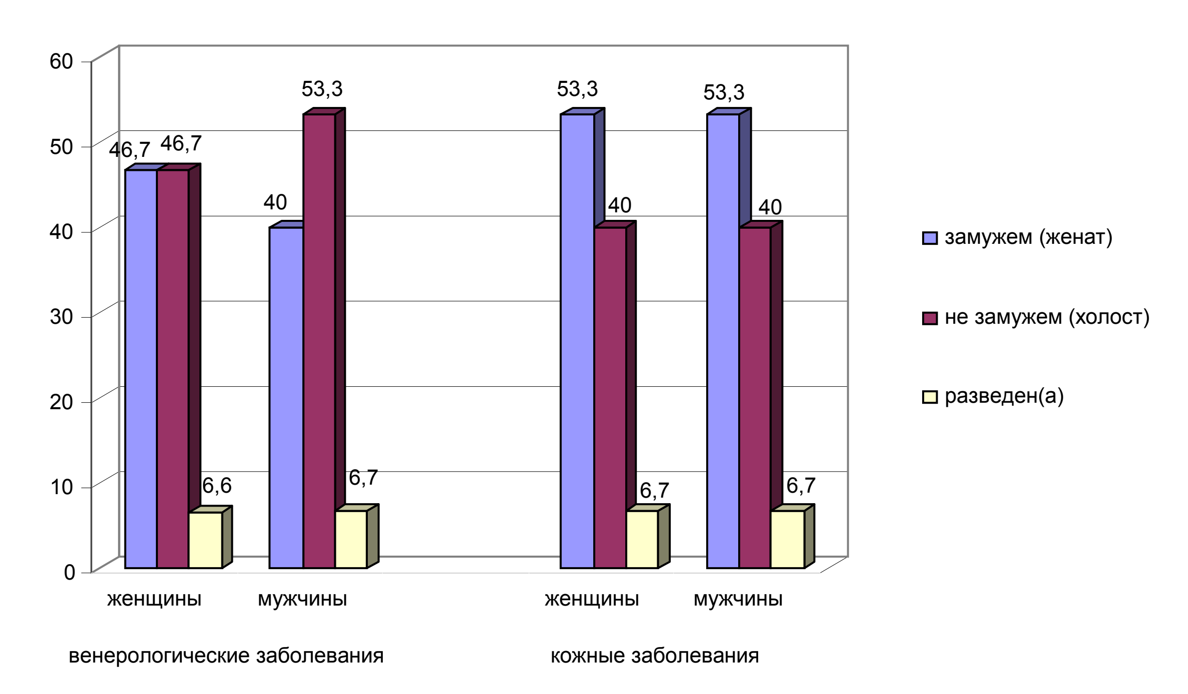

Рисунок 8 – Семейное положение больных кожными и венерологическими заболеваниями в зависимости от пола

Анализ анкеты позволил установить, что большинство респондентов с венерическими заболеваниями (50%) имеют средне-специальное (незаконченное высшее) образование; высшее – 30%, среднее — 20%, в свою очередь больные кожными заболеваниями имеют высшее образование в 23,3%, средне-специальное – 73,3%, среднее – 3,3%. В зависимости от пола и заболевания данные представлены на рисунке 9.

Источником получения профессиональной информации об этих заболеваниях у 66,7% больных была консультация специалиста, у 23,3% – специальная литература и у10% с бесед с другом/подругой.

Дополнительный анализ данных по больным венерологическими заболеваниями показал, что первые сексуальные отношения у женщин чаще всего начинались в 16 лет (40%), а у мужчин – в 14 и 16 лет (26,7% соответственно). При этом женщины до 18 лет начинают половую жизнь в 60% случаев, а мужчины в 66,6%. Так, более раннее начало половой жизни характерно для мужского пола. Однако по данным А.А. Фидарова и О.В. Гореловой (1997), в России девушки раньше начинают вести половую жизнь [16]. На момент обследования ранее болели венерологическими заболеваниями – 13,3% женщин и 20% мужчин.

При сообщении диагноза женщины испытывали чаще всего растерянность (26,7%), а мужчины – страх, тревогу, злость и имели свой вари-

ант ответа (20%); и в меньшей степени женщины – испуг, злость (6,7%), мужчины – стыд и испуг (13,3%) соответственно.

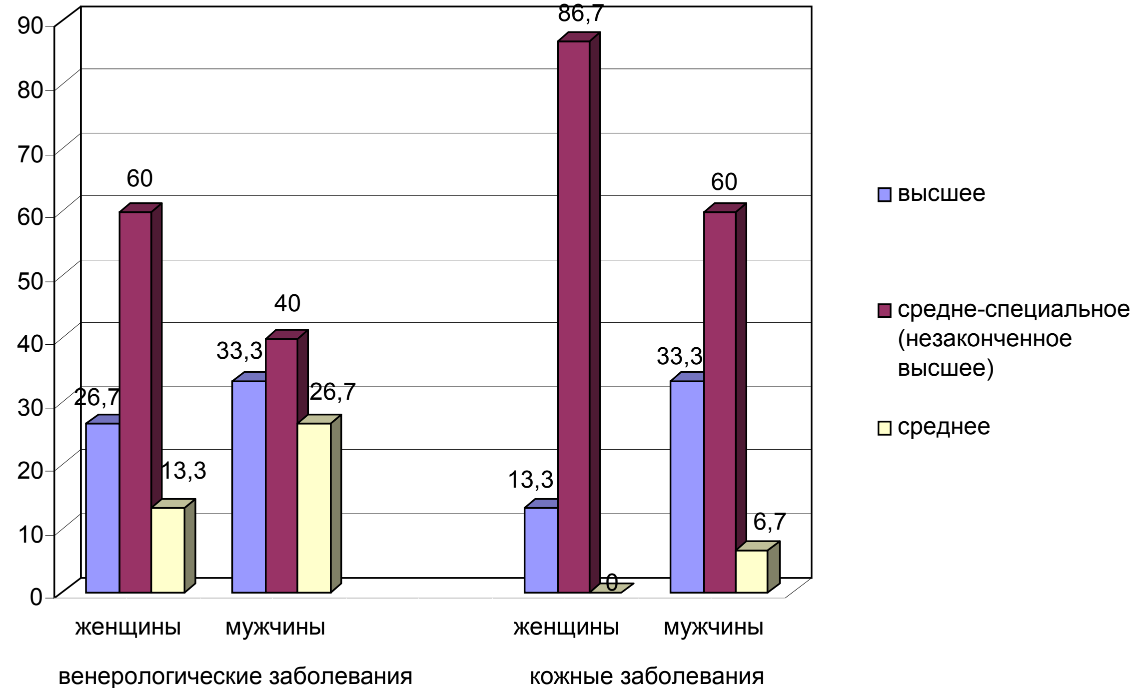

Рисунок 9– Образовательный уровень больных кожными и венерологическими заболеваниями в зависимости от пола

Женщины сообщали своим близким о заболевании в 66,7%, и к ним изменялись межличностные отношения в 13,3% и сексуальные – в 46,7%. Мужчины сообщали в 73,3% случаев, и изменения в отношениях с близкими им людьми наблюдались в 33,3%, в свою очередь в сексе в 66,7%. Чаще всего после лечения сексуальные отношения начинали через неделю у женщин в 73,3% и у мужчин в 66,7%.

Анализ данных по респондентам, имеющим кожные заболевания, показал, что заболевание повлияло умерено на профессиональную деятельность женщин и мужчин в 40%, незначительно у женщин – 13,3%, у мужчин – 20% и никак у 46,7% и 40% соответственно.

Важным является мнение других людей для женщин в 60% и для мужчин – в 53,3%, незначимым данный факт будет для 13,3% женщин и 40% мужчин, и ответ «иногда» был зафиксирован в 26,7% случаев у женщин и 6,7% у мужчин.

Анализ проявления агрессии (враждебные действия, целью которых является нанесение страдания, ущерба другим; одна из реакций на фрустрацию потребностей и конфликт) показал, что больные кожно-венерическими заболеваниями чаще всего имеют средний уровень агрес-

сии (рисунок 10). Также как более, так и менее агрессивными являются мужчины с венерологическими заболеваниями (20,1%).

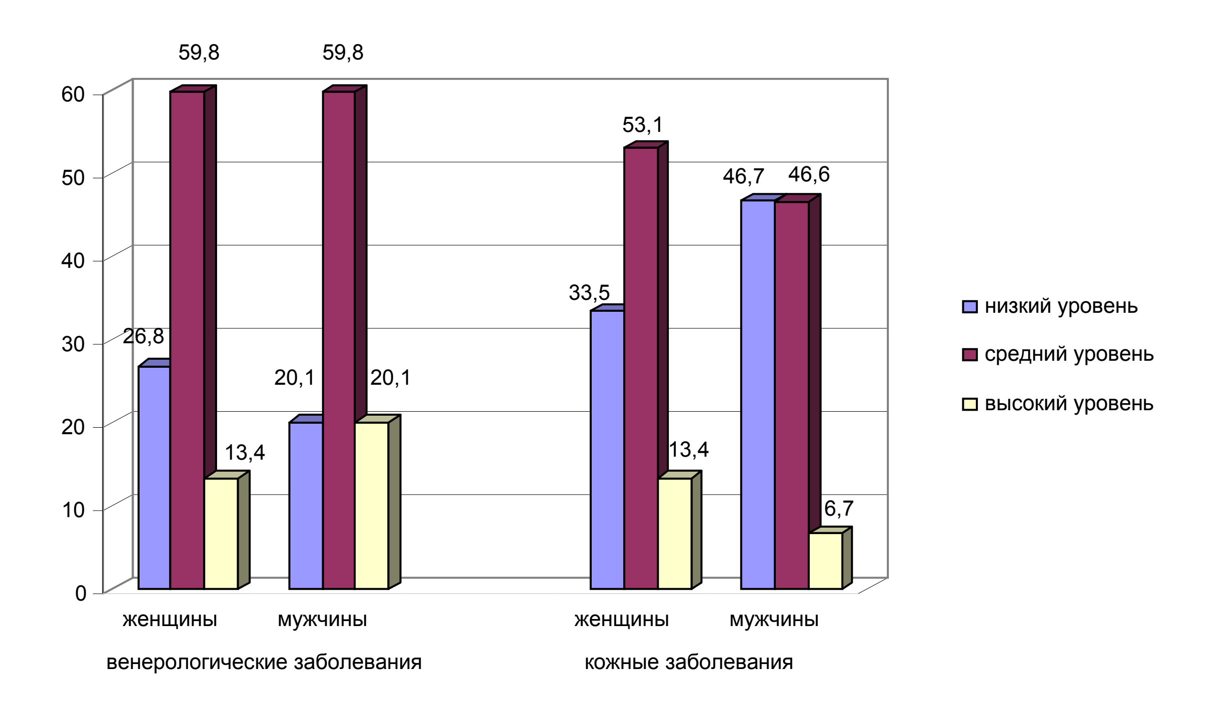

Рисунок 10 – Выраженность агрессии у больных кожными и венерологическими заболеваниями

Сравнительный анализ данных по уровню образования позволил выявить, что в большей степени агрессия присуща больным с кожно-венерологическими заболеваниями со средним образованием, далее с высшим и в меньшей степени со средне-специальным (таблица 13).

Таблица 13 – Сравнительный анализ проявления агрессии в зависимости от образования

Показатели	Образование	Mean Rank	Asymp. Sig. (2-tailed)
Агрессия	Высшее	34,00	0,009
	Средне-специальное, незаконченное высшее	25,89	
	Среднее	46,86	

Корреляционный анализ результатов больных с кожными заболеваниями показал, что агрессия взаимосвязана с сенситивным типом отношения к заболеванию ($r = 0,37$; $p \leq 0,05$), тревожностью ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$) и ригидностью ($r = 0,38$; $p \leq 0,05$). Им присущи чрезмерная озабоченность о возможном неблагоприятном впечатлении, которое могут произвести на окружающих сведения о своей болезни; опасения, что окружающие станут

избегать, считать неполноценным, пренебрежительно или с опаской относиться, распускать сплетни или неблагоприятные сведения о причине и природе болезни; боязнь стать обузой для близких из-за болезни и неблагожелательного отношения с их стороны в связи с этим.

Агрессия больных венерологическими заболеваниями имеет взаимосвязь с сенситивным типом отношения к заболеванию ($r = –0,41$; $p \le 0,05$) и эргопатическим ($r = 0,37$; $p \le 0,05$). Это свидетельствует о том, что у них проявляется чрезмерная озабоченность о возможном неблагоприятном впечатлении, которое могут произвести на окружающих сведения о своей болезни; опасения, что окружающие станут избегать, считать неполноценным, пренебрежительно или с опаской относиться, распускать сплетни или неблагоприятные сведения о причине и природе болезни; боязнь стать обузой для близких из-за болезни и неблагожелательного отношения с их стороны в связи с этим.

Таким образом, каждый больной имеет собственную концепцию болезни, которая определяет индивидуальность, уникальность реагирования на болезнь, отношение к болезни и проявления агрессии. Наличие кожных и венерологических заболеваний, заметных для окружающих, в значительной мере может сказываться на социальной жизни больных, вызывая агрессию по отношению к себе и окружающим и лишая уверенности в себе. При этом агрессия больных с кожными заболеваниями взаимосвязана с сенситивным типом отношения к заболеванию, тревожностью и ригидностью. Агрессия больных венерологическими заболеваниями имеет взаимосвязь с сенситивным и эргопатическим типом отношения к заболеванию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанов, Л.Г. Эпидемиологическая ситуация по венерическим болезням в Беларуси / Л.Г. Барабанов, А.Л. Навроцкий, А.Л. Барабанов // Медицинская панорама. – 2002. – № 1. – С. 9–11.
2. Берковитц, Л. Агрессия / Л. Берковивитц. – М. : Олма-Пресс, 2001. – 510 с.
3. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб. : Питер, 1997. – 330 с.
4. Бююль, А. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / А. Бююль, П. Цефель ; пер. с нем. – СПб. : ДиаСофтЮП, 2005. – 608 с.
5. О психологической диагностике типов отношения к болезни / Л.И. Вассерман [и др.] // Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психической и соматической патологии. – Л., 1990. – С. 8–15.
6. Личко, А.Е. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / А.Е. Личко, М.М. Кабанов, В.М. Смирнов. – Минск, 1983. – С. 102–115.
7. Малкина-Пых, И.Г. Психосоматика : справочник практического психолога / И.Г. Малкина-Пых. – М. : Эксмо, 2005. – 992 с.
8. Методика для психологической диагностики типов отношения к болезни : метод. рек. – СПб. : Каро, 2004. – С. 393–417.

9. Навроцкий, А.Л. Проблемы профилактики ИППП в Республике Беларусь и пути их решения // Патогенез, диагностика, терапия и профилактика ИППП и кожных болезней : материалы пленума Белорусского науч. мед. о-ва врачей дерматологов и венерологов, Полоцк, 28 июня 2000 г. – Минск : БГМУ, 2000. – С. 35–37.

10. Навроцкий, А.Л. Профилактика инфекций, передаваемых половым путем, среди подростков. Охрана репродуктивного здоровья подростков / А.Л. Навроцкий, В.Г. Панкратов. – Минск : БГМУ, 2000. – 42 с.

11. Панкратов, В.Г. Заболеваемость сифилисом, ВИЧ-инфекцией и другими ИППП в Республике Беларусь: исторические, эпидемиологические и прогностические аспекты / В.Г. Панкратов, А.Л. Навроцкий, О.В. Панкратов // Белорус. мед. журн. – 2002. – № 2. – С. 2–6.

12. Папий, Н.А. Кожные заболевания: психодиагностика и психокоррекция / Н.А. Папий. – Минск : Полымя, 2001. – 172 с.

13. Современный словарь по психологии / под ред. В.В. Юрчук. – Минск : Элайда, 2000. – 704 с.

14. Рябцева, Н.Л. Некоторые вопросы эпидемиологии сифилиса в г. Минске в период с 1966 по 1997 год / Н.Л. Рябцева, М.М. Адамович, Д.Ю. Крохин // Современные проблемы инфекционной патологии человека (эпидемиология, клиника, микробиология и иммунология) : ст. и тез. докл. итоговой науч.-практ. конф. – Минск, 1998. – С. 203–205.

15. Тихонова, Л.И. Эпидемиологическая ситуация с ЗППП в России / Л.И. Тихонова // Заболевания, передаваемые половым путем. – 1995. – № 4. – С. 15–21.

16. Фидаров, А.А. Социально-личностная характеристика несовершеннолетних, больных сифилисом, гонореей и трихомонозом / А.А.Фидаров, О.В. Горелова // Вестн. дерматологии и венерологии. – 1997. – № 5. – С. 55–56.

17. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

18. Хлыстова, Н.И. Социально-психологические причины агрессивности личности : автореф. дис. … канд. психол. наук / Н.И. Хлыстова. – Новосибирск, 2003. – 23 с.

The aggressive tendencies of the patients
with skin and venereologic diseases

Some psychological aspects of studying of aggression manifestation by the patients with skin and venereologic diseases are represented. The interrelation of aggression of those people who have skin diseases with sensitive type of the relation to the disease, patients who have uneasiness and rigidity is described. It is also illustrated the interrelation of patients with venereologic diseases with sensitive and ergopathic type of the relation to their disease.

Keywords: aggressive tendencies of the patents with skin diseases, patients with venereologic diseases.

АГРЕССИЯ ПРИ ПЕРЕЖИВАНИИ ГОРЯ ВЗРОСЛЫМИ ДЕТЬМИ СУИЦИДЕНТОВ

В настоящее время психологическая наука большое внимание уделяет проблемам лиц, переживающих горе: установлены компоненты данного состояния, выделены стадии горевания, активно исследуются механизмы, влияющие на трансформацию горевания в патологическую скорбь, определяются стратегии оказания психологической помощи людям, испыты-

вающим состояние утраты. Вместе с тем существует значительный дефицит исследований, касающихся переживаний горя членами семей суицидентов, в частности их повзрослевшими или взрослыми детьми. А ведь именно эта категория горюющих склонна к длительным и интенсивным переживаниям и особенно остро нуждается в оказании психологической помощи. Кроме того, переживание горя людьми, утратившими своих близких в результате естественной смерти, и людьми, утратившими своих близких в результате суицида, существенно разнится.

Дефицит исследований, посвященных переживанию горя взрослыми детьми суицидентов, объясняется многими объективными и субъективными факторами. Наиболее значимым фактором, препятствующим проведению исследований на данную тему, является субъективный фактор – закрытость переживающего утрату человека. Создается парадоксальная ситуация: горюющие люди нуждаются в помощи, но на контакт идут крайне неохотно. С одной стороны, подобная закрытость является естественным стремлением горюющих людей избежать всевозможных упоминаний о травме, желанием поскорее забыть, отвлечься, вытеснить наиболее болезненные элементы травматического события. Человек руководствуется в своем поведении распространенным стереотипом о том, что только время способно вылечить боль, возникшую в результате утраты. С другой стороны, закрытость человека, переживающего горе после совершения суицида его близким, детерминирована страхом перед навешиванием ярлыков на него и всю его семью. Суицид в нашем обществе нередко воспринимается людьми с позиций позорного, требующего осуждения события. Более того, у многих людей существует представление о том, что суицидент – человек ненормальный. Нормальный человек жизнь самоубийством не заканчивает. А раз ненормален сам суицидент, вполне возможно, члены его семьи также ненормальны. Члены семей суицидентов нередко сталкиваются в своем опыте с подобными явлениями, что в последующем делает их осторожными в самораскрытии. Кроме того, родственники суицидентов, как правило, проходят через неприятные процедуры допросов, осуществляемых следственными органами, пытающимися установить причину суицида. Чаще всего выводы следственных органов недалеки от обывательских – во всем виновата семья. Психологическое давление этого вывода подспудно может ощущаться близкими родственниками суицидента всю жизнь и проявляться во взаимодействии с окружающими людьми в виде подозрительности, замкнутости, дистантности. Непрожитая вина трансформируется в страх перед отношениями с людьми, который особенно остро ощущается в ситуациях конфликтов и, постепенно генерализуясь, распространяется на все новые спектры и системы межличностного взаимодействия.

Объективный фактор, препятствующий системному исследованию процесса горевания у близких родственников суицидентов, состоит, во-первых, в их относительной немногочисленности, что обостряет проблему репрезентативности выборки. И, во-вторых, близкие родственники суицидентов вступают во взаимодействие с психологами уже по прошествии значительного времени после травматического события, в результате чего всегда встает вопрос: действительно ли исследователь изучает последствия суицидального, а не какого-то иного события в жизни человека. А значит, остается открытым другой вопрос: на самом деле перед психологом сидит горюющий человек или человек, переживающий иное состояние, в анамнезе которого отмечается факт самоубийства его близкого члена семьи. Кроме того, объективность исследования всегда может быть подвергнута сомнению, поскольку, не имея объективных данных о событии, психолог имеет дело с субъективным представлением клиента о событии.

Учитывая все вышеизложенные сложности, исследование горя у членов семей суицидентов может осуществляться исключительно в рамках феноменологического анализа. Данные, приводимые в настоящей статье, были получены нами в работе с четырьмя женщинами 40–45-летнего возраста, отцы которых покончили с собой. На момент суицидов женщины находились в возрасте от 9 до 17 лет. У всех женщин отмечались признаки осложненного горя.

Как мы отметили выше, переживание горя людьми, утратившими своих близких в результате естественной смерти и людьми, утратившими своих близких в результате суицида, существенно разнится. В этой связи, прежде чем перейти к описанию горя членами семей суицидентов, мы остановимся на феноменологии неосложненного горя.

Центральным звеном в переживании горя является ощущение разрушенной Я-концепции – *пустоты*. В самосознании образуется брешь, заполнить которую в короткий промежуток времени человек просто не в состоянии, поскольку вместе с объектом утраты уходит целый комплекс ожиданий, эмоциональных связей и поведенческих моделей. При переживании утраты исчезает самое главное – целый пласт уникальных отношений, которые выстраивались с умершим человеком. Если отношения эти характеризовались глубокой эмоциональной привязанностью, духовным родством, взаимоподдержкой и взаимопониманием, то состояние горя переживается наиболее интенсивно. Происходит фокусировка на объекте утраты, в то время как окружающая действительность теряет свою привлекательность, поскольку в ней объективно не могут быть восстановлены утраченные по природе своей уникальные отношения. В результате у человека, переживающего состояние горя, ощущение пустоты является закономерным и объективным. Весь тот комплекс отношений с другими еще живу-

щими людьми не может в должной мере заменить собой утраченные отношения. Все мы выстраиваем специфические отношения с каждым конкретным окружающим нас человеком: мы знаем, какие темы для разговора подходят одному и не подходят другому; мы испытываем разную гамму чувств по отношению к разным людям; мы дифференцируем людей по степени их близости к нам; с разными людьми мы связываем разные ожидания. По отношению к нам люди испытывают то же самое, демонстрируя ту или иную степень заботы и внимания. Никто другой из окружающих человека людей в должной мере не может восполнить с максимальной точностью то, что он утратил. В результате горюющий человек фокусирует свое внимание на воспоминаниях прошлого. Он раз за разом вспоминает приятные события, приурочивает их к определенным датам, анализирует происходившее и ищет скрытый, а порою мистический смысл в утраченных отношениях.

Приятные воспоминания прошлого часто обусловливают возникновение чувства *жалости*, испытываемое по отношению к умершему человеку. Вспоминая, каким он был, какими качествами и достоинствами обладал, какими пользовался специфическими, характерными только для него словесными оборотами, какие поступки совершал, мы тем самым, не осознавая, начинаем идеализировать его.

Принято считать, что *идеализация умершего* лишена смысла и зачастую не основывается на сколь-нибудь достоверных фактах его жизни. Она свидетельствует только лишь о тоске по покойному и полна субъективизма: об умерших принято говорить или хорошо, или ничего. В связи с этим к данному феномену в психологии, да и в реальной жизни относятся несколько снисходительно. Однако данное представление, по нашему мнению, не отражает действительности.

Любая идеализация умершего проистекает не из стремления приукрасить характеристики своего близкого, а из оценки всей его жизни. Обычно мы оцениваем людей с позиций повседневности и мелочей, которыми изобилует наше существование. Смерть рождает в нас новые оценочные категории, опирающиеся на представления о вечности: качественные, лишенные суетности и торопливости. Идеализация ушедшего проистекает из объемного взгляда на жизнь покинувшего нас человека, на его глобальные духовные достижения, на все те смыслы, которые он принес с собой в этот мир и реализовал их не только в своей жизни, но и в жизни окружающих его людей. Именно с позиций осмысления таких категорий, как вечность, жизнь, смерть в их трансцендентном понимании, и возникает идеализация покойного. Кроме того, идеализация умершего является: во-первых, попыткой выразить по отношению к нему свои позитивные чувства; во-вторых, стремлением определить вектор собственного психологиче-

ского и личностного развития; в-третьих, выражением духовного поиска и экзистенциальных оснований собственного существования. Иными словами, идеализация умершего является основным пунктом, опираясь на который человек определяет новые приоритеты и смыслы своей жизни.

Чувство жалости к умершему возникает не только в результате действия приятных воспоминаний. Оно может стать результатом нашего заключения о его неиспользованных возможностях и нереализованных потенциалах. Нам кажется, что поживи наш близкий еще больше, он сумел бы в полной мере насытиться качественной жизнью, достичь еще больших высот, реализовать больше проектов, принести большую радость своим близким и пр. Однако данные умозаключения по природе своей гипотетичны, поскольку ответов на них быть уже не может.

Чувство жалости к умершему усиливается воспоминаниями о его последних часах или минутах жизни: о том, как он мучился перед смертью, как страдал, при этом человек нередко проецирует на себя эти мучения, страшась того, что пережил он. Эти воспоминания или представления могут носить характер навязчивости, в результате чего человек пытается разрешить непостижимую загадку перехода своего близкого в иной мир: о том, что он чувствовал, что думал, что открылось ему в последние мгновения его жизни и первые минуты после смерти. Подобные воспоминания и представления не лишены смысла для горюющего, хотя и страдают субъективизмом. Во-первых, при помощи навязчивого воспроизведения картин последних минут жизни человека восполняется тот дефицит сочувствия и жалости по отношению к усопшему, которые человек не проявлял при его жизни в силу разных причин. Во-вторых, происходит экзистенциальная переоценка всего произошедшего. Поиск не только имманентного, но и трансцендентного смысла.

Как нам представляется, за жалостью к покойному нередко скрывается *жалость к себе*. Испытывая жалость к себе, человек болезненно сосредоточивается на внутренних переживаниях и утраченных возможностях, которые он не реализовал в общении с умершим близким, пытаясь отрефлексировать эпизоды неудач и провалов в общении с ним. В результате идеализации умершего горюющий начинает идеализировать и свои отношения с ним. Создается искаженное представление о психологическом слиянии с умершим, который воспринимается как часть своего собственного Я. В результате этого человек, горюя о другом, начинает горевать и о самом себе, глубоко переживая о частичной гибели своего Я. Следовательно, переживание горя сопровождается не только тоской по утраченному объекту, но и тоской по самому себе.

Жалость к самому себе нередко провоцирует усиление переживания горя, вслед за которым возникает сравнение своего состояния с состояния-

ми других близких людей. После этого иррационального по своей природе сравнения человек может прийти к заключению о том, что горе других людей менее интенсивно, их переживания незначительны, поверхностны, возможно, демонстративны, что свидетельствует о том, что они в полной мере не любили покойного по-настоящему. Возникновение подобного рода сравнений свидетельствует, на наш взгляд, о разрушающемся ощущении собственной уникальности. Так, смерть близкого нередко становится отрезвляющим фактом, напоминающим о нашей собственной смертности. Нередко до столкновения с чужой смертью человек, хоть и осознает свою смертность, но на самом деле ведет себя так, словно обладает качествами бессмертного существа. В этом состоит ощущение собственной уникальности. Смерть близкого разрушает иллюзию собственного бессмертия и ощущение уникальности. Утрата иллюзии уникальности всегда является очень болезненным процессом и затрагивает самость. Человек постепенно генерирует другое представление о себе – об уникальности собственного переживания, собственного страдания, тем самым компенсируя разрушающийся образ Я, и приходит к более рационалистичному осознанию границ своей уникальности. Наши переживания, действительно, уникальны, поскольку другие люди не могут ощутить всей гаммы чувств, испытываемых нами. Однако сравнение собственных переживаний, уникальных по своей природе, с уникальными переживаниями других людей иррационально и чаще всего приводит к усилению жалости к себе. В этом состоит ловушка любого сравнения.

Жалость к самому себе и к покойному, разрушающиеся представления о себе и глубокий анализ прижизненных отношений с ним могут детерминировать возникновение механизма *идентификации с объектом утраты*. Идентификация с усопшим представляет собой процесс отождествления себя с характеристиками, поступками, мировоззренческими установками покойного. В результате идентификации человек приходит к выводу, что только умерший понимал и принимал меня, что он был, как я, а я, как он.

Жалость к умершему и саможаление тесно связаны у горюющего с чувством вины и обвинениями окружающих. *Чувство вины, обвинения окружающих и* даже самого *умершего* по поводу его смерти занимают значительное место в переживании горя. Данные феномены указывают на наличие при переживании горя мощно представленного агрессивного компонента. Более того, эти феномены представляют собой своеобразный амбивалентный конгломерат: то человек винит в случившемся исключительно себя, то близких.

Именно агрессивный компонент оказывается доминирующим и специфичным при переживании горя людьми, утратившими близких в результате суицида. Вина, агрессия по отношению к окружающим и к самому суициденту интенсифицируют переживание горя, делают его затяжным и

осложненным. Именно фактор длительности оказывается существенным показателем, указывающим на осложненное горе. Хотя этот показатель относителен и условен, поскольку единых стандартов для времени горевания не существует, все же принято считать, что, если прошло несколько лет с момента трагического события, а признаки горя еще существуют (вина, нежелание говорить об усопшем, обвинения его и окружающих в его смерти и др.), можно говорить об осложненном горе.

Как отмечают В. Волкан и Э. Зинтл, на возникновение осложненного горя влияет то, как член семьи умирает. Внезапная или насильственная смерть является одной из самых тяжелых для горюющих. Самоубийство обладает и тем и другим критерием. Оно всегда внезапно и чаще всего вызывает у членов семьи скрытую вину, вызванную мнением, что было недостаточно сделано для того, чтобы спасти жертву.

Так, при работе с четырьмя взрослыми дочерьми отцов-суицидентов было отмечено, что все они в той или иной степени обвиняли себя в том, что не смогли во взаимоотношениях с отцами предоставить последним тех психологических ресурсов, которые позволили бы отцам совершить выбор в пользу жизни. Они были невнимательны к потребностям отцов и не заметили или не смогли рассмотреть тех сигналов, которые отцы подавали им о своих намерениях. Пытаясь оправдать поступок своих отцов, взрослые дочери выдвигали всевозможные гипотезы относительно мотивов их поступков и своего возможного поведения с ними. Поскольку отцы покончили с собой, значит, они делали что-то не то или не так, чтобы удержать их от самоубийства. Следовательно, вина их оправдана.

Вина при переживании осложненного горя нередко представляет собой аутоагрессивный акт, который выражается в символических самонаказаниях и самоограничениях горюющего человека. Так, наказывая себя за смерть отцов, взрослые дочери долгое время отказывали себе в возможностях встреч с молодыми людьми, будучи убежденными в том, что не имеют права на взаимоотношения с мужчинами и не заслуживают счастья, поскольку не сумели спасти значимого мужчину своей жизни. Даже когда подобные встречи состоялись, все женщины в отношениях с мужчинами занимали ведомую подчиненную позицию, предупреждая их малейшие желания и боясь вызвать недовольство своих избранников, которое ассоциировалось в их сознании с недовольством и неудовлетворенностью отца. Страх рецидива – провокации суицида со стороны ухаживающего мужчины – нередко провоцировал у взрослых дочерей отцов-суицидентов отказ от собственных желаний, собственного Я в угоду Я партнера, даже тогда, когда явно чужие желания вызывали протест. В этом проявлялась их мазохистическая позиция – крайняя форма проявления вины.

Мазохистическая позиция, которую взрослые дочери отцов-суицидентов культивировали в отношениях с мужчинами, нередко проявлялась и в более широком спектре социальных отношений. Мазохистическая позиция в отношениях являлась своеобразным средством искупления вины, а доминантность окружающих воспринималась как наказание за смерть значимого близкого. В то же время самоограничения, которые выражались в том, что взрослые дети долгое время запрещали себе радоваться, культивировали в себе печаль, отказывая в простых удовольствиях, несмотря на то, что эти желания существовали, служили дополнительным средством самонаказания, особенно в тех случаях, когда символические наказания со стороны окружающих казались недостаточными. Подобный аскетизм долгое время сопровождал их жизнь и был неосознаваемым желанием раствориться, исчезнуть, убить свои желания, что может свидетельствовать о латентных суицидальных тенденциях.

Примечательно, что вина взрослых дочерей перед отцами-суицидентами усиливалась распространенными в обществе представлениями о позорности суицида, мировоззренческими и религиозными установками в отношении этого акта. Это, в свою очередь, усиливало переживание одиночества, беспомощности и стыда. Так, одна из женщин в момент острого переживания вины обратилась за помощью к священнику, пытаясь выяснить, что она сейчас может сделать по отношению к своему умершему отцу, как может загладить его вину. В ответ она натолкнулась на достаточно жесткий, холодный и формальный ответ: «Закопать и забыть». Этот ответ не только усилил обиду, но и увеличил ощущение одиночества, беспомощности, отчужденности от людей и, в этой связи, ответственности и вины перед отцом. Другие женщины также утверждали, что предпочитали никому не рассказывать о смерти своего родителя из страха перед осуждением, называли этот акт позорным и сами стыдились его. Так, одна из них вспоминала, что в школе одноклассники каким-то образом узнали о самоубийстве ее отца, после чего вокруг нее образовался вакуум. Хотя явно никто над ней не издевался, но дистантность и эмоциональную холодность она все же ощутила.

Обращает на себя внимание тот факт, что все взрослые дочери отцов, покончивших с собой, крайне негативно отзывались о своих матерях. Обвинения матери в смерти отца заключало в себе обвинение за собственную поломанную жизнь. Агрессия, которую дочери выражали по отношению к матери, носила чаще всего открытый и бурный характер. Взрослые дочери указывали на тот факт, что смерть отца в той или иной мере повлекла за собой утрату матери, эмоциональная дистанцированность с которой сохранила свою актуальность на долгие годы. Агрессия, направленная на мать в данных обстоятельствах, может заключать в себе неосознаваемое желание мес-

ти и легализованную попытку отреагировать табуированные в социуме проявления горя. Последующая же эмоциональная дистанцированность от матери может представлять собой стремление избежать травматических воспоминаний детства и той метаболии – боли от осознания боли, с которыми мать ассоциируется. Обращает на себя внимание тот факт, что девочки проявляли агрессию по отношению к матери, будучи уверенными в том, что смерть отца лишила их перспектив на будущее. У них существовала стойкая уверенность в том, что отныне боль от потери теперь будет сопровождать их всю оставшуюся жизнь, окружающие будут смотреть на них с подозрительностью, а сами они никогда не смогут ощутить семейное тепло.

Отношение к отцам-суицидентам у взрослых дочерей амбивалентно. Описывая свои отношения с отцами, взрослые дочери характеризовали их либо с позиций эмоциональной дистанции, либо с позиций устойчивой привязанности. С одной стороны, взрослые дочери тосковали по утраченным отношениям с отцами, по нереализованным потенциалам, которые заключали в себе эти отношения. Женщины в своих воспоминаниях воспроизводили приятные картинки детства: как отец катает на качелях, как играет в мяч, шахматы, карты, как покупает дорогих кукол, как берет с собой на рыбалку и пр. Эти рассказы окрашены в теплые, хоть и печальные оттенки. С другой стороны, у взрослых дочерей при описании их последующей жизни после трагического события воспоминание об отцах вызывало агрессивные реакции с ярко выраженным обвинительным компонентом: какой он плохой, эгоист, бросил, не думал о других, причинил массу страданий, в корне изменил всю жизнь, не додал, не доделал и т.д. В какой-то момент женщины заявляли, что их отцы стали жертвами обстоятельств, не выдержали, проявили слабость, их нельзя винить; а через непродолжительное время принимались их снова обвинять. Подобная амбивалентность, на наш взгляд, объяснялась конфликтом представлений об отце как о добром и заботливом родителе (попытка идеализировать усопшего) – человеке, который играл, развлекал, покупал и т.п., с одной стороны, и с другой – тем, что рассказывали об отцах матери. Так, одна из женщин, описывая свои представления об отце говорила, что у нее в голове два образа отца. Один отец – это человек, который привозит ей из командировок шикарные подарки (игрушки, конфеты, экзотические фрукты, о которых на тот момент в СССР даже не знали), объект ее гордости. А другой отец – это человек, о котором рассказывает мать: черствый, эгоистичный, отстраненный, замкнутый, недовольный. Отношение к этим двум отцам вступает в конфликт, который и выражается в том, что человек в результате не может понять, как к нему все-таки относиться. Матери взрослых дочерей, рассказывая об отцах, все без исключения описывали его с позиций жестких негативных характеристик, в осуждающих тонах. А воспоминания взрослых дочерей об отцах чаще всего изо-

биловали положительными оценками. Возможно, именно этим фактом объясняется амбивалентность по отношению к отцам у взрослых матерей, а агрессия, которую они перманентно испытывали по отношению к отцам в более позднем возрасте, по существу являлась показателем эмоционального заражения от матери.

Поскольку у взрослых дочерей отмечалось амбивалентное отношение к отцу, такая специфическая реакция для горюющих людей, как идеализация усопшего, не проявлялась. Более того, нередко наблюдались эпизоды утрированной деидеализации отца, приписывание ему качеств, явно не свойственных его личности.

Следует отметить тот факт, что феномен идентификации с умершим у взрослых дочерей не отмечался. Наоборот, руководствуясь общепринятым отношением к суицидентам, дочери боялись, а порою и боролись с проявлениями отцовских качеств в своем Я. Так, в обществе широко распространены два мифа относительно генетической природы суицидального поведения, а также относительно того, что все суициденты – люди, интеллектуально неполноценные. Страх обнаружить в себе суицидальные склонности, признаки суицидального поведения вынуждал взрослых дочерей отказываться от признания своего сходства с отцом. Так, одна из них открыто заявляла о том, что если она станет похожей на отца, то в ней обязательно вылезет наследственная предрасположенность к суицидам. Отчужденность в отношении образа отца нередко сочеталась с полной отстраненностью от его родственников, что объясняется, на наш взгляд, неосознаваемой попыткой взрослых дочерей избежать признания собственной родовой идентичности. При этом характеристики, применяемые к родственникам по отцовской линии, были далеко не лестными, что свидетельствует о продолжительном семейном конфликте, который ярко обозначился после факта самоубийства. Как известно, травматические события могут разделить семейную систему на два лагеря: обвиняющих и обвиняемых. Осуждение одних и оправдание других (главным образом себя) является важным занятием, приносящим временное освобождение от боли. Человек ограничивается осуждением, обвинением, оправданием себя и «жертвы» – отца – и даже не пытается найти какой-нибудь выход из проблемной ситуации. Так, одна из женщин рассказала, что не видела родственников отца с момента поминок, когда она, будучи семнадцатилетней девушкой, попросту выгнала их всех после того, как родственники за поминальным столом принялись обсуждать, кто виноват в самоубийстве. Вместе с тем эмоциональный разрыв долгие годы беспокоил ее и усиливал ощущение вины и стыда.

Однако следует помнить о том, что обвинитель вредит прежде всего себе. Он занят тем, чтобы найти все новые и новые обвинительные факты,

в результате чего доходит до состояния крайней озлобленности, которая в конечном счете может распространиться не только на близких, но и на других людей, на Бога, на судьбу, на себя, в крайних формах может приводить к отчужденности от своего Я и последующей деперсонализации.

Примечательно, что отстраненность от образа отца проявилась в том факте, что все женщины, с которыми мы взаимодействовали, не были на кладбищах у своих отцов с момента погребения, а двое из них вообще не знали, где похоронены их отцы. Кроме того, прорисовывая образ отца, трое из четырех женщин нарисовали его со спины. Две из них сказали, что не знают, почему изобразили отца сзади, а одна из них сказала, что не хочет видеть его лица.

Обращает на себя внимание тот факт, что феномен жалости к отцу не наблюдался ни у одной из взрослых дочерей. Женщины объясняли это тем, что он сам выбрал свою судьбу, поэтому нет смысла его жалеть. Вместе с тем жалость к себе обнаруживалась у всех женщин. При этом одна из них очевидно бравировала тем, что у нее в опыте было такое событие, которое не дай Бог кому-то пережить и которое никто другой попросту не пережил бы. Подобные заявления сами по себе свидетельствуют о подчеркнутой компенсаторной демонстрации собственной силы, значимости, уникальности, которые трансформировались в одну из форм манипулирования и управления окружающими. Результатом этого может стать неосознанное стремление к извлечению психологических выгод от обстоятельств собственной жизни при взаимодействии с окружающими.

Таким образом, переживание горя взрослыми детьми суицидентов имеет свою специфику, которая проявляется в следующих феноменах:

1. Очевидное преобладание агрессивного компонента, выраженного:

– в мазохистической позиции, проявляющейся в психологическом самонаказании и самоограничениях;

– ярко выраженной агрессии экстрапунитивной направленности: на живого родителя, а также на родственников суицидента;

– амбивалентном отношении к родителю, покончившему жизнь самоубийством.

2. Отчужденнность от образа суицидента:

– страх идентификации с родителем, покончившим с собой;

– непринятие в себе психологических сходств с родителем, совершившим самоубийство;

– отказ от родовой идентичности.

3. Преобладание жалости к себе при отсутствии жалости к умершему и своим близким.

Описанная картина переживания горя взрослыми детьми суицидентов блокирует сам факт принятия утраты и последующего прощения своего родителя, без чего работа горя не может быть успешно завершена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкан, В. Смерть в семье: как скорбят родители и дети / В. Волкан, Э. Зингл // Журн. практ. психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. – 2003. – № 4. – Режим доступа : http://psychol.ras.ru/ippppfr/journal.

2. Пархомович, В.Б. Деструктивные эмоциональные состояния / В.Б. Пархомович. – Минск : Логвинов И.П., 2012. – 444 с.

Aggression at grief experience of suicides' adult children

Specificity of grief experience of adult children whose parents committed suicide is considered. It is noticed that in grief experience the aggressive component is prepotent. It is expressed in masochistic position; in intense extrapunitive aggression orientations: to the live parent, and also to other close relatives of the suicide; in the ambivalent relation to the parent who has committed suicide.

Keywords: suicide, grief, aggression, estrangement from the image of suicide, guilt, insult, pity to oneself.

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПЕДАГОГОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ АГРЕССИВНОСТИ

Специфика педагогической деятельности заключается в необходимости выполнения педагогом большого количества многообразных видов работ, что требует от учителя значительного расходования физических и психических сил. Н.В. Клюева уточняет, что особенностью учительского труда является его многоаспектность: учитель выполняет более 300 видов деятельности [5]. Кроме этого профессиональная деятельность педагога характеризуется достаточно высоким уровнем эмоционального напряжения, возникающего вследствие достаточно частого пребывания учителя в педагогически сложных ситуациях [2; 3; 5–9]. На рабочем месте педагог сталкивается каждый день с несоблюдением учениками установленных правил поведения в школе и в классе, игнорированием требований учителя, отсутствием осознанного отношения к учебной деятельности, агрессивным поведением, враждебностью, пассивностью учеников, конфликтами между учащимися. Отказ учеников от ответа, низкие баллы по преподаваемому предмету, отсутствие дневников, демонстративное поведение школьников, попытки учеников списать решение учебного задания, недостаточные ответы, разговоры на уроке – все эти, казалось бы, незначительные события провоцируют появление агрессивных реакций у педагога. Кроме того, учитель включен во взаимодействие с коллегами и администрацией, которое сопровождается порой необходимо-

стью выполнять дополнительную, недостаточно оплачиваемую работу, несогласием и непримиримостью в отношении достижения общих производственных задач, конфликтностью, проявлением неуважения. Взаимодействие с родителями учащихся также сопряжено с различного рода трудностями. Все эти обстоятельства и атрибуты педагогической деятельности выступают стимулами для возникновения у учителя агрессии. Но в связи с предъявляемыми к педагогу этическими требованиями учитель не может выразить агрессию открытым путем, что приводит к накоплению невыраженной агрессии, на подавление и сдерживание которой тратятся физические и психические силы.

Согласно аффективно-динамической модели И.А. Фурманова [10], для человека, попавшего в ситуацию депривации или фрустрации, характерно нарастание напряжённости, что приводит как к возрастанию активности, увеличению интенсивности внешних реакций с целью удовлетворения потребностей, так и к усилению внутренней активности, а именно к использованию механизмов психологической защиты для уменьшения напряжения. И то, и другое может стимулироваться определенными эмоциями, сопровождающими либо реализацию потребности, либо ее сдерживание. В связи с вышесказанным мы предполагаем, что педагог, попадая в эмоционально сложную ситуацию, испытывает агрессию, гнев, но не может их адекватно выразить, что приводит к подавлению и сдерживанию агрессии, а также к возникновению враждебности. Возникает вопрос: приводит ли данная ситуация к физическим и психическим последствиям для учителя, в частности к синдрому эмоционального выгорания? А также: существуют ли различия по полу в проявлениях синдрома эмоционального выгорания у педагогов с различным уровнем агрессивности и ее характеристик? Теоретический обзор эмпирических исследований позволил установить отсутствие подобных исследований.

В настоящее время изучению синдрома эмоционального выгорания посвящено ряд работ как зарубежных (Х. Фройденберг, К. Маслач, С. Джексон, Э. Пайнс, В. Шауфели, М. Ляйтер, Х. Фишер, К. Чернисс, Дж. Еделвич, Р. Бродский, Д. Этзион), так и отечественных исследователей (Т.В. Форманюк, Т.И. Ронгинская, М.М. Скугаревская, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, Н.В. Гришина, В.Е. Орел, А.А. Рукавишников, Т.В. Темиров, Е.А. Трухан). В соответствии с моделью К. Маслач и С. Джексон, выгорание рассматривается как ответная реакция на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций, включающая в себя три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию персональных достижений [12]. Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное собственной работой. Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. Под редукцией профессиональных

достижений понимается возникновение у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней.

Согласно современным представлениям, агрессия является одним из распространенных способов решения проблем, возникающих в сложных и трудных (фрустрирующих) ситуациях, вызывающих психическую напряженность (Дж. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц, С. Розенцвейг). Проблема агрессивности, агрессии педагога раскрывается в ряде немногочисленных работ, связанных с данной тематикой как непосредственно, так и косвенно (А.А. Реан, А.А. Баранов, Ю.В. Щербинина, Э. Зеер, В. Дикова, О. Бовть, И.П. Подласый, И.А. Гулис, Е.А. Семижон, Е.М. Панова, А.А. Рукавишников, Н.Е. Водопьянова, Е.А. Туренко, Е.В. Красноперова, И.А. Фурманов). Агрессивность с точки зрения аффективно-динамического подхода представляет собой готовность, предрасположенность человека к реализации агрессивной модели поведения [10].

Таким образом, целью нашего исследования явилось выявление и изучение особенностей половых различий в проявлениях синдрома эмоционального выгорания у педагогов с различным уровнем агрессивности и ее характеристик. Степень выраженности синдрома эмоционального выгорания и его отдельных компонентов у педагогов диагностировалась при помощи опросника на выгорание MBI К. Маслач и С. Джексон, адаптированного Н.Е. Водопьяновой [3]. Для исследования выраженности агрессивности у педагогов использована Шкала измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки [11]. В исследовании приняли участие 448 педагогов с высшим образованием, проходящих курсы повышения квалификации на базе ГрИРО (г. Гродно). Выборка состояла из 346 женщин и 102 мужчин. Педагогический стаж работы учителей составил от 1 года до 38 лет.

Рассмотрим результаты сравнительного анализа показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем агрессивности и ее характеристик по фактору пола.

Педагоги с конструктивной и деструктивной направленностью агрессии. Проявления синдрома эмоционального выгорания ($p \leq 0{,}05$) и эмоционального истощения ($p \leq 0{,}001$) характерны в большей степени для женщин с деструктивной направленностью агрессии (рисунок 11). Статистически значимые различия в показателях деперсонализации и редукции профессиональных достижений у женщин и мужчин с деструктивной направленностью агрессии не выявлены. Половые различия в показателях синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с конструктивной направленностью не установлены.

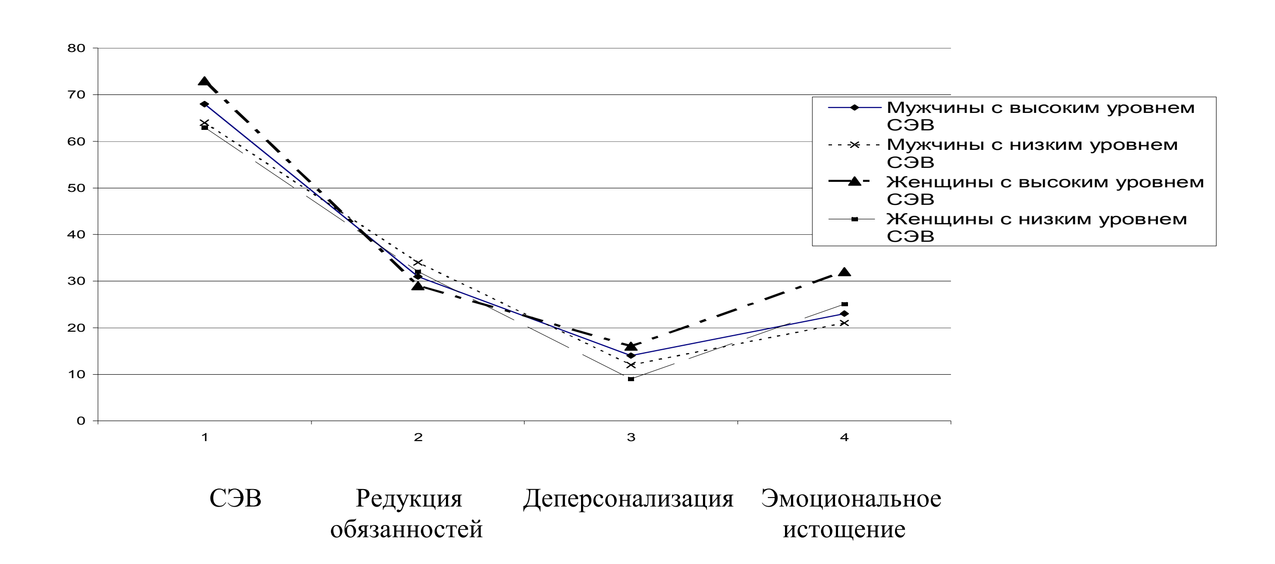

Рисунок 11 – Сравнение показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с конструктивной и деструктивной направленностью агрессии

Педагоги с различным уровнем агрессивной мотивации. Для женщин с высоким уровнем агрессивной мотивации в большей степени характерны проявления синдрома эмоционального выгорания ($p \leq 0{,}01$) и эмоционального истощения ($p \leq 0{,}01$). Различия в показателях деперсонализации и редукции профессиональных достижений у женщин и мужчин с высоким уровнем агрессивной мотивации несущественны (рисунок 12).

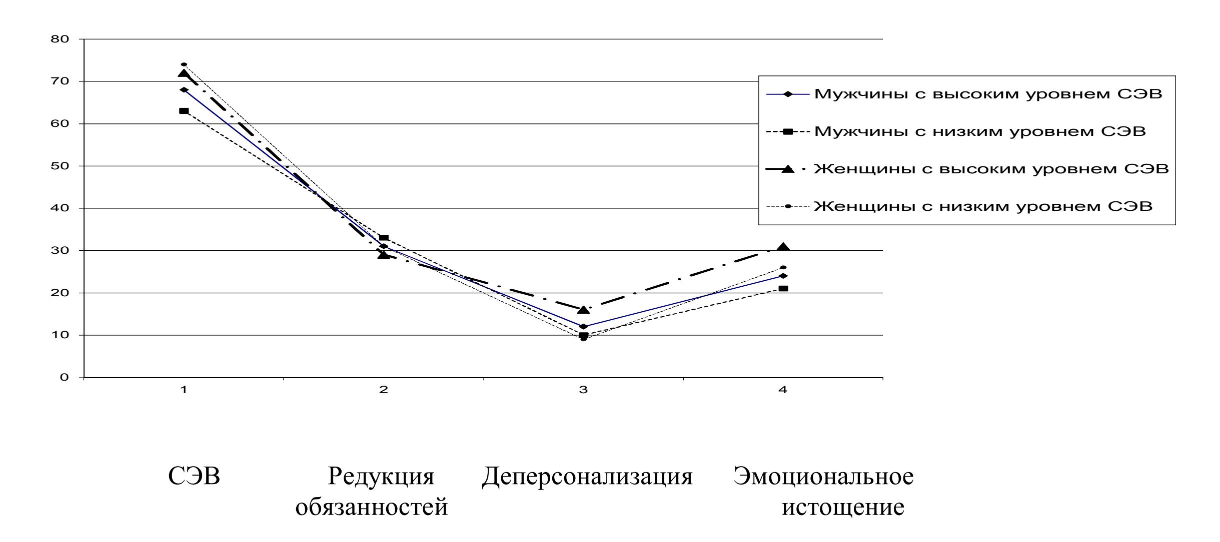

Рисунок 12 – Сравнение показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем агрессивной мотивации

При сравнении показателей эмоционального истощения у женщин и мужчин с низким уровнем агрессивной мотивации также выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$). Так, показатели эмоционального истощения значимо выше у женщин. В показателях синдрома эмоционального выгорания, деперсонализации, редукции профессиональных достижений у педагогов с низким уровнем агрессивной мотивации половые различия не выявлены.

Педагоги с различным уровнем враждебности. У женщин с высоким уровнем враждебности проявляется в большей степени синдром эмоционального выгорания ($p \leq 0,001$), эмоциональное истощение ($p \leq 0,001$) и деперсонализация ($p \leq 0,01$). В показателях редукции профессиональных достижений у высоковраждебных педагогов половые различия не установлены (рисунок 13).

Показатели синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у низковраждебных женщин и мужчин существенно не различаются.

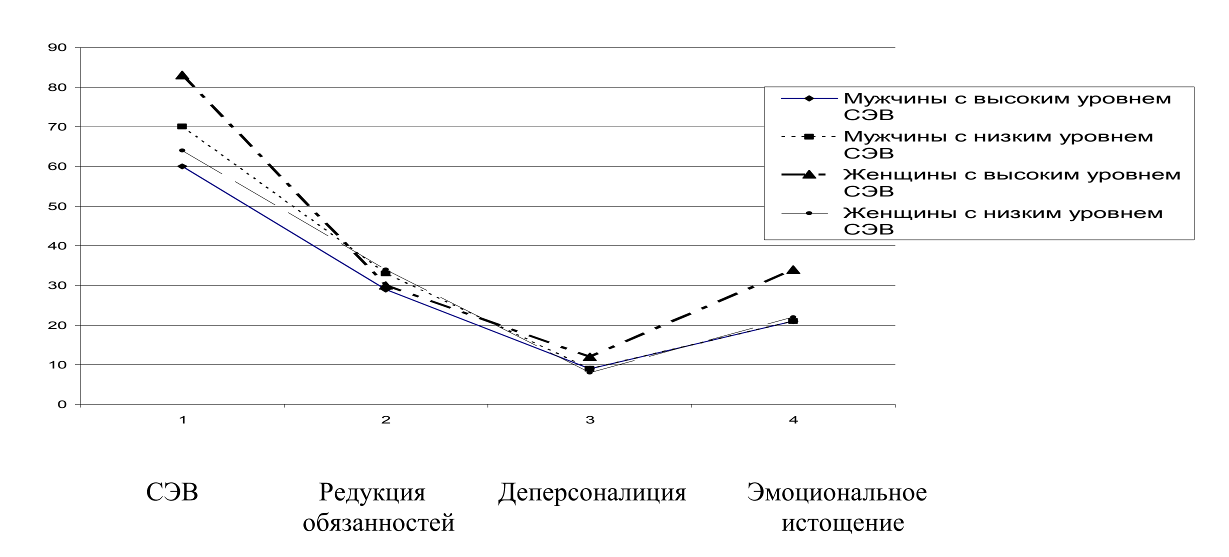

Рисунок 13 – Сравнение показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем враждебности

Педагоги с различным уровнем общей агрессивности. У высокоагрессивных женщин статистически значимо выше показатели синдрома эмоционального выгорания ($p \leq 0,01$) и эмоционального истощения ($p \leq 0,01$). Показатели деперсонализации и редукции профессиональных достижений у женщин и мужчин с высоким уровнем общей агрессивности существенно не различаются (рисунок 14).

У низкоагрессивных педагогов половые различия в показателях синдрома эмоционального выгорания и его компонентов не существенны.

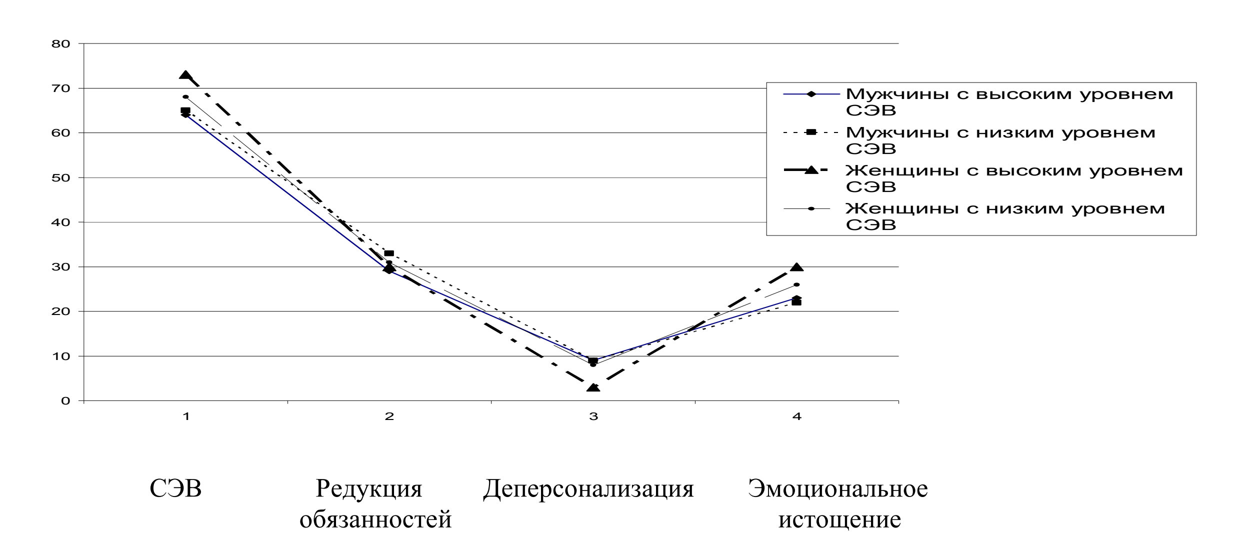

Рисунок 14 – Сравнение показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем общей агрессивности

Педагоги с различным уровнем физической агрессии. В результате сравнительного анализа установлено, что для женщин с высоким уровнем физической агрессии в большей степени характерны проявления синдрома эмоционального выгорания ($p \leq 0{,}001$), эмоционального истощения ($p \leq 0{,}001$) и деперсонализации ($p \leq 0{,}05$) по сравнению с мужчинами с высоким уровнем физической агрессии (рисунок 15). Различия в показателях редукции профессиональных достижений у женщин и мужчин с высоким уровнем физической агрессии не выявлены. Половые различия не выявлены.

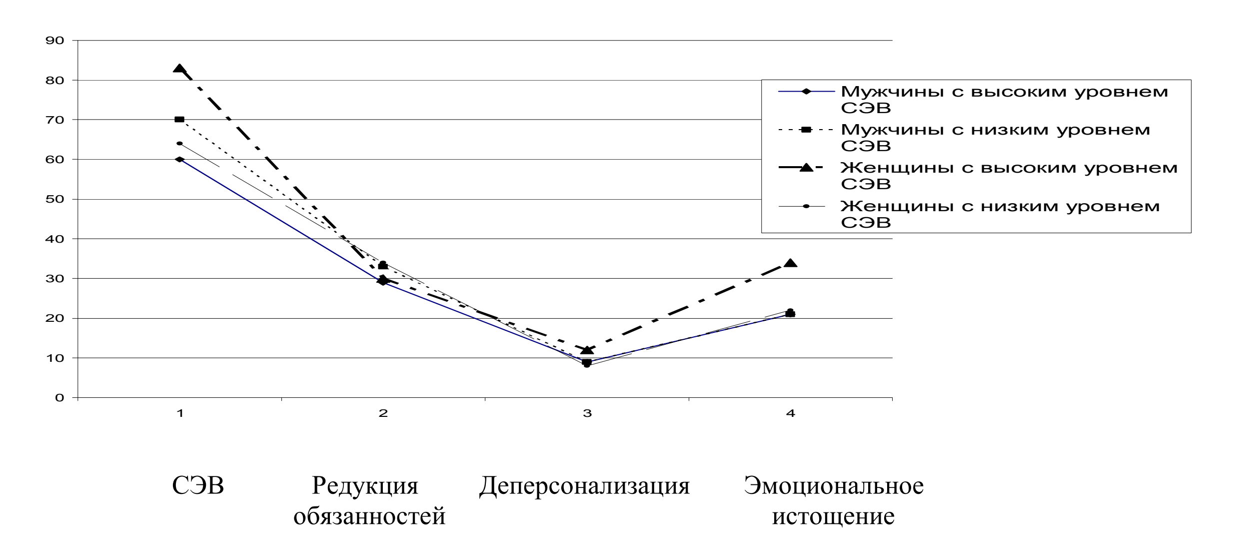

Рисунок 15 – Сравнение показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем физической агрессии

Педагоги с различным уровнем вербальной агрессии. Результаты сравнительного анализа свидетельствуют о том, что для женщин с высоким уровнем вербальной агрессии характерны более высокие показатели синдрома эмоционального выгорания ($p \leq 0{,}05$) и эмоционального истощения ($p \leq 0{,}01$) (рисунок 16). Половые различия в показателях деперсонализации и редукции профессиональных достижений у педагогов с высоким уровнем вербальной агрессии не выявлены.

В большей степени синдром эмоционального выгорания проявляется у женщин с низким уровнем вербальной агрессии ($p \leq 0{,}01$). Различия в показателях эмоционального истощения, деперсонализации и редукции профессиональных достижений у женщин и мужчин с низким уровнем вербальной агрессии не установлены (рисунок 16).

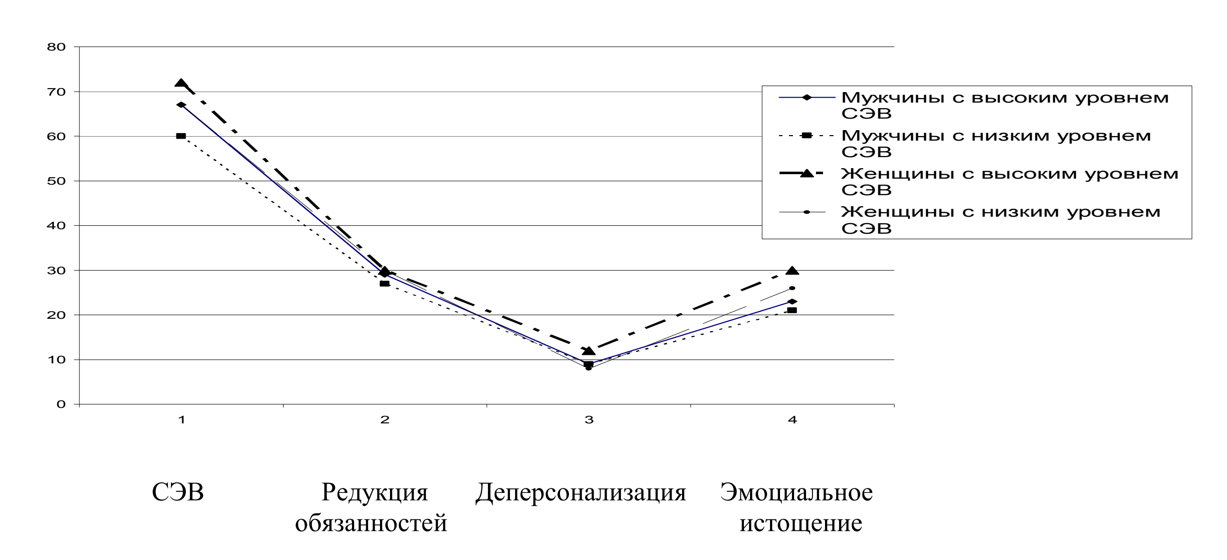

Рисунок 16 – Сравнение показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем вербальной агрессии

Педагоги с различным уровнем косвенной агрессии. Косвенно высокоагрессивные женщины в большей степени демонстрируют проявления синдрома эмоционального выгорания ($p \leq 0{,}01$), эмоционального истощения ($p \leq 0{,}05$), деперсонализации по сравнению с косвенно высокоагрессивными мужчинами ($p \leq 0{,}01$) (рисунок 17). Половые различия в показателях редукции профессиональных достижений у педагогов с высоким уровнем агрессии не выявлены.

У косвенно низкоагрессивных женщин и мужчин показатели синдрома эмоционального выгорания и его компонентов существенно не различаются.

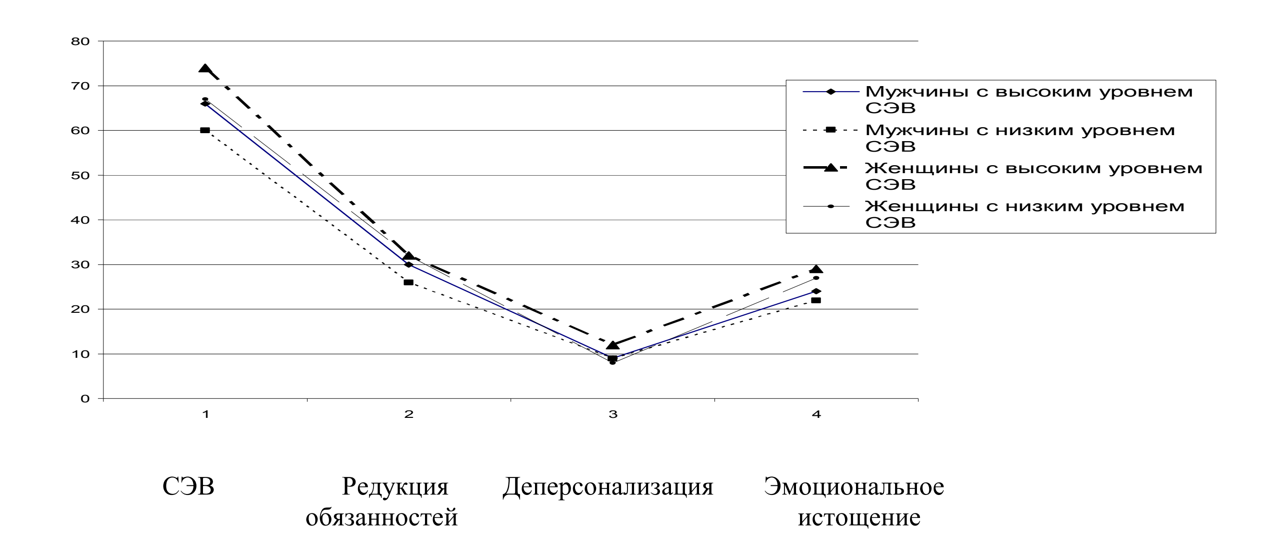

Рисунок 17– Сравнение показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем косвенной агрессии

Обнаруженные в результате сравнительного анализа различия в степени проявления синдрома эмоционального выгорания, эмоционального истощения и деперсонализации могут быть объяснены, по нашему мнению, различным влиянием, оказываемым на женщин и мужчин социальными и профессиональными факторами. Так, общество по-разному относится к проявлениям женской и мужской агрессии. Агрессия, демонстрируемая женщиной, осуждается. Агрессия, демонстрируемая мужчиной, находит обоснование или оправдание со стороны окружающих. Подобное дифференцированное отношение к агрессии усваивается в процессе социализации женщинами и мужчинами и приводит к формированию соответствующих социальных представлений у самих педагогов. Так, по мнению Р. Бэрона и Д. Ричардсон, женщины и мужчины придерживаются противоположных социальных представлений об агрессии. Женщины рассматривают агрессию как экспрессию – как средство выражения гнева и снятия стресса путем высвобождения агрессивной энергии [1]. Кроме того, женщины более обеспокоены, чем агрессия может обернуться для них самих. Мужчины, как правило, меньше испытывают чувство вины и тревоги, относятся к агрессии как к инструменту, считая ее моделью поведения, к которому прибегают для получения разнообразного социального и материального вознаграждения [1].

Определенные взгляды на агрессию влияют на желание индивидов выбирать эту модель поведения. И поскольку воззрения людей не меняются от ситуации к ситуации, их можно рассматривать в качестве важной индивидуальной детерминанты агрессии [1]. Р. Бэрон и Д. Ричардсон указы-

вают, что если выбор агрессии в качестве средства достижения цели одобряют, а саму агрессию рассматривают как приемлемую форму поведения, тогда в ситуации, связанной с желанием выразить агрессию, с проявлением агрессии, отсутствуют внутренние разногласия, человек реагирует позитивно на свое состояние и поведение [1]. Исходя из этого, можно предположить, что высокоагрессивные женщины истощаются вследствие возникающих внутренних разногласий между собственными представлениями, ценностями, усвоенными способами поведения и желанием проявить агрессию. У мужчин с высоким уровнем агрессивности внутренних разногласий по поводу собственной агрессивности не возникает, вследствие чего их показатели синдрома эмоционального выгорания и его компонентов ниже, чем у женщин.

Вместе с тем деятельность учителя сопряжена с необходимостью придерживаться в ходе взаимодействия с участниками учебного процесса определенных профессионально-нравственных норм. Агрессивность, ее проявления со стороны педагога не приемлемы в учебно-воспитательном процессе в связи с этикой педагогического взаимодействия и воздействия на учащихся. Но вместе с тем исследования Э. Зеера, В. Диковой показывают, что агрессия, как правило, направлена на учащихся, взаимодействие с которыми вызывает сложности, затруднения [4]. Агрессивный педагог вызывает аналогичные ответные поведенческие реакции учащихся, которые могут носить как защитный бессознательный характер, так и принимать формы сознательного мотивационного поведения. При этом не только процесс обучения и воспитания принимает деструктивный характер, но и учащиеся обогащаются опытом агрессии взрослого, который должен быть примером [4]. Кроме того, субъектами педагогического взаимодействия выступают коллеги, администрация, родители учащихся, в общении с которыми достаточно часто возникает напряжение, требующее и не находящее разрядки.

Таким образом, деятельность педагога связана с постоянным эмоциональным напряжением в связи с регулярно возникающими, провоцирующими негативные эмоции ситуациями. Педагог оказывается в сложной ситуации, когда он испытывает агрессию, но проявить и выразить ее социально приемлемым способом не умеет. Это приводит либо к сдерживанию агрессии, либо к ее подавлению. В первом случае педагог осознает, что чувствует злость, враждебность, желание причинить другой стороне вред, но себя сдерживает в проявлениях агрессии в силу осознания недопустимости подобного рода намерений и действий в соответствии с профессионально-нравственными нормами. На сдерживание эмоций затрачиваются силы, что приводит к ощущению опустошенности. Во втором случае (из-за неразвитости рефлексивных умений по отношению к собственному эмо-

циональному состоянию) педагог не осознает, что чувствует злость и враждебность, то есть подавляет свои негативные эмоции, вместе с тем подавляются и позитивные эмоции, что приводит в целом к «омертвению» эмоциональной сферы. Учитель утрачивает чувствительность к собственному эмоциональному состоянию, утрачивает способность осознавать и дифференцировать эмоции, просто «перестает себя чувствовать», что субъективно воспринимается как ощущение пустоты, разочарованности и усталости.

Соответственно возможны два разных исхода: в первом случае человек в ответ на вопрос о том, как он себя чувствует, говорит: «Мне плохо, чувствую усталость, разбитость». Во втором случае человек говорит: «Никак я себя не чувствую. Все нормально». При этом слова «никак я себя не чувствую» не выступают в качестве метафоры, человек говорит о реальном субъективно переживаемом состоянии собственного отсутствия. Педагог отчуждается от окружающих, общение с которыми вызывает напряжение и желание минимизировать контакты, таким образом отчуждаясь от самого себя, что приводит к проявлениям равнодушия, цинизма, деперсонализации. Тенденции к сдерживанию и подавлению агрессивности негативно сказываются на физическом и психическом состоянии учителя, приводят к ощущению эмоциональной опустошённости. При этом в особо уязвимом положении оказываются женщины в связи с собственными представлениями о недопустимости не только использования, но и чувствования агрессии как таковой в отношении окружающих на рабочем месте. Иными словами, женщины тратят на сдерживание и подавление собственной агрессивности больше сил, чем мужчины.

Исходя из этого, в соответствии с влиянием социальных и профессиональных факторов на отношение к агрессивности женщины и мужчины оказываются в психологически различных ситуациях в связи с различным отношением к собственной агрессивности, что имеет для них различные физические и психические последствия.

Обобщив полученные в ходе сравнительного анализа показателей синдрома эмоционального выгорания и его компонентов у педагогов с различным уровнем агрессивности, ее характеристик и видов, можно сделать следующие выводы.

1. Существуют половые различия в показателях синдрома эмоционального выгорания, эмоционального истощения, деперсонализации у педагогов с различным уровнем агрессивности и её характеристик, что обусловлено, по нашему мнению, влиянием социальных и профессиональных факторов.

2. Синдром эмоционального выгорания в большей степени выражен у женщин с высоким уровнем физической, вербальной, косвенной видов агрессии, с высоким уровнем враждебности, общей агрессивности, агрессивной мотивации, характеризующиеся деструктивной направленностью

агрессии. Также проявления синдрома эмоционального выгорания в большей степени характерны для женщин с низким уровнем вербальной агрессии. Между показателями синдрома эмоционального выгорания у низкоагрессивных женщин и мужчин по другим видам и характеристикам агрессии различия не выявлены.

3. Эмоциональное истощение в большей степени испытывают женщины с высоким уровнем физической, вербальной, косвенной видов агрессии, с высоким уровнем враждебности, общей агрессивности, агрессивной мотивации, характеризующихся деструктивной направленностью агрессии. Также эмоциональное истощение в большей мере проявляется у женщин, характеризующихся низким уровнем агрессивной мотивации. Между показателями эмоционального истощения у низкоагрессивных женщин и мужчин по другим видам и характеристикам агрессии различия не установлены.

4. Более высокая степень деперсонализации характерна для женщин с высоким уровнем физической, косвенной видов агрессии, а также с высоким уровнем враждебности. Между показателями деперсонализации у низкоагрессивных женщин и мужчин различия не установлены.

5. Половые различия в показателях редукции профессиональных достижений у педагогов с различным уровнем агрессивности и ее характеристик не установлены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб. : Питер, 1997. – 330 с.

2. Борисова, М.В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов / М.В. Борисова // Вопр. психологии. – 2005. – № 2. – С. 96–104.

3. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 336 с.

4. Зеер, Э.Ф. Агрессия учителя – профессионально обусловленная деформация личности / Э.Ф. Зеер, В. Дикова // Нар. образование. – 2006. – № 1. – С. 223–227.

5. Педагогическая психология : учеб. для студентов вузов / Н.В. Клюева [и др.]. – М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – 399 с.

6. Орел, В.Е. Синдром психического выгорания личности / В.Е. Орёл. – М. : Ин-т психологии РАН, 2005. – 330 с.

7. Темиров, Т.В. Психическое выгорание как деструктивный механизм деятельности педагога / Т.В.Темиров // Мир психологии. – 2008. – № 4. – С. 54–64.

8. Трухан, Е.А. Симптомы «эмоционального выгорания» у учителей общеобразовательных школ / Е.А. Трухан // Псіхалогія. – 2001. – № 2. – С. 113–124.

9. Форманюк, Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т.В. Форманюк // Вопр. психологии. – 1994. – № 6. – С. 57–65.

10. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

11. Buss, A.H. An inventory for assessing different kinds of hostility / A.H. Buss, A.H. Durkee // Journal of Consulting Psycholog. – 1957. – Vol. 21. – P. 343–349.

12. Maslach, C. Burned-out / C. Maslach // Human Behavior. – 1976. – № 5. – P. 16–22.

The syndrome of burnout among teachers with different levels of aggressiveness

The results of a comparative analysis of burnout among teachers with different levels of aggressiveness are presented. Sex differences in burnout, emotional exhaustion, depersonalization of the teachers with different levels of aggressiveness are established. The differences can be explained by the influence of social and occupational factors.

Keywords: teacher's syndrome of burnout, aggressiveness.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЛИГАТНЫХ ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ У ПРЕСТУПНИКОВ С ДИССОЦИАЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ

Г.В. Назаретян для описания явления, при котором психические аномалии характеризуются не только высокой криминогенностью, но и спецификой проявления криминального поведения, использовал термин «криминотаксис» [1, с. 48]. Среди многочисленных психических аномалий явление криминотаксиса в большей степени распространено среди преступников с расстройством личности (далее – РЛ) [2–6]. Однако по наблюдению отечественных и зарубежных исследователей, лишь некоторые формы РЛ характеризуются высоким риском криминального поведения. Из этого следует, что патопсихологическая структура одних РЛ препятствует, а других способствует криминальному поведению. Диссоциальное расстройство личности (далее – ДРЛ) наряду с истерическим и эмоционально-неустойчивым относят к категории РЛ, характеризующихся высоким риском криминального поведения [2–13]. Лица с ДРЛ по сравнению с представителями других вариантов РЛ проявляют: пренебрежение социальными нормами, черствое и равнодушное отношение к чувствам окружающих, неспособность извлекать положительные уроки из собственного негативного опыта, низкую переносимость фрустрационных воздействий и готовность к незамедлительному агрессивному поведению в ответ на незначительные фрустрации. В своих неудачах и проблемах такие лица обвиняют окружающих, а своему антисоциальному поведению находят благовидные объяснения.

В реальной жизни поведение лиц с ДРЛ представляет собой континуум, на одном конце которого находятся лица, ведущие пассивный и эксплуатирующий образ жизни, а на другом – жестокие убийцы [7–15]. Отдельную группу в этом континууме образуют лица с ДРЛ, которые систематически нарушают значимые социальные нормы, не охраняемые законом. Низкий риск криминального поведения у представителей этой группы может объясняться спецификой проявления их облигатных патопсихологических свойств. Другую – более обширную группу в поведенческом конти-

нууме образуют лица с ДРЛ, которые наряду с асоциальным поведением совершают криминальные действия различного характера. Одной из особенностей криминального поведения лиц с ДРЛ из этой группы является его разнообразие [4–6; 9; 10; 13; 14]. Однако полиморфность криминального поведения, демонстрируемая преступниками с ДРЛ, может маскировать неоднородность их патопсихологических характеристик и определенную специфичность криминальных действий.

В зависимости от степени тяжести и социальной опасности криминальное поведение лиц с ДРЛ можно условно разделить на две основные категории. К первой категории относят ненасильственные правонарушения (финансовые, имущественные и т.п.), не связанные с причинением вреда здоровью и жизни другого человека. Вторую категорию составляют насильственные правонарушения (убийства, телесные повреждения, сексуальное насилие и т.п.), сопряженные с причинением вреда здоровью и жизни человека. Условность такого деления криминальных действий, совершаемых лицами с ДРЛ, связана с тем, что часть ненасильственных преступлений может сопровождаться насилием и наоборот.

Оценка характера и структуры криминального поведения при ДРЛ, по данным различных исследований, является неоднозначной. Часть исследователей сходится во мнении о том, что при ДРЛ в основном совершаются ненасильственные преступления [2; 4; 9–11]. Так, И.Ф. Обросов приводит данные о преобладании в структуре криминальной активности лиц с ДРЛ краж и других имущественных преступлений (47,9%) [4]. Другая часть исследователей представляет данные, подтверждающие факт высокой распространенности насильственных преступлений среди лиц с ДРЛ [16; 17]. M. Dolan and M. Doyle, ссылаясь на результаты работы «Исследования оценки риска проявления насилия» (Violence Risk Assessment Study), считают ДРЛ наиболее значимым клиническим предиктором насилия [16]. Согласно M. Stone, среди серийных убийц чаще встречаются лица с ДРЛ [17].

Особое место в структуре криминальной активности лиц с ДРЛ, связанной с причинением вреда здоровью и жизни другого человека, занимают сексуальные преступления. По данным И.Ф. Обросова, преступления этой категории составляют 27% от общего числа преступлений, совершаемых при ДРЛ [4]. При этом лицами с ДРЛ чаще совершаются не парафильные сексуальные преступления. Наличие парафилии у лиц с ДРЛ значительно увеличивает риск совершения ими сексуального преступления [18]. Y. Fernandez, W. Marshall, J. Hunter et al. в качестве одного из условий совершения лицами с ДРЛ сексуальных преступлений рассматривают дефицит эмпатии [19; 20].

В целом криминальное поведение преступников с ДРЛ независимо от типа (ненасильственное или насильственное) обладает рядом общих

черт. Одной из основных характеристик криминального поведения у лиц с ДРЛ является его раннее начало и спад. Большинство преступников с ДРЛ совершают первые криминальные действия в препубертатном периоде и демонстрируют резкое снижение криминальной активности после 30 лет. H. Cleckley в качестве важной особенности криминального поведения лиц с ДРЛ рассматривал его кажущуюся рациональность, проявляющуюся в сочетании изобретательности в деталях преступления с неразумностью его общего плана [11]. Совершение большинства криминальных действий в состоянии интоксикации психоактивными веществами является еще одной особенностью, характеризующей преступное поведение лиц с ДРЛ. Для криминального поведения лиц с ДРЛ также характерны полиморфизм, тенденция к утяжелению последующих криминальных действий и высокая рецидивность.

Дискуссионность вопроса о специфике криминального поведения у лиц с ДРЛ, отсутствие однозначных научных данных о специфике проявления облигатных патопсихологических свойств и их структурной организации у преступников с ДРЛ, совершающих ненасильственные и насильственные правонарушения, и ведущих патопсихологических факторах риска совершения ненасильственных и насильственных правонарушений определили объект, предмет и цель настоящего исследования. *Объектом* исследования являлись лица с ДРЛ, совершившие насильственные правонарушения. *Предмет* исследования составили облигатные патопсихологические свойства лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения. *Цель* исследования в контексте обсуждаемой проблемы состояла в выявлении специфики проявления облигатных патопсихологических свойств, их структурной организации и предикторной роли в прогнозе риска совершения ненасильственных и насильственных правонарушений у преступников с ДРЛ.

Организация и методика исследования

На первом этапе исследования путем операционализации диагностических критериев, используемых в МКБ-10 для постановки диагноза ДРЛ, был определен комплекс психодиагностических методов и перечень измеряемых с их помощью психологических характеристик, представленный следующими 29 психометрическими показателями, разделенными на 8 групп: 1. *Нравственные чувства*: совестливость (СВ), чувство вины (ЧВ) и эмпатия (ЭМП); 2. *Общительность* (ОБЩ); 3. *Асоциальные и антисоциальные эмоциональные переживания*: негативизм (НГ), подозрительность (ПОД), обида (ОБ) и индекс враждебности (ИВ); 4. *Асоциальность* (АС); 5. *Общий и частные показатели интернальности*: общая интернальность (ОИ), интернальность в области достижений (ИД), неудач (ИН), семейных отношений (ИСО), производственных отношений (ИПО),

межличностных отношений (ИМО) и здоровья (ИЗ); 6. *Формы агрессивного поведения и показатель общей агрессивности*: физическая (ФА), вербальная (ВА) и косвенная (КА) агрессия и индекс агрессивности (ИА); 7. *Варианты фрустрационных эмоциональных реакций*: раздражение (РЗДР), гнев (ГН), страх (СТР) и бессилие (БС); 8. *Варианты поведенческих реакций в ситуации фрустрации*: активная агрессия (АА), ассертивная реакция (АР), пассивная агрессия (ПА), подавленная агрессия (ПДА) и бегство-уход (БУ).

На втором этапе в соответствии с целью исследования были сформированы три выборки, общая численность которых составила 174 человека мужского пола. Все испытуемые были разделены на три группы: основную (группа 1) и две контрастные (группа 2 и группа 3). Группа 1 ($n = 56$) состояла из испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $29{,}5 \pm 7{,}4$ лет (от 17 до 48 лет). Во вторую группу ($n = 58$) вошли испытуемые с ДРЛ, совершившие ненасильственные правонарушения. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $27{,}1 \pm 6{,}5$ лет (от 17 до 48 лет). Группа 3 ($n = 60$) состояла из испытуемых, не имеющих психических расстройств и не привлекавшихся к уголовной ответственности. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $26{,}6 \pm 7{,}1$ (от 17 до 43). Распределение испытуемых по полу являлось идентичным в трех группах. Между испытуемыми из групп 1 и 2 ($p = 0{,}08$) и групп 1 и 3 ($p = 0{,}63$) не выявлено значимых различий в распределении по возрасту. Лишь у испытуемых из группы 2 и группы 3 имелось значимое различие в распределении по возрасту ($p = 0{,}03$). Поскольку патопсихологические свойства, исследуемые у лиц с ДРЛ, впервые проявляются в раннем возрасте (до 18 лет), носят стабильный и тотальный характер, то распределение по возрасту не являлось в контексте нашего исследования значимым параметром при сопоставлении сформированных групп. Способ формирования выборок являлся случайным.

Исследование проводилось в период с 2010 по 2013 гг. на следующих базах: отдел стационарных судебно-психиатрических экспертиз и отдел стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц со строгим наблюдением управления судебно-психиатрических экспертиз Государственной службы медицинских судебных экспертиз Республики Беларусь; Исправительные учреждения «Тюрьма № 8» и «Исправительная колония № 1» УДИН МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области; Учреждения образования «Белорусский государственный университет» и «Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета Республики Беларусь»; специальная рота отдельного батальона милиции городского управления Департамента охраны МВД Республики Беларусь.

Для диагностики выделенных психологических характеристик был использован следующий набор психодиагностических методик: психодиагностический тест («ПДТ»), разработанный Л.Т. Ямпольским, методика диагностики показателей агрессии, разработанная А. Бассом и А. Дарки, опросник для диагностики способности к эмпатии, разработанный А. Мехрабианом и М. Эпштейном, методика диагностики уровня субъективного контроля, разработанная Дж. Роттером, шкала провокации агрессии (APQ – Aggressive Provocation Questionnaire) для оценки эмоционального и поведенческого реагирования в ситуации провокации агрессии, разработанная D.B. O'Connor, J. Archer and F.W.C. Wu [21; 22; 24; 25]. Для определения социодемографических характеристик использовалась специальная анкета. Статистическая обработка результатов психометрического исследования психологических характеристик и социодемографических данных производилась с помощью программы SPSS v 16.0 for Windows.

Результаты исследования и их обсуждение

Анкетирование испытуемых из групп 1, 2 и 3 выявило, что лица с ДРЛ, совершившие насильственные правонарушения, по некоторым социально-демографическим характеристикам отличаются от испытуемых с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, и представителей нормативной группы. Так, в группе испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, лишь 31,0% росли и воспитывались в условиях полной семьи, в группе лиц с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, – 46,4%, и в нормативной группе – 81,7% испытуемых.

Исследуемые с ДРЛ, совершившие насильственные и ненасильственные правонарушения, имели более низкий уровень образования по сравнению с представителями нормативной группы. В нормативной группе не выявлено ни одного испытуемого, который бы имел начальное и базовое среднее образование. Среди лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, начальное (<9 классов) образование имели 8,9% человек, базовое среднее – 35,7%, а в группе испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения, 5,2% и 46,6% человек соответственно. Общее среднее образование получили 32,2% испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, 24,1% испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения, и 43,3% представителей нормативной группы. Начальное профессиональное образование имели 21,4% лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, 20,7% лиц, совершивших ненасильственные правонарушения, и 40% представителей нормативной группы. Среднее профессиональное образование имели лишь 1,7% лиц с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, и 10% лиц из нормативной группы. Высшее образование получили 1,8% испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, 1,7% ис-

пытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения, 6,7% испытуемых из нормативной группы.

Семейно-брачные отношения в группе лиц с ДРЛ, совершивших насильственные и ненасильственные правонарушения, по сравнению с представителями нормативной группы характеризуются более низким качеством и стабильностью. Так, в официальном браке на момент исследования состояло 12,5% испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, 12,1% испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения, 41,7% представителей нормативной группы. Такая форма отношений с партнером, как сожительство, наблюдалась у 28,6% испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, у 24,1% испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения, и у 1,7% представителей нормативной группы. На момент исследования были разведены 14,3% лиц с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, 5,2% лиц, совершивших ненасильственные правонарушения, и 1,7% представителей нормативной группы.

Первое столкновение с законом до 14 лет имели 9% испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, и 5,1% испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения. При этом до 18 лет к уголовной ответственности было привлечено уже 60,6% испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, и 70,8% испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения.

Среди лиц с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, наблюдается более высокий уровень рецидивной (>2 правонарушений) преступности (91,4%) по сравнению с испытуемыми, совершившими насильственные правонарушения (64,3%).

Сравнительный анализ 29 психологических характеристик в группах 1, 2 и 3 позволил выявить значимые различия по отдельным психометрическим показателям между испытуемыми с ДРЛ (независимо от типа правонарушения) и представителями нормативной группы, между испытуемыми с ДРЛ, совершившими ненасильственные правонарушения, и представителями нормативной группы, между испытуемыми с ДРЛ, совершившими насильственные правонарушения, и представителями нормативной группы и между испытуемыми с ДРЛ, совершившими ненасильственные и насильственные правонарушения.

У испытуемых с ДРЛ по сравнению с представителями нормативной группы были выявлены: более выраженное переживание ЧВ ($\rho = 0{,}005$), связанное не столько с высоким уровнем развития морального сознания, сколько со стимулирующим эффектом асоциального и антисоциального поведения; низкий уровень общительности – ОБЩ ($\rho = 0{,}021$), недостаточная готовность к сотрудничеству и проявлению чуткости в отношении к людям; высокая интен-

сивность переживания таких асоциальных и антисоциальных эмоциональных переживаний, как негативизм – НГ (ρ = 0,002), подозрительность – ПОД (ρ = 0,001), обида – ОБ (ρ = 0,001) и враждебность – ИВ (ρ = 0,001); высокий уровень асоциальности – АС (ρ = 0,023), связанной с игнорированием социальных норм и принципов; низкий уровень общей интернальности – ОИ (ρ = 0,001) и интернальности в различных ситуациях (достижение: ρ = 0,044 и неудача: ρ = 0,011) и сферах жизнедеятельности (семейная: ρ = 0,001, производственная: ρ = 0,045 и межличностная: ρ = 0,035); высокий уровень индекса агрессивности – ИА (ρ = 0,001) и выраженная склонность к проявлению физической агрессии – ФА (ρ = 0,001), вербальной агрессии – ВА (ρ = 0,001) и косвенной агрессии – КА (ρ = 0,001); сочетание высокого уровня раздражения – РЗДР (ρ = 0,001) и гнева – ГН (ρ = 0,011) с пониженной реакцией страха – СТР (ρ = 0,001) и беспокойства – БС (ρ = 0,025) в ситуации фрустрации; преобладание активной агрессии – АА (ρ = 0,001) в сочетании с недостаточной способностью к подавлению агрессии – ПДА в ситуации фрустрации (ρ = 0,016).

Испытуемые с ДРЛ, совершившие ненасильственные правонарушения, по сравнению с представителями нормативной группы обнаруживают: более выраженное переживание чувства вины – ЧВ (ρ = 0,005), связанное не столько с высоким уровнем развития морального сознания, сколько со стимулирующим эффектом асоциального и антисоциального поведения; высокую интенсивность переживания таких асоциальных и антисоциальных эмоциональных переживаний, как НГ (ρ = 0,024), ПОД (ρ = 0,001), ОБ (ρ = 0,001) и ИА (ρ = 0,001); высокий уровень АС (ρ = 0,019), связанной с игнорированием социальных норм и принципов; низкий уровень ОИ (ρ = 0,020) и ИСО (ρ = 0,016); высокий уровень ИА (ρ = 0,001) и выраженная склонность к проявлению ФА (ρ = 0,001), ВА (ρ = 0,007) и КА (ρ = 0,007); сочетание высокого уровня РЗДР (ρ = 0,001) с пониженной реакцией СТР (ρ = 0,001) в ситуации фрустрации; более высокий уровень готовности к АА (ρ = 0,013) в ситуации фрустрации.

У испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, по сравнению с представителями нормативной группы были выявлены: более выраженное переживание ЧВ (ρ = 0,049), связанное не столько с высоким уровнем развития морального сознания, сколько со стимулирующим эффектом асоциального и антисоциального поведения; низкий уровень ОБЩ (ρ = 0,010), недостаточная готовность к сотрудничеству и проявлению чуткости в отношении к людям; высокая интенсивность переживания таких асоциальных и антисоциальных эмоциональных переживаний, как НГ (ρ = 0,003), ПОД (ρ = 0,001), ОБ (ρ = 0,000) и ИВ (ρ = 0,001); низкий уровень ОИ (ρ = 0,001) и интернальности в различных ситуациях (достижение: ρ = 0,028 и неудача: ρ = 0,001) и в некоторых сферах жизнедеятельности (семейная: ρ = 0,001, производственная: ρ = 0,034 и межличностная: ρ = 0,038); высокий

уровень ИА (ρ = 0,000) и выраженная склонность к проявлению ФА (ρ = 0,001), ВА (ρ = 0,001) и КА (ρ = 0,001); сочетание высокого уровня РЗДР (ρ = 0,001) и ГН (ρ = 0,001) с пониженной реакцией СТР (ρ = 0,003) и БС (ρ = 0,016) в ситуации фрустрации; преобладание АА (ρ = 0,001) в сочетании с неспособностью к ПДА (ρ = 0,001) в ситуации фрустрации.

Испытуемые с ДРЛ, совершившие насильственные правонарушения, по сравнению с испытуемыми, совершившими ненасильственные правонарушения, проявляли: более низкий уровень ОИ (ρ = 0,045); высокий уровень ИА (ρ = 0,023) и выраженную склонность к проявлению ФА (ρ = 0,020); высокий уровень переживания ГН (ρ = 0,045) в ситуации фрустрации; преобладание АА (ρ=0,008) в сочетании с недостаточной способностью к ПДА (ρ = 0,002) в ситуации фрустрации.

Сравнительный анализ факторных структур психологических переменных, полученных в результате факторного анализа у испытуемых из группы 1, 2 и 3, выявил различия между тремя группами как в содержании отдельных факторов, так и наличии специфических факторов.

В группе испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, психологические характеристики образовали такие факторы, как *«Социальная компетентность»* (24,082%), *«Агрессивно-враждебное отношение»* (16,641%), *«Избегание агрессии»* (11,668%), *«Моральное поведение»* (7,120%) и *«Агрессивное поведение»* (6,706%), объясняющие 66,218% общей дисперсии.

В группе испытуемых с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, психологические характеристики образовали такие факторы, как *«Асоциальное поведение»* (26,065%), *«Субъективный контроль»* (13,769%), *«Избегание агрессии»* (9,689%), *«Просоциальное поведение»* (8,457%) и *«Астенические эмоции»* (6,701%), объясняющие 64,682% общей дисперсии.

В группе испытуемых без ДРЛ психологические характеристики образовали такие факторы, как *«Агрессивное поведение»* (24,008%), *«Субъективный контроль»* (13,376%), *«Избегание агрессии»* (8,532%), *«Просоциальное поведение»* (7,133%) и *«Чувство вины»* (6,065%), объясняющие 59,114% общей дисперсии.

В результате дискриминантного анализа независимых психологических переменных, измеренных в группах лиц с ДРЛ, совершивших ненасильственные и насильственные правонарушения, и у представителей нормативной группы, было получено три дискриминантных уравнения, описывающих риск совершения ненасильственных и насильственных правонарушений:

1. Первое дискриминантное уравнение оценивает риск совершения ненасильственного правонарушения на основе двух предикторов ИВ и

СТР, выделенных для групп испытуемых с ДРЛ, совершивших ненасильственные правонарушения, и без ДРЛ. При этом риск совершения ненасильственного правонарушения тем выше, чем выше уровень враждебного отношения к окружающим и чем ниже уровень переживания чувства страха в ситуации фрустрации.

2. Второе дискриминантное уравнение оценивает риск совершения насильственного правонарушения на основе четырех предикторов ИВ, ПДА, БС и ПА, выделенных для групп испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, и без ДРЛ. При этом риск совершения насильственного правонарушения тем выше, чем выше уровень враждебного отношения к окружающим и переживания чувства гнева в ситуации фрустрации, чем слабее переживается чувство беспомощности в ситуации фрустрации и чем менее развитой является способность к сдерживанию, подавлению агрессии и злости, к их к косвенному и отсроченному выражению в ситуации фрустрации.

3. Третье дискриминантное уравнение оценивает риск совершения насильственного правонарушения на основе двух предикторов ГН и ПДА, выделенных для групп испытуемых с ДРЛ, совершивших ненасильственные и насильственные правонарушения. При этом риск совершения насильственного правонарушения тем выше, чем выше уровень переживания гнева и чем слабее развита способность к сдерживанию, подавлению агрессии и злости, к их к косвенному и отсроченному выражению в ситуации фрустрации.

Заключение

1. ДРЛ является формой психической аномалии, при которой облигатные патопсихологические особенности являются внутренними условиями, способствующими формированию и реализации криминального поведения. По данным нашего исследования, первое столкновение с законом до 14 лет имели 9% испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, и 5,1% испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения. До 18 лет первично к уголовной ответственности было привлечено уже 60,6% испытуемых, совершивших насильственные правонарушения, и 70,8% испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения. Кроме того, среди испытуемых с ДРЛ, совершивших насильственные правонарушения, уровень рецидивной преступности составил 64,3%, а у испытуемых, совершивших ненасильственные правонарушения, – 91,4%.

2. Лица с ДРЛ, независимо от типа совершенного правонарушения, по сравнению с представителями нормативной группы в большинстве случаев являются выходцами из неполных семей, имеют низкий образовательный уровень и обнаруживают низкое качество и стабильность семейно-брачных отношений.

3. По своим облигатным патопсихологическим свойствам ДРЛ является неоднородной формой РЛ. Алгоритм постановки диагноза ДРЛ в МКБ-10 отражает возможность существования вариантов ДРЛ, отличающихся друг от друга облигатными свойствами и их структурой. По данным нашего исследования, между испытуемыми с ДРЛ, совершившими насильственные и ненасильственные правонарушения, были выявлены существенные различия по некоторым патопсихологическим характеристикам и их структурной организации.

4. В структуре ДРЛ были выделены патопсихологические характеристики-предикторы, позволяющие прогнозировать риск совершения ненасильственных и насильственных правонарушений. Была обнаружена зависимость риска совершения ненасильственного правонарушения от высокого уровня враждебности и дефицита переживания чувства страха в ситуации фрустрации. Выявлена зависимость риска совершения насильственного правонарушения от высокого уровня враждебности, повышенной гневливости в ситуации фрустрации, дефицита переживания чувства бессилия и недостаточной способности к сдерживанию, подавлению агрессии и злости в ситуации фрустрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назаретян, Г.В. Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния / Г.В. Назаретян. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – С. 48.

2. Агрессия и психические расстройства : в 2 т. / Т.Б. Дмитриева [и др.] ; под ред. Т.Б. Дмитриевой . – М. : РИО ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского», 2006. – Т. 1. – 374 с.

3. Оксфордское руководство по психиатрии: в 2 т. / М. Гельдер [и др.] ; пер. с англ. Т. Кучинская, Н. Полищук. – Киев : Сфера, 1999. – Т. 2. – 436 с.

4. Обросов, И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты) : дис. … д-ра мед. наук : 14.00.18 / И.Ф. Обросов ; Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского. – М., 2004. – 356 с.

5. Viding, E. Annotation: Understanding the development of psychopathy / E. Viding // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2004. – Vol. 45. – № 8. – P. 1329–1337.

6. Evidence for substantial genetic risk for psychopathy in 7-year-olds / E. Viding [et al.] // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2005. – Vol. 46. – №. 6. – P. 592–597.

7. Кернберг, О.Ф. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии / О.Ф. Кернберг ; пер. с англ. М.И. Завалова. – М. : Класс, 2000. – 464 с.

8. Короленко, Ц.П. Личностные расстройства / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. – СПб. : Питер, 2010. – 400 с.

9. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс ; пер. с англ. М.В. Глущенко [и др.]. – М. : Класс, 2001. – 480 с.

10. Хаэр, Р.Д. Лишенные совести / Р.Д. Хаэр ; пер. с англ. Б.Л. Глушак. – М. : И.Д. Вильямс, 2007. – 288 с.

11. Cleckley, H.M. The Mask of Sanity / H.M. Cleckley. – St. Louis : C.V. Mosby Co., 1976. – 469 p.

12. Hare, R.D. Psychopathy as a Risk Factor for Violence / R.D. Hare // Psychiatric Quarterly. – 1999. – Vol. 70. – №. 3. – P. 181–197.
13. Hare, R.D. The PCL-R Assessment of psychopathy. Development, structural properties, and new directions / R.D. Hare, C.S. Neumann // Handbook of psychopathy / C.J. Patrick ; ed. by C.J. Patrick. – New York : The Guilford Press, 2006. – P. 58–88.
14. Белялов, Ф.И. Психические расстройства в практике терапевта / Ф.И. Белялов. – М. : МЕДпресс-информ, 2005. – 256 с.
15. Когнитивная психотерапия личностных расстройств / А. Бек, А. Фримен ; под ред. А. Бека, А. Фримена ; пер. с англ. С. Комаров. – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.
16. Dolan, M. Violence risk prediction / M. Dolan, M. Doyle // British Journal of Psychiatry. – 2000. – Vol. 177. – № 4. – P. 303–311.
17. Stone, M.H. Violent crimes and their relationship to personality disorders / M.H. Stone // Personality and Mental Health. – 2007. – Vol. 1. – № 2. – P. 138–153.
18. Olver, M.E. Psychopathy, sexual deviance, and recidivism among sex offenders / M.E. Olver, S.C. P. Wong // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. – 2006. – Vol. 18. – № 1. – P. 65–82.
19. Fernandez, Y.M. Victim empathy, social self-esteem, and psychopathy in rapists / Y.M. Fernandez, W.L. Marshall // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. – 2003. – Vol. 15. – №. 1. – P. 11–26.
20. Non-sexual delinquency in juvenile sexual offenders: the mediating and moderating influences of emotional empathy / J.A. Hunter [et al.] // Journal of Family Violence. – 2007. – Vol. 22. – № 1 – P. 43–54.
21. Фурманов, И.А. Психодиагностика и психокоррекция личности : учеб.-метод. пособие / И.А. Фурманов, Л.А. Пергаменщик. – Минск : Нар. асвета, 1998. – С. 24–41.
22.Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / Д.Я. Райгородский ; ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ, 1998. – С. 174–179.
23. Константинов, В.В. Практикум по психологии личности : учеб.-метод. пособие / В.В. Константинов. – Саратов : Науч. книга ; Пенза : ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2006. – С. 26–29.
24. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / Д.Я. Райгородский ; ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ, 1998. – С. 288–297.
25. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – С. 382–388.

Structural organization of the obligate pathopsychological properties of criminals with antisocial personality disorder

The problem of the interrelation between obligate pathopsychological properties of criminals with antisocial personality disorder and specific offenses committed by them is discussed. Here are presented the results of empirical research, proving the existence of the specific manifestations of the structural organization and the impact of obligate pathopsychological properties on the risk of violent and non-violent offenses by criminals with antisocial personality disorder.

Keywords: antisocial personality disorder, pathopsychological properties, criminal behavior, non-violent offense, violent offense.

АТТИТЮДЫ К ПРОЯВЛЕНИЮ НАСИЛИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ УСТАНОВОК

Насилие – форма поведения, связанная с намерением и стремлением причинить другому лицу психологический вред или физический ущерб [1]. Насилие является распространенным явлением в различных сферах общественных отношений и проявляется на различных уровнях социальной организации: уровне государства, больших и малых социальных групп, а также на межличностном уровне. Институциональная форма насилия проявляется на государственном уровне в виде военного насилия и наказания преступников. Прямое насилие распространено в различных сферах межличностного взаимодействия: родительско-детских отношениях, отношениях между сиблингами, между учениками, в отношениях начальник-подчиненный и других.

Военное насилие – это крайняя форма политического насилия, заключающаяся в принуждении или уничтожении объекта для достижения политических, экономических, идеологических или правовых целей путем применения или угрозы применения военной силы [7]. Существует ряд психологических теорий для объяснения причин возникновения военного насилия. Поведенческие теории основываются на таких принципах поведения социальных общностей, как фрустрация и агрессия, с помощью которых можно объяснить причины использования военного насилия. Например, нерешенность или кажущаяся невозможность решить насущные социальные, духовные и другие проблемы у представителей дискриминируемой этнической общности приводит к использованию военного насилия в отношении членов другой этнической общности, находящейся, по их мнению, в более благополучном социальном положении. Согласно теории депривации, по мере увеличения в определенной социальной группе или обществе числа людей, ощущающих депривацию (лишение), нарастает потенциал гражданской борьбы и политического насилия. Согласно теории экспектации, военный конфликт становится возможным при определенном психологическом состоянии членов общества, когда происходит разрыв между субъективными ожиданиями и объективными возможностями, а условия жизни оцениваются как невыносимые [6]. В зависимости от цели выделяют следующие виды военной агрессии [18; 19]:

1) сдерживающая внешняя – военная политика государства, направленная на контроль и предотвращение нападения со стороны других государств;

2) внутренне направленная – военная политика одного государства, направленная на поддержание и сохранение существующей власти в дру-

гом государстве либо направленная на поддержку оппозиционной власти и смену правительства;

3) гуманитарное вмешательство – внешняя политика государства, направленная на оказание гуманитарной помощи населению какой-либо страны посредством использования военной силы.

В исследованиях выявлено, что в обществе с большей вероятностью возникнут положительные установки в отношении первого и третьего вида военной агрессии, т.к. они являются легитимными в международном праве, также отмечается, что даже при наличии жертв среди мирного населения успешные военные операции имеют высокий уровень поддержки в обществе [18].

Наказание преступников как легитимная форма насилия и, в частности, применение смертной казни также рассматривается при исследовании институциональных форм насилия. В литературе смертная казнь определяется не только как инструмент уголовной политики, но и как социокультурный феномен. Отношение к этой мере наказания – вопрос нравственной доминанты каждого человека; отношение к ней общества – индикатор господствующих в нем нравов и умонастроений, показатель того, насколько оно прониклось идеями справедливости, гуманизма и цивилизованности [4]. Зачастую положительное мнение о необходимости применения смертной казни сформировано из-за ошибочного убеждения в эффективности такого рода наказания. Вместе с тем большинство исследований не подтвердило превентивную значимость этой меры наказания – ни ее применение, ни ее отмена не оказывают сколь либо ощутимого воздействия на динамику тяжких преступлений. Психологи и психиатры убедительно доказали, что для обыденного сознания отдалённая во времени потенциальная возможность смертной казни не является смыслообразующей и лишена реальной побудительной силы, что психологические механизмы защиты устроены так, чтобы не допускать в сознание неблагоприятную информацию, и тем самым они нейтрализуют страх перед наказанием. Исследование многолетней практики применения смертной казни в разных странах убедительно свидетельствует о том, что казни лишь увеличивают масштабы насилия в обществе, ужесточают нравы, снижают допустимый порог жестокости, нивелируя ценность не только чужой, но и собственной жизни, облегчают возможность переступить запретную грань [5].

Насилие в межличностных отношениях проявляется на различных уровнях организации взаимодействия между людьми: в производственных, учебных, семейных отношениях.

В семье насилие проявляется в супружеских, сиблинговых, родительско-детских и детско-родительских отношениях. Установлено, что супружеское насилие напрямую связано с физическим насилием в отношении детей. Кросскультурные исследования Д. Левинсона [23] показали, что использование физических наказаний как способа дисциплинирования детей связано

с частотой насилия над женами в семье. Изучение феномена супружеского насилия невозможно без учета причинного комплекса, определяющего его генезис. Этот комплекс образуют так называемые первичные факторы, которые приводят к возникновению супружеского насилия, и вторичные, которые способствуют продолжению использования насилия. В литературе [8; 24] приводятся следующие внешние факторы, которые воздействуют на личность насильника извне, то есть речь идет о социальной обусловленности насильственного поведения супруга. К этой группе можно отнести: опыт насилия в родительской семье, гендерно-стереотипную социализацию; низкий уровень культуры и образования. Внутренние факторы непосредственно зависят от личности обидчика, от индивидуальных особенностей человека, например расстройства личности, алкоголизм, наркомания, агрессивность, властность, импульсивность. Среди вторичных факторов выделяются экономические факторы зависимости женщины-жертвы от супруга, психологические факторы: боязнь общественного осуждения, виктимность, оправдание насилия со стороны мужа собственной некомпетентностью, нерасторопностью и др. [9]. Деструктивные тактики разрешения супружеских конфликтов – это не только физическое и сексуальное насилие над супругом, но и психологическое. Под психологическим насилием И.А. Фурманов и Д.Я. Дмитриева [11] понимают серию повторяющихся инцидентов (преднамеренных или нет), в которых человека оскорбляют, изолируют, принижают, унижают, контролируют или угрожают ему. Таким образом, целью психологического, как и других форм насилия, является власть и контроль. Психологическое насилие часто сопровождает все другие проявления насилия, но может выступать как самостоятельная форма. Особенностью психологического насилия является его долгосрочный разрушительный эффект для жертвы, который часто характеризуется как формирование «психологии жертвы» – жертва ощущает себя виновной в том, что подвергается насилию, она интернализует все плохие качества, за которые критикуется, становится зависимой, чувствует страх и собственную некомпетентность [9].

Воспитательные тактики и дисциплинарные воздействия на детей в семье носят функцию коррекции нежелательного поведения либо выработки желательных поведенческих реакций. Они могут осуществляться в индуктивной (ненасильственной) и принудительной (насильственной) форме. Принудительная дисциплина сосредоточена на наказаниях, включающих физическую и психологическую агрессию (битье, оскорбления, лишение привилегий и пр.). Под физическим (телесным) наказанием детей понимается использование физической силы для воздействия на ребенка, чтобы он почувствовал боль, но без нанесения серьезного ущерба (ран, увечий, ожогов и пр.), с целью исправления или контроля его поведения [20]. Многочисленные исследования показывают, что дети, бывшие в детстве свидетелями физического

насилия между родителями и подвергавшиеся телесным наказаниям, во взрослом возрасте сами склонны использовать физическую силу в отношениях с супругами и собственными детьми. Этот феномен называется межпоколенной эстафетой насилия. Феномен «эстафеты насилия» в семье существует благодаря целому ряду эндогенных и экзогенных факторов. Насилию дети научаются путем наблюдения и идентификации с родителем-агрессором в двух случаях: применении насилия в супружеских отношениях или непосредственно в отношении самого ребенка. В целом при трансляции насилия и агрессии в ходе семейного воспитания дети становятся менее чувствительными к насилию (эффект десенсибилизации) и воспринимают насилие как приемлемую форму решения конфликтов [9; 10].

Исходя из вышеизложенного, насилие является широко распространенным явлением в обществе. Использование физического, психологического и сексуального насилия в семье приводит к ряду негативных последствий для жертвы. Таким образом, существует необходимость теоретического и эмпирического анализа социальных и психологических причин применения насилия. Социальная установка (аттитюд) является одним из наиболее популярных конструктов, использующихся для описания детерминант поведения человека в социальных ситуациях. Недостаточная разработанность проблемы аттитюдов в отношении насилия обусловливает необходимость теоретической разработки проблемы, с одной стороны, и разработки русскоязычной диагностической методики, с другой стороны.

Проблема насильственной установки изучалась в работах многих зарубежных авторов [12; 13; 17; 22]. Анализ литературы показал, что существуют две наиболее разработанные теоретические модели в описании насильственных установок: теория репрезентации аттитюдов К. Лорда и М. Липпера [21] и общая модель агрессии К. Андерсона [12; 13]. Согласно первой концепции, устойчивость аттитюда в отношении какого-либо стимула будет зависеть как от восприятия стимула, так и от «субъективной репрезентации» этого стимула в памяти [16]. Эту теорию еще называет экземплярной, т.к. установка в отношении какого-либо стимула будет зависеть от легкости извлечения из памяти примеров, относящихся к этому стимулу.

Вторая концепция – модель общей агрессии – постулирует цикличность отношений индивид – среда. Согласно этой модели, в цикл такого взаимодействия включены:

– исходные переменные окружения (информационные сигналы, награда, наказание, фрустрация, провокация) и индивида (черты характера, состояния индивида, убеждения, установки, ценности, скрипты);

– текущее внутреннее состояние индивида (когниции, эмоции и возбуждение);

– выходные данные (поведение).

Основываясь, на теоретических положениях двух вышеописанных теорий, ***насильственные установки (аттитюды)*** можно определить как *оценочное суждение о какой-либо ситуации или объекте, которое выражается в определенной эмоциональной и поведенческой реакции, основанной на непосредственном восприятии данного стимула как насильственного (агрессивного) либо нейтрального (приемлемого), и зависящее от предыдущего опыта взаимодействия с ним.*

Анализ существующих источников по проблеме аттитюдов в отношении насилия позволил сделать вывод об отсутствии русскоязычной методики для изучения насильственных аттитюдов. Основываясь на методиках «Четырехфакторная шкала аттитюдов к насилию» К. Андерсона и др. [12] и «Шкала насильственных аттитюдов и убеждений» П. Брэнд и Ф. Анастасио [15] был разработан «Опросник насильственных установок». Опросник представляет собой 71 утверждение, относящееся к следующим 7 шкалам:

1) «военное насилие» (аттитюды к оборонной политике государства, военной интервенции, армии и военной промышленности);
2) «наказание преступников» (аттитюды к пунитивной и превентивной функции наказания);
3) «смертная казнь» (аттитюды к применению смертной казни);
4) «телесные наказания детей» (аттитюды к физическому насилию над детьми);
5) «супружеское насилие» (аттитюды к физическому, психологическому и сексуальному насилию);
6) «атрибуция» (приписывание причин насилия влиянию социальных или врожденных факторов);
7) «меры профилактики» (аттитюды к реабилитационным и профилактическим мерам в отношении насилия).

Каждое утверждение опросника оценивается по шкале Лайкерта от 1 до 7 баллов, где 1 выражает абсолютное несогласие, а 7 – абсолютное согласие с утверждением.

Апробация методики

В процедуре апробации методики приняли участие студенты 1 и 2 курсов дневной формы обучения различных факультетов Белорусского государственного университета. Выборку составляли 142 респондента в возрасте 18–20 лет.

Адаптация методики «Опросник насильственных установок» осуществлялась с применением следующих процедур, предложенных Л. Бурлачуком [2]:

– подготовка предварительного русского перевода пунктов опросника;

– редактирование и экспертная оценка полученного варианта опросника психологами, знающими английский язык;

– эмпирическая проверка наличия взаимосвязи между опросником насильственных установок и опросником личностной агрессивности А. Басса и М. Перри;

– вторичная эмпирическая проверка методики с целью определения психометрических характеристик.

Определение надежности опросника по критерию устойчивости. Для проверки стабильности диагностируемых признаков был применён метод «тест – ретест». Промежуток между первичным и повторным предъявлением опросника составил 1 неделю.

Оценка надежности шкал опросника по критерию устойчивости проводилась по следующим показателям:

– средние значения и среднеквадратические отклонения значений, полученных на 1 и 2 этапах тестирования по итоговым показателям шкал;

– коэффициент корреляции Спирмена между баллами, полученными по тестовым шкалам при первом и повторном тестировании;

– наличие различий между баллами, полученными по итоговым показателям опросника при первом и повторном тестировании, определяемых при помощи t-критерия Стьюдента для связанных выборок.

Оценка таких параметров распределения, как среднее арифметическое значение и среднеквадратическое отклонение по выборке для 1 и 2 этапа исследования, показала относительно небольшие различия между двумя этапами (таблица 14).

Таблица 14 – Средние значения и среднеквадратические отклонения значений по шкалам (тест – ретест)

Шкалы	Среднеквадратическое отклонение (СКО)		Среднее значение	
	тест	ретест	тест	ретест
Военное насилие	0,95136	1,13772	3,936	4,0621
Наказание	1,11057	1,26023	4,0846	4,1769
Смертная казнь	1,64677	1,84915	3,7045	3,9149
Телесные наказания детей	1,19472	1,31226	2,5709	2,5367
Супружеское насилие	0,90566	1,05442	2,0769	1,9037
Атрибуция	0,83624	0,83733	4,378	4,2277
Меры профилактики	1,04432	1,18312	3,491	3,5578

СКО, представляющее собой квадратный корень из дисперсии – оценки разброса данных по измеряемой переменной, измеренное для 1 и 2 этапа исследования, показало наибольший разброс значений по шкале смертной казни, что означает вариативность ответов по выборке для данного явления. Наибольшие средние значения в двух этапах получены по

шкале наказания и атрибуции. Для шкалы 2 это означает наличие положительных аттитюдов в отношении наказания преступников. Для шкалы 6 это означает «социальную атрибуцию» причин насилия в обществе.

В целом, если распределить возможные значения по итоговым шкалам на 3 уровня («низкий» (от 1,00 до 3,30), «средний» (от 3,31 до 5,60), «высокий» (от 5,61до 7,00)), то значения по всем шкалам располагаются в диапазоне от 1,90 до 4,38, то есть относятся к «низкому» и «среднему» уровню. Иными словами, ни по одной шкале не получены значения абсолютного положительного аттитюда к какой-либо форме насилия.

Устойчивость значений аттитюдов к насилию проверялась путем подсчета коэффициентов корреляции между шкалами из первого и второго этапов тестирования (n = 91). Проведенный анализ позволил сделать вывод о наличии статистически значимой положительной корреляция между исходным баллом и баллом, полученным при повторном тестировании по итоговым показателям опросника (таблица 15).

Таблица 15 – Корреляция между показателями шкал
при первом и повторном тестировании (тест – ретест)

Шкала	Коэффициент корреляции Спирмена
Военное насилие	0,680(**)
Наказание	0,675(**)
Смертная казнь	0,838(**)
Телесные наказания детей	0,796(**)
Супружеское насилие	0,594(**)
Атрибуция	0,383(**)
Меры профилактики	0,725(**)

Анализ полученных данных указал на отсутствие статистически значимых различий между результатами 1 и 2 этапов тестирования (таблица 16).

Таблица 16 – Достоверность различий между шкалами опросника
при первом и повторном тестировании

Шкала	t-критерий	Уровень значимости различий
Военное насилие	–1,380	0,171
Наказание	–0,907	0,367
Смертная казнь	–1,980	0,051
Телесные наказания детей	0,363	0,718
Супружеское насилие	1,862	0,066
Атрибуция	1,628	0,107
Меры профилактики	–0,818	0,415

Таким образом, данные, полученные в результате двух этапов тестирования, соответствуют существующим психометрическим требованиям и свидетельствуют об устойчивости результатов к повторному исследованию.

Определение надежности опросника по критерию внутренней согласованности. Для определения внутренней согласованности опросника был проведен анализ пунктов, подразумевающий статистическую проверку диагностической пригодности каждого из утверждений методики [2]. Данный анализ проводился по следующим психометрическим показателям:

– коэффициент α Кронбаха, который является мерой внутренней согласованности;

– коэффициент корреляции пункта со средним значением по соответствующей шкале;

– коэффициент корреляции между средними баллами по шкалам опросника.

Проведенный анализ выявил достаточно высокие показатели коэффициента α Кронабаха, которые находятся в диапазоне от 0,56 до 0,90. Полученные данные свидетельствуют о том, что отдельные пункты шкалы достаточно однородны. Таким образом, из данных показателей следует, что методика обладает высокой степенью внутренней надежности (таблица 17).

Таблица 17 – Коэффициенты надежности
по внутренней согласованности шкал опросника

Шкала	Коэффициент α
Военное насилие	0,787
Наказание	0,764
Смертная казнь	0,903
Телесные наказания детей	0,865
Супружеское насилие	0,719
Атрибуция	0,562
Меры профилактики	0,628

Далее, в результате проведенного корреляционного анализа каждого работающего пункта шкалы с итоговым показателем было выявлено наличие значимых корреляций пунктов с суммарными показателями по соответствующим шкалам для всех вопросов. Исключение составили три утверждения из шкал «военное насилие», «наказание» и «меры профилактики» соответственно. Планируется уточнение формулировки утверждений или их исключение из текста опросника.

Кроме того, производился подсчет коэффициентов корреляции между средними значениями по итоговым шкалам (таблица 18).

Таблица 18 – Коэффициенты корреляции
между средними баллами по шкалам опросника

Шкалы	Наказание	Смертная казнь	Телесные наказания детей	Супружеское насилие	Атрибуция	Меры профилактики
Военное насилие	0,390(**)	0,316(**)	0,024	0,184	0,038	0,429(**)
Наказание		0,710(**)	0,246(*)	0,253(*)	0,209(*)	0,490(**)
Смертная казнь			0,304(**)	0,411(**)	0,013	0,420(**)
Телесные наказания детей				0,554(**)	–0,061	0,295(**)
Супружеское насилие					–0,168	0,479(**)
Атрибуция						–0,055

Коэффициент корреляции Спирмена указывает на существование значимой ($p \leq 0,01$) связи между дополнительной шкалой «меры профилактики» и всеми основными шкалами, шкалой «военного насилия» и шкалами «наказание» и «смертная казнь», между шкалой «наказание» и шестью итоговыми шкалами, между шкалой «телесные наказания детей» и «супружеское насилие» и между шкалой «смертная казнь» и шкалами «телесные наказания детей» и «супружеское насилие».

Таким образом, подтвердилось теоретическое положение о существовании связи между аттитюдами к физическому наказанию детей и супружеским насилием. Также выявлена сильная корреляционная связь между принятием смертной казни и положительными аттитюдами к наказанию преступников. Данное положение подтверждает наличие положительных аттитюдов студентов к смертной казни как приемлемой форме наказания преступников. Наличие прямой корреляционной связи между аттитюдами к военному насилию и наказанию преступников и смертной казни может свидетельствовать о положительных аттитюдах к институциональным формам насилия.

Определение валидности опросника. Был проведен корреляционный анализ данных с целью определения конкурентной валидности. Конкурентная валидность определялась по корреляциям показателей шкал адаптируемой методики с результатами, полученными при использовании других методик, предназначенных для измерения подобных величин. С этой целью респондентам предлагалось ответить на вопросы шкалы агрессивности А. Басса и М. Перри [16]. Данная методика выявляет степень выраженности ряда агрессивных и враждебных реакций.

Личностный опросник агрессивности состоит из 4 шкал: «физическая агрессия», «гнев», «враждебность» и «вербальная агрессия». Между

шкалами «Опросника насильственных установок» и шкалами опросника агрессивности А. Басса и М. Перри были обнаружены корреляционные связи (таблица 19).

Таблица 19 – Связь шкал опросника насильственных установок со шкалами опросника «Шкала агрессивности»

Шкалы	Коэффициент корреляции Спирмена			
	Физическая агрессия	Вербальная агрессия	Гнев	Враждебность
Военное насилие	0,458(**)	0,318(**)	0,238(*)	0,250(*)
Наказание	0,170	0,067	0,033	0,131
Смертная казнь	0,305(**)	0,094	0,093	0,009
Телесные наказания детей	0,404(**)	0,147	0,320(**)	0,299(**)
Супружеское насилие	0,561(**)	0,221(*)	0,307(**)	0,381(**)
Атрибуция	–0,071	–0,078	–0,148	–0,041
Меры профилактики	0,434(**)	0,322(**)	0,254(*)	0,293(**)

Корреляция со всеми шкалами агрессивности наблюдается по шкале военного насилия и супружеского насилия. Супружеское насилие – комплексный феномен, который включает в себя сексуальное, психологическое и физическое насилие. Чаще всего высокой уровень личностной агрессивности побуждает людей к насильственным формам решения супружеских конфликтов.

Можно заметить, что по шкале «атрибуция» получены отрицательные значения корреляции со всеми шкалами опросника Басса – Перри. Это связано с тем, что среднее значение по выборке для данной шкалы составило 4,378, что соответствуют приписыванию причин насилия в обществе социальным факторам – воспитанию в насильственной среде и наблюдению за насильственными способами решения конфликтов. Можно предположить, что низкие значения по данной шкале (соответствуют приписыванию причин насилия врожденным (биологическим) факторам), будут тесно коррелировать с показателями шкал опросника А. Басса и М. Перри. Высокие положительные значения корреляции получены между шкалой «телесные наказания детей» и шкалами «гнев», «враждебность» и «физическая агрессия». Логично предположить, что данные личностные характеристики непосредственным образом влияют на положительные аттитюды в отношении физических наказаний детей (порка, битье и т.д.).

Таким образом, на основе англоязычных методик были сформулированы пункты русскоязычного «Опросника насильственных установок». Процедура адаптации методики показала, что показатели опросника обладают характеристиками надежности и валидности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб. : Прайм–Еврознак, 2001. – 512 с.

2. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук. – СПб. : Питер, 2008. – 688 с.

3. Ениколопов, С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения / С.Н. Ениколопов // Прикладная юрид. психология. – 2010. – № 2. – С. 37–47.

4. Квашис, В.Е. Смертная казнь и общественное мнение / В.Е. Квашис // Государство и право. – М. : Наука, 1997. – № 4. – С. 50–56.

5. Квашис, В.Е. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы / В.Е. Квашис. – М. : Юрайт, 2008. – 275 с.

6. Межидова, Т.У. Военное насилие в международной жизни / Т.У. Межидова // Вестн. Екатеринбург. ин-та. – 2009. – № 4. – С. 26–31.

7. Соловьев, А.В. Война и насилие: опыт теоретико-методологического анализа / А.В. Соловьев // Пространство и Время : альманах [Электронный ресурс]. – Т. 2. – Вып. 1. – 2013. – Режим доступа : http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom 2 Vip 1/rubr2-teorii-koncepcii-paradigmy-st2-solovev-2013.pdf. – Дата доступа : 15.03.2013.

8. Фахретдинова, А.Б. Факторы, провоцирующие насилие над женщиной в супружеских взаимоотношениях / А.Б. Фахретдинова // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер. Социальные науки. – 2008. – № 1 (9). – С. 123–131.

9. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – С. 27–34.

10. Фурманов, И.А. Эндогенные и экзогенные факторы эстафеты агрессии и насилия в семье / И.А. Фурманов // Семейная психология и семейная психотерапия.– № 1. – 2009. – С. 56–64.

11. Фурманов, И.А. Взаимосвязь психологического насилия и эмоционального состояния супругов в семье / И.А. Фурманов, Д.Я. Дмитриева // Белорус. психол. журн. – 2005. – № 1 (5). – С. 33–40.

12. Development and testing of the Velicer attitudes toward violence scale: evidence for a four-factor model / C.A. Anderson [et al.] // Aggressive Behavior. – 2006. – Vol. 32. – P. 122–136.

13. Anderson, C.A. Human aggression / C.A. Anderson, B.J. Bushman // Annual Review of Psychology. – 2002. – Vol. 53. – P. 27–51.

14. Anderson, C.A. Human aggression: a social-cognitive view / C.A. Anderson, L.R. Huesmann // Handbook of Social Psychology / M.A. Hogg, J. Cooper (eds.). – London : Sage Pub., 2003. – P. 296–323.

15. Brand, P.A. Violent–related attitudes and beliefs. Scale construction and psychometrics / P.A. Brand, P.A. Anastasio // J. of Interpersonal Violence – 2006. – Vol. 21. – № 7. – P. 856–868.

16. Buss, A.H. The Aggression Questionnaire / A. Buss, M. Perry// J. of Personality and Social Psychology. – 1992. – Vol. 63. – № 3. – P. 452–459.

17. Carnagey, N.L. Changes in attitudes towards war and violence after September 11, 2001 / N.L. Carnagey, C.A. Anderson // Aggressive Behavior. – 2007. – Vol. 33. – P. 118–129.

18. Eichenberg, R.C. Gender differences in public attitudes toward the use of force by the United States, 1990–2003 / R.C. Eichenberg // International Security. – 2003. – Vol. 28. – № 1. – P. 110–141.

19. Jentleson, B.W. Still pretty prudent: Post Cold War American public opinion on the use of military force / B.W. Jentleson // J. of Conflict Resolution. – 1998. – Vol. 42. – №. 4. – P. 395–417.

20. Jentleson, B.W. The pretty prudent public: Post Vietnam American opinion on the use of military force / B.W. Jentleson // International Studies Quarterly. – 1992. – Vol. 36. – № 1. – P. 49–74.

21. Lord, C.G. Attitude representation theory / C.G. Lord, M.R. Lepper // J. of Experimental Social Psychology. – 1999. – Vol. 31. – P. 265–343.

22. Straus, M.A. Corporal punishment in America and its effect on children / M.A. Straus // J. Child Centred Practice. – 1996. – № 3/2. – P. 57–77.

23. Velicer, W.F. A measurement model for measuring attitudes towards violence / W.F. Velicer, L.H. Huckel, C.E. Hanson // Personality and Social Psychology Bulletin. – 1989. – Vol. 15. – P. 349–364.

24. Walker, L.E. The battered woman syndrome / L. Walker. – New York : Springer, 1984. – 178 p.

Attitudes toward violence in social relations:
development of “Attitudes toward violence questionnaire”

The concept of attitudes toward violence is discussed, the scope of social relations in which violence appears is analyzed. The stages of development and standardization of “Attitudes toward violence Questionnaire”, conducted on the sample of students of Belarusian State University, are described. The stages of assessing the validity and reliability of the technique are represented. The technique can be used to diagnose attitudes toward spousal abuse, corporal punishment, death penalty and military violence. Also Questionnaire identifies attribution of the causes of violence and the attitudes toward prevention.

Keywords: students’ attitudes, violence in social relations, spousal abuse, corporal punishment, death penalty, military violence, attribution, “Attitudes toward violence Questionnaire”.

СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ВЗРОСЛЫХ, ПЕРЕЖИВШИХ В ДЕТСТВЕ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Развитие личности и системы отношений индивида формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных внешних и внутренних факторов, в частности семейных. Дисгармония внутрисемейных отношений имеет серьезные, порой драматические последствия для психического развития, формирования характера и самооценки. Анализ исследований указывает на наличие в семьях большого количества проблем, обусловленных нарушениями отношений в диаде «взрослый – ребенок». Жесткое обращение выступает как один из аспектов нарушений взаимодействия и приводящее к негативным последствиям для развития личности.

Исследуя данную проблему, необходимо обратиться к раскрытию самого понятия «жесткое обращение». В литературе представлены самые различные толкования данного понятия. Жестокое обращение И.А. Фурманов [1] рассматривает как любые умышленные, повторяющиеся действия агрес-

сивного оскорбительного поведения, которое включает использование или угрозу насилия и запугивания или бездействие по отношению к ребёнку со стороны родителей, лиц, их заменяющих, с целью получения власти и контроля над другим человеком, в результате чего нарушается его здоровье и благополучие или создаются условия, мешающие оптимальному физическому или психическому развитию, ущемляются его права и свободы. В подобном контексте жестокое обращение определяет А.А. Реан, усиливая его действиями, связанными с посягательством на сексуальную неприкосновенность, убийством, доведением до самоубийства.

М.Д. Асанова выделяет физическое, психологическое, сексуальное насилие и пренебрежение основными нуждами ребенка. M. Chang и F. Lewenthal помимо вышеперечисленных форм жестокого обращения выделяют экономическое или финансовое, насилие, квалифицируемое в случае попытки одного взрослого члена семьи лишить другого возможности распоряжаться семейным бюджетом, иметь средства и право распоряжаться ими по своему усмотрению, а также в случае экономического давления в отношении несовершеннолетних детей.

Психологическое насилие – хронические паттерны поведения, такие как враждебное или безразличное отношение к ребенку, унижение и т.п., приводящее к снижению самооценки, утрате веры в себя, формированию патологических черт характера, вызывающее нарушение социализации. Физическое насилие – это насильственные и другие умышленные действия, которые причиняют ребенку физическую и душевную боль и страдания, например избиения, ожоги, кусание и т.п., а также причинение ущерба развитию, здоровью и жизнедеятельности [1]. Сексуальное насилие или развращение – это вовлечение ребёнка взрослым в совершение действий сексуального характера с помощью насилия, угроз или злоупотребления доверием, причинившее вред его физическому или психическому здоровью либо нарушившее его психосексуальное развитие.

Пренебрежение основными нуждами ребенка (родительская небрежность, детская запущенность) – это умышленное ограничение биологических потребностей ребёнка или создание неблагоприятных условий для их удовлетворения, а также действия, наносящие ущерб развитию и жизнедеятельности.

Различают ближайшие и отдаленные последствия жестокого обращения с детьми. К ближайшим последствиям относятся физические травмы, повреждения, а также острые психические нарушения. Они проявляются в головных болях, страхе, тревоге, гневе. Эти реакции могут проявляться либо в виде возбуждения, стремления куда-то бежать, либо в виде глубокой заторможенности, внешнего безразличия [2].

Насилие, пережитое в детстве, может приводить и к долгосрочным последствиям. Люди, которые подвергались насилию в детстве, обычно приобретают склонность к агрессии, могут иметь нарушения физического и психического развития, различные соматические заболевания, личностные и психоэмоциональные нарушения, склонность к различного рода злоупотреблениям [3]. Оно может способствовать формированию специфических семейных отношений и особых жизненных сценариев [4]. Исследования R.R. Sears, R. Gelles, P.L. Caesar, L.D. Eron показывают, что такие взрослые имеют большее количество эмоциональных и поведенческих проблем, связанных с агрессией, которую они чаще всего изливают на более слабых, младших или животных, либо, напротив, чрезмерно пассивны и не могут себя защитить [5; 6].

Психологическим последствием физического насилия может быть и развитие «синдрома избиваемого ребёнка», проявляющегося в болезненной робости, раздражительности, грубости во всех ситуациях, даже вовсе безобидных. Л. Шенгольд и А. Шиллер назвали этот феномен «убийством души» [6].

Е.Т. Соколова указывает на возможность развития таких синдромов как: синдром «аффективной тупости», для которого характерны холодность, ощущение себя неспособным строить отношения эмоциональной привязанности и, как следствие, отвержение себя и других, и синдром «аффективной зависимости», которому свойственны ненасытная жажда любви, постоянный страх потерять объект привязанности, зависимость и тревожная неуверенность в себе и в других.

F. Rowan, D. Foy, J. Goodwin, Г.И. Каплан, Б.Дж. Сэдок [7–9] указывают на необходимость выработки жертвой сексуального и физического насилия защитной адаптивной стратегии – диссоциации. Так как тело подвергается насилию и жертва не в состоянии предотвратить это, то единство личности сохраняется путем отщепления Я от собственного тела (F. Levy) и погружения в свои мысли, достигая ощущения эмоционального безразличия к миру. Такое состояние «выключенности» может находить внезапно, что приводит к ощущению нереальности происходящего и частичной амнезии. Green и Ильина указывают, что у детей, постоянно подверженных жестокому обращению, происходит интериоризация паттерна отношений «насильник – жертва», в котором фиксируется то, что базовые потребности можно удовлетворить, только переживая насилие или совершая его. В случае, когда он считает себя агрессором, он воспринимает себя как подавляющего, всемогущего, сильного. Когда же он в роли жертвы, то его можно охарактеризовать как беспомощного и слабого. Кроме того, отсроченными последствиями физического насилия могут быть садистские наклонности.

У большинства детей в семьях, где тяжелое физическое наказание и брань в адрес ребёнка являются «методами воспитания», или в семьях, где они лишены тепла и внимания, наблюдается задержка физического и нервно-психического развития. Зарубежные специалисты назвали это состояние «неспособностью к процветанию», проявляющееся в отставании в росте, массе, развитии, они реже смеются и значительно хуже успевают в школе [9; 10].

Большинство исследователей сходятся в том, что так называемыми «отставленными эффектами травмы» являются нарушения Я-концепции, чувство вины, депрессия, трудности в межличностных отношениях и сексуальные дисфункции (B. Bernstein, D. Jehu, C. Cahill и др.). Главным последствием детской сексуальной травмы современные исследователи считают «утрату базового доверия к себе и миру».

Крупномасштабные эпидемиологические исследования позволили получить строгие доказательства того, что люди, пережившие жестокое обращение в детстве, подвергаются повышенному риску повторно испытать это во взрослой жизни. Один из клиницистов назвал это явление «синдром сидящей утки» (Kluft, 1990).

Анализ теоретических и практических исследований данной проблемы позволяет все последствия жестокого обращения свести к следующим видам:

– посттравматические стрессовые реакции (повторное переживание обстоятельств насилия, избегание обстоятельств, напоминающих о насилии, повышенная возбудимость);

– аффективные нарушения (депрессия, комплексы вины и самообвинения);

– аутодеструктивное поведение (суицидальные попытки, наркомания);

– трудности в сексуальном поведении (проституция, нарушения половой идентификации, импульсивность в сексуальном поведении);

– нарушения медицинского характера;

– личностные проблемы (проблемы установления доверительных отношений, нарушения самооценки, сверхконтроль);

Родительская семья, семейные условия, включая социальное положение, род занятий, материальный уровень и уровень образования родителей в значительной мере предопределяют жизненный путь ребенка. Кроме сознательного, целенаправленного воспитания, которое дают ему родители, на ребенка воздействует вся внутрисемейная атмосфера, причем эффект этого воздействия накапливается с возрастом, преломляясь в структуре личности (И.А. Фурманов, R.R. Sears, R. Gelles, P.L. Caesar, L.D. Eron, Д. Финкельхор).

Цель организованного нами исследования состояла в изучении особенностей системы отношений взрослых, подвергавшихся в детстве жестокому обращению со стороны членов семьи и других взрослых. В основу

исследования было положено предположение о том, что на направленность взрослого, систему его отношений влияет пережитое в детском возрасте насилие со стороны родителей.

В качестве методов исследования нами использовались тест «Незаконченные предложения» Сакса-Леви и методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко.

В исследовании приняло участие 80 человек (из них 40 подвергавшихся жестокому обращению в семье и 40 не подвергавшихся таковому) в возрасте от 22 до 35 лет. В исследовании приняли участие респонденты, подвергавшиеся физическому и сексуальному насилию. Критериями жестокого обращения в родительской семье в нашем исследовании выступали: применение родителями физических наказаний, оставляющих после себя разного рода травмы (рубцы, переломы), инцест либо другого рода вовлечение ребенка в сексуальную активность со взрослым.

При анализе направленности индивидов, системы его отношений нами выявлено, что у подвергавшихся жестокому обращению в семье 87,5% респондентов негативно высказывается по отношению к отцу, например, такого плана «лучше бы мой отец умер», «плохо относится к маме», «мой отец урод», «если бы он только мог повеситься».

У не подвергавшихся жестокому обращению в семье негативных высказываний в отношении отца нет. Большинству респондентов данной выборки (67,5%) присуще положительное отношение к отцу: «думаю, что мой отец хороший человек», «жил ещё долго-долго», «самый лучший».

По отношению к матери у респондентов, подвергавшихся насилию, высказывания (47,5%) имеют негативную окраску («она сама испортила свою жизнь», «дура»), против 17,5% у не подвергавшихся таковому. Высказывания такого плана, на наш взгляд, указывают на то, что в семьях, как продуцирующих жестокое обращение, так и при его отсутствии, в отношении к матери и к ее поведению респонденты достаточно критичны в силу идеализации образа матери как центральной архетипичной фигуры. Несоответствие «мельчайших» представлений человека о том, какова должна быть настоящая мама, приводит к нивелированию не только способов ее поведения, но и ее личностных характеристик, которые пространственно распределяются от эмоций жалости до негодования, злости. Подтверждением данному факту выступают высказывания типа: «у меня к ней много злости», «моя мать нытик», «несчастная женщина», «бедная». Они имеют место у 25% респондентов, подвергавшихся жестокому обращению.

По отношению к своей родительской семье у 50% респондентов, подвергавшихся насилию, присутствует негативное отношение к ней: «моя семья была ужасной», «моя семья считает меня ненужным элементом». Однако свою настоящую семью 42,5% респондентов характеризуют как

«самую лучшую», «классную», «замечательную». Вполне вероятно, что наличие травматического опыта, полученного в детстве через физическое и сексуальное насилие, преломились у респондентов данной выборки таким образом, что, создавая свою семью, они более осознанно и ответственно относятся к выполнению соответствующим образом семейных ролей.

Из респондентов, подвергавшихся насилию, 37,5% не имеют идеала, либо выбирают его из числа публичных людей, в отличие от не подвергавшихся насилию, 40% из которых считают идеалом для себя своих родителей, а 60% четко описывают качества идеала. Показатель респондентов, перенесших насилие, ярко очерчивает глубину разрыва их отношений с родителями: желание не быть похожими на своих родителей выступает свидетельством того, что процессы, связанные с идентичностью, у них имеют глубокие нарушения.

У респондентов (22,5%), не подвергавшихся жестокому обращению, вызывают страх различные виды животных, в свою очередь подвергавшиеся в детстве насилию респонденты (25%) опасаются в своей жизни столкнуться с предательством и (37,5%) одиночеством, ощущением, что никто не любит и никому не нужен. Полученные результаты весьма красноречиво проявляют прямо противоположные области страхов: одна область связана со страхами вполне реального объективного плана мира животных, другая область – это область межличностных отношений, это область доверия или недоверия миру. Мы склонны вслед за такими учеными, как Б.Ф. Поршнев, В. Вичев, Б.С. Братусь, полагать, что именно доверие выступает базовой характеристикой личности, а следовательно, у данных респондентов она представляется весьма уязвимой, и, как следствие и сама личность в такой ситуации обретает особую программу поведения в возникающих жизненных ситуациях.

Агрессивные действия со стороны окружающих вызывают ответную агрессию у 42,5% у респондентов, подвергавшихся жестокому обращению в семье, у 20% такие действия вызывают чувство беспомощности и одиночества. У 77,5 % не подвергавшихся насилию агрессивные действия вызывают ответную агрессию. Данный факт может свидетельствовать о том, что в отношении к окружающим уже взрослый человек, подвергавшийся в детстве физическому и сексуальному насилию, ведет себя чаще как «жертва», то есть паттерны поведения остаются прежними.

Чувство вины у 45% респондентов, переживших насилие, возникает в ситуации необходимости отказать другому человеку, не оправдания ожиданий окружающих. В свою очередь не подвергавшиеся насилию испытывают чувство вины в ситуациях, когда они обидели либо обманули кого-либо (60%), также некоторые респонденты из этой группы указали, что чувство вины не испытывают вообще (12,5%). Можно предположить

наличие у тех, кто перенес насилие, синдрома «всегда виноватого». У респондентов, не перенесших жестокое обращение в семье, оценка своего поведения достаточно адекватная.

Ответы, направленные на карьерный рост и достижения в будущем, имеют место у 60% из респондентов, подвергшихся жестокому обращению, а у не подвергавшихся лишь у 22,5%. Возможно, что личность, попадавшая в тяжелые ситуации в детстве, полагает, что только успех, карьерный рост позволят сделать ее жизнь безопасной, сохранить ее благополучие.

Методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко показала, что подвергавшиеся жестокому обращению взрослые в отношениях с окружающими проявляют меньше завуалированной жестокости (40%) против 80% не подвергавшихся.

Открыто высказывают свои негативные оценки и переживания по поводу большинства окружающих, делают резкие, однозначные выводы об окружающих, то есть проявляют открытую жестокость в отношении к людям 62,5% из не подвергавшихся насилию и 30% из второй группы.

Из группы не подвергавшихся насилию 70% респондентов проявляют склонность делать необоснованное обобщение негативных фактов в области взаимоотношений с партнерами и в наблюдении за социальной действительностью, что проявляется лишь у 30% подвергавшихся насилию.

При этом негативный личный опыт в общении с окружающими имели лишь 15% респондентов из группы не подвергавшихся и 77,5% из подвергавшихся насилию.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что существуют различия как в системе отношений, так и в направленности индивидов между подвергавшимися жестокому обращению в семье и теми, кто его не испытывал. Большинство опрошенных, имеющих опыт жестокого отношения со стороны родителей и негативный опыт в общении с окружающими, негативно относятся к своим родителям, однако в отношениях с окружающими проявляют меньше завуалированной и открытой жестокости, чем не подвергавшиеся. Подвергавшиеся жестокому обращению проявляют большую склонность к объективному оцениванию партнера по общению, несмотря на то, что имеют страх быть обманутыми, отвергнутыми.

Наличие такой ситуации в развитии личности свидетельствует о необходимости ведения обязательной целенаправленной просветительской, профилактической и консультационной работы по вопросам последствий жестокого обращения в семье, так как от этого во многом зависит какими будут наши семьи, и какое будущее ждет каждого повзрослевшего родителя.

ЛИТЕРАТУРА

1 Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

2. Финкельхор, Д. Влияние травмогенных динамик при сексуальном насилии / Д. Финкельхор. – М. : Мир, 1996. – 420 с.

3. Мэнделл, Д.Г. Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими сексуальное насилие / Д.Г. Мэнделл, Л. Дамон. – М. : Генезис, 1998. – 160 с.

4. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.

5. Андреева, Т.В. Психология современной семьи : монография / Т.В. Андреева. – СПб. : Речь, 2005. – 436 с.

6. Каплан, Г. Клиническая психиатрия : в 2 т. – Г. Каплан, Б. Сэдок ; пер. с англ. В.Б. Стрелец. – М. : Медицина, 1994. – Т. 1. – 672 с.

7. Фролова, С.В. Психология преодоления ситуации насилия в семье (Феноменология переживания и пути оказания психологической помощи) / С.В. Фролова. – СПб. : Речь, 2012. – 112 с.

8. Scanzoni, J.H. Contemporary families and relationships. Reinventing responsibility / J.H. Scanzoni. – McGraw-Hill, Ino, USA, 1995. – 474 p.

9. Pagliaro, A.M. Substance use among children and adolescents. Its nature, extent, and effects from conception to adulthood / A.M. Pagliaro, L.A. Pagliaro. – New York ; Chichester ; Brisbane ; Toronto ; Singapore : University of Alberta. John wiley & sons, inc., 1996. – 407 p.

10. Манухина, Н.М. Родители и взрослые дети: Парадоксы отношений / Н.М. Манухина. – М. : Независимая фирма, 2011. – 248 с.

Specifics of the adult relations of those who suffered from abuse in childhood

It is discussed the differences in the relations and personal orientation of the adults who were abused as children in the family, and those who were not abused in their families.

Keywords: abuse, violence, physical violence, sexual violence, system of relations, personal orientation.

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ У УЧАЩИХСЯ С ДЕСТРУКТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ПОВЕДЕНИЯ

В последние годы с уменьшением количества внешкольных объединений, кружков по интересам, спортивных секций резко сократилась доля участия социальных институтов в процессе социализации детей и подростков. Многие дети оказались предоставлены самим себе. Бесконтрольность и вседозволенность все чаще приводит детей, особенно подросткового возраста, к конфликту с законом. В этих условиях еще больше возрастает роль и ответственность семьи за воспитание детей, усвоение ими системы норм и ценностей общества. Вместе с тем нельзя не видеть, что отдельные категории родителей пытаются переложить ответственность за решение этой задачи на заведения системы образования. При этом основным аргументом является утверждение, что они, родители, в отличие от работников образования, не имеют достаточной подготовки в сфере воспитания. Хотя данный аргумент и отражает объективную ситуацию (в республике не было и нет системы подготовки молодежи к браку, семье и воспитанию детей)? нельзя забывать, что нигде и никогда незнание не освобождало от ответственности. Поэтому деятельность социальных институтов социализации детей в современных условиях должна быть ориентирована не только на детей, но и на родителей. Широко распространенная в недавнем прошлом практика оказания помощи родителям в расширении их педагогической культуры – проведения родительских университетов, педагогических бесед и встреч со специалистами разного профиля – должна быть дополнена предоставлением родителям возможности получить психологическую консультацию в разрешении конкретных трудностей, с которыми они сталкиваются в процессе воспитания детей.

Основными средствами социализации ребенка в семье выступают: трансляции культурных ценностей, норм и правил общества; взаимные влияния родных и близких в процессе общения и совместной деятельности; первичный опыт, связанный с формированием основных психических функций и элементарных форм общественного поведения; процессы саморегуляции, соотносимые с постепенной заменой внешнего контроля индивидуального поведения на внутренний самоконтроль [1], поэтому специалистами в этих консультационных центрах должны быть в первую очередь психологи, которые являются профессионалами в вопросах межличност-

ных отношений и общения, развития психических функций и процессов, формирования самосознания.

Психологические проблемы социализации детей в семье давно стали предметом пристального внимания психологической науки. Проведено большое количество исследований, опубликована огромная масса работ, посвященных проблемам семьи и воспитания в ней детей. В основной массе исследования были посвящены: специфике семейного воспитания, его отличию от воспитания в детских общественных учреждениях (детские дома, интернаты, детские сады, школы и пр.); влиянию структуры семьи (полная, неполная, многодетная, с одним ребенком и пр.) на воспитание ребенка; психологическим особенностям взаимоотношений родителей и детей в семье; психологическим характеристикам так называемых трудных семей и их влиянию на личность ребенка.

Особое внимание исследователи обращали на изучение личности родителей, ее направленности на ведущие мотивы их жизни и деятельности. Было доказано, что идеал жизни родителей, в свою очередь, определяет направленность и во многом результат воспитательного процесса. В семье ребенок чувствует, видит, слышит не только то, как надо жить, что надо знать, как надо себя вести, а то, какова жизнь в действительности, как люди ведут себя на самом деле. Трудно не согласиться с В.В. Давыдовым, который писал, что «... разгадку “ставшей” личности надо искать на ранних этапах ее развития, то есть в детстве» [2].

В психологии семьи все еще остается много невыясненного. Обусловлено это чаще всего тем, что семья как объект исследования не позволяет проводить с собой эксперименты, в силу традиций неохотно раскрывается перед исследователями, процессы, происходящие в семье, очень скоротечны, а их причины «разбросаны» во времени. Именно эти трудности, на наш взгляд, и объясняют тот факт, что наибольшее количество исследований семьи выполнено клиническими психологами. Забота родителей о здоровье ребенка является тем пропуском, который позволяет медицинским психологам проникать в семейную систему и заниматься исследованиями семейных факторов, которые способствуют как возникновению, так и лечению того или иного заболевания ребенка. Эти факторы хорошо исследованы и всесторонне описаны в советской психологической науке А.И. Захаровым, Д.Н. Исаевым, В.В. Лебединским, Э.Г. Эйдемиллером, А.Е. Личко и др.

Достаточно большое количество исследований семейных влияний имеется также и у психологов правоохранительных органов. Однако, как и у медицинских психологов, семья как объект исследований ограничена специфическими рамками. В их исследованиях изучаются либо влияния социально неблагополучных семей на развитие подростков, либо особен-

ности социально благополучных семей, подростки из которых совершили преступление. Так, например, исследователям удалось установить, что в семьях подростков, совершивших преступления, широко распространены агрессивные проявления со стороны взрослых. Наиболее серьезные правонарушения совершают подростки-сироты или выходцы из неполных семей, с нарушениями в функционировании нервной системы [3–5].

Значительно слабее представлены исследования на выборке социально благополучных, полных и не имеющих проблем со здоровьем семей. В основной массе работ исследовались семьи с детьми младшего школьного и подросткового возрастов. Так, исследователями была установлена обусловленность поведенческих нарушений младших школьников плохими жилищными условиями, частыми супружескими конфликтами родителей, уровнем образования супругов, соотношением возраста отца и матери, неполнотой семьи, употреблением членами семьи алкоголя. В качестве результирующей этих неблагоприятных семейных отношений выступает нарушение в механизме семейной интеграции, и прежде всего в отношениях между родителями и детьми. На основании этого считается, что психологические расстройства у детей могут служить индикаторами психосоциальных отношений в семье. Кроме того, было установлено, что количество нарушений в родительских отношениях также отражается на количестве проблем адаптации, испытываемых мальчиками-четвероклассниками. При этом социальная адаптация последних косвенно связана с асоциальным поведением матерей [6–8]. Эти и многие другие исследования влияния неблагоприятного психологического климата в раннем детстве на развитие ребенка, его поведение показывают, что неблагоприятный психологический климат действительно является фактором, препятствующим нормальному психическому развитию детей [9–11].

Знакомство с работами западных исследователей демонстрирует, что проблема социализации и роли в этом процессе семьи также давно находится в центре их внимания. При этом стратегия анализа внутрисемейных отношений строится исходя из общей ориентации той или иной психологической школы. Так, например, сторонники психоанализа исходят из концепции фиксированных родительских отношений; а сторонники бихевиоризма из теории, устанавливающей связи между различными факторами социализации ребенка. В последнее время наиболее перспективными не только в теоретическом плане, но и в практическом воплощении становятся исследования, в которых семья понимается как единая социально-психологическая система. К этому направлению принято относить ролевые теории отношений и системно-интеракционистский подход.

Семья, как показывают многочисленные исследования в различных науках, является сложным системным образованием, со своей внутрен-

ней структурой и элементами. Являясь сложной и многоуровневой системой, она требует, чтобы ее рассматривали как функциональную систему. Основные методологические положения изучения семьи как системы сформулированы А.С. Спиваковской, которая предложила рассматривать семью опираясь на следующие положения: а) семья обладает сложным внутренним строением, своей психологической структурой; б) семейная система как целое образует у включенных в нее индивидов «системные качества», т.е. семья как целое определяет некоторые свойства и особенности входящих в нее элементов; в) семейная система обладает свойством неаддитивности, т.е. не является суммой входящих в нее индивидов; г) каждый элемент семейной системы влияет на другие элементы и сам находится под их влиянием; д) семейная система обладает способностью к саморегуляции [12]. Следуя логике данного подхода, было выдвинуто положение о том, что семьям с деструктивными детьми характерны особые внутрисемейные отношения, которые и определяют тот или иной вид детской деструктивности.

Организация исследования

На первом этапе эмпирического исследования на основании предварительного анализа собранного материала были определены семьи учащихся с/без признаков детской деструктивности. Соответствующим группам семей были присвоены следующие обозначения:

БД – семьи, дети из которых не проявляли деструктивности. Их поведение не вызывало претензий ни у родителей, ни у педагогов (38 семей).

ФА – семьи, имеющие детей с высоким уровнем только физической агрессивности. В поведении этих учащихся часты случаи использования физической силы как решающего аргумента в любом споре. Сами дети считают, что временами они не могут справиться с желанием причинить физические страдания другому человеку. Драки в их жизни – обычное явление (30 семей).

КА – семьи с учащимися, показавшими высокий уровень только косвенной агрессивности. Эти дети выражают свою агрессивную реакцию окольным путем. Хлопанье дверями, грубые шутки, кидание предметов, стуканье по столу кулаком – это наиболее характерные формы их реакции на окружающую действительность в состоянии гнева и раздражительности (26 семей).

ВА – семьи, чьи дети имели высокие баллы только по показателю вербальной агрессивности. Ребятам из этой группы характерно выражение негативных чувств через крик, проклятия и угрозы (18 семей).

Большинство обследованных семей полные (91%), состоящие из родных родителей (94%) и двух детей (56,8%). Семьи проживают отдельно от родственников мужа или жены. Возраст родителей 26–45 лет, образова-

ние – среднее, среднее специальное и высшее. Социальное положение – рабочие и служащие государственных учреждений и предприятий.

На втором этапе исследования все четыре группы прошли через комплексное исследование, в процессе которого отец и мать оценивали существующие в их семье внутрисемейные отношения, тем самым замерялся эмоциональный и когнитивный компонент отношений в семье (методика «PARI»).

Процедура статистической проверки предложенной гипотезы строилась следующим образом. Для эмпирического доказательства первой части гипотезы (об отличиях в семейных отношения агрессивных и неагрессивных детей) требовалось установить значимые различия между оценками внутрисемейных отношений родителей из семей групп ФА, КА и ВА с оценками родителей из группы БА. С этой целью определялся Т-критерий Стьюдента. Для доказательства второй части гипотезы (о влиянии особенностей внутрисемейных отношений на уровень того или иного вида деструктивного поведения) был использован однофакторный дисперсионный анализ Фишера.

Результаты и их обсуждение

Итоги статистической обработки эмпирических данных представлены в таблице 20.

Таблица 20 – Различия в оценках внутрисемейных отношений отцов и матерей детей с/без деструктивности

Номер и наименование шкалы опросника ОРВО	t-критерий Стьюдента					
	ФА–БД		КА–БД		ВА–БД	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать
03 Ограниченность интересов рамками семьи	2,12*	0,29	2,41*	0,61	0,15	0,51
12 Неудовлетворенность ролью	0,70	0,83	0,18	1,84*	0,18	1,20
21 Несамостоятельность	0,05	1,38	1,14	0,27	1,71*	2,09*
06 Конфликтность	0,53	0,02	0,23	0,99	0,93	2,88*
16 Безучастность в делах семьи	0,64	0,06	1,24	0,12	1,99*	3,18*
01 Общительность	1,51	1,71*	0,31	1,84*	0,54	0,57
14 Партнерство	1,89*	1,32	1,50	0,98	3,38*	0,83
15 Поощрение активности детей	2,37*	0,18	0,76	0,63	0,59	0,69
02 Забота о детях	1,80*	1,17	1,09	0,64	3,86*	0,59
05 Опасение причинить обиду	1,96*	0,11	0,55	1,37	1,38	0,27
11 Подавление агрессивности	0,69	2,30*	1,56	1,25	0,54	0,42
18 Вмешательство в мир ребенка	1,15	0,04	1,17	0,25	1,82*	1,14

Продолжение таблицы 20

20 Стремление ускорить развитие ребенка	2,51*	1,84*	0,24	0,21	0,39	0,86
07 Раздражительность	2,29*	0,43	2,22*	0,95	0,68	1,46
08 Строгость	0,94	0,74	0,01	5,35*	0,70	0,72
04 «Жертвенность» родителя	0,74	0,65	2,36*	0,72	3,53*	1,80*

Примечание: * коэффициенты значимы при $p = 0,05$ t кр > 1,71

Заметим, что у родителей учащихся группы ФА коэффициенты достигли критического значения и являются статистически значимыми в восьми шкалах, группы КА в 6 шкалах, группы ВА в 7 шкалах.

Количественный анализ ответов родителей семей группы ФА по шкалам опросника PARI, в которых были обнаружены различия, показал, что в семьях учащихся с высоким уровнем физической агрессивности отцы набрали низкие баллы по шкалам «Ограниченность интересов рамками семьи», «Партнерство», «Поощрение активности детей», «Забота о детях», «Опасение причинить обиду», «Стремление ускорить развитие ребенка», «Раздражительность». Матери имеют низкие баллы по шкале «Общительность» и высокие баллы по шкалам «Подавление агрессивности», «Стремление ускорить развитие ребенка».

Качественный анализ выявленных особенностей позволяет считать, что в семьях учащихся, склонных к физической агрессивности, наличествует авторитарная позиция отца в отношениях со всеми членами семьи. При этом отцы предпочитают меньше вникать в семейные проблемы, больше проводить времени вне семьи, объясняя последнее тем, что именно таким образом им удается лучше отдохнуть и подготовиться к следующему рабочему дню. Своего ребенка отцы считают достаточно взрослым, чтобы самому заботиться о собственном развитии, поэтому не стремятся вникать в его жизнь. Скорее всего, именно такая позиция некоторой отрешенности от проблем семьи, эмоциональной невключенности и позволяет отцам чувствовать себя уравновешенным и невспыльчивым человеком.

Матерям в этих семьях приходится прилагать дополнительные усилия к самостоятельному решению семейных проблем. Естественно, что они хотят видеть в ребенке помощника, своего рода заменителя взрослого мужчины, поэтому они и стремятся ускорить развитие сына – в младшем возрасте делали все для того, чтобы ребенок начал быстрее читать, писать; в более старшем возрасте поручают починить утюг, отремонтировать водопроводный кран и т.д. Наряду с этим матери в силу все той же загрузки домашними делами не всегда имеют возможность уделить достаточно времени общению с ребенком, выслушать его, поговорить по душам и т.п.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют заключить, что особенности внутрисемейных отношений деструктивных детей состоят, во-первых, в различных когнитивных сценариях семейной жизни у взрослых членов семьи, что проявляется в патриархальной установке отца на роль мужчины в доме, предписывающей воспитание детей и хозяйственно-бытовые заботы исключительно женщине. Данная особенность обусловливает и вторую особенность, а именно нарушения в структурно-ролевом аспекте жизнедеятельности семьи – жесткие семейные правила, частичное выполнение матерью и детьми не свойственных для их роли действий. Третья особенность внутрисемейных отношений – это наличие нарушений в семейных представлениях. Нарушения в семейных представлениях проявляются в том, что каждый из членов семьи по-разному оценивает то, что происходит в семье. Так, например, согласно ответам отцов стиль их семейного воспитания – гипопротекция, стиль воспитания матери – гиперпротекция с повышенной моральной ответственностью. Четвертая особенность – эмоциональная нестабильность внутрисемейных отношений, обусловленная неразвитостью механизма эмоциональной интеграции и дифференциации взрослых членов семьи, которая проявляется в чувстве неудовлетворенности ролью партнера по браку, высокой конфликтности между членами семьи.

Количественный анализ ответов родителей из группы КА показал, что отцы имеют высокие оценки по шкалам «Ограниченность интересов рамками семьи», «Раздражительность», «“Жертвенность” родителя», матери имеют низкие оценки по шкалам «Неудовлетворенность ролью», «Общительность», «Строгость».

Результаты качественного анализа результатов опроса родителей учащихся с косвенной агрессивностью показали, что отцы данной группы в большей степени, чем отцы из семей учащихся без признаков деструктивности, ограничивают свои интересы рамками семьи. Они осуждают тех мужчин, которые предпочитают удовлетворять свои интересы вне рамок семьи. В этих семьях уровень семейных конфликтов между супругами ниже? чем в семьях учащихся без признаков агрессивности, хотя статистически достоверной разницы в оценках обнаружено не было. Поэтому вполне закономерно, что матери учащихся с косвенной агрессивностью в большей степени удовлетворены своей ролью, т.к. им не приходится выполнять часть мужской роли, как в семьях детей с физической агрессивностью. Кроме того, матери учащихся с косвенной агрессивностью, так же как и матери учащихся с физической агрессивностью, недостаточно общаются со своим ребенком, но при этом менее строги. Данные оценки позволяют предположить, что воспитанием в семье в большей степени занимается отец. Скорее всего, полная концентрация внимания отца на проблемах се-

мьи позволяет матерям в некоторой степени устраниться от процесса воспитания и занять позицию «доброго» родителя, который менее требователен и строг с детьми, чем второй «строгий» родитель.

Вместе с этим обнаружены высокие оценки по шкалам «Раздражительность» и «Жертвенность». Это позволяет считать, что в воспитательно-развивающих отношениях с детьми между отцами и детьми нет взаимопонимания, что часто приводит к конфликту. Как следствие этого у отцов фиксируется ощущение «жертвы» воспитательного процесса. Матери из этих семей имеют более высокие оценки по шкале «Удовлетворенность ролью хозяйки» и низкие по шкалам «Общительность» и «Строгость».

В целом качественный и количественный анализ позволяет утверждать, что особенность семей учащихся с косвенной агрессивностью состоит в нарушениях в когнитивном аспекте внутрисемейных отношений в хозяйственно-бытовой сфере у отца, в рекреационной у матери и воспитательно-развивающей сфере жизнедеятельности семьи у всех членов семьи. Кроме того, можно считать установленным, что в этих семьях нарушен коммуникационный канал между родителями и детьми.

Количественный анализ ответов родителей из группы ВА показал, что отцы имеют низкие оценки по шкалам «Несамостоятельность», «Партнерство», «Забота о детях», «Вмешательство в мир ребенка», «“Жертвенность” родителя» и высокие по шкале «Безучастность в делах семьи». Матери имеют высокие оценки по всем шкалам, в которых обнаружены различия – «Несамостоятельность», «Конфликтность», «Безучастность в делах семьи», «“Жертвенность” родителя».

Качественный анализ ответов родителей учащихся из группы ВА показал, что оба родителя не удовлетворены участием друг друга в делах семьи, при этом ответы матерей позволяют считать, что в семье часто случаются конфликты между супругами. Оценки матерей позволяют констатировать, что они более зависимы и несамостоятельны в хозяйственно-бытовых вопросах, постоянно нуждаются в помощи других членов семьи. Их мужья в целом занимают достаточно авторитарную позицию в отношениях не только с супругами, но и детьми. При этом отношения с ребенком они строят исходя из установки «Он достаточно взрослый, чтобы заботиться о себе самостоятельно». Ответы отцов и матерей учащихся с вербальной агрессивностью на вопросы шкалы «жертвенность» позволили обнаружить, что родители имеют диаметрально противоположные ощущения от воспитательно-развивающих отношений. Отцы, на наш взгляд, в силу своего авторитаризма не испытывают чувства «жертвы», матери скорее всего из-за общего состояния несамостоятельности и нерешительности склонны считать, что все их усилия в воспитании ребенка напрасны.

Таким образом, можно считать установленным, что особенности внутрисемейных отношений семей с детьми, имеющими высокий уровень вербальной агрессивности, состоят в неудовлетворительных отношениях в супружеской и хозяйственно-бытовой сфере жизнедеятельности семьи. Стиль воспитания, которого придерживаются родители, не совпадает с представлениями ребенка. Последний факт позволяет говорить о том, что в семье имеются нарушения в системе семейных представлений.

В целом можно утверждать, что выдвинутая гипотеза в первой части доказана. Для статистической проверки второй части гипотезы был проведен однофакторный дисперсионный анализ, результаты которого представлены в таблице 21.

Таблица 21 – Влияние отдельных компонентов внутрисемейных отношений на уровень выраженности различных видов деструктивности детей

Номер и наименование шкалы опросника ОРВО	F-критерий Фишера					
	ФА–БД		КА–БД		ВА–БД	
	отец	мать	отец	мать	отец	мать
03 Ограниченность интересов рамками семьи	1,18	–	1,28	–	–	–
12 Неудовлетворенность ролью	–	–	–	1,59	–	–
16 Безучастность в делах семьи	–	–	–	–	–	2,43
01 Общительность	–	2,12	–	1,28	–	–
14 Партнерство	–	–	–	–	1,28	–
15 Поощрение активности детей	1,11	–	–	–	–	–
02 Забота о детях	1,53	–	–	–	–	–
05 Опасение причинить обиду	–	–	–	–	1,19	–
18 Вмешательство в мир ребенка	2,99	2,86	–	–	–	–
07 Раздражительность	–	–	2,78	–	–	–
08 Строгость	–	–	–	1,12	–	–
04 «Жертвенность» родителя	–	–	1,79	–	1,46	3,14

Примечание – Коэффициенты не значимы при p = 0,05

Рассмотрим данные, касающиеся взаимосвязи выявленных особенностей внутрисемейных отношений в семьях учащихся с различными видами агрессивности и уровнем выраженности признаков агрессивности. Из полученных данных следует, что не все особенности оказывают статистически достоверное воздействие на уровень различных видов агрессивности.

На уровень физической агрессии ребенка оказывают влияние такие особенности, как пренебрежительное отношение к судьбе семьи, ее делам

и заботам со стороны отца; нежелание родителей заниматься развитием творческой активности детей; нетактичное взаимодействие с другими членами семьи; ошибочное представление обоих родителей о том, что их ребенок достаточно взрослый и самостоятельный.

На уровень косвенной агрессии ребенка оказывают влияние следующие особенности родителей: раздражительность и вспыльчивость отца, его отношение к заботам о благе семьи, неудовлетворенность ролью воспитателя, а также строгость со стороны матери, ее недостаточное внимание общению с ребенком и общая неудовлетворенность своей ролью хозяйки дома.

На уровень вербальной агрессии оказывает влияние: со стороны отца его неудовлетворенность тем, что ребенок пренебрегает отцовскими наставлениями, постоянное стремление вмешиваться в мир ребенка, авторитарность в отношениях с детьми; со стороны матери – отстраненность от домашних дел семьи, уровень ощущения, что ребенок не слушается, не подчиняется родителю.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что в семьях учащихся с деструктивными формами поведения имеются различного рода нарушения в семейной системе. Качественный анализ нарушений позволяет соотнести их с основными сферами жизнедеятельности семьи и констатировать наличие проблем в межличностной коммуникации, в механизмах семейной интеграции и неадекватной структурно-ролевой композиции семьи.

При этом материалы исследования показали, что вышеобозначенные проблемы имеют различную выраженность в семьях с различным стажем супружеской жизни (рисунок 18). Это хорошо согласуется с данными многочисленных исследований, посвященных анализу этапов жизненного цикла семьи.

Для семей в начале жизненного пути характерны нарушения в межличностном общении, идет «притирка характеров» супругов, у них достаточно высокая мотивация сохранения брака, структура ролей чаще всего соответствует классической: муж добытчик, а жена хранитель очага. Со временем картина начинает изменяться. Возрастает количество проблем, связанных с бытом. Женщина-мать требует пересмотра существующих обязанностей в семье, она испытывает неудовлетворенность той ролью, которую она выполняет в доме. К этому добавляется еще и то, что в это время, как правило, происходит завершение выполнения детородной функции семьи и женщина хочет реализовать себя в обществе. Поэтому возрастает количество проблем, связанных с семейной интеграцией.

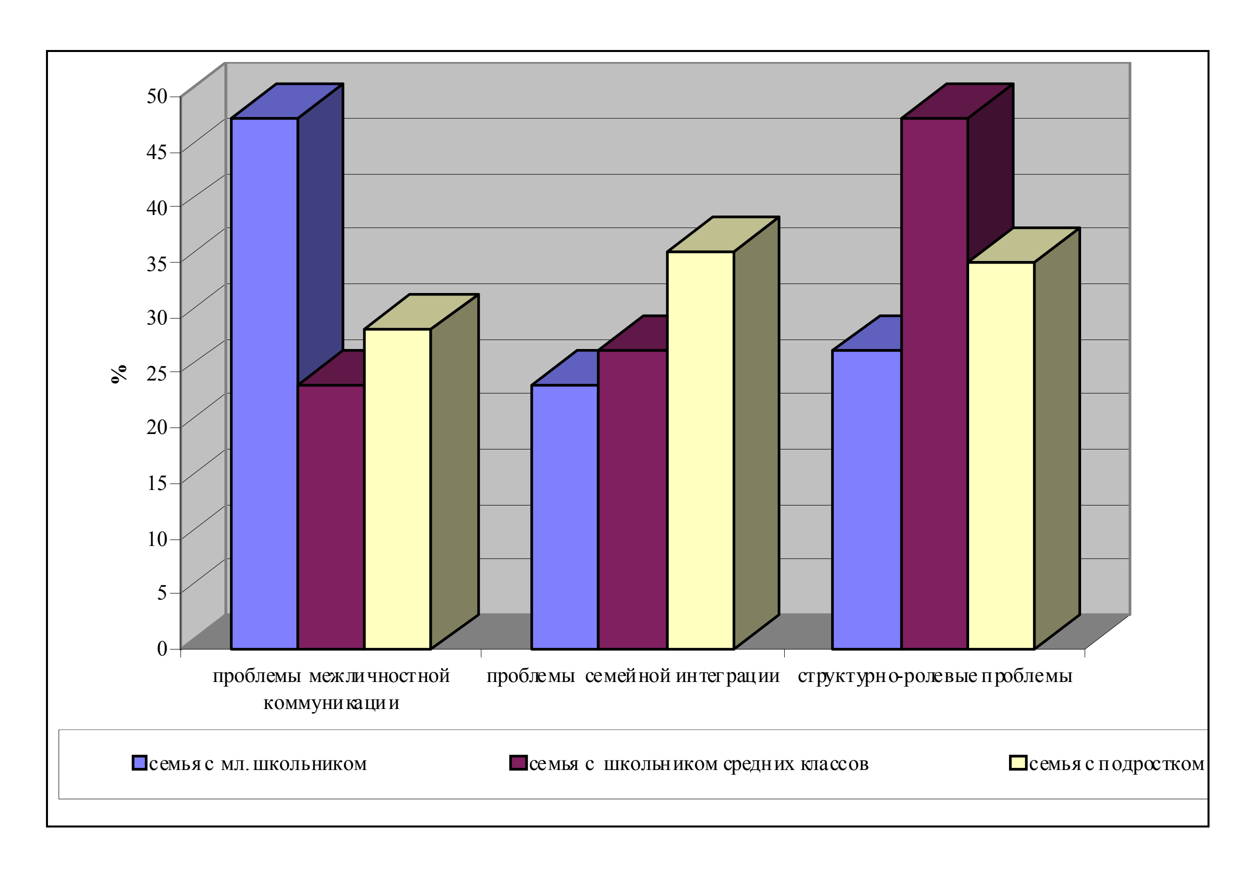

Рисунок 18 – Доля нарушений в семейной системе у семей с разновозрастными детьми

В подростковом возрасте семья сталкивается не только с проблемами детей, но и проблемами самих родителей. Прежде всего, это кризис середины жизни одного из родителей. Происходит своеобразное подведение итогов достигнутого и сделанного. Именно в это время сильно возрастает неудовольствие партнером по браку. В целом в это время обостряются все проблемы, связанные с жизнедеятельностью семьи.

Заключение. Исходя из данных исследования, в целях профилактики деструктивных проявлений детского возраста была разработана программа «Тренинга родительской эффективности», в которой были учтены вышеизложенные особенности. В программе для родителей с младшим школьником упор делался на процесс межличностной коммуникации. При работе с родителями школьников среднего школьного возраста внимание обращалось на существующую в семье структурную организацию и специфику механизмов семейной интеграции. Для родителей подростков программа была уравновешена, в ней с равным вниманием рассматривались проблемы всех трех сфер жизнедеятельности семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семья и общество / под ред. А.Г. Харчева [и др.]. – М. : Изд-во, 1982. – С. 3–19.
2. Давыдов, В.В. Личностью надо «выделаться» / В.В. Давыдов // С чего начинается личность. – М. : Политиздат, 1979. – С. 116.
3. Амбрумова, А.Г. Семейная диагностика в суицидологической практике / А.Г. Амбрумова, А.Л. Постовалова. – М. : Изд-во Ин-та психиатрии, 1983. – 52 с.
4. Антонян, Ю.М. Мотивообразующие факторы преступного поведения / Ю.М. Антонян, В.В. Лунеев, А.М. Яковлев // Криминальная мотивация. – М. : АН СССР, Ин-т государства и права. – С. 44–115; 251–292.
5. Антонян, Ю.М. Бессознательная мотивация преступного поведения / Ю.М. Антонян // Рос. Психоаналит. вестн. – 1992. – № 2. – С. 120–130.
6. Соловьев, Н.Я. Брак и семья сегодня / Н.Я. Соловьев. – Вильнюс : МНИТИС, 1977. – 226 с.
7. Gartland, H.J. Parental conflict and male adolescent problem behavior / H.J. Gartland, H.D. Day // J. Genet. Psychol. – 1992. – № 2. – С. 201–209.
8. Соколовска, А. Роль семьи и школы в формировании отношения молодежи к перспективам ее будущего / А. Соколовска // Материалы XVIII Междунар. конгр. психологов в Москве. – М., 1966. – С. 44.
9. Фурманов, И.А. Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста / И.А. Фурманов. – Минск : НИО, 1997. – 198 с.
10. Фурманов, И.А. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства / И.А.Фурманов, А.А. Аладьин, Н.В. Фурманова. – Минск : Тесей, 1999. – 224 с.
11. Фурманов, И.А. Психология детей с нарушениями поведения / И.А. Фурманов. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 351 с.
12. Спиваковская, А.С. Профилактика детских неврозов (комплексная психологическая коррекция) / А.С. Спиваковская. – М. : МГУ, 1988. – С. 37.

Features of intrafamily relationships of students with destructively oriented behaviour

The intrafamily relationships in families where children have different level of destructive behaviour are analyzed. Influence of features of intrafamily relations on a level of various kinds of destructive behaviour is identified.

Keywords: intrafamily relationships, physical aggression, indirect aggression, verbal aggression.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН С НАСИЛЬСТВЕННЫМИ И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫМИ СУПРУЖЕСКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Супружеское насилие – это неправомерное использование силы, власти и контроля, попытка принуждать и управлять супругом через физическое или психологическое воздействие. Психологическое насилие – это наиболее распространенная форма насилия, под которым понимаются

любые действия с намерением унизить, оскорбить и/или нарушить психическое равновесие. Анализ и обобщение теоретических данных и эмпирических исследований позволил установить, что паттерн психологического насилия включает такие действия «агрессора» в отношении «жертвы», как террор и запугивание человека; принуждение делать что-либо; помещение или угроза поместить человека в опасные для жизни условия; отказ замечать присутствие человека, признавать его значимость и достоинство; коммуникацию с целью демонстрации его бесполезности; обесценивание его мыслей, чувств и поступков; оскорбление, издевательство, обращение только по кличке, передразнивание, инфантилизацию; физическое заточение; запрет на нормальные контакты с другими, ограничение свободы человека; развращение; эмоциональная холодность.

Использование психологического насилия может иметь для его жертвы самые серьезные последствия. На самом деле многие люди, пережившие физическое или сексуальное насилие, отмечали, что психологическое насилие зачастую более тяжело переживается и является более разрушительным, а его последствия имеют пролонгированный характер. Постоянное контролирующее поведение супруга, ограничивающие свободу и независимость женщины, вербальное насилие (оскорбление, издвательство, насмешки, унижения), социальная и финансовая зависимость оказывают продолжительный негативный эффект на самооцен-ку женщин и влияют на появление чувств бесполезности и собственной ненужности, делают ее неспособной ко всякого рода социальным контактам, усиливают депрессию и тревогу, приводят к формированию различных психосоматических симптомов. Женщины, которые испытывают психологическое насилие, более склонны к злоупотреблению алкоголем, чем жертвы физического насилия [1]. В настоящее время борьба с насилием против женщин является частью глобальной программы по искоренению всех форм дискриминации в отношении женщин: день 25 ноября ООН был объявлен Международным днем борьбы с насилием против женщин.

Таким образом, можно констатировать, что проблема психологического насилия продолжает оставаться достаточно актуальной, несмотря на определенные усилия общественных и профессиональных организаций к ее разрешению. Однако одного сложившегося «общественного мнения» явно недостаточно, проблема психологического насилия требует серьезного научного анализа и осмысления. Вместе с тем те немногочисленные исследования, которые посвящены изучению проблемы психологического насилия в супружеских отношениях, в основном касаются эмоциональных переживаний и состояний женщин и не затрагивают такой важной проблемы, как формирование в ситуации насилия личности «жертвы» [2–6]. Анализ литературы так и не позволил обнаружить сравнительных данных о психологиче-

ских характеристиках женщин с различными уровнями психологического насилия в супружеских отношениях. Особый интерес представляет сравнительное исследование феномена психологического насилия в различных социокультурных средах. Этот дефицит информации и определил выбор направленности нашего исследования.

Организация исследования

Динамические характеристики личности женщин исследовались при помощи проективной методики «Метод Портретных Выборов» (МПВ) Сонди, адаптированной Л.Н. Собчик [7; 8]. Обследование проводилось согласно классической процедуре: женщинам, подвергающимся и не подвергающимся психологическому насилию, предлагалось выбирать наиболее симпатичные (привлекательные) и наименее симпатичные (непривлекательные) портреты из восьми предъявляемых в восьми диагностических сериях. Каждый портрет, по мнению разработчиков методики, по своей физиогномической и психологической сущности отражает в наиболее заостренном виде проявление одного из основных восьми базисных человеческих влечений. Каждое из них в зависимости от формализованных показателей выявляет ту или иную патологию или проблему обследуемой личности. Выбранные портреты регистрировались согласно порядковому номеру каждого портрета от 1 до 8 и коду каждого портрета, отражающему его факторное значение: h – сексуальная недифференцированность; s – садизм-мазохизм; e – эпилептоидные тенденции; hy – истерические склон-ности; k – кататонические проявления; p – паранойяльность; d – депрессивное состояние; m – маниакальные проявления.

В исследовании принял участие 351 респондент с различными социально-демографическими характеристиками: 234 женщины, проживающих на территории Латвийской республики, и 117 женщин из Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение

Проведенное эмпирическое исследование позволило установить некоторые различия в динамических характеристиках личности женщин с насильственными и ненасильственными супружескими отношениями (рисунок 19).

В частности, женщины *с насильственными супружескими отношениями* отличаются от женщин с ненасильственными более выраженными тенденциями по позитивному полюсу фактора «p – потребность в расширении “Я”» ($p \leq 0{,}05$). Этим женщинам присущи в большей степени такие характерологические особенности, как пылкость, переоценка себя, энтузиазм, спонтанность, общительность, непосредственность поведения, максимализм в эмоциональных проявлениях, амбициозность, стремление к лидированию, высокая самооценка, склонность к риску, чувство соперничества, предприимчивость, импульсивность [7; 8].

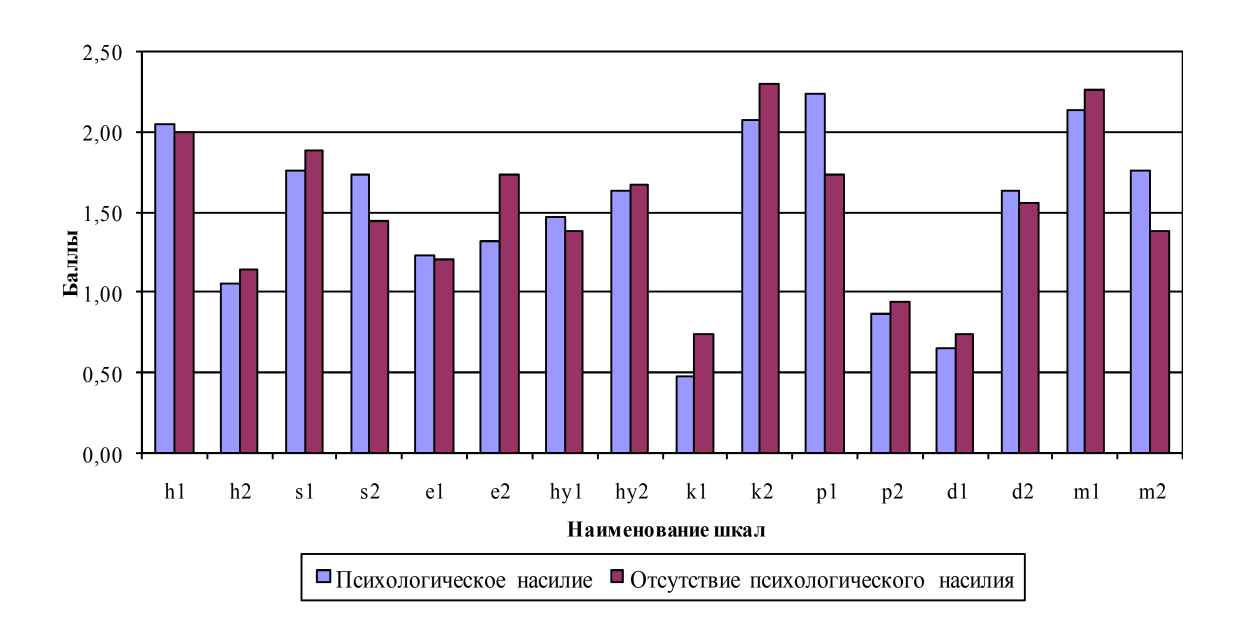

Рисунок 19 – Сравнение динамических характеристик женщин

Женщины с насильственными супружескими отношениями отличаются преобладанием следующих личностных характеристик: высокой мотивацией достижения успеха, экстравертированностью, активностью при ведущей потребности во власти, доминирующим стилем межличностного поведения, а также целостным, эвристическим, опережающим опыт стилем познавательной деятельности. В стрессе они в большей степени сверхактивны. Доминирующий защитный механизм у этих женщин – отреагирование вовне и вытеснение негативной информации.

Кроме того эти женщины отличаются более выраженными тенденциями по негативному полюсу фактора «m – склонность к сохранению и отторжению объекта» ($p \leq 0{,}05$). Это свидетельствует о том, что они в большей степени одиноки, суетливы, несостоятельны и в значимой степени отличаются стремлением к отторжению супруга. При этом они в большей мере самостоятельны, независимы, им присущи потребность в самореализации, выраженный индивидуализм, настойчивость в достижении цели, стремление потакать своим слабостям, избыточная увлеченность развлечениями, поверхностность в контактах с окружающими, импульсивность в высказываниях и поступках. Мотивы их поведения более обусловлены эгоцентричностью сиюминутных потребностей; самооценка более завышенная (было отмечено выше); эмоционально жестки; обладают более интуитивным восприятием, опережающим опыт размышления; защитный механизм этих женщин более выражен отрицанием проблем (в конфликтных ситуациях возможен уход от конфликта [7; 8].

Помимо вышесказанного, женщин с насильственными супружескими отношениями отличают менее выраженные тенденции по негативному полюсу фактора «е – потребности в этическом поведении» ($p \leq 0{,}05$). Так, их отличают тенденции меньшей злобности, мстительности и злопамятности. Женщин с насильственными супружескими отношениями, в отличие от женщин с ненасильственными, характеризуют в меньшей степени тенденция к накоплению негативных эмоций с последующей разрядкой в виде приступов ярости, злопамятность, мстительность, завистливость, ревность, представление об окружающем мире как враждебно настроенном, так, в меньшей степени оправдывается собственная жестокость. При этом им присущи меньшая устойчивость мотивации достижения, а также упорство в преследовании своих целей, внешнеобвиняющий тип реагирования, конфликтность в межличностных отношениях, стиль мышления – менее конкретно-логический, тип реакции на стресс – менее агрессивный, взрывной; защитный механизм – в меньшей степени враждебные поведенческие реакции или рациональная переработка.

Помимо вышеперечисленного, они обладают менее выраженными тенденциями по позитивному полюсу фактора «k – потребность в сужении “Я”» ($p \leq 0{,}05$), а следовательно, им присущи в меньшей степени тенденция к присвоению, эгоизм, рассудительность, педантизм и упрямство. Таким образом, эти женщины могут характеризоваться как менее рассудительные, эмоционально холодные, эгоистически сосредоточенные на внутреннем мире собственных переживаний, менее оригинальные и независимые в суждениях, своеобразные в поступках, формальные и избирательные в общении, педантичные, недоверчивые, скрытные и замкнутые. Они в меньшей степени оторваны от практических забот и склонны в к широким обобщениям. Личностные свойства этих женщин менее выражены в созерцательной позиции, субъективной мотивации, раздвоенном «Я», когда интеллект довлеет над эмоциями, стиль межличностного поведения в меньшей степени – интровертный, а стиль мышления – формально-логический. В стрессе реже, чем у женщин с ненасильственными супружескими отношениями, происходят блокировка или непредсказуемые действия и защитная реакция, в меньшей степени – бегство в мир фантазии.

По большинству показателей значимых различий по динамическим характеристикам личности женщинами из семей с насильственными и ненасильственными супружескими отношениями обнаружено не было (рисунок 20).

Сравнительный анализ позволил установить некоторые кросс-культурные различия в динамических характеристиках личности белорусских и латвийских женщин с различной степенью насильственности в супружеских отношениях. В частности, белорусские женщины с насильствен-

ными супружескими отношениями отличаются более сильными тенденциями по позитивному полюсу фактора «h – потребности в личной и коллективной нежности» ($p \leq 0{,}05$). Из этого следует, что они в большей степени обладают личной любовью, нежностью, податливостью и мягкостью характера. Преобладание данного фактора для белорусских женщин повышает риск стать жертвой. Характерологические особенности этих женщин выражаются в большей сентиментальности, большей экзальтированности чувств и повышенной чувствительности.

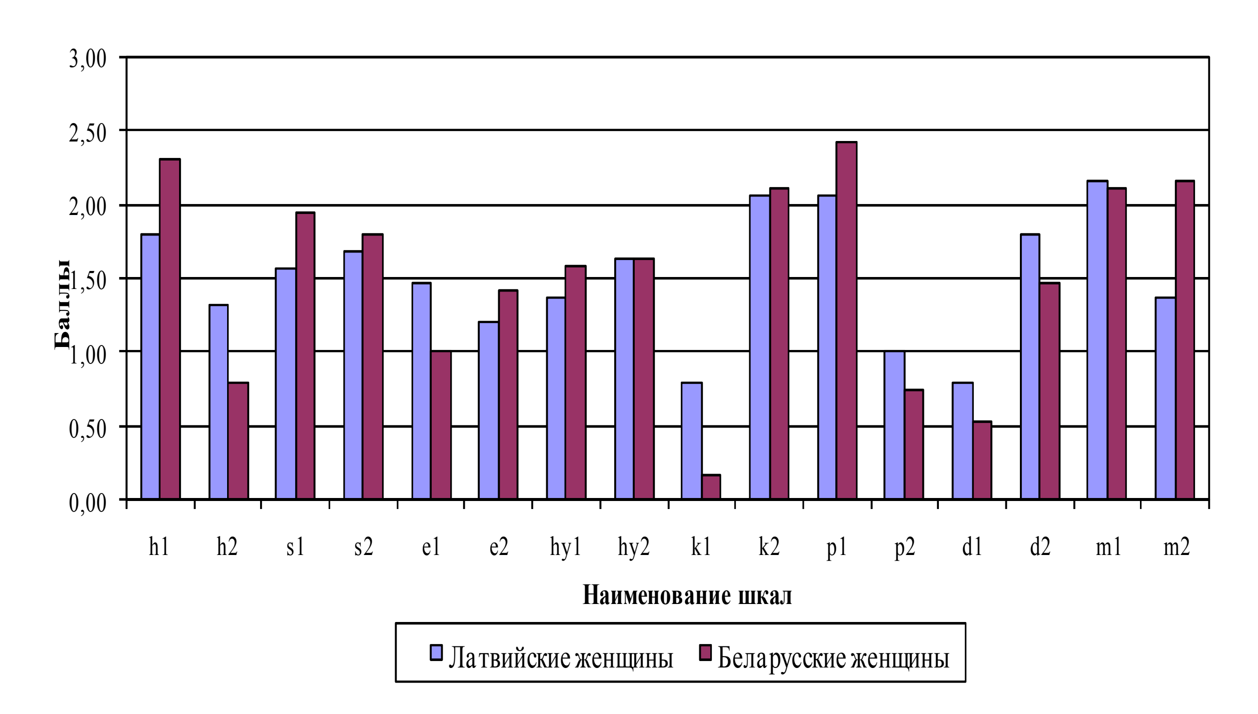

Рисунок 20 – Сравнение динамических характеристик латвийских и белорусских женщин, подвергающихся психологическому насилию

При этом реализация аффилиативной потребности происходит в большей мере через привязанность к конкретным людям, через поиск удачи в личной жизни – в семье, в отношениях с мужем, с детьми. Выявляется более выраженная напряженность аффилиативной потребности в связи с тем, что это одна из ведущих и никогда не насыщаемых потребностей, которой могут мешать лишь внешние преграды.

Также было установлено, что белорусские женщины с насильственными супружескими отношениями характеризуются, как и все женщины с насильственными супружескими отношениями, более выраженными тенденциями по негативному полюсу фактора «м – склонности к сохранению и отторжению объекта» ($p \leq 0{,}05$) а следовательно, более выраженными

тенденциями отторжения супруга, стремления к уединению, суетливости, несостоятельности и т.д.

Вместе с тем белорусские женщины с насильственными супружескими отношениями по сравнению с латвийскими женщинами отличаются менее выраженными тенденциями по негативному полюсу фактора «h – потребность в личной и коллективной нежности» ($p \leq 0,05$). Тем самым им присущи в меньшей степени любовь к человечеству, тяга к культуре, любовь к природе. Между тем эти женщины отличаются по личностным свойствам меньшей тревожностью, сочетающейся с пессимистичностью при ведущей аффилиативной потребности в понимании, сочувствии и глубокой привязанности. При этом у них в меньшей степени наблюдается фрустрированность аффилиативной потребности, реализации которой мешают внутренние запреты (табу), в связи с чем реже возникает эмоциональный дискомфорт и происходит сублимация этой потребности в самоотверженность и альтруизм, реализуемые в социальной активности.

Кроме того, белорусские женщины с насильственными взаимоотношениями с супругом обладают менее выраженным ведущим мотивом избеганием неуспеха, они в меньшей степени стремятся найти социальную нишу и защиту в виде более сильной доброжелательной личности. За кажущейся комфорностью и зависимостью в качестве стилевой характристики поведения реже просматривается бесконфликтная тяга к независимости, стремление уйти от конфронтации с жестким противостоянием сильных личностей в мир идеальных отношений. Меньшие застенчивость и ранимость делают этих женщин в меньшей степени внешне покладистыми и уступчивыми. Стиль мышления сочетает в себе более низкие вербально-аналитические и художественные наклонности.

Белорусские женщины с насильственными супружескими отношениями отличаются от латвийских женщин менее выраженными тенденциями по позитивному полюсу фактора «е – потребность в этическом поведении ($p \leq 0,05$): их отличает менее выраженная тенденция доброты, добросердечность, простодушие и доброжелательность. Характерологические особенности этих женщин заключаются в меньшей степени в конформности установок, декларации альтруизма, отзывчивости, склонности к сотрудничеству, доброжелательности, самоотверженности, религиозности, терпеливости и стремлении помогать другим. Их отличает менее изменчивая мотивационная направленность в зависимости от ситуации. Для них в меньшей степени страх неудачи превалирует над мотивацией достижения; они менее ориентируются на общепринятые нормы поведения и мораль общества, в меньшей степени эмоционально неустойчивы, менее тревожны; они принимают в меньшей степени сотрудничающий и альтруистический стиль взаимодействия с окружающими; у них более низкий художе-

ственный и вербальный типы восприятия. Реже в качестве реакции на стресс появляется страх, а в качестве защитного механизма – соматизация.

Следует отметить, что при психологическом насилии в семье у белорусских женщин, как и у всей выборки женщин с насильственными супружескими отношениями, были обнаружены менее выраженные тенденции по позитивному полюсу фактора «k – потребность в сужении “Я”» ($p \leq 0,05$), а именно, присущими им в меньшей степени тенденцией к присвоению, эгоизмом, рассудительностью, педантизмом, упрямством и т.д.

К тому же следует отметить (рисунок 21), что белорусские женщины *с ненасильственными супружескими отношениями* по сравнению с латвийскими женщинами также, как и белорусские женщины с насильственными супружескими отношениями отличаются менее выраженными тенденциями по негативному полюсу фактора «h – потребности в личной и коллективной нежности» ($p \leq 0,05$): этим женщинам присущи менее выраженные любовь к человечеству, тяга к культуре, любовь к природе и т.д.

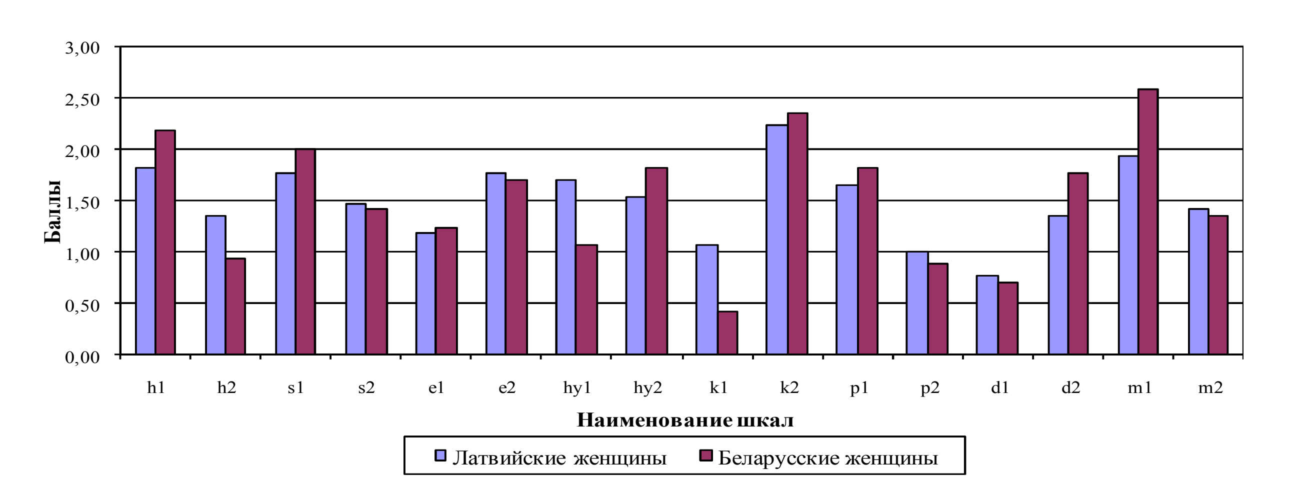

Рисунок 21 – Сравнение динамических характеристик
латвийских и белорусских женщин,
не подвергающихся психологическому насилию

Белорусские женщины с ненасильственными супружескими отношениями отличаются менее выраженными тенденциями по позитивному полюсу фактора «hy – потребность в моральном поведении». Для них в меньшей степени характерны эксгибиционизм, жажда одобрения и честолюбие. Эти женщины отличаются меньшей эмоциональной вовлеченностью, а также меньшей неустойчивостью и изменчивостью эмоций. Им присущи в меньшей степени черты демонстративности, противоречивости установок (более низкая причастность к интересам своей группы при отстаивании своих эгоцентрических интересов, декларация альтруизма и

реализация эгоистических потребностей). Это в меньшей степени демонстративная личность с противоречивой направленностью мотивов – мотивация достижения в меньшей степени сталкивается с мотивацией избегания неуспеха. Реже наблюдается склонность к соматизации конфликта. По типу восприятия эти женщины отличаются менее художественным, чувственным, наглядно-образным мышлением, чем латвийские женщины. Стиль межличностного поведения у них менее гибкий с меньшей тенденцией к перевоплощению в разные социальные роли.

К тому же следует акцентировать внимание, что белорусские женщины с ненасильственными супружескими отношениями, как и с насильственными, а также все женщины с насильственными супружескими отношениями, отличаются менее выраженными тенденциями по позитивному полюсу фактора «k – потребность в сужении “Я”» ($p \leq 0,05$). Им присущи в меньшей степени по сравнению с латвийскими женщинами с ненасильственными супружескими отношениями – тенденция к присвоению, эгоизм, рассудительность, педантизм, упрямство и пр.

Таким образом, сравнительный анализ динамических характеристик личности белорусских и латвийских женщин с различной степенью насильственности в супружеских отношениях позволил установить некоторые кросс-культурные различия, а также общие характеристики мотивационной и поведенческой сферы их жизнедеятельности. В частности, женщины *с насильственными супружескими отношениями* отличаются от женщин с ненасильственными более выраженными тенденциями вектора «Я-влечение» как потребности в расширении «Я» и их отличает главным образом более выраженная инфляция (когда «Я» разрешает непереносимые для него противоречия, не воспринимая их, переоценка себя, энтузиазм) и с позиций индивидуально-типологического подхода Л.Н. Собчик агрессивность и спонтанность [7; 8]. Вместе с тем эти женщины отличаются более сильными тенденциями вектора «контактного влечения» и в большей мере отторжением супруга (одиночеством, несостоятельностью) при спонтанности и экстравертированности. Помимо этого у них менее выраженные тенденции вектора «параксизмальное влечение», что, прежде всего, их отличает в меньшей степени агрессивными тенденциями, злобностью, мстительностью и злопамятностью при низком уровне ригидности и агрессивности. Они отличаются в меньшей степени тенденциями вектора «Я-влечения» и, следовательно, менее выраженными тенденцией к присвоению (эгоизмом, рассудительностью, педантизмом и упрямством) в сочетании с интровертированностью и ригидностью.

Белорусские женщины с насильственными супружескими отношениями отличаются, прежде всего, более сильными тенденциями по вектору «сексуальное влечение», отличаясь от латвийских женщин более выраженными

тенденциями личной любви (нежностью, податливостью и мягкостью характера) во взаимосвязи с сензитивностью и тревожностью. Эти женщины характеризуются более выраженными тенденциями вектора «контактное влечение», отличаясь при этом превалированием таких тенденций поведения и индивидуальных особенностей, как отторжение супруга (одиночество, суетливость и несостоятельность) при спонтанности и экстравертированности, что присуще и всем женщинам, подвергающимся психологическому насилию в супружеских отношениях. При этом у них менее выражен вектор «сексуальное влечение», что их характеризует в меньшей степени любовью к человечеству, тягой к культуре, любовью к природе, а также сензитивностью и интровертированностью. У них ко всему по вектору «пароксизмальное влечение» менее выражены тенденция доброты (добросердечность, простодушие и доброжелательность) в сочетании с тревожностью. Тем не менее по вектору «Я-влечение» женщинам РБ, подвергающимся психологическому насилию в супружеских отношениях так же, как и всем женщинам с насильственными супружескими отношениями, присущи в меньшей степени тенденция к присвоению (эгоизм, рассудительность, педантизм и упрямство) и низкий уровень интровертированности и ригидности.

Следует особо отметить, что белорусские женщины *с ненасильственными супружескими отношениями* так же, как и с насильственными, от латвийских женщин, отличаются по вектору «сексуальное влечение» менее выраженной любовью к другим людям при низком уровне сензитивности и интровертированности. По вектору «параксизмальное влечение» им в меньшей степени свойственен эксгибиционизм (жажда одобрения и честолюбие), а также меньшая тревожность и эмотивность. Тем не менее отметим, что белорусские женщины с ненасильственными супружескими отношениями так же, как и в целом все женщины с насильственными супружескими отношениями и из РБ, схожи по вектору «Я-влечение» более низкой тенденцией к присвоению (они менее эгоистичны, рассудительны, педантичны и упрямы), а также интровертированы и ригидны. Так, данные личностные характеристики способствуют ненасильственной атмосфере в супружеских отношениях.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить некоторые интересные закономерности формирования определенных личностных характеристик жертв психологического насилия в супружеских отношениях [9–13].

1. По большинству показателей значимых различий по динамическим характеристикам личности женщин из семей с насильственными и ненасильственными супружескими отношениями обнаружено не было. Женщины с насильственными супружескими отношениями отличаются от женщин с ненасильственными более выраженными тенденциями:

– по положительному полюсу фактора «p – потребность в расширении “Я”» (завышенная самооценка, высокая мотивация достижения успеха, амбициозность, потребность во власти, стремление к лидерству, чувство соперничества, доминирующий стиль межличностных отношений, склонность к риску, экстравертированность, импульсивность, эвристический, опережающий стиль познавательной деятельности, использование психологических механизмов защит отреагирования и вытеснения);

– по отрицательному полюсу фактора «m – склонность к сохранению и отторжению объекта» (стремление к отчужденности, самостоятельность, независимость, потребность в самореализации, индивидуализм, настойчивость в достижении цели, поверхностность в контактах с окружающими, эгоцентричность, эмоциональная черствость, использование отрицания как основного механизма психологических защит).

2. Женщин с ненасильственными супружескими отношениями отличают от женщин с насильственными более выраженные тенденции:

– по отрицательному полюсу фактора «e – потребность в этическом поведении» (агрессивно-враждебные поведенческие реакции в стрессовой ситуации, внешнеобвиняющий тип реагирования на фрустрацию, тенденция к накоплению негативных эмоций с последующей разрядкой в виде приступов гнева или ярости, злопамятность, мстительность, завистливость, ревность, устойчивая мотивация достижения, упорство в преследовании своих целей, конфликтность в межличностных отношениях, преобладание конкретно-логического стиля мышления и рационализация как основной механизм психологической защиты);

– по положительному полюсу фактора «k – потребность в сужении «Я» (стремление к обладанию и присвоению, педантичность и упрямство, эмоциональная холодность, сосредоточенность на внутреннем мире собственных переживаний, интровертированность, формальность и избирательность в общении, недоверчивость, скрытность и замкнутость, реалистичность, рассудительность, оригинальность и независимость в суждениях).

3. Белорусские женщины с насильственными супружескими отношениями отличаются от латвийских более сильными тенденциями:

– по положительному полюсу фактора «h – потребность в личной и коллективной нежности» (чувство любви, нежность, податливость и мягкость характера, сентиментальность, экзальтированность чувств, повышенная чувствительность, сильная потребность в аффилиации, которая реализуется в привязанности к конкретным людям, в стремлении к построению удачной личной жизни – в семье, в отношениях с мужем, с детьми);

– по отрицательному полюсу фактора «м – склонность к сохранению и отторжению объекта» (более выраженными стремлениями к отторжению супруга, к отгороженности, к уединению).

4. Латвийские женщины с насильственными супружескими отношениями по сравнению с белорусскими женщинами отличаются более выраженными тенденциями:

– по отрицательному полюсу фактора «h – потребность в личной и коллективной нежности» (сдержанность в любовных отношениях, тревожность в сочетании с пессимистичностью, фрустрированность потребности в понимании, сочувствии и глубокой привязанности, ощущение эмоционального дискомфорта, страх неудач и мотивация избегания неуспеха, стремление найти защиту у сильной доброжелательной личности, застенчивость, ранимость, за внешней покладистостью и уступчивостью просматривается стремление к независимости, ориентация на общепринятые нормы поведения, склонность к соматизации как защитному механизму;

– по положительному полюсу фактора «k потребности в сужении “Я”».

5. Латвийские женщины с ненасильственными супружескими отношениями по сравнению с белорусскими женщинами отличаются менее выраженными тенденциями по негативному полюсу фактора «h – потребность в личной и коллективной нежности», по позитивному полюсу фактора «hy – потребность в моральном поведении» и по позитивному полюсу фактора «k – потребность в сужении “Я”».

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурманов, И.А. Психологическое насилие в супружеских отношениях / И.А. Фурманов, Д.Я. Дмитриева // Адукацыя і выхаванне.– 2006. – № 1. – С. 49–53.

2. Follingstad, D.R. Defining psychological abuse of husbands toward wives contexts, behaviors and typologies / D.R. Follingstad, D.D. Dehart // Journal of Interpersonal Violence. – 2000. – Vol. 15. – № 9. – P. 891–920.

3. Hoffman, P. Psychological abuse of women by spouses and live-in lovers / P. Hoffman // Women and Therapy. – 1984. – № 3. – P. 37–49.

4. Marshall, L.L. Psychological abuse of women: Six distinct clusters / L.L. Marshall // J. of Family. Violence. – 1994. – № 2. – P. 379–410.

5. Sonkin, D.J. The male batterer: A treatment approach / D.J. Sonkin, D. Martin, L.E. Walker ; ed. by L.E. Walker. – New York : Springer, 1985. – 30 p.

6. Tolman, R.M. The development of a measure of psychological maltreatment of women by their male partners / R.M. Tolman // Violence and Victims. – 1989. – Vol. 4. – № 3. – P. 159–177.

7. Собчик, Л.Н. Практикум по психодиагностике. Модифицированная Методика Сонди. Тест восьми влечений / Л.Н. Собчик. – СПб. : Речь, 2002. – 120 с.

8. Собчик, Л.Н. Метод Портретных Выборов – Адаптированный Тест Сонди / Л.Н. Собчик. – СПб. : Речь, 2003. – 119 с.

9. Дмитриева, Д.Я. Кросскультурные различия динамических характеристик личности женщин, подвергающихся психологическому насилию в семье в супружеских отношениях / Д.Я. Дмитриева // Психология – наука будущего : материалы Всерос. межвуз. конф. молодых ученых, Москва, 30–31 окт. 2008 г. / Моск. гос. пед. ун-т ; редкол.: В.А. Сластенин [и др.]. – М., 2008. – С. 200–204.

10. Дмитриева, Д.Я. Сравнительный анализ кросс-культурных различий динамических характеристик личности женщин с насильственными и ненасильственными суп-

ружескими отношениями / Д.Я. Дмитриева // Психология XXI века: векторы развития совр. психологии : материалы XI Междунар. межвуз. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24–26 апр. 2008 г. / Санкт-Петерб. гос. ун-т ; редкол.: Н.В. Гришина [и др.]. – СПб., 2008. – С. 290–294.

11. Дмитриева, Д.Я. Сравнительный анализ кросс-культурных различий динамических характеристик личности женщин с насильственными супружескими отношениями / Д.Я. Дмитриева // Психология сегодня: теория, образование и практика : материалы всерос. науч.-практ. конф., Самара, 6–8 мая 2009 г. / Самарск. гос. ун-т ; редкол.: А.Ю. Агафонов [и др.]. – Самара, 2009. – С. 260–264.

12. Dmitrijeva, D.J. Latvijas sieviešu emocionāli stāvokļi un personību raksturojumi, kas tiek pakļautas atšķirīgiem psiholoģiskas vardarbības līmeņiem laulātajās attiecībās / D.J. Dmitrijeva // Psiholoģija Mums. – Riga, 2009. – № 11/12 (24/25). – Lp. 58–65.

13. Дмитриева, Д.Я. Динамические характеристики личности белорусских и латвийских женщин, подвергающихся психологическому насилию в супружеских отношениях : автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.01 / Д.Я. Дмитриева. – Минск, 2011. – 24 с.

Dynamic characteristics of the personality of women with the violent and nonviolentmatrimonial relations

Various dynamic characteristics of the personality of women with violent matrimonial relations and strategy of reaction to a situation of psychological violence on the husband's part for the Belarusian and Latvian women are considered.

Keywords: psychological abuse, criminal, intimidating and dysfunctional behaviour, emotional experiences, dynamic characteristics of personality, matrimonial relations.

СТРУКТУРА НАСИЛЬСТВЕННЫХ УСТАНОВОК В ЮНОШЕСКИХ РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТАКТИК ПОВЕДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В СУПРУЖЕСКОМ КОНФЛИКТЕ

Юношеский возраст характеризуется тем, что именно в данный период в отношениях со сверстниками наблюдается повышение интереса к сексуальной сфере, появляется потребность в интимном общении, возникают романтические отношения. Этот этап онтогенеза является важнейшим периодом для подготовки к семейной жизни и выбора супруга. Анализ результатов различных исследований позволяет сделать вывод, что субъективные образы родителей оказывают значимое влияние на выбор партнера, на восприятие себя и партнера в паре, на установки и ожидания.

Семья является первым институтом социализации ребенка. Наблюдая за взаимоотношениями родителей, ребенок, по сути, ассимилирует модель взаимодействия мужчины и женщины. С определенными паттернами поведения родителей ребенок сталкивается регулярно и постепенно им

научается. В романтических отношениях юноша или девушка начинают реализовывать уже знакомые им тактики поведения. Они выбирают себе определенного партнера, вступают с ним во взаимодействие с определенными установками и ожиданиями. Этот первый опыт является чрезвычайно важным как для юношей, так и для девушек. В этих отношениях в период свиданий они отрабатывают свои модели поведения, и если они успешны, то они закрепляются и реализуются в дальнейшем в супружеской жизни [1]. Вступление в романтические отношения оказывает серьезное влияние на развитие субъекта, его Я-концепции, а также способствует пониманию собственной идентичности партнеров [4].

Романтические отношения – это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров с целью продолжать отношения до тех пор, пока один или другой партнер не прервет отношения, или пока не будут установлены другие формы отношений (сожительство, помолвка, брак) [5]. Данный вид отношений включает различные компоненты: выраженую взаимную направленность партнеров друг на друга, наличие реальных непосредственных или опосредованных контактов; эмоциональную основу, определяющую специфику отношений; интимность [2]. Таким образом, романтические отношения представляют собой непрерывный процесс взаимодействия между двумя партнерами, которые признают определенную связь друг с другом. Романтические отношения характеризуются добровольностью и возникают на основании личного выбора субъектов. Отношения могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одним компонентом является аттракция, привлекательность, которая зачастую может приобретать форму страсти. Данный компонент включает сексуальность. Помимо сексуального притяжения аттракция включает и чувство любви. Неотъемлемыми компонентами романтических отношений выступают также дружба, интимность и забота о партнере.

Вместе с тем наряду с любовью и другими позитивными чувствами и эмоциями в романтических отношениях зачастую возникают тревога, ревность, гнев. Романтические отношения в ряде случаев характеризуются насилием партнеров по отношению друг к другу и зачастую являются более агрессивными, чем супружеские. По данным американских исследований, от 20% до 60% партнеров в романтических отношениях используют вербальную агрессию и «мягкие» формы физической агрессии (толкание, хватание) [4], от 16% до 20% – сексуальную агрессию [7]. Данные российских исследований показывают, что от 30% до 50% девушек подвергаются насилию со стороны партнера в романтических отношениях. Каждая третья российская женщина подвергается физическому насилию со стороны партнера [1]. Однако ошибочно было бы полагать, что насилие применяют

только юноши и мужчины. Агрессорами зачастую выступают девушки и женщины [8].

На использование насилия в романтических отношениях влияют различные факторы. Внутренние факторы включают личностные особенности партнеров, например уровень агрессивности, неумение сдерживать гнев, установки партнеров на использование насильственных действий по отношению друг к другу, ожидания насильственных действий со стороны партнера и др. К внешним факторам можно отнести употребление алкоголя, наркотических веществ, влияние ближайшего окружения, наблюдение насилия в отношениях между родителями, а также жестокое обращение родителей [9]. Поскольку, как уже отмечалось, семья выступает важнейшим институтом социализации ребенка, которая транслирует ему определенные паттерны поведения, то наиболее значимым внешним фактором формирования насильственных установок в отношениях с другими людьми является наблюдение насилия в отношениях между родителями, а также жестокое обращение родителей с ребенком [3]. Вместе с тем любая форма агрессии приводит к различным негативным последствиям, например снижению самооценки, повышенной тревожности, хроническому чувству вины, неспособности переживать положительные эмоции.

Известно, что первые публикации, посвященные изучению насилия в романтических отношениях, появились в 80-х годах XX в. В настоящее время эта проблема остается актуальной, но малоизученной. До сих пор существует ряд неосвещенных вопросов, касающихся того, насколько зависит возникновение насилия в романтических отношениях от установок партнеров и их ожиданий, от их личностных характеристик и внешних факторов, а также от тактик поведения родителей в супружеском конфликте, какова иерархия этих установок и их структура. На основании этого в исследовании была поставлена цель выявить взаимосвязь структуры насильственных установок в юношеском возрасте и тактик поведения родителей в супружеском конфликте.

Организация исследования

В исследовании принял участие 91 человек: 50 девушек и 41 юноша в возрасте 15–19 лет. В качестве инструментария была использована Шкала отношения к насилию в период свиданий, разработанная Е.Л. Прайс и Е.С. Байерс, и модифицированная шкала тактики поведения в конфликте М. Стросса [7; 9]. Шкала отношения к насилию в период свиданий используется для измерения установок и убеждений в необходимости проявления агрессии между партнерами в близких, интимных отношениях. Методика имеет две формы: для мужчин и женщин. Каждая форма включает по три субшкалы для измерения мужских/женских установок к психологической, физической, а также сексуальной агрессии в отношениях. Сила установки

определяется суммированием баллов как по пунктам каждой субшкалы, так и всей методики в целом. Шкала тактики поведения в конфликте М. Стросса была использована с целью изучения поведенческих тактик, характерных, по мнению респондентов, для их родителей при разрешении конфликта. Опросник включает четыре субшкалы: урезонивание, психологическая агрессия, незначительные формы физической агрессии и физическая жестокость. Степень выраженности тактики определяется суммированием баллов по пунктам каждой субшкалы. Для определения тактик, используемых обоими родителями, респондентам было предложено отметить, как ведет себя в каждом конкретном случае и отец, и мать.

Результаты и их обсуждение

Структура насильственных установок и ожиданий определяется через анализ их ядер, в том числе их плотности. Анализ *ядра установок девушек в зависимости от высокого уровня урезонивания матери* при разрешении супружеского конфликта показал, что ядерные установки отражают преимущественно негативное отношение девушек к использованию сексуального и физического насилия по отношению к партнеру:

– девушка имеет право подсказывать своему парню, как надо одеваться (4,75);

– девушка обычно не поднимает руку на своего парня, если, конечно, он этого не заслуживает (4,56);

– некоторые парни заслуживают получить пощечину от своей девушки (4,13);

– если парень ложится с девушкой в постель, значит, он согласен на секс (4,00);

– парень должен разорвать отношения с девушкой, которая вынудила его заняться сексом (3,75);

– девушка не должна контролировать то, что носит ее парень (3,75).

Ядро установок девушек включает лишь одну установку, касающуюся психологического насилия. Так, наибольшее количество интеркорреляций найдено для установки «нет никакого оправдания девушке, которая угрожает своему парню». Таким образом, девушки выступают против психологического насилия по отношению к партнеру.

Ядро установок также включает негативные установки к использованию сексуальной агрессии. Так, например, по мнению девушек, парень должен разорвать отношения с девушкой, которая вынудила его заняться сексом. К установкам, касающихся сексуального поведения девушек относятся также и «девушка должна прикасаться только к тем местам своего парня, к которым он разрешает прикасаться», «девушка не должна склонять парня к сексу сразу же после знакомства». Таким образом, данные установки отражают негативное отношение девушек к сексуальному наси-

лию партнера, а также к сексу сразу же после знакомства. Можно предположить, что данные ядерные установки будут способствовать выработке определенной тактики сексуального поведения девушек, в том числе уважения желаний партнера, а также избегания секса сразу же после знакомства. Тем не менее ядро установок девушек также включает и то, что «для девушки в порядке вещей вынудить своего парня поцеловать ее». Таким образом, установки, касающиеся сексуальной сферы и сексуального поведения, структурно находятся в ядре, а следовательно, сложнее поддаются изменениям и оказывают значительное влияние на девушек. Обращает на себя внимание то, что установки, касающиеся сексуальной сферы, не проявляются в иерархии. Это может быть обусловлено историческими и культурными особенностями, заключающимися в табуировании женской сексуальности, в связи с чем данные установки являются глубинными и, возможно, не в полной мере осознаются самими девушками.

Ядро установок девушек характеризуется также амбивалентным отношением к физической агрессии по отношению к партнеру. Например, девушки считают, что «некоторые парни заслуживают получить пощечину от своей девушки». Однако вместе с тем они считают, что «нет ни одной приемлемой причины, позволяющей девушке дать пощечину ее парню». Негативное отношение к физическому насилию отражается также в установках «для девушки абсолютно неприемлемо поднять руку на своего парня» и «парень должен полностью разорвать отношения с девушкой, которая хотя бы раз его ударила». Вероятно, наличие данных установок приводит к избеганию проявления физической агрессии со стороны девушек либо появлению чувства вины при совершении данных действий.

Таким образом, высокий уровень урезонивания матери при разрешении супружеского конфликта ведет преимущественно к формированию негативных установок использованию сексуального и физического насилия по отношению к партнеру у девушек.

Анализ *установок юношей в зависимости от использования матерью тактики урезонивания* выявил следующие установки:

– отношения всегда будут складываться лучше, если девушка старается понравиться своему парню (4,67);

– если девушка ложится с парнем в постель, значит, она согласна на секс (4,56);

– девушка должна делать все возможное, лишь бы понравиться своему парню (4,22);

– чтобы доказывать свою любовь, для девушки важно иметь секс со своим парнем (3,67);

– для парня в порядке вещей вынудить свою девушку поцеловать его (3,44);

– девушки, которые обманывают своих парней, заслуживают взбучки (3,44).

Из выявленных установок три являются базовыми и отражают возможность использования психологического и сексуального насилия над партнершей. Использование урезонивания матерью при разрешении супружеского конфликта ведет к формированию установки «девушка всегда должна делать все возможное, лишь бы понравиться своему парню». Данная установка отражает приверженность традиционным гендерным ролям, а дополняет ее еще одна ядерная установка, заключающаяся в том, что «девушка всегда должна делать все возможное лишь бы понравиться своему парню». Вышеперечисленные установки могут способствовать игнорированию желаний девушки, стремлению подчинить ее себе, что может приводить к насилию над ней. Данные установки отражают эгоцентрическую позицию юношей в отношениях и высокую требовательность по отношению к партнерше. Наличие данных установок может приводить как к насилию над партнершей в случае невыполнения ей желаний юношей, так и к легкой смене партнерши в случае недовольства ею. Ядро установок юношей включает также установку «когда парни действительно сексуально возбуждены, они не могут удержаться от секса с девушкой». Данная установка может приводить к сексуальному насилию над партнершей. Характерно то, что первые две установки присутствуют среди доминирующих установок юношей, а последняя установка в иерархии отсутствует. Вероятно, что она оказывает влияние на поведение юношей на глубинном уровне.

Таким образом, урезонивание матери при разрешении супружеского конфликта способствует формированию определенных насильственных установок юношей в отношении девушек, а также эгоцентрической позиции в отношениях.

Анализ *ядра установок девушек в зависимости от использования высокого уровня насильственных тактик матерью при разрешении супружеского конфликта* показывает, что проявление матерью высокого уровня насилия при разрешении супружеского конфликта приводит к тому, что оно состоит преимущественно из установок, касающихся физического насилия:

– девушка обычно не поднимают руку на своего парня, если, конечно, он этого не заслуживает (4,67);

– некоторые парни заслуживают получить пощечину от своей девушки (4,56);

– иногда девушки не могут удержаться, чтобы не отругать своих парней (4,56);

– парень должен полностью разорвать отношения с девушкой, которая хотя бы раз его ударила (4,56);

– девушка имеет право подсказывать своему парню, как надо одеваться (4,33).

Внутри ядра наблюдается противоречие. Например, двумя наиболее выраженными установками являются: «нет ни одной приемлемой причины, позволяющей девушке дать пощечину ее парню», а также «девушка не должна поднимать руку на своего парня независимо от того, что он сделал». Также в состав ядра установок входит следующая установка: «для девушки абсолютно неприемлемо поднять руку на своего парня». Исходя из этого, можно предположить, что девушки негативно относятся к проявлению физического насилия по отношению к партнеру. Однако дальнейший анализ ядра показывает, что это не так, поскольку в его состав входят такие установки, как «некоторые парни заслуживают получить пощечину от своей девушки», «это нормально, когда девушка поколачивает своего парня, если он этого заслуживает», «иногда девушки не могут сдержаться, чтобы не накинуться на своего парня с кулаками». Тем самым, анализ ядра установок девушек показывает, что девушки характеризуются амбивалентным отношением к использованию физического насилия по отношению к партнеру. Они допускают проявление физического насилия в определенном контексте, например, когда парень заслуживает этого. Таким образом, можно предположить, что в целом девушки выступают против использования актов физического насилия по отношению к партнеру, но допускают возможность его использования при определенных обстоятельствах.

Помимо этого в состав ядра установок девушек входят установки, предполагающие негативное отношение к сексуальному насилию: «парню простительно отказаться от секса, если он согласился на него в состоянии опьянения», «девушка не должна прикасаться к своему парню, если он этого не хочет».

Таким образом, ядро установок девушек, детерминированное высоким уровнем насилия матери при разрешении супружеского конфликта, способствует формированию амбивалентных установок, касающихся физического насилия и негативных установок к использованию сексуального насилия. Однако необходимо отметить, что все же ядро в большей степени содержит установки, касающиеся физического насилия, что может свидетельствовать о большей предрасположенности девушек, чьи матери используют насильственные тактики поведения, к использованию данной формы насилия по отношению к партнеру.

Ядро установок юношей в зависимости от высокого уровня насилия матери характеризуется наличием всех видов насилия:

– когда парни действительно сексуально возбуждены, они не могут удержаться от секса с девушкой (4,00);

– для парня в порядке вещей вынудить свою девушку поцеловать его (3,75);

– если девушка имела сексуальный опыт в прошлом, ее легко склонить к сексу (3,75);

– парень не должен склонять девушку к сексу сразу после знакомства (3,75);

– иногда парень из-за любви настолько теряет голову, что начинает распускать руки (3,50);

– нет ни одной приемлемой причины, позволяющей парню дать пощечину его девушке (3,50).

При этом характерно амбивалентное отношение к физическому насилию по отношению к девушке. Юноши указывают на то, что применение физического насилия является приемлемой формой поведения в том случае, если девушка это заслужила. При этом доминирующей установкой является: «это ненормально, когда парень поднимает руку на девушку». Характерно то, что насильственные тактики поведения матери аналогичным образом влияют на установки к использованию физического насилия девушек. У тех наблюдается такое же амбивалентное отношение к проявлению физической жестокости по отношению к партнеру.

Кроме того, ядро установок юношей включает негативные установки к использованию сексуального насилия. Так, например, юноши считают, что парень не должен склонять девушку к сексу сразу же после знакомства, а также не должны принуждать ее употреблять спиртное, чтобы склонить ее к сексу. Также юноши полагают, что «парни не являются собственниками тел своих девушек».

Ядро также включает противоречивые установки, касающиеся психологического насилия. К примеру, существует установка «нет ни одной приемлемой причины, позволяющей парню угрожать своей девушке», «нет ни одной приемлемой причины, позволяющей повышать голос и орать на свою девушку». Соответственно, можно предположить, что данные установки будут определять другие установки и поведение субъекта. Однако при этом к числу доминирующих установок относится ругань матом на девушку, а также то, что девушка не должна встречаться с друзьями, если они не нравятся ее парню.

Таким образом, насилие матери при разрешении супружеского конфликта способствует формированию амбивалентных установок к использованию физического и психологического насилия. Можно предположить, что, несмотря на их амбивалентность при возникновении соответствующих условий, данные установки могут быть реализованы в поведении.

Ядро установок девушек в зависимости от высокого уровня урезонивания отца при разрешении супружеского конфликта во многом по своей

структуре и входящим элементам совпадает с ядром установок девушек в зависимости от высокого уровня урезонивания матери при разрешении супружеского конфликта:

– девушка имеет право подсказать своему парню, как надо одеваться (4,54);

– девушка обычно не поднимает руку на своего парня, если, конечно, он этого не заслуживает (4,46);

– некоторые парни зслуживают получить пощечину от своей девушки (3,85);

– девушка не должна контролировать то, что носит ее парень (3,85);

– парень должен полностью разорвать отношения с девушкой, которая хотя бы раз его ударила (3,69);

– если парень ложится с девушкой в постель, значит, он согласен на секс (3,69);

– парень должен разорвать отношения с девушкой, которая вынудила его заняться сексом (3,69).

Так, например, первые четыре установки являются аналогичными. Еще одной общей установкой является то, что «нет ни одной приемлемой причины, позволяющей девушке дать пощечину ее парню». Также ядро установок девушек включает то, что «нет ни одной приемлемой причины, позволяющей девушке ругаться на своего парня», а также то, что «девушка не должна поднимать руку на своего парня независимо от того, что он сделал». Исходя из анализа полученных данных, можно предположить, что отцовское урезонивание при разрешении супружеского конфликта способствует тому, что у девушек формируется негативное отношение к использованию актов насилия по отношению к партнеру, и соответственно формируются ненасильственные установки.

Ядро установок юношей в зависимости от высокого уровня урезонивания отца при разрешении супружеского конфликта включает четыре установки, три из которых относятся к сексуальной сфере:

– некоторые девушки заслуживают, чтобы им задали трепку (5,00);

– отношения всегда будут складываться лучше, если девушка страется понравиться своему парню (4,60);

– если девушка ложится с парнем в постель, значит, она согласна на секс (4,50);

– девушка всегда должна делать все возможное, лишь бы понравиться своему парню (4,00);

– девушки, которые обманывают своих парней, заслуживают взбучки (3,80).

Несмотря на ненасильственную тактику, используемую отцом, у юношей формируются, наряду с ненасильственными, также и насильст-

венные установки. Юноши, например, считают, что зачастую должны быть грубыми со своими девушками, чтобы завести их, а также считают, что, когда парни действительно сексуально возбуждены, они не могут удержаться от секса с девушкой. Характерно то, что урезонивание матери тоже способствует формированию данной установки.

Вероятно, что данная установка формируется под влиянием других факторов, в том числе она может быть обусловлена вступлением юношей в фазу гиперсексуальности. Необходимо отметить, что наличие данной установки в ядре может свидетельствовать о возможном сексуальном насилии над девушкой. Еще одна доминирующая установка заключатся в том, что ругань матом на девушку является приемлемой формой поведения. Таким образом, под влиянием урезонивания отца при разрешении супружеского конфликта у юношей формируются насильственные установки, касающиеся сексуального и психологического насилия. Установки на использование физического насилия в ядре отсутствуют.

Анализ *ядра установок девушек в зависимости от высокого уровня насилия отца при разрешении супружеского конфликта* показывает, что как насилие со стороны матери, так и насилие со стороны отца оказывают сходное влияние на структуру ядра установок:

– некоторые парни заслуживают получить пощечину от своей девушки (4,56);

– иногда девушки не могут удержаться, чтобы не отругать своих парней (4,46);

– девушка обычно не поднимает руку на своего парня, если, конечно, он этого не заслуживает (4,46):

– девушка имеет право подсказывать своему парню, как надо одеваться (4,31);

– парень должен полностью разорвать отношения с девушкой, которая хотя бы раз его ударила (4,00).

Обнаружены четыре общие установки: «девушка не должна поднимать руку на своего парня независимо от того, что он сделал», «иногда девушки не могут сдержаться, чтобы не накинуться на своего парня с кулаками», «нет ни одной приемлемой причины, позволяющей девушке дать пощечину ее парню» и «для девушки абсолютно неприемлемо поднять руку на своего парня». Данные установки демонстрируют негативное отношение девушек к физическому насилию. При этом допускается проявление психологического насилия: «это нормально, когда девушка ругается матом на своего парня», «иногда, чтобы заставить слушать себя, девушки должны угрожать своим парням». Таким образом, ругань матом и угрозы в адрес партнера рассматриваются как приемлемая форма поведения. Вместе с тем ядро установок девушек включает также установку «нет ни одной приемле-

мой причины, позволяющей девушке ругаться на своего парня». Здесь можно заметить амбивалентность в отношении психологического насилия.

Наиболее выраженной ненасильственной установкой является то, что «девушка должна прикасаться только к тем местам своего парня, к которым он разрешает прикасаться». Данная установка может приводить к «осторожному», нерешительному сексуальному поведению девушек. Она свидетельствует о негативном отношении девушек к некоторым формам сексуального насилия.

Исходя из этого, несмотря на проявление отцом высокого уровня насилия, девушки характеризуются в целом негативным отношением к использованию физического насилия, но допускают проявление психологического насилия по отношению к партнеру.

В связи с небольшой выборкой определить *ядро установок юношей в зависимости от высокого уровня насилия отца* при разрешении супружеского конфликта не удалось.

Таким образом, обнаруженные связи структуры насильственных установок и тактик разрешения супружеского конфликта свидетельствуют о необходимости более глубокого изучения данного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синельников, А.В. Выученные уроки: подростки и проблема насилия в семье / А.В. Синельников. – М. : 2003. – С. 96-113.

2. Слепкова, В.И. Полоролевая дифференциация брачно-семейных ориентаций старшеклассников : автореф. дис. … канд. психол. наук / В.И. Слепкова. – Минск, 1990. – С. 8–21.

3. Фурманов, И.А. Эндогенные и экзогенные факторы эстафеты агрессии и насилия в семье / И.А. Фурманов // Психол. журн. – 2008. – № 2. – С. 9–13.

4. The development of romantic relationships in adolescence / W. Furman, B.B. Brown, C. Feiring // Cambridge studies in social and emotional development [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access : http://books.google.com. – Date of access : 15.05.2010.

5. Sousa, C. Teen dating violence. The hidden epidemic / C. Sousa // Family and Conciliation Courts Review. – 1999. – Vol. 37. – № 3. – P. 356–374.

6. Henning, K. Prevalence and characteristics of psychological abuse reported by court-involved battered women / K. Henning, M.L. Klesges // J. of Interpersonal Violence. – 2003. – Vol. 18. – № 8. – P. 857–871.

7. Byers, E.S. The attitudes towards dating violence scales: development and initial validation / E.S. Byers, E.L. Price // J. of Family Violence. – 1999. – Vol. 14. – № 4. – P. 351–375.

8. Comparison of nonviolent, psychologically iolent, and physically violent male college daters / K. Lundeberg [et al.] // J. of Interpersonal Violence. – 2004. – Vol. 19. – № 10. – P. 1191–1200.

9. Eckhardt, C. Anger experience and expression among male dating violence perpetrators during anger arousal / C. Eckhaedt, T.R. Jamison, K. Watts // J. of Interpersonal Violence. – 2002. – Vol. 17. – № 10. – P. 1102–1114.

10. The revised conflict tactics scales (CTS2): Development and preliminary psychometric data / M. Straus [et al.] // J. of Family Issues. – 1996. – Vol. 17. – № 3. – P. 283–316.

Structure of violent attitudes in youthful romantic relations depending on tactics of parents behaviour in the matrimonial conflict

The interrelation of structure of violent attitudes in youthful romantic relations and tactics of behaviour of parents in the matrimonial conflict is considered. Results of empirical research are presented.

Keywords: attitudes, romantic relations, behaviour tactics in the matrimonial conflict.

ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК УСЛОВИЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СУПРУЖЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ

На протяжении всех предыдущих эпох в развитии человечества брак был имущественной и статусной сделкой. Он заключался в угоду интересам родительских семей молодых супругов, чьи мнения и пожелания практически не учитывались. Даже монаршие особы не были здесь исключением, не говоря о людях простых сословий. И история, и художественная литература изобилуют примерами браков, в которых молодожены были попросту марионетками в руках социального и семейного окружения. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить историю Анны Австрийской, описанную в нетленном романе А. Дюма. Об этом же свидетельствуют реальные факты из жизни Ярослава Мудрого, чьи сестры и дочери, вступив в брак с европейскими королями, помогали Руси устанавливать дружественные отношения со странами Европы, решать международные проблемы.

В течение почти всей истории существования человеческой культуры любовь, влечение, эмоциональная и духовная близость занимали в супружестве второстепенные, если не третьестепенные, места. Браки по любви случались исключительно редко. Если под этим углом зрения взглянуть на мировую художественную литературу (а она в исследовании природы любви достигла, пожалуй, больших успехов, чем наука), то мы найдём множество подтверждений высказанного тезиса. Любовь, которую воспевают художники слова, как правило, имеет с браком мало общего. Гетеризм, адюльтер, конкубинат, рыцарская и «куртуазная» любовь, страсть, навеянная образом прекрасной пастушки, и любовь трубадуров – всё это варианты отношений, складывающихся вне контекста супружества. Понимание данного факта дало основание Н.А. Бердяеву утверждать, что никакой другой любви, кроме свободной, быть не может [1].

При таких обстоятельствах нескрываемая конфронтация (насилие и иные проявления агрессии в браке) была обыденным сопутствующим явлением супружеских отношений. Унижения, оскорбления и рукоприкладство воспринимались в качестве неотъемлемых компонентов совместной жизни мужей и жен. Поэтому в научной литературе прочно укрепилось представление о супружестве прошлых эпох как о форме притеснения женщины мужчиной [2].

Кардинальные трансформации в европейском институте брака связываются с именем английской королевы Виктории. Возникший в годы ее правления процесс пересмотра матримониальных нравов и традиций был настолько мощным и значительным, что получил название «викторианской революции». Во многом новые веяния были предопределены судьбой самой королевы, которая вопреки всем препятствиям отстояла свое право выйти замуж за человека, в которого была влюблена. Благодаря этой «революции» стало считаться хорошим тоном заключать брак на основании любви и взаимной привлекательности, а не на фундаменте семейных или социальных ожиданий. Зародившись в аристократических «верхах» английского общества, эта тенденция постепенно распространилась на остальные социальные слои и на другие европейские страны, в том числе и на Россию. Свидетельство тому мы обнаруживаем, например, в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Общественное мнение того времени по данному вопросу чётко отражено в раздумьях княгини Щербацкой в связи с возможным замужеством младшей из ее дочерей – княжны Кити: «Русский обычай сватовства считался чем-то безобразным, над ним смеялись все и сама княгиня… Все, с кем княгине случалось толковать об этом, говорили ей одно: “Помилуйте, в наше время уж пора оставить эту старину. Ведь молодым людям в брак вступать, а не родителям; стало быть, и надо оставить молодых людей устраиваться, как они знают”» [3, с. 49].

Начавшись в середине XIX века, данный тренд в течение столетия приобрёл характер основного принципа организации матримониальных отношений в Европе и Северной Америке. Хронологию событий лаконично, но последовательно отслеживает К. Аронс: «Веками брак основывался на экономических и социальных позициях. Это только с начала нашего столетия в основе брака появилась любовь. С приходом индустриализации и урбанизации в двадцатых годах работа перестала сосредоточиваться в доме, и семья функционирует все меньше и меньше как отдельная экономическая ячейка. Пары затем начинают рассматривать брак как источник личного удовлетворения, романа и интимности. Со временем, в пятидесятых, романтическая любовная нотка в браке становится главной – краеугольным камнем нашего отношения к семейной жизни» [4, с. 59]. Таким образом, заключение брака по любви стало нормой поведения относитель-

но недавно – лишь в середине XX столетия, то есть в то время, когда на смену эпохе модернизма приходит постмодернизм.

Эпоха модернизма опирается на такие принципы, как универсальность, однозначность, детерминизм, монизм, авторитарность, объективизм, непротиворечивость и абсолютная истина. Постмодернизм противопоставляет им плюрализм мнений, индетерминизм, многоголосье, демократию, толерантность, поливариантность и относительность истины. Воплощение данных принципов в жизнь потребовало выработки новой нормативной модели общения. Ею стало диалогическое взаимодействие.

Согласно мнению В.С. Библера [5], мы живем в период смены логики, которой руководствуется человечество в своём стремлении понять мироустройство. Оно (человечество) переходит от доминирующей сегодня рациональной линейной логики к диалогической полифонии. Диалогика XXI века характеризуется тем, что способна совместить в себе разные логики: как уже существующие, так и только зарождающиеся. И процесс этот находит свое отражение в самых разных форматах человеческих взаимоотношений: от межгрупповых до межличностных.

Пожалуй, самым главным отличием диалогической модели коммуникации от любой другой является готовность сторон признать право на существование иной (кроме своей) точки зрения, позиции, возможности интерпретации действительности. Диалог подразумевает уважение к мировоззрению, несхожему со своим [6]. Благодаря этому появляется возможность вместо подавления чужого мнения и насильственного насаждения своей точки зрения приобщиться к опыту партнера по отношениям и тем самым расширить собственные представления о мире. Согласно определению В.А. Янчука, диалогическое взаимодействие – это процесс формирования разделяемого поля культурных значений и переживаний, определяющих взаимопонимание [7].

Ещё одна важная особенность подлинного диалога состоит в том, что он способствует осознанию ожиданий, возлагаемых на партнёра и на отношения, и их реализации [8]. Именно реализация взаимных ожиданий предопределяет степень удовлетворенности людей своими взаимоотношениями. В диалоге данная задача решается в активном творческом процессе попеременного говорения и слушания. Он характеризуется желанием партнёров понять их естественную тенденцию к какой-либо определённой позиции. Диалог создает фундаментальную основу для осознания значения взаимоотношений. Цель диалога не избавиться от индивидуальных различий, а создать такое пространство, где данные различия будут существовать и позитивно влиять на достижение полного согласия.

Наконец, неотъемлемой составляющей подлинного диалога является активная работа партнеров, направленная на создание общего значимого пространства для взаимодействия [9]. Для понимания другого человека, а

особенно принятия его мнения в качестве достойного признания и уважения (каким бы отличным от своего оно не было), необходимы усилия. Усилия нужны, чтобы прислушаться, чтобы вдуматься, чтобы осознать, чтобы удержаться от желания привести партнера в соответствие с собственными представлениями по спорному вопросу, чтобы, в конечном итоге, изыскать возможности удовлетворения не только своих, но и его ожиданий.

Если внимательно присмотреться к трем основополагающим принципам ведения диалога, легко заметить, что они по своей сути близки к описанию сущности феномена любви, предложенному А. Маслоу. В своих трудах он проводит мысль о том, что в любви имеются две неотъемлемые составляющие: дефицитарная и бытийная. Первая из них эгоистична и рецептивна по своей природе. Она побуждает скорее брать, нежели отдавать, быть объектом чьей-то любви. Иное дело – любовь бытийная. Она основана на осознании ценности каждого человеческого существа, его уникальности и значимости. Поэтому бытийная любовь направлена на поощрение в партнере позитивного представления о себе, самопринятия, стремления к совершенствованию – всего того, что позволяет ему развиваться. Такая любовь альтруистична, поскольку реализуется в акте дарения, а не заимствования. В первую очередь подразумевается дарение возможности быть самим собой в противовес попыткам сделать партнера удобным средством в достижении собственных целей [10]. Неудивительно, что П. Фрейре, разработавший на основе концепции диалога оригинальную технологию обучения, указывает на прямую связь диалогического взаимодействия и любви. Он утверждает, что диалог включает две неотъемлемые составляющие: не только технологию, но и философию. Философия эта по звучанию крайне проста, но достаточно сложна в овладении. Ее суть – любовь к партнеру по диалогу, включающая подлинный интерес и уважение к человеку, его уникальному жизненному опыту [11].

Таким образом, центрированность современного брака на индивидуальных эмоциональных предпочтениях партнеров и любви является неслучайной. Институт брака всегда чутко реагировал на глобальные перемены, происходящие в культурной среде. «Проповедуемая» обществом нормативная модель общения и построения взаимодействия неизменно находила своё преломление в социальных взглядах на правила организации матримониальных отношений. Соответственно, переход человечества от монологической к диалогической модели общения предсказуемо отразился на институте брака. Кроме ориентации на взаимную любовь как на основу супружества, возникли и другие предпосылки для того, чтобы диалогическая модель общения приобрела для брака нормативный характер. Остановимся более подробно на наиболее значимых из этих предпосылок.

Первая заключается в том, что принцип добровольности стал непререкаемой нормой организации матримониальных отношений [12]. Принудительно заключённые браки оказываются все большей и большей редкостью. Они сохранились лишь в отдельных субкультурах, например в цыганских общинах. В привычной нам социальной среде принудить человека к вступлению в брак можно, пожалуй, лишь путем шантажа. К тому же людям теперь достаточно просто реализовать свое право на расторжение брака. Разводы, конечно же, не являются радостным событием. А их распространение становится серьезной социальной проблемой. В то же время возможность расторгнуть брак, с одной стороны, представляет собой своеобразную гарантию соблюдения принципа добровольности, с другой − позволяет прекратить отношения в случаях, когда они начинают пагубно отражаться на здоровье и личностном благополучии мужа и/или жены. Нельзя обойти вниманием еще одно важное последствие возможности расторгнуть брак, которой обладает сейчас каждый человек. Связано оно с тем, что официальное оформление супружеских отношений имеет для мужа и жены не только позитивное значение. Зарегистрировав свои отношения, они очень часто начинают пренебрегать партнером. «Куда он (она) теперь денется? Зачем же тогда утруждать себя комплиментами, заботой о внешней привлекательности и прочими сантиментами?» – примерно так начинают рассуждать супруги. И чем больше стаж совместной жизни, тем больше в отношениях рутины, погруженности в быт и безразличия. На самом деле «деться» есть куда. Когда вместо радости и ощущения полноты жизни брак начинает окрашивать жизнь в серый цвет, любой из супругов может инициировать расторжение отношений. Вот тогда вторая сторона, столкнувшись с реальной угрозой потерять то, что кажется само собой разумеющимся, проявляет готовность вернуть в отношения романтическую нотку. Лишь ощутив реальность утраты друг друга, многие партнеры начинают снова остро осознавать, насколько они один другому небезразличны. Сказанное вовсе не является призывом к супругам периодически подавать на развод. Просто добровольность вступления в брак – это серьезный повод для диалога, то есть активного поиска таких форматов совместной жизни, которые позволили бы вместить в себя интересы и самобытность каждого из участников матримониальных отношений.

Другая важная предпосылка для диалога между супругами состоит в том, что под давлением феминистского движения в социальных отношениях постепенно утверждается принцип равноправия полов. К реалиям супружества это имеет самое непосредственное отношение. Правовая защищенность и экономическая независимость женщины выводит ее из подчиненного положения в матримониальных отношениях. Равенство прав и материальная самодостаточность женщин дает им эффективные рычаги для противодей-

ствия сексизму в супружестве. Зачастую мужчина оказывается лишённым возможности вести себя в семье авторитарно. Он стоит перед необходимостью договариваться с женой по спорным вопросам, убеждать, искать компромиссные решения. Супружеские отношения все чаще выстраиваются на основе взаимных договоренностей. Повсеместное распространение получили эгалитарные браки. Правда, мужья и жены понимают эгалитарность несколько по-разному. Мужчины считают, что суть ее в том, чтобы оба супруга вносили равную лепту в семейный бюджет, но главенство в семье при этом должно по-прежнему принадлежать мужчине. Женщины, в свою очередь, трактуют эгалитарность именно как равноправие в принятии решений, в то время как ответственность за материальное благополучие семьи предпочитают делегировать мужьям, как это было и раньше [13]. Тем не менее равноправие, хотят того супруги или нет, подразумевает необходимость при построении брачных отношений уважительно относиться к самобытности партнера, его мнению, позиции, философии жизни. В такой ситуации диалог – единственный способ поддержания и развития взаимоотношений.

Еще одна предпосылка для укоренения диалогической модели в супружеской коммуникации состоит в том, что современное общество находится в процессе пересмотра содержания половых (гендерных) ролей [14]. Напомним, что половая (гендерная) роль представляет собой модель поведения, которой должен соответствовать индивид, чтобы окружающие признавали его мужчиной или женщиной. Вплоть до середины XX века гендерные роли были традиционными. Мужчине предписывалось быть добытчиком и защитником, женщине – хранительницей домашнего очага. Сейчас ситуация меняется на глазах. Содержание мужских и женских гендерных ролей стремительно сближается, приобретая так называемый андрогинный характер. Андрогины – это люди, которые успешно сочетают в себе элементы женского и мужского поведения. Образно говоря, они в равной степени успешны и при пеленании ребенка, и при забивании гвоздей. Ряд научных исследований свидетельствует, что указанная тенденция в трансформации гендерных ролей носит прогрессивный характер. Найдены положительные корреляционные связи между андрогинией и такими показателями, как ситуативная гибкость, высокое самоуважение, высокая мотивация к достижениям, хорошее исполнение родительской роли, субъективное ощущение благополучия и удовлетворенность браком. Следует сказать, что андрогиния, наподобие медали, имеет и оборотную сторону. Все чаще со стороны женщин в адрес мужчин звучит упрек: «Куда делись настоящие мужики?» Мужчины, в свою очередь, сетуют на утрату своими подругами женственности. И все же сближение содержания мужской и женской гендерных ролей делает представителей противоположных полов более понятными друг другу. Это хорошая почва для диалога, который

подразумевает понимание партнера, принятие его уникальности, создание разделяемого поля культурных значений и переживаний.

Подытоживая представленные выше теоретические рассуждения, мы приходим к констатации следующих особенностей современного брака.

1. Центрированность на любви. Являясь основой современного супружества, любовь подразумевает заботу о партнёре, стремление узнать его как можно лучше, уважение его неповторимости, стремление эту самобытность сохранить и получать от этого положительные эмоции. Любовь, как отмечалось выше, есть философия диалога.

2. Добровольность брака. Не имея существенных препятствий для заключения и прекращения супружеских отношений, муж и жена встают перед необходимостью прислушиваться к мнению и пожеланиям друг друга. Пренебрежение ожиданиями другой стороны и попытки подавить её самобытность в любой момент могут обернуться утратой супруга.

3. Равноправие полов. Уравнивание женщин в правах с мужчинами способствует распространению эгалитарных браков, которые отличаются тем, что все спорные вопросы супруги решают, исходя из равенства позиций. А это и есть одно из основных условий диалога.

4. Сближение содержания гендерных ролей. Схожесть взглядов, возможность взаимопомощи и взаимной страховки существенно облегчают взаимопонимание. Общая деятельность сближает. Готовность варьировать способами реагирования облегчает поиск обоюдоприемлемого решения. Собранные вместе, эти последствия андрогинии способствуют формирования разделяемого поля культурных значений и переживаний.

Если оценивать перемены, происходящие в культивируемой социумом модели общения, и их влияние на брак, правомерно утверждать, что в настоящее время формируются условия для перехода супружеских отношений «на рельсы» диалогического взаимодействия. Это значит, что в общественном мнении сформировалась новая нормативная модель супружеской коммуникации, в которой не предусмотрено место для открытого конфронтационного поведения и тем более для насилия. Данная модель подразумевает создание технологии общения, целью которой является мирное урегулирование любых разногласия, возникающих между мужем и женой. К сожалению, наличие условий не всегда подразумевает их реализацию. Жизненный и клинический опыт поставляют многочисленные примеры, позволяющие говорить о дефиците любви у многих людей. Тем не менее у предшествующих поколений супругов не было столь благоприятной «стартовой площадки» для создания благополучных брачных взаимоотношений, какую имеет современный человек.

ЛИТЕРАТУРА
1. Бердяев, Н.А. Эрос и личность: философия пола и любви / Н.А. Бердяев. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 219 с.
2. Антология гендерной теории / под общ. ред. Е.И. Гаповой, А.Р. Усмановой. – Минск : Пропилеи, 2000. – 383 с.
3. Толстой, Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – Л. : Худож. лит., 1979. – 838 с.
4. Аронс, К. Развод: крах или новая жизнь? / К. Аронс. – М. : МИРТ, 1995. – 440 с.
5. Популярная психология : хрестоматия : учеб. пособие для студентов пединститутов / сост. В.В. Мироненко. – М. : Просвещение, 1990. – 399 с.
6. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М. : Совет. Россия, 1979. – 318 с.
7. Янчук, В.А. Введение в современную социальную психологию : учеб. пособие для вузов / В.А. Янчук. – Минск : АСАР, 2005. – 768 с.
8. Isaaks, A. Three approaches to interpersonal behavior and their common factors / A. Isaaks, H. Rather // J. of Personality Assessment. – 1989. – № 2. – P. 98–176.
9. Ross, A. Bridging difference through dialogue: a constructivist perspective / A. Ross, H. Smith / J. of Constructivist Psychology. – 2004. – Vol. 17. – P. 45–49.
10. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб. : Питер, 2003. – 352 с.
11. Фрейре, П. Формування критичної свідомості / П. Фрейре. – Київ : Юніверс, 2003. – 176 с.
12. Кодекс законов Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 года : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 года : текст Кодекса по состоянию на 1 февр. 2008 г. – Минск : Амалфея, 2008. – 159 с.
13. Андреева, Т.В. Психология современной семьи : монография / Т.В. Андреева. – СПб. : Речь, 2005. – 436 с.
14. Введение в гендерные исследования : учеб. пособие : в 2 ч. / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алтейя, 2001. – Ч. 1. – 708 с.

Dialogical interaction as a preventional condition of spousal confrontation

It is substantiated the idea that the main feature of modern marriage is that it can be built on the foundation of mutual love. It is proved that love can organize the interaction between the spouses on the basis of genuine dialogue, as it is its philosophy. Psychological mechanism of functioning of a genuine dialogue in the context of marriage is described. It is concluded the important role of dialogic interaction in preventing and overcoming marital confrontation.

Keywords: marriage, marriage expectations, existential love, deficiency love, genuine dialogue.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТАКТИКАХ РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ

Гендерная роль обозначает нормативные предписания и ожидания, которые соответствующая культура предъявляет к «правильному» мужскому или женскому поведению и которые служат критерием оценки маскулинности/фемининности ребенка или взрослого. Дифференциация мужских и женских ролей в семье, по мнению Т. Парсонс и Р. Бейлз [1], основана на

естественной взаимодополняемости полов. Мужские роли и мужской стиль жизни, считают исследователи, являются преимущественно *«инструментальными»*, а женские *«экспрессивными»*. В традиционной патриархальной семье мужчина обычно выполняет роли «добытчика» и «кормильца», а также осуществляет общее руководство и несет главную ответственность за дисциплинирование детей, тогда как более эмоциональная по своей природе женщина поддерживает групповую солидарность и обеспечивает необходимое детям эмоциональное тепло. Особое положение женщины в семье обусловлено ее материнскими функциями, которые детерминированы биологически и не зависят от социальных условий.

Материнская роль в больше степени связана с биологической особенностью женщины и ее отношением с ребенком, в то время как отцовская роль имеет сложное содержание. Согласно М. Уэст и М. Коннер [2] она определяется следующими параметрами:

1) количество жен и детей, за которых нужно отвечать отцу;

2) степень власти отца над другими членами семьи;

3) частота контактов и количество времени, которое отец проводит в непосредственной близости с женой (женами) и детьми в разном возрасте;

4) в какой мере он непосредственно ухаживает за детьми;

5) в какой мере он ответственен за непосредственное и опосредованное воспитание детей;

6) степень его участия в ритуальных событиях, связанных с детьми;

7) количество работ для жизнеобеспечения семьи;

8) количество затраченных усилий для защиты или увеличения ресурсов семьи.

Гендерные различия не только проявляются в материнских и отцовских ролях, но и между мальчиком и девочкой. Э. Маккоби и К. Джэклин [3] высказывают следующие допущения о *гендерном взаимовлиянии родителей и детей в семье:*

1. Родители обращаются с разнополыми детьми так, чтобы их поведение соответствовало нормативным ожиданиям для того или другого пола. Например, мальчиков поощряют за энергию и соревновательность, а девочек – за послушание и заботливость.

2. Вследствие врожденных половых различий мальчики и девочки уже в раннем детстве по-разному стимулируют своих родителей и, следовательно, строят с ними разные взаимоотношения. Здесь нужно отметить, что именно ребенок «формирует» родителей больше, чем они его.

3. Родители ведут себя по отношению к ребенку на основе своих представлений о том, каким должен быть ребенок данного пола.

4. Родительское поведение по отношению к ребенку в большой степени зависит от того, совпадает ли пол ребенка с полом родителя. Были предложены три варианта:

а) каждый родитель старается быть образцом для ребенка своего пола. Поэтому отцы уделяют больше внимание сыновьям, а матери – дочерям;

б) каждый родитель проявляет в общении с ребенком некоторые черты, которые он привык проявлять по отношению ко взрослым того же пола, что и ребенок. Иногда отношение родителей с ребенком противоположного пола содержит элементы кокетства и флирта, а с ребенком собственного пола приобретает черты конкурентности. Особенно сильно сказывается это в отношениях со старшими детьми;

в) родители имеют тенденцию сильнее идентифицироваться с детьми своего, чем противоположного пола. В этом случае родитель может обнаружить больше сходства между собой и ребенком и относиться более чувствительно к эмоциональным состояниям ребенка собственного пола.

Большинство из этих гипотез нашло эмпирическое подтверждение. В частности, исследованиями И.А. Фурманова доказывается, что многие нарушения поведения возникают и определяются не столько недостатками реально существующих системы и стиля семейного воспитания ребенка, сколько особенностями восприятия и интерпретации ребенком тех или иных действий родителя. Лишь в том случае, когда воздействия родителя оцениваются ребенком в качестве препятствия к удовлетворению актуальных потребностей, и будут возникать нарушения поведения и дисциплины как реакция сопротивления или борьбы за сохранение самоидентичности [4]. Кроме того, было установлено, что отцы при дисциплинировании детей имеют тенденцию более сурово наказывать сыновей и больше утешать и одобрять дочерей, а матери – быть более снисходительными и терпимыми к сыновьям, чем дочерям [5]. Следует отметить, что гендерные различия проявляются так же в тактиках поведения в родительско-детском конфликте.

Многочисленные исследования показывают, что тактики разрешения родительско-детского конфликта в сфере воспитания также различаются в зависимости от пола ребенка и самого родителя [4]. Например, было установлено, что девушки преодолевают родительско-детский конфликт несколько раньше (в 14–15 лет), чем юноши (16–17 лет) [6]. Наибольшее внимание в изучении уделяется использованию родителями тактик телесных наказаний при дисциплинировании детей, поскольку именно этот вид наказания чаще приводят к более серьезному разрушительному результату не только в развитии детей, но и в человеческих правах в целом.

В различных литературных источниках по-разному обсуждается вопрос, используют ли отцы телесное наказание чаще или реже, чем матери [7–9]. В целом матери чаще, чем отцы, применяют дисциплинарные

воздействия в отношении детей [10; 11], поскольку проводят с ними больше времени [12].

Г. Нобис и другие [5] предположили, что отцы более сурово наказывают детей. Также обнаружена тенденция более сурового наказания отцами сыновей, чем дочерей. С его точки зрения это связано с тем, что матери больше времени проводят вместе с детьми. Поэтому ограниченное время, которое отцы проводят с детьми, может побуждать их к более частому использованию физических наказаний [13]. В тех семьях, где забота о детях распределялась равномерно между родителями, меры дисциплинирования также распределялись равномерно.

И.А. Фурманов [13–16] на основе исследования в белорусских семьях сделал вывод о том, что в целом матери больше ориентированы на использование ненасильственных методов, а отцы на силовые методы разрешения родительско-детского конфликта вне зависимости от пола ребенка. Структура воспитательных воздействий отцов является более целостной, а стили разрешения родительско-детского конфликта – более разнообразными. Предпочтение отцами сдерживания объясняется автором тем, что отцовская фигура является более физически сильной, что отцы могут легко травмировать ребенка, а следовательно, им легче справиться с задачами воспитания. Согласованность тактик разрешения родительско-детского конфликта выглядит таким образом: отстраненность отца от разрешения родительско-детских конфликтов с сыновьями «заставляет» матерей становиться более жестокими в отношении собственных детей, и, наоборот, чрезмерная мягкость матерей по отношению к поведению своих сыновей побуждает отцов либо использовать ненасильственные способы дисциплинирования, либо усиливать психологическую агрессию. Это обозначает, что чрезмерно агрессивные или чрезмерно «демократичные» действия со стороны одного из родителей могут либо побуждать к более мягким и ненасильственным методам разрешения дисциплинарного конфликта другого родителя, либо усиливать проявления враждебности и жестокости. Было отмечено, что отцовское поведение при разрешении родительско-детского конфликта оказывает большее влияние на материнские тактики воспитательного воздействия на ребенка, что подчеркивает значимость отца как фигуры, определяющей модальность (насильственность/ненасильственность) стиля воспитания ребенка в семье.

Также была установлена тенденция более частого использования телесных наказаний в отношении сыновей. Другими словами, сыновья несколько чаще, чем дочери, подвергаются физической агрессии со стороны родителей. Существуют некоторые данные, которые свидетельствуют о том, что мальчики демонстрируют более высокий уровень нарушений поведения (прогулы школьных занятий, деструктивность, вербальная и физическая аг-

рессия), чаще совершают серьезные проступки, чем девочки. Другая причина, возможно, лежит в традициях половой социализации детей в семье, где каждый родитель осознанно или бессознательно в большей мере «отвечает» за воспитание ребенка одного с ним пола, а поэтому ориентирован на трансляцию и контроль соответственно за женской или мужской модели поведения. К дочерям родители относятся несколько строже, а в случаях неповиновения к ним применяются более жесткие санкции [13; 14; 16].

Следует отметить, что в большинстве исследований изучение родительско-детского конфликта ограничивается рамками ранних возрастных этапов (периодом до ранней взрослости). Явно не достаточно данных о том, остаются ли константными или становятся вариативными модели дисциплинирования ребенка в зависимости от этапов взросления и социализации. Другой научной проблемой является влияние культурных различий в воспитании ребенка и моделях его дисциплинирования.

В этом смысле проведенное исследование позволило выявить национальную специфику тактик поведения в родительско-детском конфликте в белорусских и китайских семьях на разных возрастных этапах.

Организация исследования

В исследовании использовалась два варианта методики «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» для белорусской и китайской выборки соответственно [8; 17; 18]. Методика «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» (CTSPC), была разработана М.А. Строссом и включает 22 утверждения о способе разрешения родителями (в отдельности отцом и матерью) конфликта, возникшего с ребенком [9; 17]. Выявляются пять тактик разрешения родительско-детского конфликта: *дисциплинирование* – ненасильственные действия родителей, направленные на регулирование поведения детей, предотвращение и профилактику возникшего конфликта (Д); *психологическая агрессия* – вербальные и символические действия родителей в виде угроз наказания и запугивания (ПА); *физическая агрессия* – действия с применением физической силы, предполагающая *телесные наказания* (ТН), *проявление жестокости* (ПЖ) и *физическую жестокость* (ФЖ). В наших исследованиях использовалось две формы опросника: в первой респондентом оценивались тактики разрешения родительско-детского конфликта в детстве, а во второй – в настоящее время.

В исследовании приняли участие студенты белорусских и китайских университетов 2−4 курсов: n = 64, из них 30 белорусов (17 женщин и 13 мужчин) и 34 китайца (18 женщин и 16 мужчин).

Результаты и их обсуждение

Проведенное исследование позволило определить особенности тактик разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней взрослости в зависимости от пола ребенка.

В детстве тактики, применяемые белорусскими родителями для разрешения возникшего конфликта с дочерью и с сыном, различны только со стороны матери. Белорусские матери в разрешении конфликтной ситуации используют ненасильственное дисциплинирование чаще по отношению к сыну, чем по отношению к дочери (p = 0,018). Белорусские отцы не дифференцируют тактики разрешения конфликта в зависимости от пола ребенка (рисунок 22).

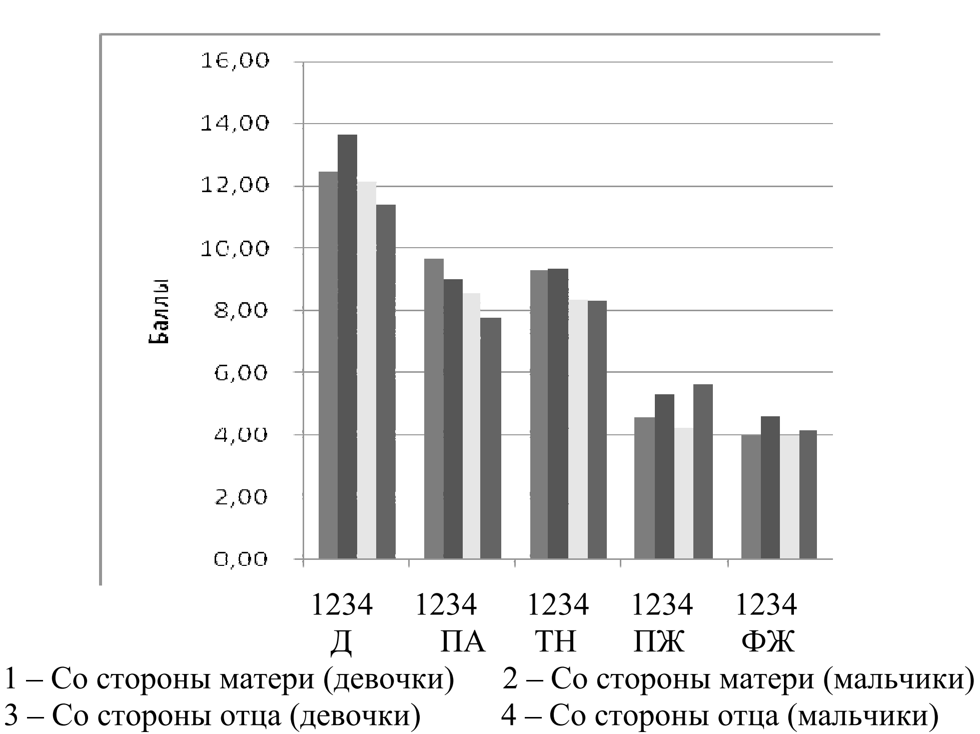
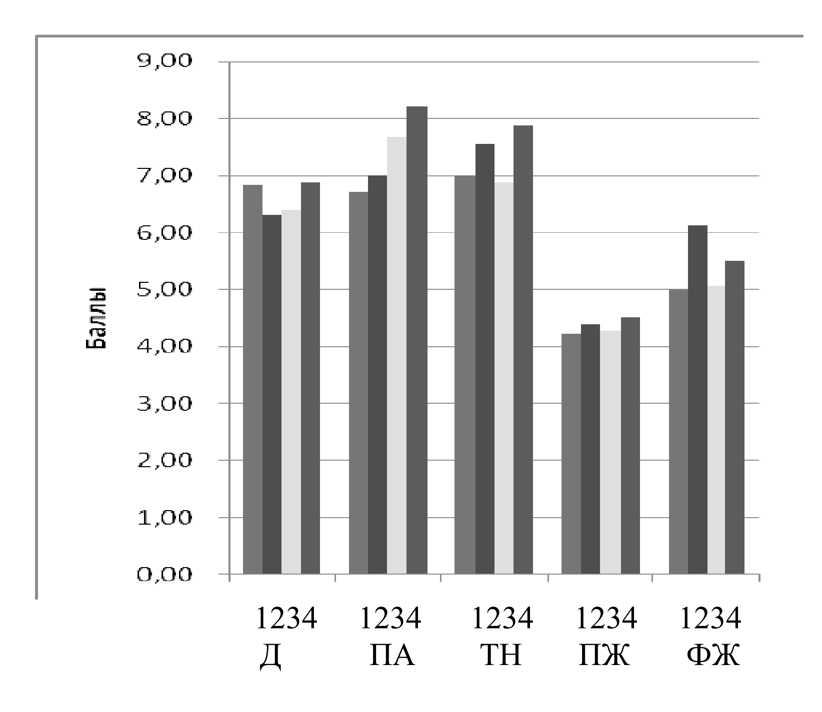

Рисунок 22 – Тактики разрешения родительско-детского конфликта в детстве ребенка в белорусских семьях

В детстве тактики, применяемые китайскими родителями для разрешения возникшего конфликта с дочерью и с сыном, также различны именно со стороны матери. Китайские матери в разрешении конфликтной ситуации используют физическую жестокость (p = 0,001) чаще по отношению к сыну, чем по отношению к дочери. Китайские отцы также не дифференцируют тактики для разрешения конфликта с сыновьями и с дочерьми (рисунок 23).

Таким образом, в детстве, как в белорусских, так и в китайских семьях, тактики, применяемые отцами, не различаются в зависимости от пола ребенка, в то время как тактики, используемые матерями для разрешения конфликта, меняются в зависимости от пола ребенка. Так, белорусские матери чаще используют тактику ненасильственного дисциплинирования для разрешения конфликта с сыном, чем с дочерью. Китайские же матери чаще прибегают к физической жестокости в отношении сыновей, чем дочерей.

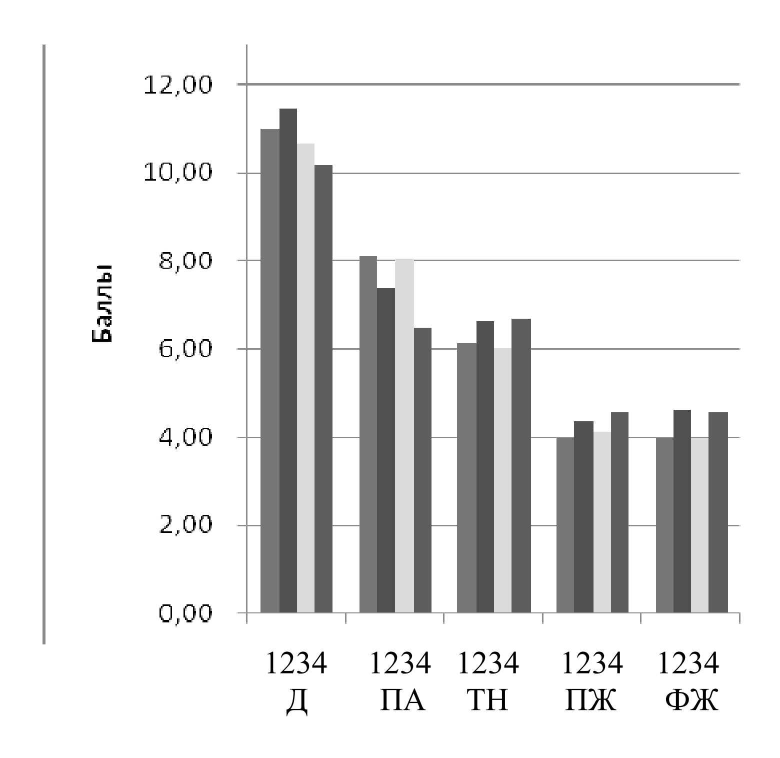
1 – Со стороны матери (девочки)   2 – Со стороны матери (мальчики)
3 – Со стороны отца (девочки)   4 – Со стороны отца (мальчики)

Рисунок 23 – Тактики разрешения родительско-детского конфликта в детстве ребенка в китайских семьях

Вероятно, что в детстве мать играет большую роль в опеке и воспитании ребенка, проводит больше времени с детьми, поэтому чаще, чем отец, конфликтует с детьми. Именно ограниченное время, проведенное отцом с детьми, может сказываться на отношении к воспитанию ребенка вообще и на однообразии выбора тактики дисциплинирования ребенка как собственного, так и противоположного пола. Как уже отмечалось, некоторые данные свидетельствуют, что мальчики в детстве чаще, чем девочки, совершают серьезные проступки, поэтому чаще подвергаются агрессии или репрессивным наказаниям со стороны родителей [16]. Наш результат отчасти согласуется с этими данными и показывает противоположное отношение белорусских и китайских матерей к сыну в кон-

фликтных ситуациях. Это можно объяснить культурным различием в воспитании ребенка. Вероятно, белорусские родители считают детей более слабыми и беспомощными и поэтому ведут себя менее сурово и благожелательно. Китайские родители верят, что у их детей более сильная психика и, следуя принципу «сыновней почтительности», согласно которому дети должны безусловно подчиняться родителям, проявляют большую авторитарность и репрессивность. Вероятно, для китайских родителей показателем любви и заботы к детям является строгость воспитания детей.

В период ранней взрослости тактики, применяемые белорусскими родителями (как отцом, так и матерью) для разрешения родительско-детского конфликта, не отличаются по отношению к сыну и дочери (рисунок 24).

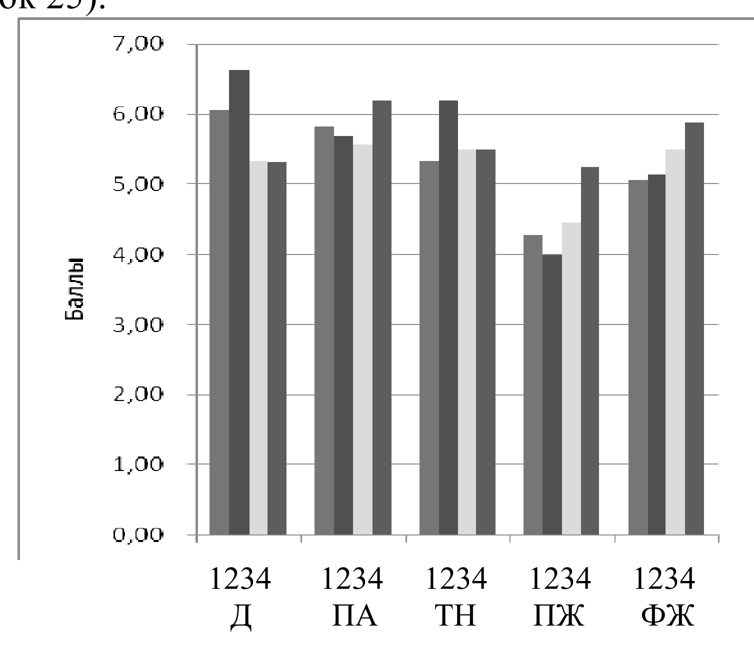

1 – Со стороны матери (девочки) 2 – Со стороны матери (мальчики)
3 – Со стороны отца (девочки) 4 – Со стороны отца (мальчики)

Рисунок 24 – Тактики разрешения родительско-детского конфликта в период ранней взрослости ребенка в белорусских семьях

Вместе с тем в этот же период тактики, используемые китайскими родителями для разрешения возникшего конфликта с дочерью и с сыном, различны. Китайские отцы чаще проявляют жестокость к сыну ($p = 0{,}005$), чем к дочери; в то время как китайские матери проявляют жестокость чаще к дочери ($p = 0{,}020$), чем к сыну. Кроме того, китайские

матери чаще используют телесные наказания по отношению к сыну, чем к дочери (рисунок 25).

1 – Со стороны матери (девочки) 2 – Со стороны матери (мальчики)
3 – Со стороны отца (девочки) 4 – Со стороны отца (мальчики)

Рисунок 25 – Тактики разрешения родительско-детского конфликта в период ранней взрослости ребенка в китайских семьях

Таким образом, в период ранней взрослости тактики, применяемые белорусскими родителями для разрешения родительско-детского конфликта, не отличаются по отношению к сыну и дочери. В китайских семьях отцы более агрессивно относятся к своим сыновьям, чем матери, которые более строго дисциплинируют дочерей. Поведение китайских родителей согласуется с традицией половой социализации детей в семье и поэтому ориентировано на трансляцию и контроль соответственно за мужской моделью поведения. Под влиянием этого материнская роль в китайских семьях в период ранней взрослости несколько меняется и становится ориентированной на утешение и поддержку сына и усиление ответственности за поведение дочери. Вероятно, в белорусских семьях материнская роль в период ранней взрослости продолжает оставаться прежней, поэтому незначительно меняется в зависимости от пола и возраста детей. Вместе с тем ограниченность выборки не позволяет сделать более однозначные выводы.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие обобщенные **выводы**.

В период детства, как в белорусских, так и в китайских семьях, тактики дисциплинирования ребенка, применяемые отцами, не отличаются по отноше-

нию к сыну и к дочери. Наряду с этим белорусские матери более доброжелательно относятся к сыну, в то время как китайские матери, наоборот, более агрессивно. В период ранней взрослости тактики, применяемые белорусскими родителями для разрешения родительско-детского конфликта не отличаются по отношению к сыну и дочери. В китайских же семьях отцы более агрессивно относятся к своим сыновьям, а матери более строго воспитывают дочерей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Parsons, T. Family, socialization and interaction process / T. Parsons, R.F. Bales. – N. Y., 1955. – 422 p.

2. West, M.M. The Role of the father: an anthropological perspective / M.M. West, M.J. Konner // The Role of the Father in Child Development. – 1976. – P. 197.

3. Maccoby, E.E. The Two Sexes: growing up apart, coming together / E.E. Maccoby. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1998. – 376 p.

4. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

5. Physical punishment by mothers and fathers in British homes / G. Nobes [et al.] // J. of Interpersonal Violence. – 1999. – № 14. – P. 887–902.

6. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учеб. пособие / О.А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2005. – 320 с.

7. Day, R.D. Predicting spanking of younger and older children by mothers and fathers / R.D. Day, G.W. Peterson, C. McCracken // J. of Marriage and the Family. – 1998. – № 60. – P. 79–94.

8. Feldman, S.S. The relationship between parenting styles, sons' selfrestraint, and peer relations in early adolescence / S.S. Feldman, K.R. Wentzel // J. of Early Adolescence. – 1990. – № 10. – P. 439–454.

9. Strauss, M.A. Identification of child maltreatment with the parent-child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents / M.A. Straus, E.M. Kinard, L.M. Williams // Child Abuse & Neglect. – 1998. – Vol. 22. – № 4. – P. 249–270.

10. Hart, C.H. Comparative study of maternal and paternal disciplinary strategies / C.H. Hart, C.C. Robinson // Psychological Reports. – 1994. – № 74. – P. 495–498.

11. Compliance and self-assertion: Young children's responses to mothers versus fathers / T.G. Power [et al.] // Developmental Psychology. – 1994. – № 30. – P. 980–989.

12. Sandberg, J.F. Changes in children's time with parents: United States, 1981–1997 / J.F. Sandberg, S.L. Hofferth // Demography. – 2001. – № 38. – P. 423–436.

13. Фурманов, И.А. Физические наказания в семье и их последствия / И.А. Фурманов // Психология для нас. – 2005. – № 11/12 (24/25). – С. 52–57.

14. Фурманов, И.А. Согласованность тактик разрешения родительско-детского конфликта при дисциплинировании ребенка / И.А. Фурманов // Психол. журн. – 2009. – № 3 (23). – С. 76–82.

15. Фурманов, И.А. Структура дисциплинарных воздействий при разрешении родительско-детского конфликта / И.А. Фурманов // Психология. – 2008. – №3. – С. 9–12.

16. Фурманов, И.А. Дисциплинирование ребенка: тактика разрешения родительско-детского конфликта / И.А. Фурманов // Психол. журнал. – 2009. –№ 3 (23). – С. 76–82.

17. Strauss, M.A. The multidimensional neglectful behavior scale. Form A: Adolescent and adult – recall version / M.A. Straus, E.M. Kinard, L.M. Williams [Electronic resource]. – 1995. – Mode of access : http://pubpages. unh.edu/~mas2/.

18. 刘莉, 王美芳, 邢晓沛 父母心理攻击： 代际传递与配偶对代际传递的调节作用 / 莉刘， 美芳王， 晓沛刑 // 心理科学进展。– 2011。– 19卷, 3号。– 页 328–335。

Gender differences in tactics of the parent-child conflict resolution in Belarusian and Chinese families

It is compared gender role in parent-child conflict resolution in Belarusian and Chinese families. Our results show that in kids' childhood, Belarusian and Chinese fathers use the same tactics towards sons and daughters. Belarusian mothers are gentler toward their sons than to their daughters; on the contrary, Chinese mothers are more aggressive towards their sons than to their daughters. In early adulthood, tactics used by Belarusian parents are the same regardless child's gender, but it is quite different in Chinese families: the fathers are more aggressive to their sons while the mothers are more strict to their daughters.

Keywords: parent-child conflict, tactics, Chinese family, Belarusian family, sex, gender, childhood, early adulthood.

ЖЕНЩИНА КАК ЖЕРТВА НАСИЛИЯ В СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИЗ ОПЫТА КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Опыт общественной работы в «Центре социально-психологической помощи» (РФ, о. Сахалин) показал, что одной из самых распостраненных социальных проблем является насилие в семье. Социальными работниками и психологами Центра при поддержке администрации Сахалинской области был разработан проект, целью которого явилось создание эффективной системы оказания социально-психологической помощи жертвам насилия в семье и профилактике его проявлений, особенно в отношении женщин. Исследования показали, что уровень распространенности семейного насилия достаточно высок: практически каждый третий человек в той или иной форме подвергается насилию со стороны членов семьи. В процентном соотношении женщины и дети чаще других членов семьи становятся жертвами разного рода насильственных действий. Причем вначале проявляется психологическое насилие, которое в определенный момент дополняется различными по степени тяжести физическими действиями, создающими не только угрозу здоровью, но и жизни человека. 95% участковых милиции утверждали в устном интервью, что заявления о семейном насилии над женщинами поступают как минимум 1–2 раза в неделю.

Однако, анализируя частоту обращений в Центр по проблеме семейного насилия, мы увидели, что не все жертвы насилия охотно обращаются с просьбой о помощи, а те, кто обратился, делают это неофициально. Все

эти женщины испытывают чувство страха, стыда или преданности семье. Официальная статистика масштабности данного явления отсутствует, мониторинги не проводятся ввиду объективных трудностей получения информации. Проблема скрыта от общественного сознания. Но эта проблема выступает как страшная реальность многих семей! Причем жертвами выступают не только жены, хотя их доля особенно велика (72%). Жертвами насилия в семье становятся дочери, сестры, матери и бабушки.

Обобщение имеющихся обращений за психологической помощью показало, что от насилия в семье страдают женщины из различных социально-экономических групп, с различными этническими и религиозными корнями, с разным уровнем образования. В ходе проведенных опросов было установлено, что женщины подвергались различным формам насилия, самыми распространенными из которых являлось физическое, а также сексуальное. В литературных источниках отмечено, что подобные формы насилия осуществляются с целью запугивания жертвы с помощью социальных, психологических и юридических средств. Эта стратегия используется для того, чтобы пострадавшая была полностью зависима от обидчика и для установления полного контроля и власти над ней. Главная цель состоит в том, чтобы не просто контролировать женщину, но и добиться ее молчаливого согласия на это.

Систематизация практического опыта консультирования позволила выделить характерные признаки поведения потенциальных жертв насилия среди женщин:

– страх перед партнером и его эмоциональными реакциями;
– терпеливое отношение к происходящему;
– уступчивость и опасение вызвать недовольства партнера.

К внешним признакам проявления посттравматической стрессовой реакции у жертвы насилия относятся:

– подавленность и пассивность;
– судорожные и хаотичные движения;
– повышенные требования к себе и другим;
– низкая коммуникативность и безынициативность;
– высокий уровень тревоги;
– депрессивность;
– употребление алкоголя, лекарственных средств;
– раздражительность, нарушение сна;
– подозрительность, беспокойство;
– нарушение профессиональной деятельности.

Нередко женщины, пострадавшие от домашнего насилия, находятся в ситуации запредельного уровня стресса и не могут справиться с ней. Это

проявляется на физиологическом, психологическом и социально-поведенческом уровне реакций на травму.

Проведенное исследование выявило также, что женщины в семье более всего подвергаются психологическому насилию со стороны мужа (партнера) в виде: намеренного оскорбления всего того, что женщине дорого (убеждений, вероисповедания, расовой и национальной принадлежности, происхождения и др.); издевательств над домашними животными с целью причинить женщине страдания; насилия в отношении детей для воздействия на нее; публичного унижения женщины; игнорирования чувств женщины; преследования женщины на почве ревности; угрозы применения насилия физического или сексуального характера.

В качестве варианта психологического насилия могут выступать эмоциональное и моральное воздействие, которые проявляются в следующем:

– эмоциональное подавление женщины, когда мужчина заставляет ее чувствовать себя неполноценной; заставляет думать, будто бы она сошла с ума; перестает с ней общаться и обращать на нее внимание;

– использование «тактики запугивания», когда мужчина заставляет женщину бояться его с помощью взглядов, действий, жестов; когда женщина боится смены настроения мужа, его реакции; мужчина угрожает бросить женщину; угрожает попыткой самоубийства; угрожает забрать или изолировать детей и т.д.;

– использование «мужских привилегий», когда мужчина обращается с женщиной как с прислугой, не допускает ее до обсуждения и принятия важных решений в семье; диктует, какую роль следует выполнять мужчине, а какую женщине.

Психологическое сопровождение женщин, переживших семейное насилие, осуществлялось нами в двух основных направлениях:

1) экстренная психологическая помощь при острой травме и посттравматическом стрессе;

2) длительное сопровождение в процессе индивидуального консультирования и групповой работы.

Оказание экстренной психологической помощи при острой травме и посттравматическом стрессе строилось на основе недирективной терапии, в которой большее внимание уделялось эмоциональным факторам, чем интеллектуальным.

Исследования специалистов [1–4] показали, что эмоциональное поведение женщины, пострадавшей от внутрисемейного насилия, чаще всего включает горе, страдание, тревогу, враждебность и стыд. Душевная боль как реакция на насилие является процессом, а не мгновенным событием. Фрейд называл этот процесс адаптации к несчастью «работой скорби».

Страдание становится патологическим, когда «работа скорби» не завершена или неудачна. В случае так называемого «ненормативного страдания» женщине требуется не только психологическая поддержка, но и коррекция эмоционального состояния. Для этой ситуации характерно блокирование проживания и выражения эмоций; отказ от деятельности; растягивание процесса «работы скорби» (застревание на одном из этапов эмоционального реагирования); чрезмерно острое чувство вины за происшедшее с потребностью наказать себя. Депрессия, хотя она является распространенной реакцией на дисфункциональные отношения в семье, требует особого внимания консультанта. Даже слабая депрессия может перерасти в выраженные суицидальные намерения.

Кроме того, у жертв семейного насилия могут возникать следующие эмоции и состояния:

– бессилие и наученная беспомощность;
– страх;
– раздражение;
– вина;
– смущение и стыд;
– сомнения по поводу своего психического здоровья;
– оцепенение и амбивалентность;
– эмоциональная и экономическая зависимость;
– фрустрация.

Заключение. Опыт работы Центра показал, что среди большого количества женщин, ставших инвалидами по вине мужа, много таких, у кого инвалидность связана с психическим заболеванием: депрессия, паника, снижение самооценки, что часто приводит к алкоголизму и наркомании. Все вышеназванное приводит к тому, что она перестает заботиться не только о себе, но и о детях.

Исследование проблемы семейного насилия с акцентированием внимания на такой его разновидности, как насилие, применяемое к женщинам в супружеских отношениях, является важной составляющей в формировании целостного и значимого представления о самой проблеме, ее масштабах и многоуровневой системе предупреждения. Страдающие от семейного насилия члены семьи не находят защиты у общества и государства, поскольку социально-правовая база для защиты и помощи жертвам семейного насилия на сегодняшний день либо отсутствует, либо имеются серьезные упущения в практике ее применения. Ситуация осложняется трудностью выявления фактов насилия в семье, отсутствием официальной статистики в правоохранительных органах и органах здравоохранения. Решение проблемы защиты прав женщин – жертв насилия в семье напрямую связано с сотрудничеством с различными государственными структу-

рами. Но оно должно осуществляться при условии принятия и осознания последними всей актуальности данной проблемы и необходимости её комплексного решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон ; пер. с англ. – СПб. : Питер, 1998. – 320 с.

2. Голод, С.И. Современная семья : мачизм, феминизм, трибадизм / С.И. Голод // Человек. – 2006. – № 6. – С. 23–36.

3. Домашнее насилие в отношении женщины: масштабы, характер, представления общества. – М. : МАКС-Пресс, 2003. – 172 с.

4. Лысова, А.В. Системы реагирования на домашнее насилие : опыт США / А.В. Лысова, Н.Г. Шитов // Социол. журн. – 2003. – № 3. – С. 45–54.

Woman as a victim of domestic violence in marital relationships

Experience of consultation of women who suffered from violence of their husbands is summarized. Systematic appeals for psychological assistance show that the most widespread forms of man violence toward the wife are physical and sexual violence. The emotional state of women who became the victims of matrimonial violence is described.

Keywords: family violence, psychological support, traumatic event, post-traumatic stress.

ШКОЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

ФЕНОМЕН ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИИ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Отношения между родителями и ребенком представляют собой первый тип отношений, с которым сталкивается ребенок в процессе своего развития. Являясь участником родительско-детских отношений, ребенок приобретает опыт построения межличностных отношений вне семьи. Родители не только включают ребенка в определенный тип отношений, но и заинтересованы в том, чтобы сохранить и повысить вероятность проявления социально приемлемых форм поведения. В процессе усвоения детьми норм поведения родители часто сталкиваются с препятствиями в лице нарушения нормативного поведения ребенком, что может приводить к увеличению случаев конфликтного взаимодействия. С целью регуляции поведения детей родители прибегают к определенным тактикам дисциплинарного воздействия.

Понятие дисциплины в психологии очерчено достаточно неопределенно. Дисциплина включает как жесткий контроль над поведением ребенка, так и более «мягкие» разъясняющие способы со стороны родителей [1; 2]. Дисциплина также понимается как регулирование отношений между ребенком и родителями, между детьми и социальным окружением, в процессе такого взаимодействия у детей формируется самоконтроль, волевые черты характера, уважения к другим и подчинение правилам [3].

Родители, дисциплинарно регулируя отношения с ребенком, предлагают детям особый опыт поведения в схожих ситуациях. Конструктивная регуляция поведения определяется ростом личной компетентности ребенка, формированием ресурсов для эффективного разрешения возникающих проблем. Деструктивная – проявляется в возрастании риска нарушений поведения, среди которых достаточное место занимает агрессивное поведение.

Проблема агрессивного поведения личности как одна из проблем современной психологии приобретает особую значимость в условиях современного общества. Увеличение числа случаев агрессивного поведения детей определяет актуальность многочисленных исследований данного феномена с целью изучения причин, условий, механизмов и путей коррекции агрессивного поведения. Проблеме изучения агрессивного поведения посвящен ряд исследований как в отечественной (Н.Д. Левитов, Т.Г. Румянцева, Л.Ю. Иванова, Л.М. Семенюк и др.), так и в зарубежной литературе (Дж. Доллард, Л. Берковитц, С. Фешбах, А. Бандура) [4–8].

В последнее время наметилась тенденция к исследованию агрессивного поведения как сложного явления, формирующегося под влиянием не только биологических, но и социальных, а также психологических факторов. Л. Берковитц, А. Басс, А. Бандура описывают факты, позволяющие утверждать, что грубое обращение с ребенком, жестокость, проявление агрессии со стороны родителей повышают вероятность того, что ребенок в будущем будет демонстрировать агрессивное поведение как по отношению ко взрослым, так и по отношению к сверстникам [5; 6].

А. Бандура, В.Е. Каган, Л.М. Семенюк, Д.И. Фельдштейн указывают на необходимость поиска первопричины агрессивных проявлений ребенка в ближайшем окружении. В качестве основного семейного фактора, провоцирующего закрепление агрессивного поведения, рассматривают нарушения внутрисемейных отношений и процесса семейного воспитания [4–6].

Согласно данным позициям, агрессивное поведение представляет собой усвоенные человеком поведенческие реакции в процессе социализации. *Социализация агрессии* – процесс обучения регуляции собственных агрессивных тенденций, выражение их в формах, принятых в определенном сообществе, под влиянием которого происходит непосредственно социализация человека. Социализация агрессии зависит от таких условий, как ранний опыт воспитания ребенка, семейные традиции, эмоциональный фон отношений родителей к ребенку. Исходя из этого, можно заключить, что на социализацию агрессии влияют два основных фактора: 1) наблюдение определенного способа действия со стороны окружающих ребенка людей; 2) социальное подкрепление данного поведения [6].

Наибольшее внимание уделяется изучению влияния первичных источников социализации (родители), которые являются образцом обучения детей агрессивному поведению. В случае агрессивного поведения родителей дети воспринимают его как модель для дальнейшего реагирования в схожих ситуациях, приобретают склонность воспроизводить подобные действия в общении с другими людьми. Таким образом, родители преподают, демонстрируют пример агрессивного поведения своим детям.

В социализации агрессивного поведения имеют место следующие эффекты. Эффект адаптации: ребенок, наблюдающий агрессивные действия со стороны родителей, приобретает новый способ поведения, пополняет свой поведенческий опыт вербальными и физическими реакциями. Эффект снятия запретов: ребенок, наблюдающий агрессивные действия со стороны родителей, может бессознательно пересмотреть поставленные родителями ограничения и осознанно изменить свое поведение. Эффект утраты эмоциональной восприимчивости: ребенок, наблюдающий агрессивные действия со стороны родителей, адаптируется к такому агрессивному поведению и его последствиям (сопутствующие эффекты – боль, страда-

ния). Вследствие этого ребенок перестает рассматривать агрессию как самую крайнюю форму поведения. За образец поведения в отношениях дети берут модели поведения родителей, тем самым пополняют поведенческий репертуар схожими с родителями формами реагирования. Агрессивные тенденции, став частью жизненного опыта ребенка, приобретают тем самым независимость и самостоятельность своего воспроизведения в общении с другими людьми.

Влияние ближайшего окружения особенно сказывается в период младшего школьного и подросткового возраста. Именно в эти возрастные периоды действия родителей становятся образцом для формирования основ сознательного поведения, нравственных представлений и социальных установок [7]. Указанные обстоятельства делают необходимым дальнейшее изучение роли семьи в закреплении агрессивного поведения школьников, изучение зависимости между особенностями системы семейного воспитания и агрессивными тенденциями личности.

Актуальным является рассмотрение проблемы проявления агрессивного поведения школьников в контексте применения родителями определенных тактик дисциплинирования детей с целью исправления возникшего проступка. Сложившийся характер регуляции родительско-детских взаимоотношений является чрезвычайно важным для понимания факторов, влияющих на становление и развитие личности школьника. Именно тон их взаимоотношений и определяет отношение ребенка к окружающему миру, его способы взаимодействия с другими людьми.

Основной *целью исследования* является: определение проявления агрессивного поведения школьниками в зависимости от тактик дисциплинирования ребенка в семье. *Предмет исследования:* агрессивное поведение школьников и дисциплинирование ребенка в семье.

Методика и организация исследования

Для проведения эмпирической части работы использовались следующие методики: 1) «Шкала тактики поведения в ситуации дисциплинирования» М.А. Строса и К. Меберта и рисуночный вариант данной методики, целью которой является установление основных тактик дисциплинирования, используемых родителями (мать и отец) в настоящий момент по отношению к своим детям при исправлении проступков; 2) «Стратегии поведения школьников в конфликте» К. Бьерквист и К. Остермана, направленная на изучение возможных стратегий поведения школьников (проявление физической, вербальной и косвенной агрессии) в конфликтных ситуациях [8; 9].

М.А. Строс выделяет следующие шкалы, определяющие действия, применяемые родителями в дисциплинировании. Профилактическое дисциплинирование – действия, которые применяются родителями в целях регулирования поведения детей, предотвращения и профилактики возникше-

го проступка (объяснение и разъяснение, предоставление возможности исправиться). Психологическая агрессия – вербальные и символические действия (повышение голоса, крики, различного рода ругательства, произнесение оскорбительных слов, произнесение определенного рода угроз). Физическая агрессия – физические нападения, применение физической силы родителями по отношению к своим детям (от культурно законного телесного наказания до преступных действий физического нападения) [9].

Выборку данного исследования составили ученики младшего школьного и подросткового возраста средней общеобразовательной школы № 3 г. Гродно в количестве 142 человека, среди которых 57 школьников младшего школьного возраста (29 девочек и 28 мальчиков) 6–10 лет и 85 школьников подросткового возраста (41 девочка и 44 мальчика) 10–14 лет.

Результаты и их обсуждение

В дисциплинировании детей *младшего школьного возраста* были обнаружены следующие особенности. Матери в разрешении возникшего конфликта с дочерью чаще прибегают к использованию различных видов проявления жесткости ($U = 285$, $p = 0,025$) и физической жестокости ($U = 350$, $p = 0,044$), чем в разрешении схожих конфликтных ситуаций с сыном. В отличие от отцов матери чаще используют психологическую агрессию ($t = 4,19$, $p = 0,001$), профилактическое дисциплинирование ($t = 4,52$, $p = 0,001$) в исправлении проступков дочерей.

Применяемые отцами дисциплинарные воздействия в отношении детей различаются между собой. В отличие от тактик матерей, отец чаще использует психологическую агрессию ($U = 243$, $p = 0,084$), физическую жестокость ($U = 209$, $p = 0,002$), телесные наказания ($U = 191$, $p = 0,004$), проявление жестокости ($U = 134$, $p = 0,001$) по отношении к своему сыну, нежели по отношению к дочери. Полученные результаты свидетельствуют о том, что мужчины в отличие от женщин чаще применяют физическую жестокость ($t = –3,09$, $p = 0,005$), телесные наказания ($t = –3,93$, $p = 0,001$), проявления жестокости ($t = –5,30$, $p = 0,001$) в разрешении возникшей конфликтной ситуации с мальчиками.

Таким образом, исправлением проступков детей занимаются как мать, так и отец, однако мать большее внимание уделяет исправлению поведения девочки, в то время как отец – поведению мальчика. Следует отметить, что тактики поведения отца по сравнению с тактиками поведения матери включают более широкий диапазон вариантов и способов дисциплинирования. Преобладающими тактиками со стороны матери по отношению к дочери, в сравнении с отцом, является дисциплинирование, психологическая агрессия; со стороны отца по отношению к сыну в сравнении с матерью телесные наказания, проявление жестокости и физическая жестокость. Дисциплинирование девочек матерью отличается использова-

нием более «жестоких» способов взаимодействия. Отцы склонны более сурово наказывать и относиться к мальчикам.

Были выявлены также особенности использования родителями *тактик дисциплинирования в подростковом возрасте.*

В разрешении проступка дочери матери чаще прибегают к использованию профилактического дисциплинирования (U = 652, p = 0,026), в разрешении конфликтов с сыном чаще прибегают к использованию психологической агрессии (U = 669, p = 0,040), телесных наказаний (U = 591, p = 0,006), проявлению жестокости (U = 579, p = 0,004). Матери в отличие от отцов чаще используют психологическую агрессию (t = 4,7, p = 0,001), проявление жестокости (t = 2,7, p = 0,010) и физическую жестокость (t = 2,5, p = 0,015) в отношении девочек.

Психологическую агрессию (U = 452, p = 0,001), телесные наказания (U = 462, p = 0,001), проявление жестокости (U = 297, p = 0,001) отцы используют скорее по отношению к своему сыну, нежели к дочери. Отцы в отличие от матерей чаще прибегают к использованию тактики проявления жестокости (t = –2,6 p = 0,012) в дисциплинировании мальчиков.

Были выявлены различия применяемых матерью тактик в разрешении конфликтов с детьми в младшем школьном и подростковом возрасте. Проявление жестокости (U = 1824, p = 0,011), психологическая агрессия (U = 1682, p = 0,002), профилактическое дисциплинирование (U = 1094, p = 0,001), физическая жестокость (U = 332, p = 0,001) – данные тактики матери чаще используют в дисциплинировании младших школьников. Частота применения отцами профилактического дисциплинирования (U = 1667, p = 0,013), психологической агрессии (U = 1598, p = 0,009), телесных наказаний (U = 1377, p = 0,001), проявлений жестокости (U = 1339, p = 0,001), физической жестокости (U = 341, p = 0,001) выше в младшем школьном возрасте, нежели в подростковом.

Следует отметить, что оба родителя чаще прибегают к использованию психологической агрессии, телесных наказаний и проявлений жестокости в исправлении проступка сына, нежели дочери. В младшем школьном возрасте наблюдается достаточно традиционное распределение дисциплинарных тактик в отношении детей, мать наиболее часто занимается исправлением поведения девочки, в то время как отец исправлением поведения мальчика. Важно отметить, тот факт, что отец, как в младшем школьном возрасте, так и в подростковом, более интенсивно и с использованием более разнообразных тактик занимается исправлением проступков мальчиков, нежели девочек.

Тактики поведения отца с сыном по сравнению с дочерью в младшем школьном возрасте и в подростковом включают в себя проявление как психологической агрессии, так и физической агрессии (телесные наказания, про-

явление жестокости и физическая жестокость). В разрешении конфликтов с дочерью-подростком мать наиболее интенсивно использует физическую агрессию (проявление жестокости, физическая жестокость), нежели с дочерью в младшем школьном возрасте, где использовалась психологическая агрессия и профилактическое дисциплинирование.

Основными формами проявления агрессивного поведения младших школьников в отношении одноклассников являются *вербальная* (78% часто используют вербальные формы агрессивного поведения) *и физическая агрессия* (65% часто используют физические формы агрессивного поведения). Для мальчиков наиболее характерным явилось проявление физических паттернов поведения. Они чаще прибегают к применению физической силы, чаще вступают в драки при возникновении конфликтных ситуаций со своими одноклассниками. Девочки в разрешении конфликтов с одноклассниками прибегают к использованию вербальной (крики, ссоры, обзывания) и косвенной агрессии (сплетни, слухи в адрес лица конфликтного взаимодействия).

Можно заметить, что наиболее предпочтительными способами дисциплинирования отцами сыновей младшего школьного возраста является использование паттернов физического характера, в то время как тактиками дисциплинирования дочерей со стороны матерей является использование вербальных действий (объяснение нарушения границ поведения, ссоры, обзывания). Учитывая важность роли взрослого в личностном развитии младшего школьника и социализацию агрессивного поведения, можно сказать, что модели агрессивного поведения, демонстрируемые родителями в отношении ребенка, являются определяющими для их усвоения детьми с последующим использованием в своей жизни. В результате можно наблюдать предпочтительное использование физической агрессии мальчиками с одноклассниками и предпочтительное использование вербальной агрессии девочками.

В проявлении *форм агрессивного поведения подростками* преобладает *вербальная агрессия* (68% часто используют вербальные формы агрессивного поведения). Именно вербальные способы взаимодействия подростки предпочитают использовать в отношении одноклассников. В подростковом возрасте также наблюдаются половые различия в демонстрации форм агрессивного поведения в отношениях с одноклассниками. Предпочтительным способом взаимодействия со стороны мальчиков выступает использование физической агрессии, в то время как для девочек более характерной является использование вербальных компонентов в регуляции отношений с одноклассниками.

Наиболее предпочтительным способом реагирования в отношении одноклассников для мальчиков (и младшего школьного и подросткового возрастов) является физическая агрессия, в то время как для девочек (как

младшего школьного, так и подросткового возрастов) – вербальная агрессия. Однако, младшие школьники наиболее часто используют физическую (U = 1811, p = 0,011) и косвенную (U = 1819, p = 0,012) агрессию в разрешении конфликтов с одноклассниками, нежели при взаимодействии в подростковом возрасте.

Согласно традиционным представлениям формирования мужского и женского агрессивного поведения, и мальчики и девочки в той или иной степени научаются регулировать собственные агрессивные побуждения. Однако мальчики имеют больше возможностей для свободного проявления агрессивных тенденций в связи с влиянием социально одобряемых моделей поведения. Девочки имеют те же агрессивные тенденции, что и мальчики, но боятся проявлять их из-за наказания и ряда социальных факторов, в то время как к агрессии (в частности физической агрессии) мальчиков окружающие относятся более благосклонно [5]. С возрастом эти модели закрепляются: число проявлений агрессии в поведении девочек постепенно уменьшается (U = 333, p = 0,002) и они становятся менее агрессивными, в то время как мальчики пополняют и укрепляют свой поведенческий репертуар схожими формами реагирования.

Менее активное использование форм агрессивного поведения подростками может быть связано с изменением значимости роли взрослого в развитии личности ребенка. Так, учитывая важность роли взрослого в личностном развитии младшего школьника, можно сказать, что родительские модели являются наиболее определяющими для их усвоения и последующего использования вне семейных отношений, вне семейного окружения. В подростковом возрасте на первый план выступают отношения со сверстниками, в которых школьники могут расширить свой опыт социального взаимодействия, выйти за пределы традиций, норм и правил семейного воспитания. Поведенческий репертуар подростков пополняется опытом социального взаимодействия со сверстниками, где школьник может взять на вооружение некоторые стратегии взаимодействия, отличные от используемых в родительской семье [7].

Данные *корреляционного анализа* свидетельствуют о существовании взаимосвязи между проявлением агрессивного поведения младшими школьниками, подростками в отношении одноклассников и тактиками дисциплинарных воздействий.

Было выявлено, что психологическая агрессия со стороны отца (r = 0,468, p = 0,001) и со стороны матери (r = 0,468, p = 0,001), а также профилактическое дисциплинирование (r = 0,277, p = 0,045), проявление жестокости (r = 0,544, p = 0,001), а в большей степени телесные наказания (r = 0,682, p = 0,001) и физическая жестокость (r = 0,620, p = 0,001) со стороны отца приводят к проявлению *физической агрессии,* как у девочек, так и у мальчиков.

Проявление *вербальной агрессии* у детей обусловлено следующими применяемыми родителями тактиками дисциплинарных воздействий: в большей степени психологической агрессией отца и матери (соответственно $r = 0{,}584$, $p = 0{,}001$; $r = 0{,}573$, $p = 0{,}001$), а также телесными наказаниями обоих родителей ($r = 0{,}343$, $p = 0{,}001$; $r = 0{,}524$, $p = 0{,}001$); проявлением жестокости ($r = 0{,}361$, $p = 0{,}008$), профилактическим дисциплинированием ($r = 0{,}344$, $p = 0{,}045$) и физической жестокостью ($r = 0{,}283$, $p = 0{,}040$) со стороны отца.

Проявление *косвенной агрессии* у детей обусловлено в большей степени проявлением жестокости ($r = 0{,}388$, $p = 0{,}003$) и физической жестокости ($r=0{,}276$, $p=0{,}038$) со стороны матери.

Таким образом, модель разрешения конфликтов с отцом (дисциплинирование, психологическая агрессия, телесные наказания, проявление жестокости и физическая жестокость) полностью обусловливают проявление физической и вербальной агрессии у младших школьников, в отличие от отдельных тактик дисциплинирования матерей (психологическая агрессия, телесные наказания). Модель дисциплинирования матери обусловливает проявление косвенной агрессии.

В объяснении полученных результатов стоит указать на *феномен «идентификации с агрессором»*. Фигура отца в семейных отношениях наделена большей властью, нежели фигура матери. Дети, сталкиваясь с проявлениями вербальной (психологической агрессии, дисциплинирования) и физической (телесные наказания, проявление жестокости, физическая жестокость) агрессии во взаимоотношениях с отцом, в целях собственной защиты склонны идентифицироваться с властной фигурой отца, демонстрирующей определенные формы агрессивного поведения. Идентифицируясь с отцом посредством заимствования моделей агрессивного поведения, дети тем самым пополняют свой поведенческий репертуар схожими с ним формами поведения, тем самым обеспечивая себе защиту в случае возникновения схожих ситуаций с другими значимыми людьми [8].

Модель разрешения конфликтных ситуаций матерью, а именно использование в конфликте проявления жестокости, физической жестокости, обусловливает проявление косвенной агрессии школьниками в отношении одноклассников. В отличие от фигуры отца, фигура матери более эмоционально значима для ребенка. Использование матерью в разрешении конфликтных ситуаций вышеперечисленных тактик приводит к сильным эмоциональным переживаниям со стороны ребенка. Переживаемое эмоциональное напряжение находит свое проявление не напрямую, а косвенным образом, так как эмоциональное отреагирование, аналогичное способу поведения матери в конфликте, может вызвать большее эмоциональное отвержение и наказание такого поведения со стороны матери. Это можно объяснить также тем, что, используя такие способы разрешения конфликтов,

матери тем самым подавляют схожие физические тенденции агрессивного поведения детей, что приводит к реализации этих импульсов скрытыми путями, более приемлемыми способами поведения в конфликте [8].

Проявление *подростками* физической, вербальной, косвенной форм агрессивного поведения связано с использование следующих тактик поведения родителей в конфликте.

Психологическая агрессия со стороны отца (r = 0,457, p = 0,001) и со стороны матери (r = 0,452, p = 0,001), физическая жестокость со стороны отца (r = 0,674, p = 0,001) и со стороны матери (r = 0,537, p = 0,001), и в большей степени проявление жестокости (r = 0,780, p = 0,001 – отец; r = 0,629, p = 0,001 – мать), телесные наказания (r = 0,791, p = 0,001 – отец; r = 0,575, p = 0,001 – мать) со стороны обоих родителей имеют положительную корреляцию с *физической агрессией* как у девочек, так и у мальчиков. Применение профилактического дисциплинирования как тактики исправления проступка ребенка, ориентированной на сотрудничество со стороны матери, дало отрицательную корреляцию с появлением физической агрессии у детей (r = 0,452, p = 0,001).

Проявление *вербальной агрессии* у детей имеет положительную корреляцию со следующими отцовскими дисциплинарными тактиками: проявление жестокости (r = 0,511, p = 0,001), телесные наказания (r = 0,496, p = 0,001), физическая жестокость (r = 0,461, p = 0,001), а также психологическая агрессия (r = 0,364, p = 0,001). Со стороны матери в большей степени положительную корреляцию имеют следующие тактики: проявление жестокости (r = 0,437, p = 0,001), психологическая агрессия (r = 0,433, p = 0,001), а также физическая жестокость (r = 0,359, p = 0,001) и телесные наказания (r = 0,347, p = 0,001). Применение матерями профилактического дисциплинирования в разрешении конфликтов дало отрицательную корреляцию с появлением вербальной агрессии у детей (r = –0,221, p = 0,001).

Проявление *косвенной агрессии* у детей коррелирует в большей степени с тактиками дисциплинирования со стороны отца: психологическая агрессия (r = 0,338, p = 0,020), проявление жестокости (r = 0,313, p = 0,004), телесные наказания (r = 0,248, p = 0,023) и физическая жестокость (r = 0,227, p = 0,038). Данный тип проявлений агрессии взаимосвязан с двумя тактиками со стороны матери: психологическая агрессия (r = 0,466, p = 0,001) и проявление жестокости (r = 0,249, p = 0,022).

Таким образом, можно отметить, что физическую и вербальную агрессию обусловливают модель поведения отца и модель поведения матери, а именно использование родителями в разрешении конфликтов с детьми психологической агрессии, телесных наказаний, физической жестокости, проявлений жестокости. Проявление косвенной агрессии школьниками в отношении одноклассников в большей степени определяет модель поведения отца, а

именно использование в конфликтных ситуациях психологической агрессии, телесных наказаний, проявлений жестокости, физической жестокости.

Выводы

1. В младшем школьном возрасте наблюдается достаточно традиционное распределение дисциплинарных воздействий в отношении детей: матери наиболее часто занимаются исправлением поведения девочки, а отцы – мальчика. Наиболее предпочтительными способами дисциплинирования отцами сыновей младшего школьного возраста является использование паттернов физического характера, в то время как тактиками дисциплинирования со стороны матерей девочек является использование вербальных воздействий (объяснение нарушения границ поведения, ссоры, обзывания). Преобладающими тактиками со стороны матерей по отношению к дочерям младшего школьного возраста выступают дисциплинирование, психологическая агрессия, со стороны отца по отношению к сыновьям – телесные наказания, проявление жестокости и физическая жестокость.

2. В дисциплинировании детей подросткового возраста оба родителя чаще прибегают к использованию психологической агрессии, телесных наказаний и проявлений жестокости в исправлении проступков сына. В дисциплинировании дочерей-подростков мать наиболее интенсивно использует физическую агрессию (проявление жестокости, физическая жестокость), нежели с дочерьми в младшем школьном возрасте.

3. Наиболее активно в младшем школьном возрасте в отношении одноклассников девочки проявляют вербальную и косвенную агрессию, а мальчики физическую агрессию. В подростковом возрасте доминирующей формой агрессивного поведения и для мальчиков и для девочек выступают вербальные формы поведения.

4. Модель дисциплинирования отца (профилактическое дисциплинирование, психологическая агрессия, телесные наказания, проявление жестокости и физическая жестокость) обусловливает проявление физической и вербальной агрессии у младших школьников. Использование физических и вербальных паттернов поведения отца определяет проявление данных форм агрессивного поведения младшими школьниками в отношении одноклассников. Модель дисциплинарных воздействий матери обусловливает проявление косвенной агрессии детьми младшего школьного возраста в отношении одноклассников. Использование идентичных тактик дисциплинарного воздействия родителями (психологическая агрессия, телесные наказания, проявления жестокости и физическая жестокость) определяет проявление подростками вербальной и физической агрессии. В подростковом возрасте модель дисциплинирования отца взаимосвязана с использованием косвенной агрессии в отношении одноклассников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cass, L. Discipline from the psychoanalitic viewpoint / L. Cass, J.W. Bonner // The psychology of discipline. – New York : International Universities Press, Inc., 1988. – P. 15– 64.
2. Socolar, R.R. A Classification scheme for discipline: Type, mode of administration, context / R.R. Socolar // Aggression and Violent Behavior, 1997. – № 2 (4). – P. 355–364.
3. Kruse, I. Erziehungsstil und kindliche Entwicklung / I. Kruse, Hrsg, Familie und Entwicklung, Göttingen : Horefe, 2000. – 270 s.
4. Агрессия у детей и подростков / под ред. Н.М. Платоновой. – СПб. : Речь, 2004. – 336 с.
5. Бандура, А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс ; пер. с англ. – М. : Апрель Пресс , ЭКСМО-Пресс, 1999. – 512 с.
6. Бандура, А. Теории социального научения / А. Бандура ; пер. с англ. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.
7. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования / О.А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2005. – С. 186–250.
8. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.
9. Straus, M.A. Picture-card version for young children of the parent – child conflict tactics scales / M.A. Straus [Electronic resourse]. – Mode of access : http://www:pubpages.unh– Date of access : 13.01.2011.

The discipline and socialization of aggressive behavior of schoolchildren

The concept of discipline in families of schoolchildren of different ages is being discussed. The analysis revealed the relationship between the disciplinary action and aggressive behavior of schoolchildren.

Keywords: relationships between parents and children, discipline, psychological aggression, physical aggression.

ВОЗРАСТНЫЕ И ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ ШКОЛЬНИКОВ ПОДРОСТКОВОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА

Стратегия поведения в конфликте представляет собой ориентацию личности (группы) по отношению к конфликту, установку на определенные формы поведения в ситуации конфликта [1]. Как правило, в конфликте используются комбинации стратегий, порой доминирует одна из них.

В подростковом и юношеском возрасте в силу закономерностей психического развития усложняется характер взаимодействия с окружающими людьми, преобладающими становятся деструктивные способы поведения. Проблема поведения в конфликте в данный возрастной период изучалась различными авторами [2–9].

Конфликтное поведение различается в зависимости от возраста и пола. Так, согласно результатам исследования M. Lindeman, показатели ис-

пользования в конфликте просоциальных стратегий и стратегии избегания неуклонно снижаются на протяжении подросткового и юношеского возраста, в то время как для агрессивных стратегий характерна нелинейная возрастная динамика – пик их использования приходится на 7-й класс [7]. В исследовании T. Ayas девочки подросткового и юношеского возрастов чаще использовали кооперативную стратегию и стратегию избегания, а для мальчиков того же возраста в большей степени было характерно использование кооперативной стратегии и деструктивных стратегий поведения [4].

В целом результаты исследований стратегий поведения в конфликте в подростковом и юношеском возрасте довольно противоречивы. Однако большинство авторов сходятся во мнении, что для мальчиков характерны агрессивные и прямые стратегии поведения в конфликте, в то время как девочки чаще прибегают к неагрессивным стратегиям или к косвенным формам агрессивных стратегий [4–6]. Исследования конфликтного поведения традиционно сосредоточены на рассмотрении агрессивных стратегий, стратегии уклонения от разрешения конфликта, а также стратегии сотрудничества как наиболее конструктивной. В настоящем исследовании дополнительно рассматриваются позиции жертвы агрессии, а также посредника, оказывающего помощь, чем и обусловлена актуальность настоящего исследования.

Организация исследования

В исследовании использовалась методика изучения стратегий поведения школьников в конфликте, разработанная К. Бьерквистом и К. Остерман, которая направлена на изучение возможных стратегий поведения в конфликтной ситуации: физической, вербальной и косвенной агрессии, конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи, избегания, виктимизации. Школьников просят наиболее правдиво отметить для каждого ученика их класса, как их одноклассники действуют в конфликтных ситуациях или когда сердятся и злятся на других. Оценка производится по пятибалльной шкале [10].

В исследовании приняли участие 227 учеников (109 девочек и 118 мальчиков) 5, 7 и 9-х классов в возрасте от 10 до 16 лет.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью статистического пакета SPSS v.13.0. Для сравнительного анализа стратегий поведения в конфликте использовался t-критерий Стьюдента для двух независимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Возрастные различия в стратегиях поведения школьников в конфликте. Показатели использования стратегии физической агрессии значимо различаются у школьников 5-х и 9-х классов ($p = 0,05$), а также у школьников 7 и 9-х классов ($p = 0,01$). Школьники 9-х классов реже исполь-

зуют стратегию физической агрессии, в то время как различия в ее использовании между школьниками 5 и 7-х классов незначимы (рисунок 26).

Рисунок 26 – Возрастные различия стратегий поведения в конфликте школьников 5, 7 и 9-х классов

Сравнительный анализ не выявил различий между школьниками разных возрастов в использовании стратегии вербальной агрессии. Показатели использования стратегии косвенной агрессии значимо различаются только у школьников 5 и 7-х классов ($p = 0,05$), при этом у школьников 5-х классов эти показатели ниже.

Таким образом, к 9-му классу снижается частота использования в конфликте стратегии физической агрессии и несколько возрастает использование косвенной агрессии. Отсутствуют статистически значимые различия в использовании стратегии вербальной агрессии у школьников разных возрастов. Более редкое использование стратегии физической агрессии и более частое использование стратегии косвенной агрессии школьниками старшего возраста может отражать когнитивное развитие, возросшую способность к переработке сложной социальной информации, развитие социального интеллекта и навыков саморегуляции, волевых качеств, накопление опыта взаимоотношений и поведения в конфликтных ситуациях, расширение поведенческого репертуара, который в этом возрасте уже не ограничивается лишь применением физической силы в ситуации конфликта. S. Woods с соавторами отмечают, что манипуляция социальными отношениями, чем по сути и является косвенная агрессия, зависит от способности агрессора успешно идентифицировать слабые места в социальном положении и эмоциональном состоянии жертвы, что требует определенного уров-

ня когнитивного развития агрессора [11]. В связи с этим более частое использование стратегии косвенной агрессии с возрастом ожидаемо. Необходимо обратить внимание на то, что такое возрастание использования косвенной агрессии приходится на период 11–12 лет (7 класс), тогда как в юношеском возрасте показатели остаются на том же уровне. Такое усиление использования косвенной агрессии с последующей стабилизацией показателей отмечалось и в исследовании E. Talbott [8].

Стратегию конструктивного разрешения противоречий чаще используют школьники 5-х классов, чем школьники 7-х ($p = 0,01$) и 9-х классов ($p = 0,01$). Эти различия статистически значимы. В исследовании М. Бутовской и В. Тименчик показатели использования стратегии конструктивного разрешения противоречий были относительно стабильны на протяжении подросткового и юношеского возраста, возрастных различий обнаружено не было [5].

Все рассматриваемые возрастные группы значимо различаются ($p = 0,01$) по показателям использования стратегии оказания помощи. Наиболее часто ее используют школьники 5-х классов, а наиболее редко – 9-х. Результаты настоящего исследования противоречат результатам, полученным другими авторами. Так, согласно результатам метаанализа, проведенного N. Eisenberg, школьники 15 лет чаще оказывают помощь и демонстрируют просоциальное поведение, чем школьники 12 лет. Однако метаанализ вместе с тем продемонстрировал большую вариабельность и противоречивость результатов, что авторы объяснили зависимостью помогающего поведения от развития моральных суждений. В подростковом возрасте увеличивается количество эгоистических моральных суждений, что отражается в снижении помогающего поведения. А в юношеском возрасте школьник начинает руководствоваться моральными суждениями более высокого порядка, и вероятность выбора просоциального, помогающего поведения вновь возрастает [6]. В настоящем исследовании, однако, скорее наблюдается постепенное, неуклонное снижение использования стратегии оказания помощи. В исследовании M. Lindeman были обнаружены схожие результаты: уменьшение просоциальных реакций в конфликтной ситуации на протяжении предподросткового, подросткового и юношеского возраста [7].

Стратегию избегания реже используют школьники 7-х классов, чем школьники 5-х ($p = 0,01$) и 9-х классов ($p = 0,01$). В исследовании M. Lindeman, однако, наблюдалось неуклонное снижение использования в конфликтах стратегии избегания в подростковом и юношеском возрасте [7].

По показателям использования стратегии виктимизации значимо различаются школьники 7 и 9-х классов ($p = 0,05$). Школьники 9-х классов чаще в конфликтах становятся жертвами нападок одноклассников. D. Finkelhor и соавторы проводили масштабное исследование виктимизации

и различных ее видов у детей от 2 до 17 лет. Оказалось, что общий показатель виктимизации увеличивается с возрастом. Этот общий показатель включал в себя 34 ее формы: прямую и косвенную виктимизацию, виктимизацию сиблингами, сверстниками, сексуальную виктимизацию и другие, что согласуется с полученными нами результатами. Однако некоторые типы виктимизации, такие как физическая виктимизация, были наиболее характерными для подросткового возраста, а в юношеском (9-й класс) проявлялась тенденция к снижению [12].

В исследовании М. Бутовской и В. Тименчик не было обнаружено возрастных различий (вне зависимости от пола) у школьников подросткового и юношеского возраста в использовании стратегий вербальной и косвенной агрессии, конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи, избегания и виктимизации [5].

Можно выявить иерархию стратегий поведения в конфликте у школьников разных возрастов. Так, иерархия стратегий поведения в конфликте не различается у школьников 5 и 7-х классов, которые чаще используют в конфликте стратегии конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи и избегания. Девятиклассники чаще всего используют стратегию избегания, за которой следуют стратегии конструктивного разрешения противоречий и оказания помощи.

Половые различия в стратегиях поведения в конфликте школьников разных возрастов. По показателям использования стратегии физической агрессии существуют статистически значимые различия между мальчиками и девочками в подгруппах школьников 5 и 9-х классов ($p = 0{,}01$). В указанных возрастных подгруппах мальчики чаще применяют в конфликте физическую агрессию, чем девочки того же возраста. Подобных значимых различий в использовании стратегии физической агрессии нет в подгруппе школьников 7-х классов. Подобные результаты согласуются с выводами других авторов. Так, E. Talbott обнаружил, что в возрасте 11–12 лет девочки и мальчики могут демонстрировать схожий уровень физической агрессивности. По завершении этого возрастного периода большинство девочек, которые до этого момента использовали прямые формы агрессии, начинают чаще использовать косвенную агрессию, например распространение слухов, сплетни. Те же девочки, которые продолжают использовать физическую агрессию, характеризуются низким пониманием социальных ситуаций, они не знают других способов повысить свой социальный статус и обрести контроль над ситуацией, кроме физической агрессии [8]. Пик использования стратегии физической агрессии среди девочек в исследовании М. Бутовской и В. Тименчик приходится на 12 лет [5]. В исследовании А.П. Ковалева было выявлено, что склонность к агрессии в подростковом и юношеском возрасте выше у лиц мужского пола по срав-

нению с лицами женского пола, за исключением возрастной группы семиклассников. Именно в этот возрастной период сглаживаются различия в агрессивности между девочками и мальчиками [2].

Стратегию вербальной агрессии чаще используют мальчики 5-х классов, чем девочки той же возрастной группы. В подгруппах школьников 7 и 9-х классов подобных значимых различий обнаружено не было.

Сравнительный анализ показателей косвенной агрессии выявил значимые различия в подгруппах школьников 5 и 7-х классов ($p = 0,01$). Однако если среди школьников 5-х классов мальчики чаще используют данную стратегию в конфликтах, то в 7-х классах эта стратегия более характерна для девочек. В 9-х классах различий в использовании стратегии косвенной агрессии обнаружено не было. Полученный в отношении косвенной агрессии результат несколько противоречит традиционному мнению о том, что косвенная агрессия в большей степени характерна для девочек, в то время как мальчики предпочитают прямые формы физической и вербальной агрессии [5; 7]. Для девочек подросткового возраста преобладающей тенденцией в зарубежной литературе является рассмотрение косвенной или социальной агрессии как основных средств, с помощью которых девочки выражают свои агрессивные побуждения. В исследовании М. Бутовской и В. Тименчик было продемонстрировано, что мальчики подросткового и юношеского возраста чаще использовали стратегии физической и вербальной агрессии, а девочки – косвенной [5]. В исследовании K. Tropp мальчики чаще использовали стратегии физической, вербальной и косвенной агрессии, чем девочки, за исключением стратегии косвенной агрессии в 9-х классах [9]. Однако в исследовании M. Lindeman и стратегия прямой агрессии, и стратегия косвенной агрессии были более характерными для мальчиков, чем для девочек подросткового и юношеского возраста [7].

Значимые различия в показателях использования стратегии конструктивного разрешения противоречий были обнаружены только в подгруппе школьников 5-х классов ($p = 0,01$). Девочки чаще мальчиков прибегают к применению в конфликте данной стратегии.

По показателям стратегии оказания помощи значимо различаются мальчики и девочки 5-х ($p = 0,01$) и 9-х классов ($p = 0,05$). Девочки 5-х классов помощь оказывают чаще, чем мальчики-одноклассники. Девочки 9-х классов, напротив, используют данную стратегию реже, чем мальчики той же возрастной подгруппы. В 7-х классах значимых различий в использовании данной стратегии выявлено не было.

В исследовании M. Lindeman были обнаружены несколько другие тенденции стратегии оказания помощи: различий в предподростковом и подростковом возрасте между мальчиками и девочками обнаружено не

было, а в юношеском – стратегия была более характерна для женской подгруппы [7]. В исследовании М. Бутовской и В. Тименчик девочки и в подростковом, и в юношеском возрасте чаще мальчиков прибегали к помощи в конфликте третьих лиц, а также чаще использовали стратегию конструктивного разрешения противоречий [5].

Стратегию избегания, равно как и стратегию виктимизации, значимо чаще используют девочки 5-х классов, чем мальчики того же возраста (p = 0,01). В остальных возрастных подгруппах значимых различий обнаружено не было. В исследовании M. Lindeman стратегия избегания в целом оказалась более характерна для мальчиков, чем для девочек, за исключением юношеского возраста. Однако в юношеском возрасте девочки чаще, чем мальчики, делали выбор в пользу стратегии избегания [7]. В исследовании М. Бутовской и В. Тименчик стратегии избегания и виктимизации использовались мальчиками и девочками с одинаковой частотой независимо от возраста [5].

Таким образом, мальчики и девочки 5-х классов значимо различаются по всем рассматриваемым стратегиям поведения в конфликте. При этом для мальчиков 5-х классов более характерны стратегии физической, вербальной, косвенной агрессии и стратегия виктимизации, а для девочек – стратегии конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи и избегания (рисунок 27).

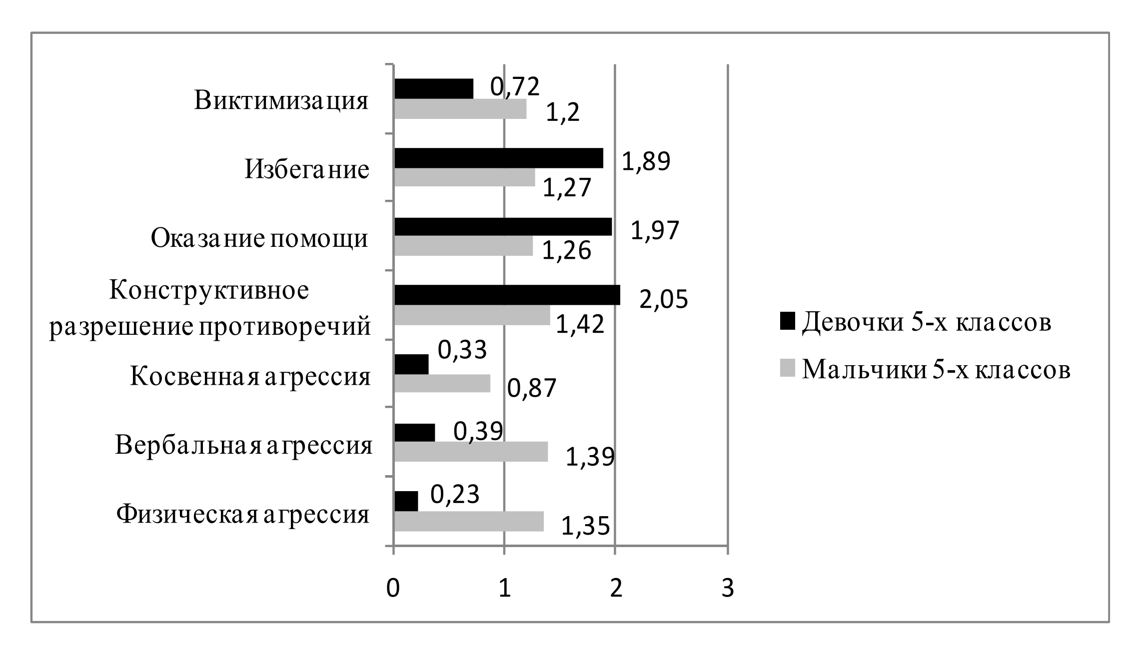

Рисунок 27 – Различия стратегий поведения в конфликте мальчиков и девочек 5-х классов

Мальчики и девочки 7-х классов значимо различаются лишь в отношении использования в конфликте стратегии косвенной агрессии, более характерной для девочек данного возраста, чем для мальчиков (рисунок 28).

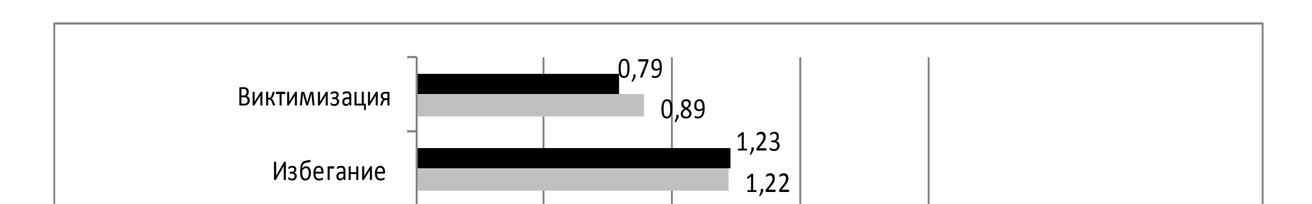

Рисунок 28 – Различия стратегий поведения в конфликте мальчиков и девочек 7-х классов

В 9-х классах были обнаружены значимые различия в использовании стратегий физической агрессии и оказания помощи. В обоих этих случаях мальчики имеют более высокие показатели, чем девочки (рисунок 29).

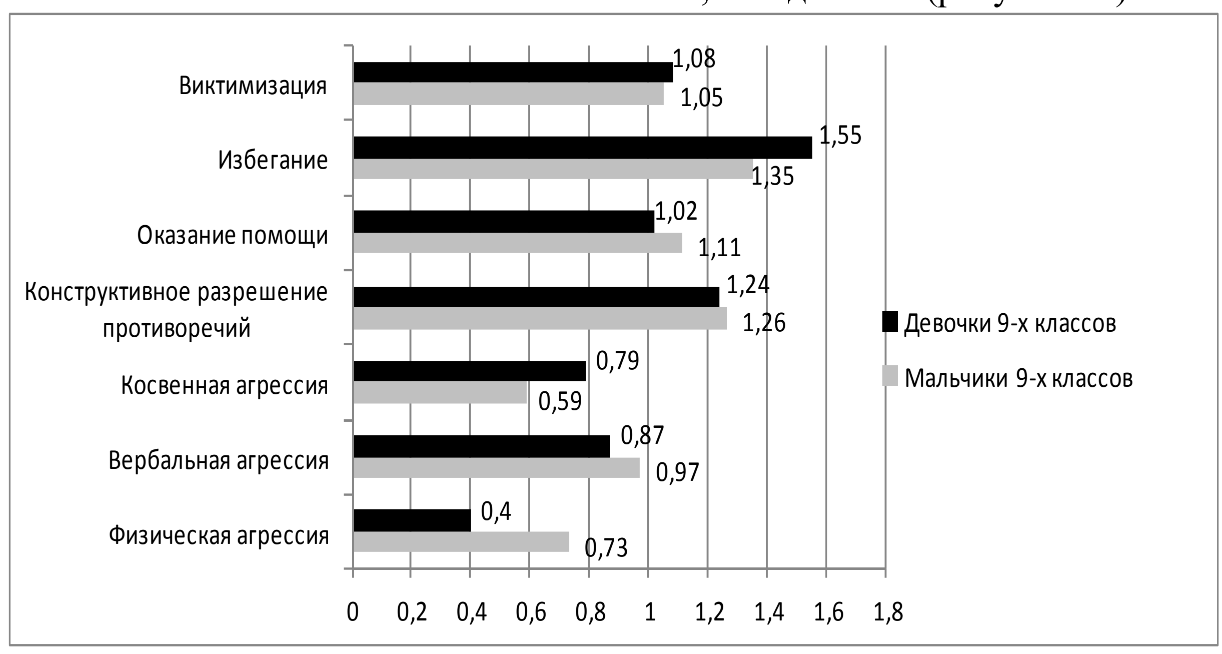

Рисунок 29 – Различия стратегий поведения в конфликте мальчиков и девочек 9-х классов

Таким образом, эмпрические результаты, полученные в итоге проведенного исследования, позволили сделать следующие **заключения**.

1. Иерархия стратегий поведения в конфликте не различается у обучающихся 5 и 7-х классов, которые чаще используют в конфликте

стратегии конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи и избегания. Для девятиклассников наиболее характерна иная иерархия, образованная стратегией избегания, конструктивного разрешения противоречий и оказания помощи.

2. Стратегия физической агрессии находится на постоянном уровне в 5 и 7-х классах и обнаруживает тенденцию к снижению у девятиклассников. Стратегия вербальной агрессии применяется школьниками различных возрастов с одинаковой частотой. Использование стратегии косвенной агрессии возрастает от 5-го класса к 7-му и остается на том же уровне в 9-м классе. Использование стратегии конструктивного разрешения противоречий находится на более низком уровне у школьников 7 и 9-х классов по сравнению с пятиклассниками. Постепенное снижение показателей использования с возрастом наблюдается в отношении стратегии оказания помощи. Показатели стратегии избегания имеют тенденцию к снижению в 7-х классах, однако в дальнейшем их уровень восстанавливается. Стратегия виктимизации чаще используется школьниками 9-х классов по сравнению с пяти- и семиклассниками.

3. Мальчики и девочки 5-х классов значимо различаются по всем рассматриваемым стратегиям поведения в конфликте. При этом для мальчиков 5-х классов наиболее характерны агрессивные стратегии и стратегия виктимизации, а для девочек – стратегии конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи и избегания.

4. Мальчики и девочки 7-х классов значимо различаются лишь в отношении использования в конфликте стратегии косвенной агрессии, более характерной для девочек данного возраста, чем для мальчиков.

5. В 9-х классах были обнаружены значимые различия только в использовании стратегий физической агрессии и оказания помощи. Относительно обоих данных стратегий мальчики имеют более высокие показатели, чем девочки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов, А.Я. Конфликтология в схемах и комментариях / А.Я. Анцупов, С.В. Баклановский. – СПб. : Питер, 2009. – 304 с.

2. Ковалев, А.П. Возрастно-половые особенности отражения в сознании структуры собственной агрессивности и агрессивного поведения : дис. … канд. психолог. наук : 19.00.07 / А.П. Ковалев ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 1996. – 161 с.

3. Степанова, Н.В. Формирование адаптивного поведения старших подростков в межличностных конфликтах : автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.07 / Н.В. Степанова ; АПН Науч.-исслед. ин-т возрастной и пед. психологии. – М., 2007. – 24 с.

4. Ayas, T. An investigation of conflict resolution strategies of adolescents / T. Ayas, M. Deniz // Procedia social and behavioral sciences. – 2010. – № 2. – P. 3545–3551.

5. Butovckaya, M.L. Aggression, conflict resolution, popularity, and attitude to school in Russian adolescents / M.L. Butovckaya, V.M. Timentschik // Aggressive Behavior. – 2007. – Vol. 33. – P. 170–183.

6. Eisenberg, N. Prosocial development / N. Eisenberg, F. Fabes // Handbook of Child Psychology. – 1998. – Vol. 3. – P. 701–778.

7. Lindeman, M. Age and gender differences in adolescents' reactions to conflict situations: aggression, prosociality, and withdrawal / M. Lindeman, T. Harakka // Journal of Youth and Adolescence. – 1997. – Vol. 26, № 3. – P. 339–343.

8. Talbott, E. Reflecting on antisocial girls and the study of their development: researchers' views / E. Talbott // Exceptionality. – 1997. – Vol. 7. – P. 267–272.

9. Tropp, K. Stability of aggressive behavior strategies in adolescence. Relations between normative beliefs about aggression, verbal abilities and aggressive behavior / K. Tropp. – Tartu, 2004. – 39 p.

10. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.

12. Finkelhor, D. The developmental epidemiology of childhood victimization / D. Finkelhor, R. K. Ormrod // Journal of Interpersonal Violence. – 2009. – Vol. 24, № 5. – P. 711–731.

11. Woods, S. Emotion recognition abilities and empathy of victims of bulling / S. Woods, D. Wolke // Child Abuse and Neglect. – 2009. – Vol. 33, № 5. – P. 307–311.

Age and gender differences in adolescents' conflict strategies

The problem of adolescent conflict behavior is considered in the article and also the results of a comparative analysis of strategies of physical, verbal, and indirect aggression, constructive conflict resolution, third-party intervention, withdrawal and victimization are described. It is marked that in general strategies of constructive conflict resolution, third-party intervention, withdrawal are the most typical for adolescents.

Keywords: conflict behavior, adolescence, physical aggression, verbal aggression, indirect aggression, constructive conflict resolution, third-party intervention, withdrawal, victimization.

ВЛИЯНИЕ СЮЖЕТОВ МУЛЬТФИЛЬМОВ НАСИЛЬСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ НА АГРЕССИВНОСТЬ И АТРИБУЦИЮ ВРАЖДЕБНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ПЕРИОД СРЕДНЕГО ДЕТСТВА

Проблемы воздействия медиапродукции, содержащей сцены насилия, на детей привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных исследователей (А. Бандура, И.А. Фурманов, Д. Брайант, С. Томпсон, Р. Харрис, С. Андерсон, К. Дилл, М. Смитт). По данным исследований, дети ежедневно видят на экране большое количество сцен насилия и жестокости: школьник к тому моменту, когда заканчивает начальные классы, просматривает восемь тысяч убийств и сто тысяч сцен с насилием [1]. К 18-летнему возрасту американский ребенок видит насилие на экране те-

левизора более 180 тысяч раз – из них примерно 80 тыс. убийств. Исследования также показали, что 66% детских телепередач, транслируемых в США, содержат сцены насилия. В трех четвертях случаев телевидение демонстрирует программы, в которых насилие никак не наказывается, и лишь 4% программ содержат ярко выраженный призыв к ненасилию [1; 2]. Такой просмотр имеет свои негативные последствия: дети могут усваивать агрессивные модели разрешения межличностных конфликтов, которые представлены в мультипликационных сюжетах, а также имитировать поведение негативных героев.

Актуальность изучения проблемы обусловлена тем, что большинство исследований, проводимых в рамках данной тематики, в основном посвящены влиянию, которое оказывают фильмы, содержащие сцены насилия, на поведение ребенка [2]. Гораздо меньше внимания уделяется особенностям и последствиям влияния мультфильмов насильственного характера на поведение и агрессивность детей, хотя эффект от просмотра таких мультфильмов может быть не менее опасным. Кроме того, исследования практически не затрагивают проблему связи между просмотром сцен насильственного характера в мультфильмах и атрибуции враждебности школьников, в то время как атрибуция враждебности является важным фактором, влияющим на агрессивное поведение.

Согласно проведенному теоретическому исследованию, существует связь между просмотром сюжетов насильственного характера на телеэкране и агрессивностью детей. Однако такая связь неоднозначна. Ряд исследований показывает, что после просмотра подобных сюжетов на телеэкране дети усваивают агрессивные модели поведения и используют их в реальной жизни [3]. Другие исследования доказывают, что существует лишь вероятность того, что после просмотра сцен насилия на экране дети будут непосредственно демонстрировать такое же агрессивное поведение в реальной жизни [4]. Также установлено, что просмотр сюжетов насильственного содержания на телеэкране влияет на поведение, эмоции и когниции зрителей через следующие механизмы: десенсибилизация, дезингибиция, катарсис, возбуждение, моделирования [2]. При просмотре таких сцен дети чаще всего испытывают эмоцию гнева, а также страх [4]. Кроме того, после просмотра насилия на экране дети становятся склонны к преувеличенному восприятию опасности реального мира, а также дети начинают воспринимать насилие в реальной жизни как один из доступных и легких способов решения большинства конфликтных ситуаций. Дети, склонные к проявлению агрессии, чаще интерпретируют неоднозначные действия как враждебные и угрожающие, чем их менее агрессивные сверстники. Более того, они склонны приписывать враждебные намерения другим людям даже тогда, когда этих намерений в действительности не существует [3].

Организация исследования

Для изучения влияние сюжетов насильственного содержания в мультфильмах на агрессивность и атрибуцию враждебности в период среднего детства были использованы следующие методики:

1. Проективная методика Э. Вагнера «Hand-test», которая направлена на диагностику индивидуальных особенностей личности, а также оценку и прогнозирование открытого агрессивного поведения [5]. Стимульный материал теста составил девять стандартных изображений кистей рук и одну пустую карточку, при показе которой предлагалось представить кисть руки и описать ее воображаемые действия. Изображения предъявлялись в определенной последовательности и положении. Испытуемый должен был ответить на вопрос о том, какое, по его мнению, действие выполняет нарисованная рука (или сказать, что способен выполнить человек, рука которого принимает такое положение). Далее ответы испытуемых кодировались в соответствии с категориями (агрессия, демонстрация, зависимость, коммуникабельность, эмоциональность, страх, описание, указание, увечность), подсчитывалась частота встречаемости этих категорий в ответах каждого испытуемого, а также общий уровень агрессивности по следующей формуле: ИА (индекс агрессивности) = (Агрессия + Указание) – (Страх + Эмоциональность + Коммуникабельность + Зависимость).

2. Методика, разработанная Эбером и др. [6], на основе модели обработки социальной информации К. Доджа [7], измеряющая детскую атрибуцию враждебности или миролюбивые намерения в гипотетически провокационных ситуациях.

Процедурно проведение методики предполагало предъявление участникам шести ситуаций, гипотетически провоцирующих агрессию, с последующими ответами на поставленные вопросы. Ситуация предъявлялась участнику исследования визуально в виде картинки на бумажном носителе. Ее демонстрация сопровождалась чтением интервьюером вслух описания ситуации. Например, одна из ситуаций гласила: «Представь себе, что ты сидишь в столовой за столом и обедаешь. Ты поднимаешь глаза и видишь, что другой ученик проходит мимо твоего стола с пакетиком молока. Ты поворачиваешься, чтобы продолжить обед, и в этот момент этот ученик проливает молоко на твою спину и вся твоя рубашка становится мокрой».

После представления каждой истории участникам задавались вопросы, касающиеся атрибуции враждебности, намеренности и суровости наказания за совершенный поступок. Например, вопрос, имеющий отношение к атрибуции враждебности («Почему этот ученик пролил молоко на твою спину?»), предполагал следующие ответы: 1) «Он поскользнулся или споткнулся о что-то»; 2) «Ему нравится делать подобные “дурацкие штучки” в отношении тебя»; 3) «Он хотел посмеяться над тобой»; 4) «Он засмотрелся

и не заметил тебя». Ответы 2 и 3 квалифицировались как атрибуция враждебности, а 1 и 4 – как атрибуция невраждебности.

Вопрос, имеющий отношение к атрибуции намеренности («Ты думаешь, он поступил так потому, что…») предполагал следующие ответы: 1) «Хотел посмотреть, как ты на это отреагируешь?»; 2) «Сделал это случайно?». Ответ 1 квалифицировался как атрибуция намеренности, а 2 – как атрибуция случайности.

Вопрос, имеющий отношение к суровости наказания «Как ты думаешь, этот ученик должен быть…») предполагал следующие ответы: 1) «Сурово наказан»; 2) «Наказан, но не сильно»; 3) «Остаться безнаказанным». Ответ, таким образом, давал представление об атрибуции санкций за совершенный поступок.

Важную часть интервью составили вопросы и ответы, позволяющие оценить репертуар реакций, которыми следует ответить на провокацию агрессии в зависимости от атрибуции. Например, задавался вопрос: «Что бы ты сделал(а) после того, как этот ученик пролил молоко на тебя?». Ответы были сформулированы на основе аффективно-динамической модели агрессии [7]. Фиксировалось шесть типов поведенческих реакций: 1) «Сделаешь вид, что ничего не произошло» (Подавленная агрессия – ПДА); 2) «Ушел (ушла) бы из столовой» (Бегство, уход – БУ); 3) «Попросил (а) бы, чтобы кто-нибудь принес полотенце или что-то еще, чтобы вытереться» (Устранение ущерба – УУ); 4) «На следующий день вылил(а) бы молоко на спине этого ученика» (Активная агрессия – АА); 5) «Попросишь его извиниться» (Ассертивная реакция – АР); 6) «Разозлился бы, но ничего не стал бы делать» (Пассивная агрессия – ПА).

В исследовании проводилось три серии эксперимента. В первой серии испытуемые выполняли Hand-test и методику К. Доджа без предъявления мультфильмов (далее обозначена как *серия 0*). Во второй серии эксперимента испытуемому демонстрировался нейтральный мультфильм, не содержащий сюжеты насильственного содержания (далее обозначена как *серия 1*), и затем предлагалось выполнить Hand-test и методику К. Доджа. В третьей серии эксперимента испытуемому демонстрировался пятиминутный мультфильм (далее обозначена как *серия 2*), содержащий сцены насилия, и затем предлагалось выполнить Hand-test и методику К. Доджа.

Полученные данные были обработаны с помощью статистической программы SPSS 13 (парный t-критерий Стьюдента, корреляционный и ковариационный анализы).

В исследовании принимали участие 300 школьников (150 девочек, 150 мальчиков) трех возрастных групп: 6–7 лет, 8–9 лет и 10–12 лет.

Результаты и их обсуждение

Для выявления половозрастных различий в динамике агрессивности были проанализированы полученные в результате статистической обработки показатели общего индекса агрессивности.

Высокий показатель общего индекса агрессивности у школьников отмечается только в серии 2. Между серией 0 и серией 1 существенные различия в показателях агрессивности были выявлены только у девочек в возрасте 8–9 лет ($p \leq 0{,}05$), тогда как у мальчиков всех возрастных категорий и у девочек в возрасте 6–7 лет и 10–12 лет значимых различий не обнаружено ($p \geq 0{,}05$). В результате сравнения серии 0 и серии 2, а также серии 1 и серии 2 были выявлены существенные различия в показателях агрессивности у мальчиков и у девочек всех возрастных категорий ($p \leq 0{,}01$).

Полученные данные позволили сделать вывод, что у школьников общий индекс агрессивности увеличивается после просмотра мультфильма, содержащего сцены насилия, вне зависимости от возраста и пола.

Данные нашего исследования согласуются с исследованиями, проведенными Л. Хьюсманном [4], а также Б. Крэйхи [6]. В своих работах Б. Крэйхи объясняет повышение уровня агрессивности после просмотра сюжетов насильственного содержания следующими факторами:

1) усиление возбуждения после просмотра сцен насилия на экране. Сильное возбуждение способствует возникновению агрессивных мыслей и чувств, следовательно, повышается и общий уровень агрессивности;

2) возникновение агрессивных мыслей и чувств после просмотра сцен насилия, что облегчает доступ зрителя к собственным агрессивным мыслям и чувствам, и тем самым способствует повышению агрессивности;

3) наблюдение агрессивного поведения героев на экране, что приводит к усвоениею зрителем агрессивных реакций.

Несмотря на то, что как и для девочек, так и для мальчиков разных возрастных категорий характерно повышение уровня агрессивности при просмотре мультфильмов, содержащих сцены насилия и жестокости, значительных различий между ними не выявлено. Данные нашего исследования не согласуются с исследованиями А. Фроди [8], который указывал на то, что мальчики более склонны к проявлению агрессии после просмотра сцен насилия на экране, а также на то, что уровень агрессивности после такого просмотра у мальчиков значительно выше, чем у девочек. Наши результаты больше отвечают исследованиям, проводимым К. Остерманом [9], а также исследованиям И.А. Фурманова [5], которые показали, что половые и возрастные различия влияют скорее не на общий уровень агрессивности, а на форму проявления агрессивности (физическая, вербальная и т.д.).

Для определения половозрастных различий в атрибуции враждебности были проанализированы полученные в результате статистической обработки показатели атрибуции невраждебности и враждебности, атрибу-

ции случайности и намеренности, модели поведения в ситуации провокации, а также показатели наказания.

Атрибуция невраждебности и враждебности. Существенные различия в показателях атрибуции враждебности и атрибуции невраждебности обнаружены у мальчиков и девочек вне зависимости от возрастной категории после участия в двух экспериментальных сериях (рисунки 30, 31).

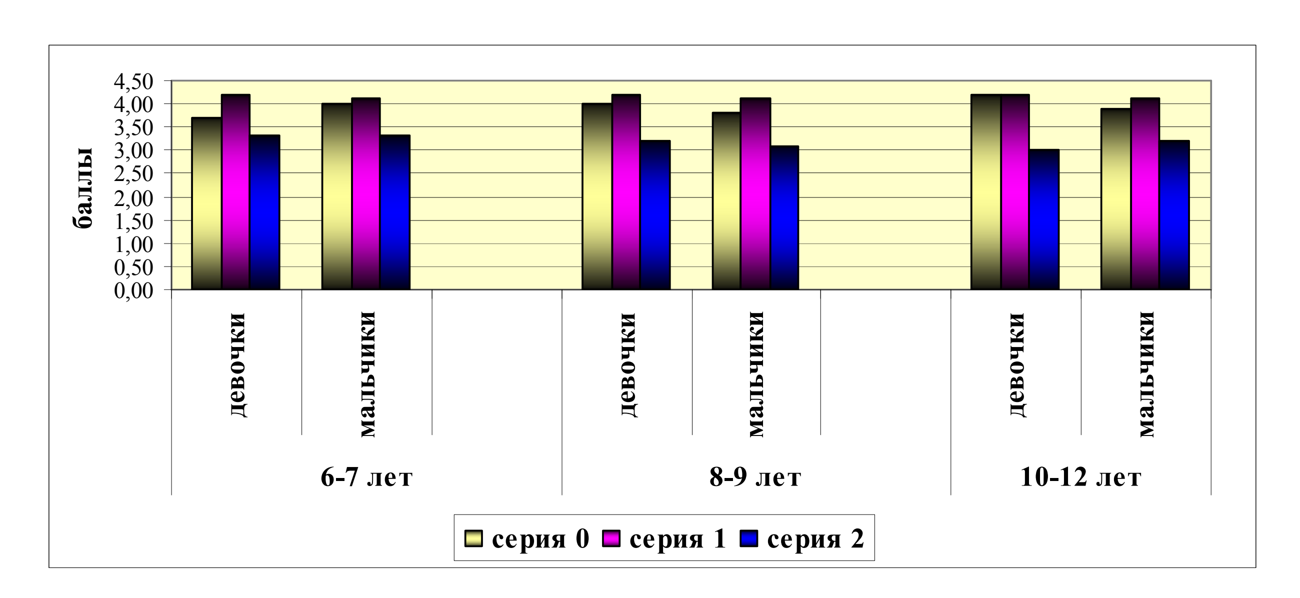

Рисунок 30 – Половозрастные различия в показателях атрибуции невраждебности

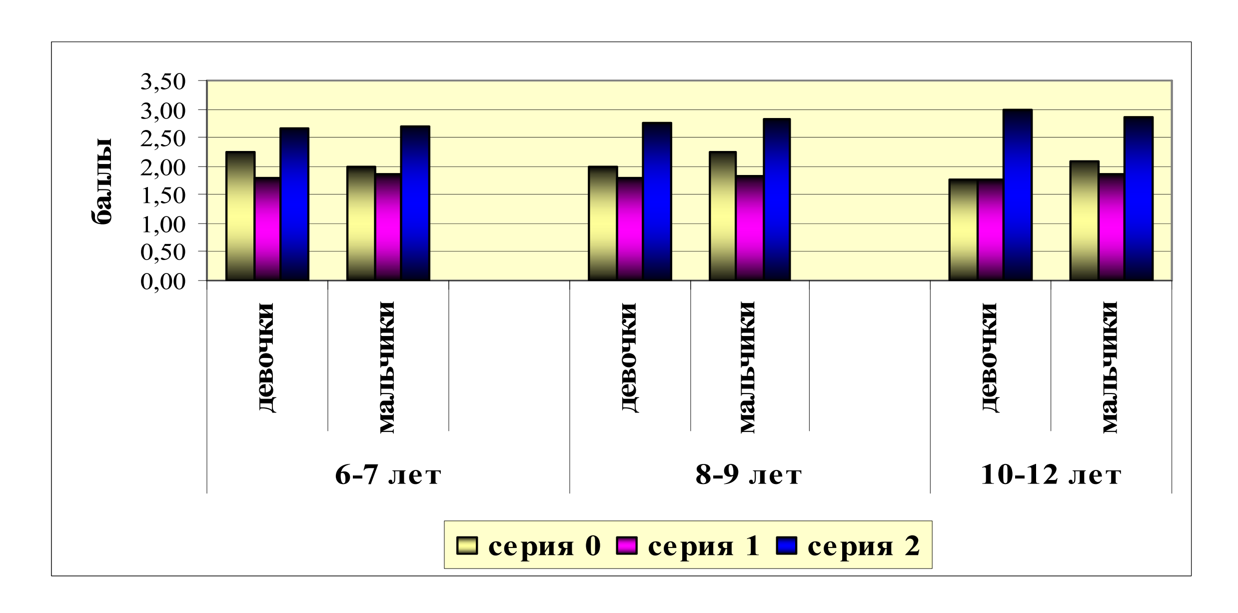

Рисунок 31 – Половозрастные различия в показателях атрибуции враждебности

При сравнении показателей атрибуции серии 0 и серии 1 существенные различия не обнаружены только у девочек в возрасте 8–9 лет ($p \geq 0,05$), тогда как сопоставление результатов серии 0 и серии 2, а также серии 1 и серии 2 выявило значимые различия у мальчиков и девочек всех возрастных категорий ($p \leq 0,05$). Таким образом, у девочек и мальчиков всех возрастных категорий показатели атрибуции враждебности повышаются после просмотра мультфильма со сценами насилия, а показатели атрибуции невраждебности после такого просмотра снижаются.

Атрибуция случайности и намеренности. Обнаружены существенные различия в показателях у мальчиков и девочек всех возрастных категорий после участия в трех сериях экспериментов (рисунки 32, 33).

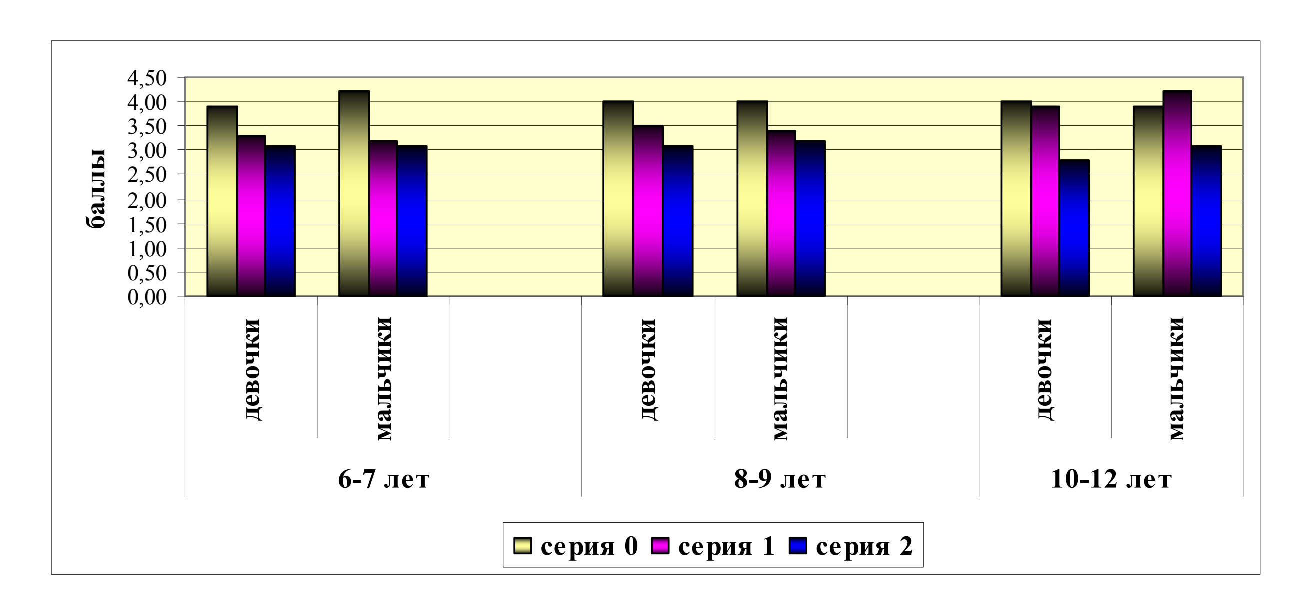

Рисунок 32 – Половозрастные различия в показателях
атрибуции случайности

Так, были обнаружены значимые различия при сравнении показателей случайности серии 0 и серии 1 у девочек и мальчиков в возрасте 6–7 лет и 8–9 лет ($p \leq 0,05$), тогда как в возрасте 10–12 лет различий не обнаружено ($p \geq 0,05$). При сравнении показателей серии 0 и серии 2, а также серии 1 и серии 2 выявило значимые различия у мальчиков и девочек всех возрастных категорий ($p \leq 0,05$).

Таким образом, у девочек и мальчиков всех возрастных категорий, показатели атрибуции намеренности повышаются после просмотра мультфильма со сценами насилия, а показатели атрибуции случайности после такого просмотра снижаются.

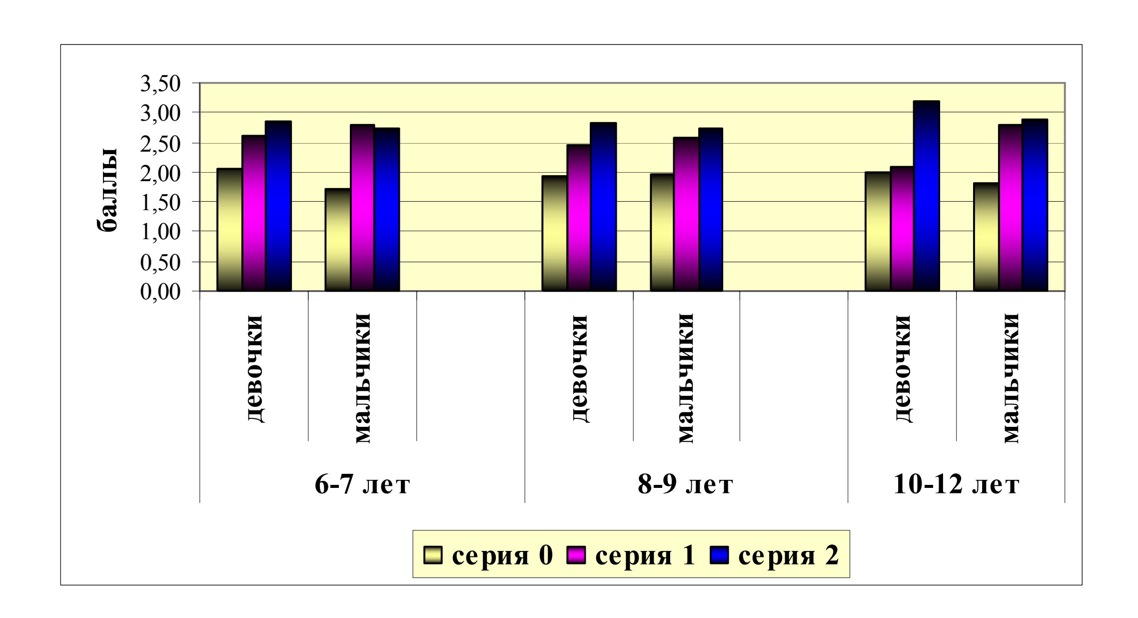

Рисунок 33 – Половозрастные различия в показателях атрибуции намеренности

Модели поведения в ситуации провокации. Существенные различия в показателях моделей поведения в ситуации провокации были выявлены у мальчиков и девочек всех возрастных категорий после участия в трех этапах эксперимента (рисунки 34, 35).

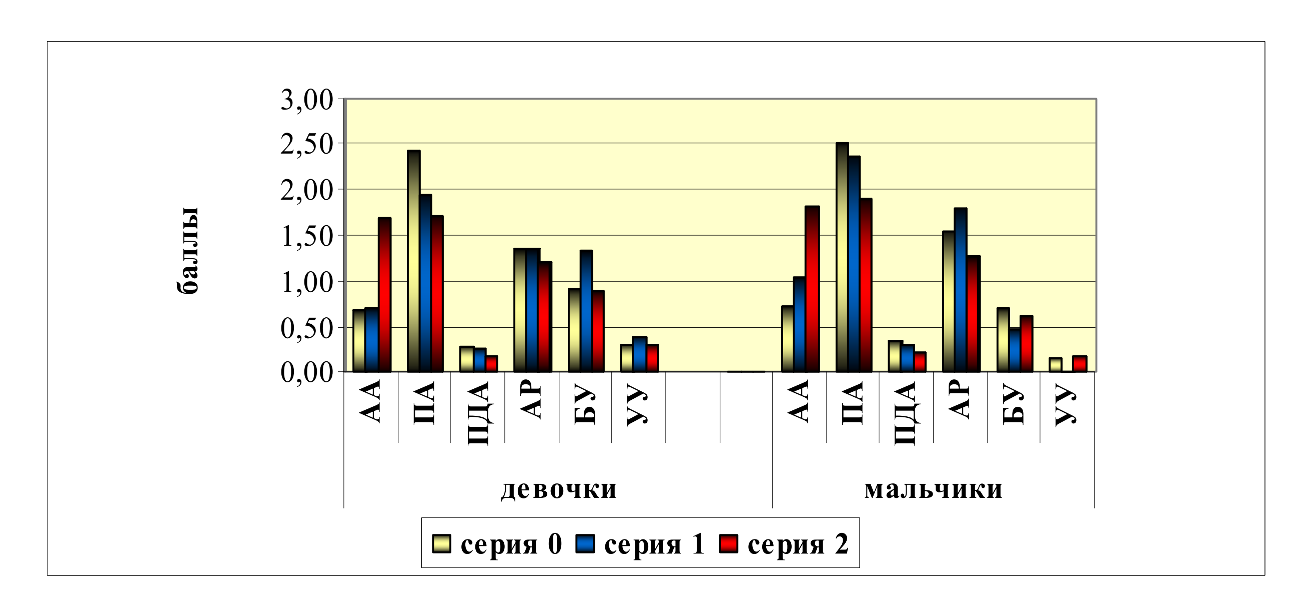
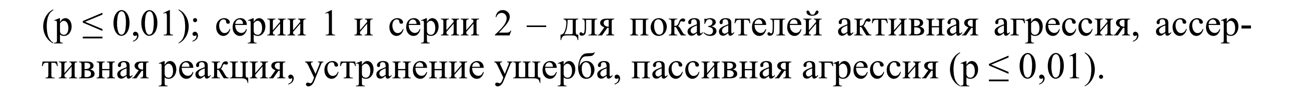

Рисунок 34 – Половые различия в показателях моделей поведения

У мальчиков в возрасте 6–7 лет при сравнении моделей поведения серии 0 и серии 1 различия выявлены для показателей пассивная агрессия и активная агрессия ($p < 0{,}01$); серии 0 и серии 2 – для показателей активная агрессия, пассивная агрессия, устранение ущерба, ассертивная реакция

($p \leq 0{,}01$); серии 1 и серии 2 – для показателей активная агрессия, ассертивная реакция, устранение ущерба, пассивная агрессия ($p \leq 0{,}01$).

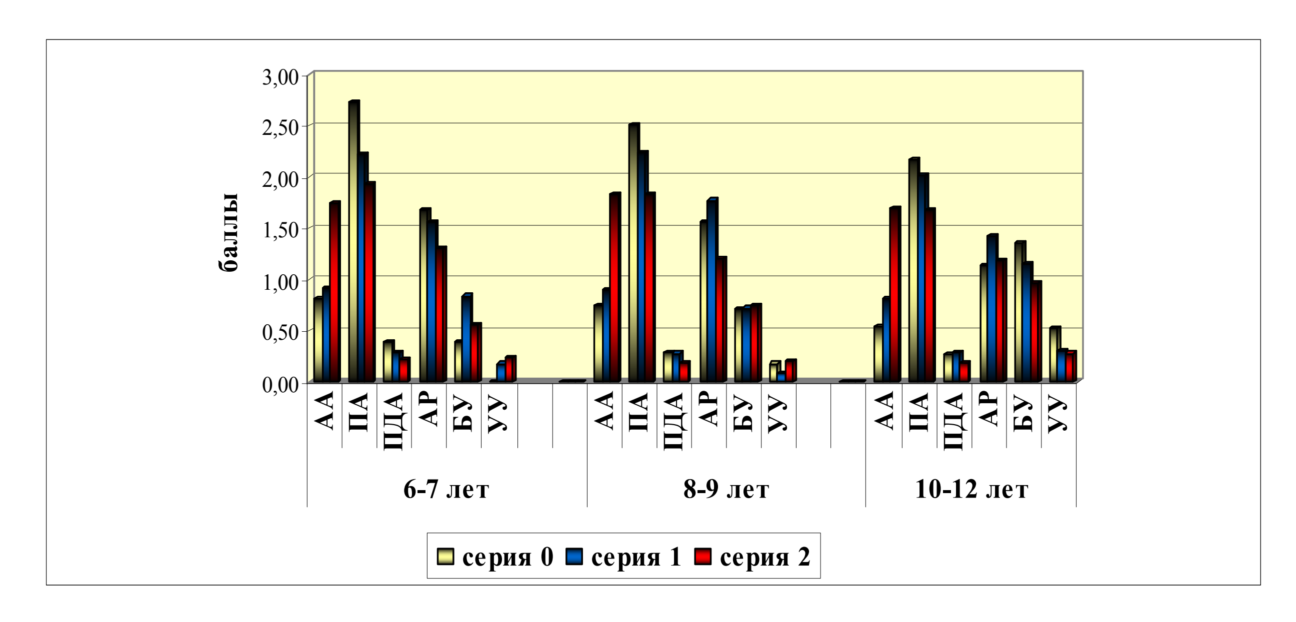

Рисунок 35 – Возрастные различия в показателях моделей поведения

У мальчиков в возрасте 8–9 лет при сравнении моделей поведения серии 0 и серии 1 различия не выявлены ($p \geq 0{,}05$), серии 0 и серии 2 – выявлены отличия для показателей активная агрессия, пассивная агрессия, устранение ущерба, ассертивная реакция ($p \leq 0{,}05$); серии 1 и серии 2 – для показателей активная агрессия, ассертивная реакция, устранение ущерба, пассивная агрессия ($p \leq 0{,}05$).

У мальчиков в возрасте 10–12 лет при сравнении моделей поведения серии 0 и серии 1 различия выявлены для показателей моделей бегство/уход из ситуации, устранение ущерба, ассертивная реакция ($p \leq 0{,}05$); серии 0 и серии 2 – для показателей активная агрессия, устранение ущерба ($p \leq 0{,}05$); серии 1 и серии 2 – для показателей активная агрессия, ассертивная реакция, бегство/уход из ситуации, устранение ущерба, пассивная агрессия ($p \leq 0{,}05$).

У девочек в возрасте 6–7 лет при сравнении моделей поведения серии 0 и серии 1 различия выявлены для модели устранение ущерба ($p \leq 0{,}05$); серии 0 и серии 2 – для показателей активная агрессия, пассивная агрессия, устранение ущерба, ассертивная реакция, бегство/уход из ситуации, подавленная агрессия ($p \leq 0{,}05$); серии 1 и серии 2 – для показателей активная агрессия и бегство/уход из ситуации ($p \leq 0{,}05$).

У девочек в возрасте 8–9 лет при сравнении моделей поведения серии 0 и серии 1 различия не выявлены ($p \geq 0{,}05$); серии 0 и серии 2 – различия выявлены для модели активная агрессия, пассивная агрессия

($p \leq 0{,}05$); серии 1 и серии 2 – для показателей активная агрессия, ассертивная реакция ($p \leq 0{,}05$).

У девочек в возрасте 10–12 лет при сравнении моделей поведения серии 0 и серии 1 различия выявлены для модели пассивная агрессия бегство/уход из ситуации ($p \leq 0{,}05$); серии 0 и серии 2 – для показателей активная агрессия, пассивная агрессия, устранение ущерба, бегство/уход из ситуации ($p \leq 0{,}05$); серии 1 и серии 2 – для показателей активная агрессия, бегство/уход из ситуации, устранение ущерба ($p \leq 0{,}05$).

Таким образом, после просмотра мультфильма, содержащего сцены насильственного характера, у мальчиков и девочек всех возрастных категорий усиливаются тенденции к активной агрессии, в то время как тенденции к подавленной агрессии, пассивной агрессии, бегство/уход из ситуации и ассертивная реакция уменьшаются.

Наказание. Обнаружены существенные различия в показателях наказания у мальчиков и девочек всех возрастных категорий (рисунок 36). При сравнении серии 0 и серии 1 как у мальчиков, так и у девочек всех возрастных категорий, различия в показателях наказания не выявлены ($p \geq 0{,}05$). После демонстрации мультфильма насильственного содержания при сопоставлении результатов серии 0 и серии 2, а также серии 1 и серии 2 были выявлены значимые различия в показателях наказания у школьников вне зависимости от возраста и пола ($p \leq 0{,}01$).

Следовательно, показатели наказания повышаются у мальчиков и девочек всех возрастных категорий после просмотра мультфильма, содержащего сюжеты насильственного характера.

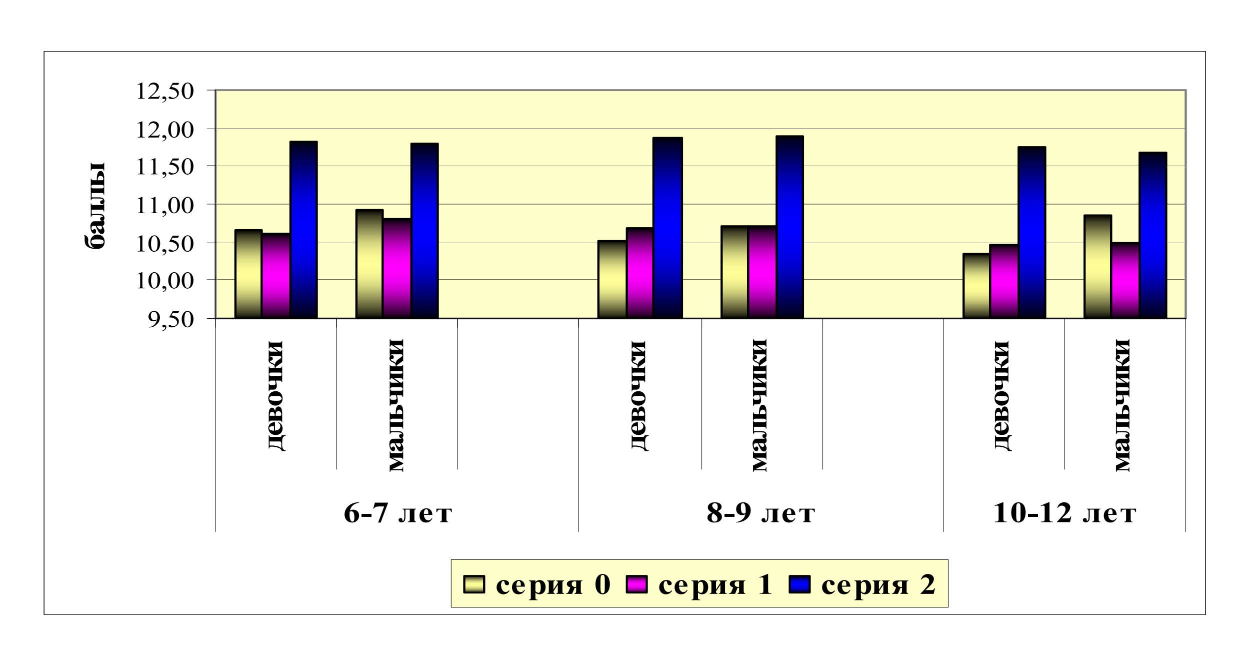

Рисунок 36 – Половозрастные различия в показателях наказания

В итоге можно заключить, что полученные результаты подтверждают гипотезу исследования, в соответствии с которой атрибуция враждебности у школьников вне зависимости от пола и возраста чаще наблюдается после просмотра сюжетов насильственного содержания в мультфильмах, чем после просмотра нейтральных, не содержащих сцены насилия мультфильмов. Данные нашего исследования согласуются с исследованиями, проводимыми К. Доджем [5]. В соответствии с его исследованиями, склонность к враждебной атрибуции формируется под влиянием многих факторов, таких как: наследственные факторы, семейные и социальные факторы. Вследствие этого нельзя утверждать, что только просмотр сцен насилия формирует атрибуцию враждебности, атрибуцию намеренности и модели поведения в ситуации провокации у детей. Необходимо комплексно рассматривать все возможные факторы. Также необходимо отметить, что после просмотра сюжетов насильственного содержания усиливается тенденция к проявлению открытой агрессии и снижается тенденция к проявлению подавленной агрессии. Такую закономерность можно объяснить феноменом катарсиса, механизмом, который позволяет детям дать безопасный выход своим подавленным агрессивным импульсам и эмоциям, что не позволяет им накапливаться и не приведет к неожиданным и аффективным вспышкам.

Таким образом, просмотр сюжетов насильственного содержания может привести как к негативным последствиям (усвоение агрессивных моделей разрешения межличностных конфликтов, интерпретация действий окружающих как враждебных и намеренных), так и позитивным последствиям (отреагирование агрессии, а также предотвращение накопления подавленной агрессии). В связи с этим возникает вопрос: если просмотр сюжетов насильственного характера имеет также и позитивные последствия, то какой группе детей можно рекомендовать просмотр таких мультфильмов для отреагирования подавленной агрессии, а какой группе детей такой просмотр противопоказан. Необходимо провести дополнительное исследования, которое бы выявило личностные характеристики детей, особенности социального окружения и другие факторы, которые позволяют использовать просмотр сюжетов насильственного содержания как профилактический метод.

Для установления взаимосвязи и влияния сцен насилия был проведен ковариационный и корреляционный анализ показателей общего индекса агрессивности, общей атрибуции враждебности.

Агрессивность. В результате проведенного ковариационного анализа была подтверждена гипотеза исследования о влиянии сцен насилия в мультфильмах на динамику агрессивности у школьников ($F = 834{,}1$ при $p \leq 0{,}01$, коэффициент детерминации $R = 0{,}351$). Следовательно, просмотр мультфильмов, содержащих сюжеты насильственного характера влияет на

общий индекс агрессивности школьников в период среднего детства. Полученные данные согласуются с результатами корреляционного анализа, в ходе которого была обнаружена значимая связь между показателем общего индекса агрессивности и сюжетом мультфильма ($r = 0,53$ при $p \leq 0,01$, средняя корреляция). Следовательно, чем больше мультфильм будет содержать сцены насилия, тем выше будет индекс агрессивности у школьников.

Также корреляционный анализ показал связь сюжета мультфильма со следующими характеристиками: *агрессивность* ($r = 0,49$ при $p \leq 0,01$), *указание* ($r = 0,59$ при $p \leq 0,01$), *увечность* ($r = 0,41$ при $p \leq 0,01$), *страх* ($r = 0,49$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, чем больше сцен насилия будет содержать мультфильм, тем больше после его просмотра ребенок будет проявлять агрессивные тенденции, доминантность и страх (рисунок 37).

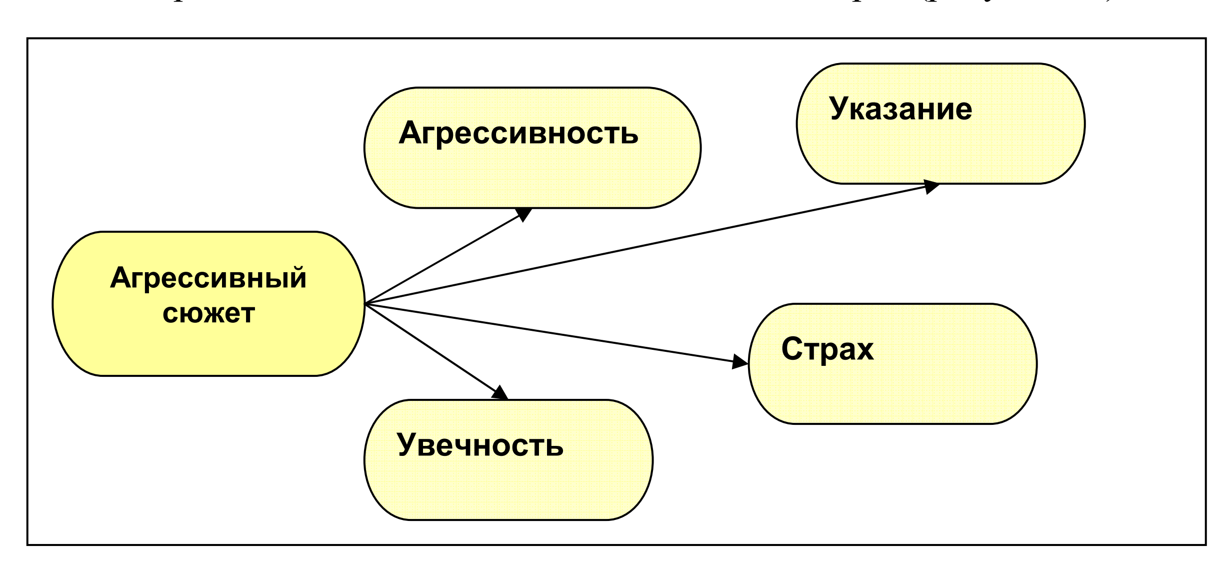

Рисунок 37 – Связь агрессивного сюжета с личностными характеристиками

Результаты исследования позволяют выделить определенные тенденции личности, которыми должен обладать ребенок, чтобы после просмотра сюжетов насильственного содержания у него повысился индекс агрессивности. Однако корреляционный анализ обнаруживает лишь существование связи между переменными, следовательно, не обязательно, чтобы для повышения уровня агрессивности после просмотра насилия в мультфильме дети обладали всеми вышеперечисленными тенденциями личности. Также следует отметить, что корреляция именно с этими личностными тенденциями (агрессивность, доминирование, страх) может быть объяснена следующими механизмами, которые действуют вследствие просмотра сцен насилия и жестокости на экране. А именно *моделирование* (по мере того, как ребенок смотрит агрессивные сцены на экране, он усваивает агрессивные модели поведения и реализует их в реальной жизни) и *катарсис*

(механизм, который позволяет детям дать безопасный выход своим импульсам и эмоциям, таким как страх, тревога, гнев).

Атрибуция. Ковариационный анализ влияния сцен насилия на атрибуцию школьников показал, что сюжет мультфильма влияет на показатели *атрибуции враждебности* ($F = 100,5$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,1$) и *атрибуции невраждебности* ($F = 106,1$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,11$); *атрибуции случайности* ($F = 143,658$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,13$) и *атрибуции намеренности* ($F = 143,658$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,113$); *активную агрессию* ($F = 114,88$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,05$); *пассивную агрессию* ($F = 49,99$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,02$); *подавленную агрессию* ($F = 10,511$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,01$); *ассертивную реакцию* ($F = 8,61$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,02$); *наказание* ($F = 80,01$ при $p \leq 0,01$, коэффициент детерминации $R = 0,082$).

Однако наиболее сильное влияние просмотр сюжета насильственного содержания оказывает на показатели атрибуции враждебности и невраждебности, показатели атрибуции намеренности и случайности, а также активную агрессию, в то время как влияние на такие модели поведения в ситуации провокации, как ассертивная реакция и подавленная агрессия, достаточно слабое.

Данные ковариационного анализа подтверждаются результатами корреляционного анализа (рисунок 38).

В частности, была обнаружена значимая связь между сюжетом мультфильма и следующими показателями: *атрибуция враждебности* ($r = 0,32$ при $p \leq 0,01$), *атрибуция невраждебности* ($r = -0,32$ при $p \leq 0,01$), *атрибуция намеренности* ($r = 0,37$ при $p \leq 0,01$), *атрибуция случайности* ($r = -0,37$ при $p \leq 0,01$). Следовательно, чем больше мультфильм будет содержать сцен насилия, тем чаще школьники будут склонны приписывать враждебные намерения другим, даже тогда, когда этих намерений в действительности не существует, а также считать, что окружающие совершают действия намеренно даже тогда, когда из ситуации это не вытекает. Однако существует лишь вероятность такой когнитивной оценки событий детьми, так как обнаружена лишь слабая корреляция показателей атрибуции враждебности и намеренности.

Также была обнаружена значимая связь сюжета мультфильма со следующими моделями поведения в ситуации провокации: *активная агрессия* ($r = 0,32$ при $p \leq 0,01$), *пассивная агрессия* ($r = -0,23$ при $p \leq 0,01$), *подавленная агрессия* ($r = -0,11$ при $p \leq 0,01$). Таким образом, чем больше школьник будет смотреть сюжеты насильственного характера, тем больше

вероятность того, что он будет склонен к проявлению активной агрессии и не склонен к проявлению пассивной и подавленной агрессии.

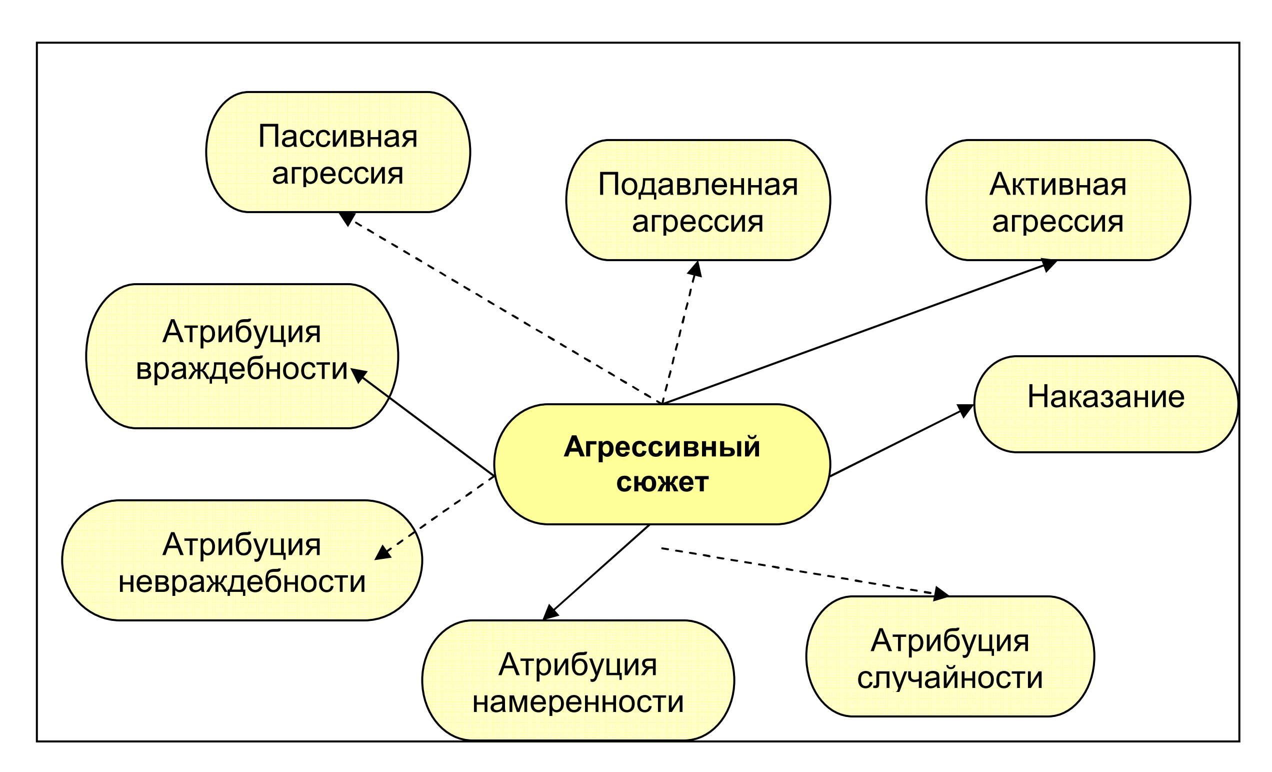

Рисунок 38 – Связь агрессивного сюжета с атрибуцией враждебности и моделями поведения

Более того, в результате статистического анализа была обнаружена связь между сюжетом мультфильма и показателями *наказания* ($r = 0,28$ при $p \leq 0,01$). Следовательно, чем больше школьник будет смотреть мультфильмы, содержащие сцены насильственного характера, тем более характерно для них будет намерение наказать окружающих за совершенные действия, вне зависимости от контекста ситуации.

Таким образом, дети, приписывая враждебные намерения другим, даже тогда, когда этих намерений в действительности не существует, определяют всю ситуацию следующим образом: провокационное действия другой человек совершает намеренно, он должен понести наказание за это действие независимо от контекста ситуации, и реакцией на это провокационное действие со стороны испытуемого будет открытая агрессия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. – СПб : Прайм-Еврознак, 2002. – С. 299–330.

2. Брайант, Д. Основы воздействия СМИ / Д. Брайант, С. Томпсон. – СПб. : Вильямс, 2004. – С. 193–211.

3. Bandura, A. Social learning and personality development / A. Bandura, R. Wal-ters. – New York : General Learning Press. – 1965. – P. 592.

4. Huesmann, L.R. Longitudinal relations between children's exposure to TV violence and their aggressive and violent behavior in young adulthood: 1977–1992 / L.R. Huesmann // Developmental Psychology. – 2003. – № 2. – P. 201–221.

5. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И.А. Фурманов. – СПб : Речь, 2007. – С. 87–112.

6. Крэйхи, Б. Социальная психология агрессии / Б. Крейхи. – СПб. : Питер, 2003. – С. 336.

7. Dodge, K.A. Social cogniton and children's aggressive responses / K.A. Dodge // Child Development. – 1980. – № 51. – P. 162–170.

8. Frodi, A. Are women always less aggressive than men? A review of the experimental literature / A. Frodi // Psychology Bull. – 1977. – № 84. – P. 634–660.

9. Osterman, K. Cross-cultural evidence of female indirect aggression / K. Osterman // Aggressive behavior. − 1998. − № 24. − P. 1–8.

Influence of violent cartoons on aggression and attribution of hostility in the middle childhood

The problem of the influence of violent cartoons on aggression and attribution of hostility is discussed. The results of an empirical study of the dynamics of aggression and attribution of hostility of pupils after watching violent scenes are given. It is shown that the level of aggressiveness increases, as well as the attribution of hostility occurs more often after watching the scenes of violence.

Keywords: attribution of hostility, aggression, violence in cartoon, simulation, catharsis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксючиц И.В. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета

Аладьин А.А. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы

Апанович М.В. – студентка Белорусского государственного университета

Басова А.Г. – магистрант кафедры психологии Белорусского государственного университета

Ван Чжэньлань – студентка Белорусского государственного университета

Воловикова В.В. – аспирант кафедры психологии Белорусского государственного университета

Гулис И.В. – преподаватель кафедры психологии Белорусского государственного университета

Даниленко А.В. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Дмитриева Д.Я. – кандидат психологических наук, практикующий психолог

Довнар А.Е. – магистрант кафедры психологии Белорусского государственного университета

Комарова Е.А. – аспирант кафедры психологии Белорусского государственного университета

Кузмицкая Ю.Л. – аспирант кафедры психологии Белорусского государственного университета

Кулинкович Т.О. – преподаватель кафедры психологии Белорусского государственного университета

Кухтова Н.В. – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин ИПКиПК Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Лагонда Г.В. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Лебедева Я.Е. – аспирант кафедры психологии Белорусского государственного университета

Медведская Е.И. – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Пархомович В.Б. – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии Академии последипломного образования

Погодин И.А. – кандидат психологических наук, доцент, докторант кафедры возрастной и педагогической психологии Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка

Ракитская А.В. – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

Семенов В.Н. – аспирант кафедры психологии Белорусского государственного университета, начальник управления судебно-психологических экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Стахейко Е.В. – магистрант кафедры психологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Фурманов И.А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Белорусского государственного университета

Шакунова И.М. – слушательница специальности переподготовки «Психология» Витебского государственного университета имени П.М. Машерова

Цыбаева Л.А. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии БрГУ имени А.С. Пушкина

Ящук С.Л. – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aksiuchyts I.V. – PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Aladyin A.A. – PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogical Skills of National Institute of Higher Education

Apanovich M.V. – Student of Belarusian State University

Basova A.G. – Master's Degree Student of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Danilenko A.W. – PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology of Brest State University named after A.S. Pushkin

Dmitrijeva D.J. – PhD in Psychology, Psychologist

Dovnar A.E. – Master's Degree Student of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Gulis I.V. – Lecturer of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Furmanov I.A. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Komarova E.A. – Postgraduate Student of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Kulinkovich T.O. – Lecturer of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Kukhtova N.V. – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Social and Economic Sciences and Humanities of the Institute for Staff Upgrading and Retraining of Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Kuzmitskaya YU.L. – Postgraduate Student of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Lagonda G.V. – PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology of Brest State University named after A.S. Pushkin

Lebedeva Y.Y. – Postgraduate Student of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Medvedskaya A.I. – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Psychology of Brest State University named after A.S. Pushkin

Parkhomovich V.B. – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Chair of Psychology of Academy of Postgraduate Education

Pogodin I.A. – PhD in Psychology, Associate Professor, Doctoral Student of the Chair of Developmental and Educational Psychology of Belarusian State Pedagogical University named after M. Tank

Rakitskaya A.V. – Senior Lecturer of the Chair of General and Social Psychology of Grodno State University named after Y. Kupala

Semenov V.N. – Postgraduate Student of the Chair of Psychology of Belarusian State University, Head of Forensic Psychological Examinations of State Committee of Forensic Examinations of the Republic of Belarus

Shakunova I.M. – Student of Vitebsk State University named after P.M. Masherov

Stakheyko E.V. – Master's Degree Student of the Chair of Psychology of Brest State University named after A.S. Pushkin

Tsybaeva L.A. – PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology of Brest State University named after A.S. Pushkin

Van Chzenlan – Student of Belarusian State University

Volovikova V.V. – Postgraduate Student of the Chair of Psychology of Belarusian State University

Yaschuk S.L. – PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology of Brest State University named after A.S. Pushkin

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

ДЕТЕРМИНАЦИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ 5
Аффективно-динамическая модель агрессивного поведения
(Фурманов И.А.) 5
Взаимосвязь эмоций, когниций и поведенческих реакций
в ситуации провокации агрессии *(Воловикова В.В.)* 20
Особенности мотивационных и когнитивных факторов у индивидов
с различным уровнем проявления агрессивных реакций
на фрустрацию *(Лебедева Я.Е.)* 29
Когнитивные модели детской агрессии и ее детерминант
в профессиональном сознании педагогов *(Медведская Е.И.)* 39
Агрессия в структуре адаптационного процесса
(Погодин И.А.) 47

АГРЕССИЯ И НАРУШЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ
В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 61
Мотивация употребления наркотиков у наркоманов
(Аксючиц И.В.) 61
Агрессия в служебных отношениях *(Гулис И.В.)* 72
Превенция социальных патологий в Польше
средствами научно-общественного движения *(Даниленко А.В.)*. 86
Идеальный руководитель в представлении специалистов
с разным профессиональным опытом *(Кулинкович Т.О.)* 93
Агрессивные тенденции больных с кожными и венерологическими заболеваниями *(Кухотова Н.В., Шакунова И.М.)* 106
Агрессия при переживании горя взрослыми детьми суицидентов *(Пархомович В.Б.)* 113
Синдром эмоционального выгорания у педагогов
с различным уровнем агрессивности *(Ракицкая А.В.)* 124
Структурная организация облигатных патопсихологических свойств
у преступников с диссоциальным расстройством личности
(Семенов В.Н.) 135
Аттитюды к проявлению насилия в социальных отношениях: разработка опросника насильственных установок
(Фурманов И.А., Апанович М.В.) 146
Специфика системы отношений взрослых, переживших в детстве жестокое обращение *(Ящук С.Л., Стахейко Е.В.)* 157

АГРЕССИЯ И НАСИЛИЕ

В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 165
Особенности внутрисемейных отношений у учащихся с деструктивной направленностью поведения *(Аладьин А.А.)* 165
Динамические характеристики личности женщин с насильственными и ненасильственными супружескими отношениями *(Дмитриева Д.Я.)* 176
Структура насильственных установок в юношеских романтических отношениях в зависимости от тактик поведения родителей в супружеском конфликте *(Комарова Е.А.)* 188
Диалогическое взаимодействие как условие предотвращения супружеской конфронтации *(Лагонда Г.В.)* 199
Гендерные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях *(Фурманов И.А., Ван Чжэньлань)* 206
Женщина как жертва насилия в супружеских отношениях: из опыта консультирования *(Цыбаева Л.А.)* 216

ШКОЛЬНОЕ НАСИЛИЕ 221
Феномен дисциплинирования и социализации агрессивного поведения школьников *(Кузмицкая Ю.Л.)* 221
Возрастные и половые различия в стратегиях поведения в конфликте школьников подросткового и юношеского возраста *(Фурманов И.А., Басова А.Г.)* 231
Влияние сюжетов мультфильмов насильственного содержания на агрессивность и атрибуция враждебности школьников в период среднего детства *(Фурманов И.А., Довнар А.Е.)* 240

Сведения об авторах 255

CONTENTS

Foreword 3

DETERMINING AGGRESSIVE BEHAVIOR 5
Affective-dinamic model of aggressive behavior
(Furmanow I.A.) 5
Correlations between emotions, cognitions and behavioral reactions
to the aggression provocative situations *(Volovikova V.V.)* 20
Peculiarities of motivational and cognitive factors of peple
with different level of aggressive reactions to frustration
(Lebedeva Y.Y.) 29
Cognitive models of child's aggression its reasons
in professional consciousness of teachers *(Medvedskaya A.I.)*. 39
Aggression in structure of adaptive process *(Pogodin I.A.)* 47

AGGRESSION & MISBEHAVIOR IN SOCIAL RELATIONS 61
Psychoactive substances abuse motives among youthful age drug addicts
(Aksiuchyts I.V.) 61
Workplace aggression *(Gulis I.V.)* 72
The prevention of social pathology in Polandby means of scientific
and social movement *(Danilenko A.W.)*. 86
Ideal leader in expectations of professionals with different professional
experience *(Kulinkovich T.O.)* 93
The aggressive tendencies of the patients with skin
and venereologic diseases *(Kuchtova N.V., Shakunova I.M.)*. 106
Aggression at grief experience grief of suicides'adult children
(Parkhomovich V.B.). 113
The syndrome of burnout among techers with different levels
of aggressiveness *(Rakitskaya A.V.)* 124
Structural organization of the obligate pathopsyhological properties
of criminals with anticocyal personality disorder *(Semenov V.N.)* 135
Attitudes toward violence in social relations development
of "Attitides tow ard violence questionnaire"
(Furmanov I.A., Apanovich M.V.) 146
Specifics of the adult relations of those who suffered from abuse
in childhood *(Yaschuk S.L., Stakheyko E.V.)* 157

AGGRESSION AND VIOLENCE IN FAMILY RELATIONS 165
Features of intrafamily relationships of students with destructively
orientated behaviour *(Aladyin A.A.)* 165

Dinamic characteristics of the personality of women with the violent and nonviolent matrimonial relations *(Dmitrijva D.J.)*. 176
Structure of violent attitudes in youthful romantic relations depending on tactics of parents behaviour in the matrimonial relations *(Komarova E.A.)* 188
Dialogical interaction as a preventiotal condition of spousal confrontation *(Lagonda G.V.)* 199
Gender differences in tactics of the parent-child conflict resolution in belorusian and chinese families *(Furmanov I.A., Van Chzhenlan)* 206
Woman as a victim of domestic violence in marital relationships *(Tsybaeva L.A.)* 216

VIOLENCE AT SCHOOL 221
The discipline and socialization of aggressive behavior of schoolchildren *(Kuzmitskaya Yu.L.)* 221
Age and gender differences in adolescents' conflict strategies *(Furmanov I.A., Basova A.G.)* 231
Influence of violent cartoons on aggression and attribution of hostility in the middle childhood *(Furmanov I.A., Dovnar A.E.)*. 240

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 255